

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

РИЧАРД
ФРИМЕН

ОКО ОЗИРИСА

Annotation

Люди не исчезают просто так. Особенно известные археологи. Сыщик доктор Торндайк уверен, что за исчезновением знаменитого британского знатока древностей мистера Джона Беллингэма кто-то стоит. Накануне археолог вернулся из Египта. И не с пустыми руками. Беллингэм привез с собой очень ценную коллекцию артефактов, среди которых были древняя мумия. И вскоре исчез... Что это? Действие проклятия фараонов или банальная человеческая алчность? Доктор Торндайк не верит в случайности и начинает опасное расследование, которое приводит к совершенно неожиданной развязке...

- [Ричард Остин Фримен](#)
 -
 - [Око Озириса](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Красный отпечаток большого пальца](#)
 - [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

Ричард Остин Фримен

Око Озириса

- © Depositphotos.com / LordG112, eleanor, rypsp, kaisorn4, обложка, 2019
- © Б. С. Акимов, перевод на русский язык, 2019
- © П. А. Моисеев, перевод на русский язык, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

Око Озириса

Глава 1

Исчезнувший человек

Своим преподавателем судебной медицины и токсикологии колледж при больнице Святой Маргариты мог по праву гордиться. Джон Ивлин Торндайк был не только энтузиастом и ученым с глубокими знаниями и отличной репутацией, но и талантливым учителем, поражавшим своим блестящим педагогическим стилем и необъятной эрудицией. Он как на ладони раскладывал перед нами, студентами, каждый любопытный казус, о котором говорил, и умело извлекал важные выводы из любого факта, имевшего судебно-медицинское значение, к какой бы области он ни относился: химии, физике, биологии, истории. Один из его любимых приемов с целью придания жизненности и интереса какому-нибудь скучноватому вопросу состоял в том, чтобы проанализировать современные газетные публикации. Именно поэтому я и окунулся в целое море удивительных событий, которым суждено было оказать огромное влияние на мою жизнь.

Лекция, которая только что закончилась, была посвящена вопросу нахождения человека в живых в определенное время. Многие студенты уже покинули аудиторию, а оставшиеся окружили столик преподавателя, чтобы послушать его дополнительные комментарии. Доктор Торндайк любил делать их в легкой непринужденной форме, прислонившись к столу и обращая свои замечания к кусочку мела, который держал в руке.

– Проблема нахождения в живых, – сказал он, отвечая на вопрос одного студента, – возникает в тех случаях, когда все заинтересованные стороны стремятся разрешить ее, но факт и время смерти жертвы по каким-то причинам невозможно установить. Затруднения возникают и в тех случаях, когда одна из сторон уклоняется от участия в расследовании, а факт смерти констатируется лишь на основании косвенных данных.

Главное здесь – последний момент, когда человек заведомо был жив. И тогда приходится учитывать детали самые тривиальные, как будто даже вовсе незначительные. Вот, допустим, случай из сегодняшней утренней газеты; он иллюстрирует мою мысль. Некий джентльмен исчез при довольно таинственных обстоятельствах. В последний раз его видела экономка его родственника, к которому он заходил. Теперь, если этот джентльмен нигде не обнаружится, неважно – живой или мертвый, то вопрос о последнем моменте его жизни окажется тесно связанным с другой

проблемой: была ли при нем, когда он явился к родственнику, одна ценная вещица, случайно найденная позже?

Торндайк прервался, задумчиво уставившись на кусочек мела, который по-прежнему сжимал в пальцах. Заметив живой интерес, с каким мы смотрели на своего преподавателя в ожидании дальнейших разъяснений, он продолжал:

– Обстоятельства этого дела крайне любопытны и загадочны. И если начнется следствие, ему придется распутывать сложный клубок. Исчезнувший господин – мистер Джон Беллингэм, хорошо известный в археологических кругах. Недавно он вернулся из Египта с ценной коллекцией древностей – некоторые из них он, кстати, пожертвовал Британскому музею, и они уже экспонируются. После этого он, кажется, отправился в Париж по своим делам. Дар его состоял из редкой мумии и погребальной утвари. Ее еще не доставили из Египта, когда Беллингэм поехал во Францию, а мумию четырнадцатого октября видели в доме коллекционера доктор Норбери, представитель музея, и Артур Джеллико, поверенный жертвователя. Последнему поручили проследить, чтобы футляр с мумией и прочие артефакты доставили в Британский музей, что Джеллико и выполнил.

Из Парижа Джон Беллингэм вернулся, по-видимому, двадцать третьего ноября и прямо с вокзала отправился к своему родственнику, некоему мистеру Джорджу Хёрсту, холостяку, проживающему в Элтеме. В его квартиру он прибыл в пять часов двадцать минут пополудни. Хёрст еще не возвратился из города и должен был появиться примерно через полчаса. Беллингэм назвал себя, сказал, что подождет хозяина в его кабинете и напишет несколько писем. Экономка провела его, усадила за стол, показала письменные принадлежности и оставила одного.

Без четверти шесть мистер Хёрст отпер парадный вход своим ключом и, прежде чем экономка успела ему что-либо сообщить, проследовал в кабинет и затворил за собой дверь.

В шесть часов, когда позвонили к обеду, Хёрст вошел в столовую и, увидев, что приготовлено два прибора, спросил, для кого второй.

«Я думала, сэр, что мистер Беллингэм останется обедать», – пояснила экономка.

«Мистер Беллингэм? – удивился хозяин. – Я не знал, что он приходил. Почему мне не сказали?»

«Я полагала, сэр, что вы вместе беседуете в кабинете», – стала оправдываться женщина.

Принялись искать гостя, но его нигде не было. Он исчез бесследно, и –

что особенно странно – экономка уверяла: он не мог выйти через парадную дверь. Они со служанкой долго стряпали на кухне, откуда калитка отлично видна, а потом экономка хлопотала в столовой, как раз напротив кабинета, и, конечно, заметила бы уход посетителя. В кабинете есть балкон, обращенный на небольшую лужайку недалеко от боковой калитки в переулок. Но неужели почтенный мистер Беллингэм, человек пожилой, вышагнул из дома через балконную дверь? Он же не мальчишка-сорванец? Тайна, покрытая мраком.

Наскоро пообедав, мистер Хёрст поехал в контору адвоката Беллингэма – Артура Джеллико и рассказал ему о странных обстоятельствах. Тот не знал о возвращении своего клиента из Парижа, и, побеседовав, они поездом отправились в Вудфорд, графство Эссекс, где жил брат египтолога, Годфри Беллингэм. Служанка впустила их и сказала, что хозяина нет дома, а его дочь в библиотеке – флигеле, расположенном в саду позади дома. Там джентльмены застали не только мисс Беллингэм, но и ее отца, который, оказывается, уже вернулся и незаметно вошел в библиотеку через калитку позади усадьбы.

Мистер Годфри и его дочь с удивлением выслушали от Хёрста неожиданную новость и заверили, что не видели Джона Беллингэма и ничего о нем не слышали, после чего все четверо направились в дом. В нескольких шагах от входа в библиотеку мистер Джеллико заметил в траве какую-то вещицу. Хозяин поднял ее, и присутствующие узнали в ней скарабея, которого египтолог обычно носил на цепочке от часов в качестве украшения – наподобие брелока.

Ошибка исключена: это настоящий, подлинный скарабей эпохи XVIII династии, изготовленный из лазурита, с изображением Аменхотепа III. В фигурке священного жука имелось отверстие, куда вправлялось тонкое золотое колечко, с помощью которого брелок-амулет надевался на цепочку, и это колечко, сломанное, валялось тут же. находка усилила таинственность инцидента, особенно когда в багажном отделении вокзала Чаринг-Кросс обнаружили чемодан с вензелем Д. Б. – инициалами хозяина. В регистрационной книге указывалось, что багаж сдан двадцать третьего ноября около времени прибытия континентального экспресса, после чего владелец чемодана, похоже, поехал налегке прямо в Элтем.

Вот такие дела, – подвел итог Торндайк, оглядывая студентов, – если исчезнувший джентльмен не появится и тело его не найдут, понадобится установить время, когда этого человека видели живым в последний раз. Что касается места, тут относительная ясность, и на этом мы не будем заострять внимания. Вопрос о времени куда важнее. Я уже говорил сегодня

на лекции: случилось, что доказанный факт нахождения человека в живых в определенное время обеспечивал претендентам законное вступление в права наследства.

Что же получается? Египтолога в последний раз видели в квартире мистера Хёрста двадцать третьего ноября в пять часов двадцать минут. Но, как выяснилось, он посетил и дом своего брата в Вудфорде. Там его никто не заметил, поэтому сейчас неизвестно, был он там *до* или *после* своего визита к Хёрсту. Если он заезжал к брату раньше, чем к Хёрсту, значит, двадцать третье ноября пять часов двадцать минут – последний момент, когда Беллингэм доподлинно был жив. Но если ученый навещал брата позже, то к указанному времени надо прибавить кратчайший срок, в который мистер Джон успел бы добраться из квартиры Хёрста в Элтеме в дом своего брата в Вудфорде. Тут мы и осознаем всю важность скарабея. Если он находился при Беллингэме, когда тот пожаловал к Хёрсту, нет сомнений: у Хёрста египтолог побывал раньше; если же скарабея при нем не было, значит, сперва он заезжал к брату в Вудфорд. Как видите, решение вопроса о допущении к правам наследства зависит от того, заметила экономка Хёрста у гостя цепочку со скарабеем или нет. А ведь, на первый взгляд, это не слишком значимый факт.

– Экономку допросили, сэр? – полюбопытствовал я.

– Судя по всему, нет, – ответил доктор Торндайк, – во всяком случае, в газете об этом не говорится, хотя статья подробная, в ней обилие всяких деталей, приведены даже планы обоих домов – в общем, она представляет большой интерес.

– В каком отношении, сэр? – задал вопрос один из студентов.

– Подумайте и обсудите. Я пока воздержусь от комментариев: мотивы поступков других людей – всегда загадка, и с ними надо обращаться осторожнее.

– В газете есть описание внешности пропавшего мужчины? – спросил я преподавателя.

– Да, причем исчерпывающее, настолько подробное, что я счел его некорректным, ведь мистер Беллингэм может оказаться живым и в самый неподходящий момент выступить на сцену. Между прочим, сообщается, что на груди у него татуировка – искусное изображение символического Ока Озириса, или Горуса (Гора), или Ра, как думают некоторые эксперты. Одним словом, найдись тело – опознать его не составит труда. Будем, однако, надеяться, что до этого не дойдет. А теперь мне пора, да и вам тоже. Купите этот номер газеты и внимательно ознакомьтесь с подробностями дела. Уверю, данный инцидент крайне любопытен, и

почти не сомневаюсь: мы о нем еще услышим. До свидания, господа!

По совету доктора Торндайка мы сейчас же всей гурьбой бросились к ближайшему газетчику, купили пачку экземпляров «Дейли телеграф» и задержались в лекционной аудитории, чтобы прочесть публикацию и обсудить все подробности, не особенно заботясь о деликатных моментах, которые так смутили нашего щепетильного учителя.

Глава 2

Подслушанный разговор

Правила хорошего тона требуют, чтобы воспитанные люди, знакомясь, называли свое имя. Поэтому представляюсь читателям: я – Поль Барклей, недавно получил степень бакалавра медицины и ныне занимаюсь врачебной практикой.

Однажды я замещал Дика Бернарда, в прошлом тоже выпускника колледжа при больнице Святой Маргариты; Дик долго болел, а потом отправился в морской круиз поправлять здоровье. Мне предстояло ехать в Невиль-корт к пациенту, проживавшему в доме номер сорок девять. Я понятия не имел, что это за местечко, и удивился, увидев множество симпатичных маленьких домиков, утопавших в залитой солнцем зеленой аллее. Я так залюбовался на эту красоту, что опомнился только когда потянул за шнурок дверного звонка. В тот же миг я увидел пониже табличку с надписью «Мисс Оман».

Дверь распахнулась, и низкорослая дама средних лет внимательно оглядела меня.

– Я, кажется, не туда попал? – пробормотал я, и прозвучало это, признаться, довольно глупо.

– Мне трудно вам ответить, – сухо произнесла женщина. – Мужчины нередко попадают не туда. Явятся, а потом сожалеют.

– Я вовсе не сожалею, – возразил я. – Одно то, что мне выпала честь познакомиться с вами...

– Что вам угодно? – прервала меня она.

– Видеть мистера Беллингэма.

– Вы – доктор?

– Да, именно.

– Поднимайтесь за мной. Только осторожно, тут окрашено.

Я пересек просторный холл и вслед за своей провожатой поднялся по крепкой дубовой лестнице, аккуратно ступая по узкой ковровой дорожке, расстеленной посередине ступенек. Когда мы очутились на втором этаже, мисс Оман отворила дверь и указала внутрь комнаты:

– Входите и подождите, пожалуйста. Я скажу ей, что вы здесь.

– Кому *ей*? – удивился я. – Я ведь объяснил: мне нужен мистер Беллингэм... – начал я, но дверь захлопнулась, и мисс Оман торопливо зашагала вниз по лестнице.

Я почувствовал себя неловко, потому что, хотя дверь была закрыта, из соседнего помещения до меня донесся разговор. Точнее, сначала я уловил только глухие звуки, потом отдельные фразы, и наконец кто-то сердито и властно произнес:

– Понятно, я все заранее предвидел и повторяю: это заговор! Мошенничество! Вот куда дело катится! Вы хотите обобратить меня!

– Что за выдумки, Годфри? – раздался спокойный уверенный голос.

Я принужденно закашлял и задвигал стулом по полу. Беседа за стеной продолжалась, правда, уже тише, и разобрать слов я не мог, в конце, однако, сердитый человек раздраженно крикнул:

– По какому праву вы меня обвиняете?! Вы намекаете, будто это я прикончил его!

– Вовсе нет, – послышался ответ. – Но ваше дело установить, что с ним произошло. Ответственность за это лежит на вас.

– На мне?! – взвизгнул первый голос. – А почему не на вас? Ваше положеньеце, если уж на то пошло, весьма щекотливое.

– Что?! – прогремел другой голос. – Вы утверждаете, что я убил своего брата?

Пока длился этот странный разговор, я растерянно стоял посреди комнаты, не зная, что делать, потом опустился в кресло и заткнул пальцами уши. Несколько минут я просидел в такой позе, когда внезапно услышал, как позади меня хлопнула дверь.

Я вскочил и смущенно обернулся (думаю, выглядел я в тот момент довольно смешно): передо мной стояла молодая, высокая, очень красивая девушка в темном платье. С достоинством, но холодно поклонившись мне, она промолвила:

– Извините, что вам пришлось ждать.

Мне показалось, что в уголках ее рта промелькнула ироничная улыбка, и я окончательно стушевался, вспомнив, в каком неловком положении меня застала эта особа. Я промямлил, что это не имеет значения, и начал расспрашивать ее о состоянии больного, как вдруг из соседней комнаты опять послышался резкий голос:

– Я не желаю даже слушать об этом! Черт возьми, да тут и вправду настоящий заговор!

Мисс Беллингэм – я понял, что это была она, – густо покраснела и, сдвинув брови, сделала несколько шагов к двери. В ту же секунду оттуда выскочил немолодой, щеголевато одетый мужчина среднего роста.

– Руфь! – воскликнул он. – Ваш отец с ума сошел! И впредь я отказываюсь общаться с ним.

– Вы сами приехали сюда. Он вас не приглашал, – холодно парировала мисс Беллингэм.

– Вот как?! – обиделся собеседник. – Я поступил так из великодушия, которое, к моему прискорбию, никто не оценил. Я старался сделать как лучше, но теперь умываю руки. Не надо провожать меня – я знаю дорогу. Прощайте!

Он покосился на меня, манерно поклонился девушке и выбежал из комнаты, хлопнув дверью.

– Извините нас за такой прием, – усмехнулась мисс Беллингэм. – Но вы – врач, вас, наверное, трудно чем-либо удивить. Пойдемте к пациенту. – Она открыла дверь, и я вошел в смежную комнату. – Вот новый посетитель, – сказала она кому-то. – Доктор...

– Барклей, – быстро добавил я. – Временно замещаю своего друга, доктора Бернарда.

Больной, симпатичной наружности мужчина лет пятидесяти пяти, сидел на постели, обложенный грудой подушек. Он протянул мне дрожащие пальцы, и мы обменялись слабым рукопожатием.

– Здравствуйте, сэр, – вяло произнес мистер Беллингэм. – Надеюсь, доктор Бернард в добром здравии?

– В общем, да, – уклончиво ответил я, – он отдыхает на Средиземном море. – Мы перебросились еще парой фраз, после чего я приступил к делу и спросил пациента: – Давно вы хвораете?

– Сегодня – тому ровно неделя, – сказал он. – Fons et origo mali¹ – кабриолет, опрокинувший меня посреди улицы напротив здания суда. Виноват, конечно, я сам, но мне от этого не легче.

– Вы сильно ушиблись?

– Нет, но повредил колено и испытал общее потрясение. Я ведь уже стар для таких передряг.

– Это случается со многими людьми.

– Не спорю, но в двадцать лет перенести подобную неприятность гораздо легче, чем в пятьдесят пять. Впрочем, колено, кажется, заживает – вы сами убедитесь, что я двигаю им свободно. Гораздо хуже – мои нервы. Я зол и раздражителен, как черт, и по ночам не могу нормально спать.

Мне вновь бросилась в глаза его дрожащая рука, и я удивился: неужели он изрядно выпивает? Не похоже...

– Вы много курите? – тактично осведомился я.

Он хитро взглянул на меня и усмехнулся:

– Вам не отказать в деликатности, доктор. Нет, я мало курю. Я сразу заметил, что вы разглядываете мою руку. Да, она дрожит, ничего

удивительного. И вы, врач, обязаны обратить на это внимание. Впрочем, такое состояние мне несвойственно, если я не взволнован. Но малейшее нервное возбуждение – и моя рука начинает трястись, как желе. А я только что имел неприятную беседу...

– По-моему, – вмешалась мисс Беллингэм, – теперь не только доктор Барклей, но и все соседи знают об этом.

Мистер Беллингэм сконфузился:

– Да, признаю, я дал волю своему темпераменту. Я слишком импульсивный старик, доктор, и, когда выйду из себя, веду себя подчас несдержанно.

– И чересчур громко, – добавила его дочь. – Доктор Барклей был вынужден заткнуть себе уши. – При этих словах девушка взглянула на меня, и какая-то искорка блеснула в ее грустных серых глазах.

– Мне жаль, дорогая, – примирительно произнес мистер Беллингэм, – обещаю: больше такое не повторится. Надеюсь, нашего сегодняшнего «гостя» мы видели в последний раз.

– Хочется в это верить, – покачала головой мисс Беллингэм. – Ладно, не буду вам мешать. Если понадобится, я в соседней комнате.

– Кабриолет, – заговорил мистер Беллингэм, как только его дочь вышла, – стал последней каплей. Он довершил то, что уже давно готовилось. За последние два года я испытал кучу всяких бедствий. Но не собираюсь надоедать вам подробностями своих личных трудностей.

– Меня интересует лишь то, что имеет прямое отношение к состоянию вашего здоровья, если, конечно, вы не сочтете нужным о чем-либо умолчать, – ответил я.

– Умолчать! – усмехнулся он. – Да все больные только и рады болтать о своих недугах! Но нравится ли это врачам?

– Я всегда внимательно выслушиваю своих пациентов.

– Ладно, – кивнул мистер Беллингэм, – я кое-что расскажу вам. Однажды ночью, около двух лет назад, я отошел ко сну состоятельным джентльменом с прекрасными видами на будущее, а утром проснулся почти нищим. Как вам такая перемена? Тем более в моем возрасте?!

– Это неприятно в любом возрасте, – вставил я.

– В тот самый день, – продолжал он, – я потерял своего единственного брата, с которым был очень дружен. Он пропал неизвестно куда, да вы, вероятно, слышали: газетчики разнесли об этом по всему свету.

Он вдруг покраснел, и я внезапно все понял. Еще когда я входил в этот дом, в моей голове слабо звучала какая-то струна памяти, а рассказ пациента воскресил мои воспоминания о загадочном исчезновении Джона

Беллингэма.

– Да, – подтвердил я, – припоминаю тот случай; о нем говорил на лекции наш преподаватель судебной медицины.

– Неужели? – удивился Беллингэм. – Что же он сказал?

– По его мнению, данный инцидент чреват многими юридическими осложнениями.

– Клянусь Юпитером, – приподнялся на своем ложе Беллингэм, – ваш наставник – пророк! Юридические осложнения? Да, их предостаточно! Но ручаюсь, даже ваш учитель не мог предвидеть, какой адский узел завяжется вокруг этого происшествия. Кстати, как зовут преподавателя?

– Доктор Джон Торндайк, – сообщил я с гордостью.

– Торндайк, – задумчиво повторил Беллингэм. – Я как будто слышал это имя. Ах да, о нем говорил мой друг мистер Марчмонт, юрист. Он упоминал Торндайка в связи с таинственным исчезновением некого Джеффри Блэкмора. Так вот, именно ваш учитель блестяще распутал это дело.

– Рискну предположить, что случай с вашим братом тоже заинтересовал мистера Торндайка, – заметил я.

– Не спорю, – последовал ответ, – но никто не вправе отнимать время у профессионала, а заплатить ему я не в состоянии. Кстати, я и вас, наверное, отвлекаю болтовней о своих проблемах.

– Не беспокойтесь, – заверил я его, – у меня сегодня мало визитов к пациентам, а ваше дело влечет меня еще со студенческой скамьи. Я покажусь слишком бестактным, если задам вопрос о характере юридических осложнений?

– Я мог бы поведать вам о них во всех подробностях, но тогда вам придется задержаться здесь до ночи, и домой вы вернетесь в полубезумном состоянии. К чему такие волнения? Сообщу вкратце: неприятности возникли в связи с завещанием Джона. Во-первых, оно не подлежит исполнению, поскольку факт смерти завещателя не доказан; во-вторых, даже если бы документ и утвердили, то все имущество моего брата перешло бы к людям, которых он вовсе не стремился облагодетельствовать. Я пришел к выводу, что завещание – дьявольски нелепый документ, составленный извращенно изобретательным упрямым. Вот и все. Так вы осмотрите мне колено?

Мистер Беллингэм так сильно встревожился, повествуя о своем деле, что в конце перешел едва ли не на крик; лицо его покраснело, руки задрожали. Я поспешил прервать беседу, осмотрел колено, которое и вправду выглядело почти здоровым, выписал необходимые рецепты и стал

прощаться.

– Вам нельзя волноваться, – сказал я, пожимая ему руку, – и никакого табака. Старайтесь жить спокойной, размеренной жизнью.

– Все это хорошо в теории, – проворчал он, – а если сюда и дальше будут приходить посторонние типы и выводить меня из себя?

– Не обращайтесь на них внимания, – посоветовал я и откланялся, заглянув перед уходом в соседнюю комнату.

Мисс Беллингэм сидела за столом с разложенными записными книжками в синих обложках. Две из них были открыты, и я заметил, что страницы убористо исписаны мелким, но разборчивым почерком. Когда я вошел, она поднялась и вопросительно посмотрела на меня.

– Я рекомендую вашему отцу какое-нибудь легкое чтение как средство против чрезмерного умственного возбуждения, – произнес я.

Она слабо улыбнулась:

– Конечно, это было бы неплохо. Что-нибудь еще?

– Да, нужно поддерживать его в бодром, веселом настроении и ограждать от забот и волнений, хотя, наверное, это трудно исполнимо.

– Увы, – покачала она головой, – людям в нашем положении не до веселья. Однако я согласна: нельзя распускать себя, как не надо и создавать себе лишних хлопот, которых и без того хватает. Вам трудно меня понять...

– Мне жаль, что я не могу вам помочь, но искренне надеюсь, что дела вашего отца скоро поправятся.

Она поблагодарила меня за визит, проводила до калитки, мы кивнули друг другу и простились с холодным рукопожатием.

Глава 3

Джон Торндайк

В один жаркий день в поисках тени и тишины я забрел в переулки старого Темпла и вдруг столкнулся лицом к лицу со своим товарищем по колледжу Джервисом, позади которого, глядя на меня со спокойной улыбкой, стоял не кто иной, как наш бывший преподаватель – доктор Джон Торндайк. Оба тепло меня поприветствовали, чему я весьма обрадовался, ведь Торндайк считался в нашем городе знаменитостью.

– Предлагаю выпить по чашке чаю у меня дома, – сказал Торндайк и, так как я охотно согласился, взял меня под руку; мы пересекли двор и медленно направились к зданию казначейства. – Не хотите оставить врачебную практику и тоже попробовать себя на юридическом поприще? – неожиданно спросил меня Торндайк.

– А что, Джервис, разве ты стал юристом? – воскликнул я не без удивления.

– Вот именно, черт возьми, – недовольно буркнул тот. – И теперь подвизаюсь при докторе Торндайке.

– Не слушайте его, Барклей, – вмешался Торндайк. – Он – мозг нашей фирмы, а я лишь придаю ей респектабельность и моральный вес. А вы чем занимаетесь?

– В данное время замещаю Бернарда. У него практика на Феттер-лейн.

– Да, я наслышан, – кивнул Торндайк. – Мы иногда встречаемся. Он плоховато выглядел в последнее время. Наверное, взял отпуск?

– Да, и отправился в круиз.

– Стало быть, в его отсутствие ты – главный районный врач? – уточнил Джервис. – Заважничал, наверное?

– Ничуть, да и практика у меня не такая уж обширная – район-то маленький. Я навещаю нескольких пациентов, хотя тут и амбулатория рядом. Кстати, хочу поведать вам об одном странном совпадении. По-моему, оно вас заинтересует. Вы, доктор, два года назад говорили нам на лекции в колледже об исчезновении египтолога Джона Беллингэма при весьма таинственных обстоятельствах. Помните?

– Конечно, отлично помню. И что?

– Его брат – мой пациент. Недавно я ездил к нему в Невиль-корт; он живет с дочерью, и, по-моему, оба бедны, как церковные крысы.

– Вот как? – удивился Торндайк. – Любопытно. Они, видно, потеряли

все свое состояние. У брата пропавшего Беллингэма ведь когда-то был собственный большой особняк...

– Какая у вас отличная память! – восхитился я своим учителем.

– А ты как думал! – воскликнул Джервис. – Доктор Торндайк напоминает мне судебно-медицинского верблюда. Глотает кучу фактов из газет и прочих источников, а потом часами с удовольствием пережевывает их. Замечательная привычка! Журналисты быстро забывают, о чем писали, а доктор Торндайк – никогда. Проходит год или два, и старое дело опять всплывает наружу. Тут-то, к нашему величайшему изумлению, и оказывается, что мистер Торндайк уже успел разобрать весь инцидент по косточкам. Еще бы! Ведь не зря все это время он пережевывал свою жвачку!

– Как видите, – улыбнулся мне Торндайк, – мой ученый собрат обожает сравнения и метафоры. Хотя они у него и туманные, по существу он прав. Давайте выпьем чаю, и вы подробнее расскажете нам о Беллингэмах.

Продолжая беседовать, мы подошли к дому, где жил Торндайк. В его просторной гостиной, стены которой украшали деревянные панели, мы застали расставлявшего на столе чайные чашки мужчину невысокого роста в аккуратном черном костюме. На слугу этот незнакомец не походил, а в его внешности и манерах замечалось что-то противоречивое. Спокойствие, выдержанность, серьезное умное лицо выдавали в нем человека интеллигентной профессии, но ловкие, проворные руки обличали умелого камердинера.

Торндайк быстро взглянул на поднос с чашками и воскликнул:

– Вы поставили три чашки, Полтон, это удивительно! Как вы догадались, что я приведу к чаю гостей?

Невысокий мужчина улыбнулся и как-то странно поморщился:

– Я случайно выглянул из окна лаборатории как раз в тот момент, когда вы, доктор, повернули за угол.

– Как все просто! – усмехнулся Джервис. – А мы полагали, что тут замешана чуть ли не телепатия.

– Простота – основа совершенства, сэр, – строго заметил Полтон, заканчивая сервировать стол, и моментально исчез.

– Что ж, вернемся к делу Беллингэма, – вздохнул Торндайк, разлив чай по чашкам. – У вас есть какие-нибудь интересные факты, касающиеся участников той истории? – обратился он ко мне. – Если, конечно, это не врачебная тайна...

– Две-три вещи могу сообщить со спокойной совестью, не причиняя

никому вреда, – ответил я. – Годфри Беллингэм, мой пациент, внезапно потерял все свое состояние, и случилось это примерно в то время, когда пропал его брат.

– Странно, – покачал головой Торндайк. – Почему Годфри вдруг обеднел? Вероятно, он регулярно получал от брата денежное вспомоществование?

– Не думаю, но и спорить не берусь. По-моему, причина бед – юридическая путаница. Это касается завещания, с которым возникла куча неприятностей и хлопот.

– Добиться утверждения завещания Годфри сейчас не сможет, – заверил Торндайк, – ведь несомненных доказательств смерти его брата не имеется, не так ли?

– Да, и это лишь первое из затруднений. Другое заключается в том, что в тексте завещания обнаружился некий роковой дефект. Какой конкретно, пока не знаю, но надеюсь рано или поздно выведать. Кстати, я упомянул мистеру Годфри о том, что вы, мистер Торндайк, интересуетесь этим делом, и мне кажется, что бедняга не прочь бы посоветоваться с вами, но у него нет денег.

– Это его слабое место, особенно если у других заинтересованных лиц денег достаточно. Судебная процедура требует затрат, и закон не считается с финансовыми проблемами сторон. Да, ваш пациент, Барклей, и впрямь в незавидном положении. Ему жизненно необходима консультация. Богаделен для неимущих истцов не существует, и только граждане со средствами способны позволить себе обращаться в суд. Конечно, мы могли бы помочь, но для этого надо хорошо знать и мистера Годфри, и все нюансы тяжбы. Ведь он, не дай бог, отъявленный негодяй?

Я вспомнил странный разговор, случайно подслушанный в комнатах Беллингэма, но счел себя не вправе рассказывать об этом, а ограничился общим замечанием:

– Он не похож на негодяя, но это мое мнение. На меня он произвел скорее благоприятное впечатление, в отличие от другого господина...

– Какого другого? – оживился Торндайк.

– Есть еще один человек, имеющий отношение к делу, но я забыл его имя. Я видел его там, в доме, и мне он совсем не понравился. По-моему, он хочет к чему-то принудить Беллингэма.

– Барклей, ты что-то от нас утаиваешь, – недоверчиво произнес Джервис. – Посмотрим в газетах, кто этот незнакомец. – Он взял с полки объемистую кипу материалов, разложил их на столе и принялся водить пальцем по указателю. – Доктор Торндайк, – пояснил он, – по крупицам

собирает все факты, из которых можно извлечь пользу, и надеется, что рано или поздно голова пропавшего египтолога отыщется в какой-нибудь мусорной яме... Ага, вот, нашел! Имя другого господина – Хёрст. Он, похоже, двоюродный брат исчезнувшего; в его квартире в Элтеме в последний раз видели Джона Беллингэма живым.

– Вы думаете, Хёрст в чем-то замешан? – нахмурился Торндайк, выслушав Джервиса.

– У меня есть подозрения на этот счет, – замялся я, – но определенно утверждать не могу.

– Вот что, – перебил меня Торндайк, – нам с Джервисом очень интересно, как продвигается процесс Беллингэма. И если мистеру Годфри понадобится мое неофициальное мнение, я не откажусь его высказать – ничего плохого в этом не вижу.

– Конечно, ваши советы будут ценны для него, тем более что другие участники тяжбы наверняка уже нашли себе адвокатов, – заверил я Торндайка и после небольшой паузы спросил: – А вы много размышляли над этим инцидентом?

– Нет, – задумчиво ответил он. – Однако я обратил на него внимание, когда в газетах появились первые публикации. Джервис прав: у меня выработалась привычка пользоваться любой свободной минутой, например, пока еду в поезде, для построения разных версий и теорий, способных пролить свет на какие-нибудь факты в тех запутанных делах, что попадают мне под руку.

– Значит, теория, объясняющая факт исчезновения Беллингэма, у вас тоже имеется?

– Даже несколько, и одна из них весьма правдоподобная. Вот почему я с нетерпением жду новых фактов, чтобы проверить свои умозаключения.

– Не пытайся что-нибудь выведать у доктора, – предупредил меня Джервис. – Мистер Торндайк снабжен неким клапаном одностороннего действия: внутрь ты можешь вливать любую информацию, но обратного хода до поры до времени не получишь.

– Мой ученый брат прав, – улыбнулся Торндайк. – Сами посудите, Барклей, в каком глупейшем положении я окажусь, если заранее во всех подробностях выскажу свое мнение о деле Беллингэма. Но мне любопытно ваше мнение, почерпнутое из газет.

– Ну вот! – воскликнул Джервис. – Я же говорил тебе: доктор хочет высосать наши мозги!

– Мои мозги, Джервис, – сухо возразил я, – высасывать бесполезно. С удовольствием отказываюсь в твою пользу. Ты – адвокат в полном расцвете

сил, а я всего-навсего районный врач.

Джервис тщательно набил трубку, закурил, затем выпустил тонкую струйку дыма и нехотя произнес:

– У меня нет прочного мнения по поводу исчезновения Беллингэма. Нет, и все тут. Любая догадка заводит меня в тупик.

– Бросьте, мой друг, – ухмыльнулся Торндайк, – вам просто лень объяснять, а Барклею непременно хочется оценить вашу проницательность. Но адвокат иногда и сам пребывает как в тумане, такое случается сплошь и рядом – признаваться в этом, конечно, не следует, нужно прятать сомнения под искусным словесным покровом. Вы ведь вдумчиво изучили дело Беллингэма и взвесили все факты и противоречия, так к чему скромничать?

– Ладно, – сдался Джервис, в легком раздражении продолжая попыхивать трубкой, после чего выпустил колечко дыма и начал: – Джон Беллингэм вошел в некий дом, прислуга провела его в некую комнату и оставила там. Никто не видел, как он вышел оттуда, но, когда потом открыли комнату, она была пуста. Больше этого человека никто не встречал – ни живым, ни мертвым. Таинственно, спору нет.

Возникает ряд предположений. Первое: имярек остался жив в той комнате или, по крайней мере, в доме; второе: он умер естественной или насильственной смертью и его тело спрятали; третье: он выбрался из квартиры никем не замеченным.

Рассмотрим первый вариант. Все произошло около двух лет назад, и Беллингэму не удалось бы скрываться живым в доме в течение такого длительного времени – он ведь не иголка, его бы обнаружили, та же прислуга при уборке комнат.

– Мой ученый собрат, – со снисходительной улыбкой прервал Торндайк молодого коллегу, – ведет следствие с некоторым легкомыслием. Но допустим, что Беллингэм не остался в доме живым.

– Хорошо, тогда не остался ли он там мертвым? Определенно нет. В газетах писали, что, как только его хватились, Хёрст вместе с прислугой тщательно обыскал весь дом. Таким образом, не имелось ни времени, ни возможности спрятать труп. Отсюда единственное разумное заключение: тела в квартире не было. К тому же, если допустить убийство, – а сокрытие трупа ведет к такому выводу, – возникает вопрос: кто убил Беллингэма? Явно не прислуга. Что до Хёрста, мы не знаем, каковы были его отношения с пропавшим родственником, – мне, к примеру, это неизвестно.

– Мне тоже, – кивнул Торндайк. – Кроме газетных сообщений и рассказа Барклея мы не располагаем никакими сведениями.

– Вот-вот. Вероятно, у Хёрста имелись основания для расправы над

двоюродным братом, но как это доказать? И, главное, у него, по-моему, не было ни времени, ни возможности убить. Ему пришлось бы куда-то спрятать тело, а потом избавиться от него. Как вы себе это представляете? Ведь не зарыл же Хёрст мертвеца в саду – в доме полно прислуги. Сжег? Но где? Единственный способ – расчленив труп и закопать фрагменты в разных укромных местах либо бросить в реку. Однако никаких останков за два года нигде не обнаружилось. Следовательно, у нас нет фактов, подтверждающих убийство в доме Хёрста. Эта версия исключается и тем тщательным осмотром, какой был произведен тотчас же, едва хватились потерявшегося египтолога.

Обратимся к третьему варианту: не покинул ли Беллингэм квартиру Хёрста тайком? Такие внезапные порывы свойственны импульсивным эксцентрикам. Но обладал ли интересующий нас джентльмен подобными качествами? Мы не уверены. К тому же миновали два года, а он так и не объявился. Если он потихоньку удрал из дому, то где-то прячется до сих пор. Зачем и от кого? Разве что он не в своем уме? На этот счет у нас тоже нет ни малейших данных.

Дело осложняет скарабей, найденный в усадьбе Годфри Беллингэма в Вудфорде. Значит, египтолог точно побывал там. Но к кому первому: Хёрсту или своему родному брату – он заезжал? Если скарабей находился при нем, когда он прибыл в Элтем, значит, Джон Беллингэм выскользнул из дома Хёрста незамеченным и отправился в Вудфорд. Но если скарабея не было, то ученый, по всей вероятности, поехал из Вудфорда в Элтем и пропал. Экономка Хёрста, вроде бы, не помнит, был при госте скарабей или нет. Как же поступить? Если бы мы рискнули выдвинуть обвинение в убийстве, – необдуманное, конечно, – то сочли бы более правдоподобным, что сначала Беллингэм посетил Хёрста, а потом своего родного брата, ибо так проще отделаться от тела. Никто не видел, когда мистер Джон входил в усадьбу, а если и проник, то через заднюю калитку, которая ведет к зданию библиотеки – флигелю в стороне от дома. Отсюда гипотеза: расправившись с братом, Годфри мог спрятать труп – времени ему хватало, а посторонних свидетелей не было. Заметьте, в доме Годфри никаких розысков не производили ни по горячим следам, ни впоследствии. Одним словом, если бы мы доказали, что исчезнувший господин покинул квартиру Хёрста живым и скарабей висел у него на цепочке, для Беллингэма дело приняло бы дурной оборот, как и для его дочери, – она наверняка пособничала бы отцу, решись он на убийство. Но вот в чем загвоздка! Нет никаких свидетельств, что пострадавший вышел от Хёрста живым, в противном случае... ну вот, мы опять пошли по замкнутому кругу! Какую гипотезу ни

прими, все они ведут в тупик.

– Вы мастерски изложили дело, дорогой друг, – резюмировал Торндайк, – только концовка прихрамывает.

– Чего же вы хотите? – посетовал Джервис. – Гипотез много, но какая из них верна? Понятия не имею, потому и «хромаю». Пока мы не узнаем подробности о заинтересованных сторонах, финансовых и прочих замешанных тут интересах, мы не продвинемся ни на шаг.

– Тут я с вами не согласен, – возразил Торндайк. – По-моему, данных у нас достаточно. Вы говорите, нельзя решить, какая версия справедлива. Однако если внимательно и вдумчиво прочесть отчет, становится ясно: все известные на данный момент факты ведут к одному и тому же объяснению. Я не претендую на его безошибочность – сейчас мы обсуждаем дело чисто теоретически, и я утверждаю: собранные нами сведения позволяют сделать определенный вывод. Вы хотите что-то сказать, Барклей?

– Да, я вынужден вас покинуть. Вечерний прием начинается в полседьмого.

– Понятно, – кивнул Торндайк. – Что ж, не будем отвлекать вас от служебных обязанностей, но непременно заходите к нам, когда хотите, как только закончите работу. Вы нам нисколько не мешаете, даже если мы будем заняты, а после восьми часов мы обычно свободны.

Я от души поблагодарил доктора Торндайка за радушный прием и приглашение и, попрощавшись с ним и Джервисом, отправился в амбулаторию.

Глава 4

Юридическая путаница

Задумавшись, я не заметил, как сделал большой крюк и опоздал на десять минут. Я ускорил шаг и с озабоченным хмурым лицом, будто только что от тяжелобольного, вбежал в дверь. Меня дожидалась всего одна пациентка, которая небрежно поздоровалась и недовольно произнесла:

– Ну наконец-то вы пожаловали!

– Да, мисс Оман, простите за опоздание. Чем могу служить?

– Ничем, – последовал ответ, – я наблюдаюсь не у вас, а у женщины-врача. Но я принесла вам письмо от мистера Беллингэма. Вот, возьмите. – И она сунула мне в руку конверт.

Я быстро пробежал листок глазами. Мой пациент писал, что провел две бессонные ночи и беспокойный день. «Не пропишете ли вы мне лекарство, чтобы я заснул?» – спрашивал он.

Я на минуту замешкался. Мы, врачи, неохотно назначаем пациентам снотворное, но бессонница всегда мучительна, и я решил отступить от правил и пока ограничиться небольшой дозой брома, а потом посмотреть, не нужны ли больному более сильные успокоительные средства.

– Пусть примет вот это лекарство, мисс Оман, – подал я ей пузырек, – а попозже я зайду к вам на дом.

– Он обрадуется, – закивала женщина. – Сегодня он в одиночестве; мисс Беллингэм отлучилась, и состояние у старика совсем подавленное. Но должна предупредить: он весьма стеснен в средствах. Извините, что заговорила об этом.

– Напротив, спасибо вам, мисс Оман, – ответил я. – Я зайду просто поговорить с ним.

– Милости просим, вы, я вижу, человек участливый, хоть и непунктуальный. – И, отпустив эту шпильку, мисс Оман заторопилась к выходу.

В половине девятого я поднялся по массивной темной лестнице дома вслед за мисс Оман, которая указывала мне дорогу. Мистер Беллингэм только что отобедал и сидел в кресле, сгорбившись и устремив мрачный взор на пустой камин. Когда я вошел, лицо его посветлело, но было заметно, что настроение у него неважное.

– Очень рад вас видеть, – сказал он, – хотя мне неловко беспокоить вас и отвлекать от вечернего отдыха.

– Помилуйте, какое беспокойство?! Я узнал, что вы коротаете нынешний вечер в одиночестве, вот и зашел немного поболтать с вами.

– Как вы любезны! – воскликнул он. – Вот только боюсь разочаровать вас. Человек, всецело занятый своими, да вдобавок неприятными делами, как собеседник обычно малоинтересен.

– Может, я мешаю, вам хочется побыть одному? Скажите прямо, – внезапно спохватился я, что явился не вовремя.

– Мне вы нисколько не мешаете, – рассмеялся он, – скорее, это я рискую наскучить вам до смерти, но если вы не возражаете, я хотел бы обсудить с вами кое-какие свои трудности.

– Я к вашим услугам, отбросьте все сомнения. Опыт другого человека всегда ценен, каким бы горьким он ни был. Помните мудрость? «Хочешь лучше узнать людей, изучай их!» Для нас, врачей, это особенно важно.

– Так я для вас вроде микроба? – усмехнулся Годффри Беллингэм. – Извольте; если желаете посмотреть на меня в микроскоп, я заберусь под стекло и сделаюсь покорным объектом ваших наблюдений. Правда, мое поведение вряд ли обеспечит вам достойный материал для психологических изысканий. Моя роль в основном пассивная, а Deus ex machina² – мой несчастный брат. Да-да, именно он из своей неведомой могилы управляет всеми нитями этой адской кукольной комедии.

Он умолк и некоторое время смотрел на камин, словно позабыв о моем присутствии, потом бросил на меня отстраненный взгляд и продолжал:

– Прелюбопытная история, доктор, ничего не скажешь. Середину ее вы слышали или читали о ней в газетах. А сейчас я расскажу вам все с самого начала, чтобы вы знали столько же, сколько и я. Что касается концовки, она неведома никому. Без сомнения, она написана в Книге судеб, однако эта страница еще не перевернута.

Начало всех бедствий – смерть моего отца, сельского священника-вдовца со скромным достатком и двумя детьми: Джоном, моим братом, и мной. Отцу как-то удалось пристроить нас обоих в Оксфорд. По окончании курса Джон поступил в министерство иностранных дел, а мне предназначалось духовное поприще. Но очень скоро я понял, что мои религиозные убеждения настолько изменились, что я не могу принять сан. Примерно в это время наш отец получил довольно неплохое наследство и вознамерился поровну поделить все свое имущество между братом и мной, поэтому я не особенно переживал, что у меня нет определенной профессии, которая обеспечивала бы кусок хлеба. У меня вспыхнула страсть к археологии, и я решил посвятить себя любимому занятию. В этом я следовал семейной традиции: мой отец увлекался историей Древнего

Востока, а Джон, как вам известно, был видным египтологом.

Спустя какое-то время отец внезапно скончался, не оставив завещания. Он давно собирался написать его, но все откладывал. Состояние его заключалось в основном в недвижимости, и мой старший брат унаследовал его почти целиком. Из уважения к известной ему воле отца Джон назначил мне ежегодную ренту в пятьсот фунтов стерлингов, что составляло около четверти его годового дохода. Я просил, чтобы брат сразу отчислил всю причитающуюся мне сумму целиком, но он отказался и отдал распоряжение своему поверенному выплачивать мне ренту поквартально до своей смерти. Джон обещал, что после его кончины имение перейдет ко мне, а если я умру раньше, то к моей дочери Руфи. Потом, как вам известно, мой брат внезапно исчез. Все обстоятельства указывают на то, что его уже нет в живых, поэтому его поверенный, мистер Джеллико, приостановил выплату моей ренты. Но никаких конкретных доказательств гибели Джона не существует, и завещание не может вступить в силу.

– А что за обстоятельства свидетельствуют о смерти вашего брата? – спросил я мистера Годфри.

– Он пропал в одночасье и бесследно. Его багаж нашли нетронутым на вокзале, вас это не удивляет? Кроме того, Джон получал жалованье от министерства иностранных дел, за которым приезжал лично, а если находился за границей, обязательно телеграфировал о себе, что жив и здоров. Брат слыл аккуратным и всегда являлся за деньгами в установленный срок или отправлял с необходимыми документами своего поверенного Джеллико. Но с момента таинственного исчезновения Джон ни разу не был на службе и не подавал никаких признаков жизни.

– Да, вы в незавидном положении, – посетовал я, – но почему бы вам не добиться в суде признания факта смерти? Тогда и завещание вступит в силу.

Мистер Беллингэм изменился в лице.

– Видите ли, – опустил он глаза, – мистер Джеллико, выждав некоторое время, не отыщется ли Джон, пригласил меня и других заинтересованных лиц к себе в контору ознакомить с завещанием. Меня оно как громом поразило, хотя брат, похоже, считал свои распоряжения правильными и само собой разумеющимися.

– А что не так? – любопытно спросил я в недоумении.

– Джон все запутал и сам создал препятствия к исполнению своей воли. Мы происходим из старинной лондонской семьи. Дом на Куин-сквер, где жил брат и где размещалась его коллекция древностей, принадлежал нашему роду на протяжении многих поколений. Почти все Беллингэмы

упокоились на кладбище Святого Георгия в Блумсбери. Джон – он, кстати, холостяк – чтит семейные традиции и оговорил в завещании, чтобы его погребли на том же кладбище рядом с предками или в пределах прихода церкви Святого Эгидия на Полях. Но вместо того чтобы просто поручить душеприказчикам выполнить его волю, он сделал этот пункт условием, от которого зависит все остальное.

– Что именно?

– Все свое состояние он завещал мне, а если я умру раньше, то моей дочери Руфи, но при одном условии: его должны похоронить там, где он пожелал. В противном случае основная часть его имущества отойдет к нашему двоюродному брату Хёрсту.

– Выходит, ни один из вас не получит наследство, поскольку тело вашего брата не обнаружено, – сказал я с грустной улыбкой.

– Ошибаетесь, – возразил Годфри. – Если Джон умер, то для всех очевидно, что его воля не выполнена: он не погребен ни на кладбище Святого Георгия, ни в приходе церкви Святого Эгидия. Это легко доказать по метрическим книгам. Значит, как только признают факт его смерти, почти всем его состоянием завладеет Хёрст.

– А кто душеприказчики?

– В том-то и загвоздка! – вскричал Беллингэм. – Их двое: один – Джеллико, а другой – главный наследник, то есть или Хёрст, или я – в зависимости от обстоятельств. До тех пор пока суд не решит, кто из нас законный наследник, ни я, ни мой кузен не считаемся душеприказчиками.

– Кто же тогда обратится в суд? Ведь это прерогатива душеприказчиков?

– В тот день, когда вы впервые зашли ко мне, мы с Хёрстом горячо обсуждали этот вопрос. Джеллико не желает действовать в одиночку, но в данный момент никто не имеет полномочий второго душеприказчика. Все зависит от того, как развернутся события и кому из нас – мне или Хёрсту – выпадет эта роль.

– Непростая ситуация, – покачал я головой.

– Еще бы! Вот почему двоюродный братец предложил мне сделку. Поскольку воля Джона относительно его погребения не выполнена (юридически это не оспоришь), то все состояние должно перейти к Хёрсту. Если я поддержу его и Джеллико в их ходатайстве о признании факта смерти и помогу им привести завещание в исполнение, то он, Хёрст, до конца моих дней обязуется выплачивать мне по четыреста фунтов в год. Причем данное соглашение не будет иметь обратной силы.

– Как это понимать?

– Если когда-нибудь тело Джона найдут и мы похороним его там, где он завещал, Хёрст тем не менее удержит все унаследованное имущество, а мне продолжит выплачивать условленную ренту.

– Черт возьми! – воскликнул я. – У вашего кузена губа не дура!

– Да, но он готов был делиться: четыреста фунтов в год пожизненно причитались бы мне.

– Так вы отклонили этот жест щедрости?

– Да, категорически, и дочь меня поддержала. Но я не уверен, что поступил правильно. Надо сто раз подумать, прежде чем сжигать свои корабли.

– Вы обсуждали эту проблему с мистером Джеллико?

– Мы побеседовали сегодня, но он очень осторожный человек и не советует мне ни того, ни другого. Я убежден, что он не одобряет мой отказ. По его мнению, синица в руках лучше журавля в небе, особенно если журавля даже не видно среди облаков.

– Джеллико вправе обратиться в суд без вашего разрешения?

– Уверяет, что нет, но мне кажется, если Хёрст начнет настаивать, то принудит его. Кроме того, мой кузен в качестве заинтересованной стороны может сам подать в суд, особенно после моего отказа. Таково мнение мистера Джеллико.

– Как все запутано! – поразился я. – Неужели поверенный вашего брата не объяснил ему, что он нелепо составил свое завещание?

– По его словам, он делал это неоднократно, даже умолял Джона написать завещание в другой форме. Но брат и слушать не захотел. Иногда бедняга бывал очень упрямым.

– А сейчас еще не поздно принять условия Хёрста?

– Я не хочу менять свое решение, и дело не только в моей вспыльчивости. Меня сердит и даже оскорбляет такая сделка. Между прочим, в последний раз Джона видели живым именно в квартире Хёрста. Впрочем, мне неловко озадачивать вас своими неурядицами и портить вам настроение, ведь вы пришли с дружеским визитом. Но я заранее предупредил вас обо всем.

– Честное слово, я заинтригован вашим делом, – признался я, ничуть не кривя душой.

– Моим делом? – усмехнулся Беллингэм. – Вы рассуждаете так, словно я – редкостный экземпляр умалишенного преступника.

– Я рассматриваю вас как главное лицо странной драмы, причем не я один. Может, вы помните, я говорил вам о докторе Торндайке?

– Конечно, помню.

– Сегодня я его встретил и взял на себя смелость упомянуть о нашем с вами знакомстве. По-вашему, я поступил неправильно?

– О нет! Почему бы вам не поделиться с ним? А он что, тоже помнит всю эту адскую историю?

– Да, во всех подробностях. Он энтузиаст и чрезвычайно интересуется тем, как продвигается ваш процесс. Могу ли я с вашего разрешения передать ему то, что вы мне сейчас сообщили? Для него важна данная информация.

Мистер Беллингэм призадумался, устремив взор на пустой камин. Потом быстро взглянул на меня и ответил:

– Делайте, как угодно. Это не тайна. Да будь и тайна, я ведь не единственный ее хранитель. Расскажите мистеру Торндайку все, что он пожелает услышать.

– Не беспокойтесь, он не нарушит вашу тайну, – заверил я мистера Годфри. – Он молчалив, как устрица. Но изложенные вами факты весьма ценны для него – в конце концов, он сформулирует для вас полезные указания.

– Я не собираюсь на дармовщину пользоваться его искусством, – с раздражением поджал губы мистер Беллингэм. – Я не из тех, кто попрошайничает ради того, чтоб получить чей-то совет, пусть даже самый профессиональный. Примите это к сведению, доктор.

– Конечно, я совсем не хотел вас обидеть... – забормотал я смущенно. – Не вернулась ли мисс Беллингэм? – поспешил я сменить тему. – Я слышал, как хлопнула парадная дверь.

– Да, похоже, это Руфь, но куда вы так торопитесь? Неужели вы ее боитесь? – усмехнулся он, увидев, как я поспешно хватаю шляпу.

Я не успел ответить, потому что в ту же секунду в комнату вошла дочь Беллингэма. Даже в своем поношенном темном платье и с потертым ридикюлем в руке выглядела она эффектно.

– Мисс Беллингэм, – обратился я, – мы немного поговорили с вашим батюшкой, но, кажется, я утомил его, он уже начал зевать; однако мне пора. Впрочем, светская беседа – хорошее средство от бессонницы, – добавил я в заключение.

– Мне неловко, – улыбнулась она, – словно я вас прогоняю.

– Вовсе нет, – заверил я. – Моя миссия окончена.

– Присядьте-ка на минутку, доктор, – попросил мистер Беллингэм, – и пусть Руфь приготовит лекарство. Она обидится, если вы убежите вот так сразу.

– Но из-за меня вы поздно ляжете спать, – попытался я оправдаться.

– Не беспокойтесь, я дам вам знать, когда захочу спать.

Я задержался и не пожалел об этом. Вскоре в комнату вошла мисс Оман с подносом; на ее лице сияла такая добрая улыбка, какую я от нее никак не ожидал.

– Выпейте какао, пока горячее, дорогая, и съешьте гренки, – ласково сказала она Руфи.

– Хорошо, Филлис, благодарю, – кивнула девушка, – только сниму шляпу.

Когда мисс Беллингэм уселась за свой скромный ужин, отец задал ей странный вопрос:

– Ты что-то сильно припозднилась, детка. Цари-пастухи доставили тебе много хлопот?

– Нет, – помотала она головой, – я решила нынче же покончить с ними, поэтому по пути домой зашла в библиотеку на Ормонд-стрит. – Она заметила мой изумленный взгляд и тихо рассмеялась: – Папа, мы не должны говорить загадками при докторе Барклее. Отец интересуется моей работой, – пояснила она мне.

– Видите ли, доктор, – объявил мистер Беллингэм, – Руфь – литературный сыщик.

– Не называй меня так, – запротестовала девушка, – это напоминает сыщиков из полиции. Я же – исследователь.

– Ладно, исследователь или исследовательница – как угодно. Руфь готовит библиографию для авторов будущих книг или статей. Она просматривает всю литературу по какой-то определенной теме и, составив списки, заметки и наброски, отправляется к своим клиентам и нагружает их полученными знаниями.

– Фу, папа, какое неприятное описание у тебя вышло! – нахмурилась Руфь. – Но по сути все верно. Я – литературный шакал, добывающий пропитание для литературных львов. Вы меня понимаете?

– Вполне, – ответил я. – Но при чем тут цари-пастухи?

– А, дело вот в чем: один почтенный архидиакон написал статью о патриархе Иосифе.

– Написал, не зная о нем ровно ничего! – вспыхнул мистер Беллингэм. – Какой-то более эрудированный специалист подставил ему ножку, и поделом...

– Нет, не так! – горячо возразила мисс Беллингэм. – Он знал столько, сколько полагается архидиакону, а другой ученый – гораздо больше. Поэтому архидиакон поручил мне составить полный список литературы о Древнем Египте конца XVII династии, что я и сделала. Завтра пойду к нему

и начину его добытой информацией, чтобы он...

– ...набросился на своего ученого оппонента, – подхватил мистер Беллингэм, – и заткнул его за пояс царями-пастухами, фараоном Секененрой и всяким сбродом времен XVII (Фиванской) династии. Готов наперед предсказать немалый переполох и занятную потасовку.

– Наверное, ты прав, стычки не избежать, – согласилась мисс Беллингэм и энергично принялась за гренки, запивая их какао, пока ее отец позевывал в кресле.

Я украдкой наблюдал за девушкой. Несмотря на бледность и усталый вид, она показалась мне красивой. В ее наружности проглядывала сила воли и характера, что выгодно отличало ее от заурядных женщин. Поужинав, она отодвинула поднос и, раскрыв потертый ридикюль, спросила меня, интересуюсь ли я историей Египта.

– У нас это какой-то фамильный недуг, – смущенно пояснила она. – Мы все с ума сходим по Египту!

– Я мало разбираюсь в древностях, – признался я. – Занятия медициной поглощают все мое время.

– Понятно. Нельзя быть специалистом во всех областях. Но если вы хотите подробнее узнать о профессии литературного шакала, я покажу вам свои заметки.

Я с готовностью согласился, и она извлекла четыре синие записные книжки, каждая из которых была посвящена одной из древнеегипетских династий: с XIV-й по XVII-ю. Медленно просматривая аккуратные выписки, мы принялись обсуждать запутанную историю этого периода и вскоре перешли на полусшепот, так как мистер Беллингэм задремал, откинувшись на спинку кресла. Когда мы добрались до Апопи, последнего гиксосского правителя, громкий храп прорезал комнатную тишину и заставил нас тихонько рассмеяться.

– Ваша беседа с отцом пошла ему на пользу, – прошептала девушка; я взял шляпу, и мы на цыпочках прокрались к двери. Руфь бесшумно отворила ее и выпустила меня, сказав напоследок: – Я искренне благодарна вам за заботу об отце. Ему очень нужно хорошенько выспаться. И вам спокойной ночи! – добавила она и почти по-дружески пожала мне руку.

Глава 5

Неожиданная находка

Практика доктора Бернарда, как и большинства врачей, была подвержена «приливам» и «отливам»: лихорадочная работа чередовалась с периодами почти полного бездействия. Один из таких перерывов наступил на другой день после того, как я посетил Невиль-корт, так что уже в полдвенадцатого я задумался, чем бы заняться. Я спустился к набережной и, облокотившись о перила, залюбовался противоположным берегом, серым каменным мостом с пролетами, живописной массой устремленных ввысь башен, притаившейся за ними громадой аббатства и церковью Святого Стефана.

Тихая умиротворяющая картина настроила меня на романтический лад. Мысли мои сначала обратились к Руфи Беллингэм, а затем к той истории с наследством, о которой мне поведал ее отец: нелепо составленное завещание, загнанный в тупик поверенный. Я понимал: за всем этим скрывается что-то странное, особенно если принять во внимание предложение мистера Хёрста. Но разобраться в этих хитросплетениях мне было не под силу – тут требовался юрист, причем опытный. Я решил сегодня же сходить к Торндайку и выложить ему все, что разузнал.

Далее произошло одно из тех совпадений, которым мы обычно удивляемся, хотя они так нередки, что вошли в поговорку. Вообразите: в тот же самый момент я заметил, что ко мне приближаются, прогуливаясь, Торндайк и Джервис. От неожиданности я чуть не раскрыл рот.

– Что с тобой Барклей? – участливо спросил Джервис. – У тебя такой вид, будто ты повстречал привидение.

– Вы не поверите, но прямо в эту секунду я думал о вас, профессор, и хотел пойти к вам, – признался я. – Это насчет Беллингэмов. Весь вчерашний вечер я провел у них.

– Есть свежие новости?

– Да, клянусь Юпитером! Беллингэм подробно рассказал мне про завещание. Презанятный документ!

– Он разрешил вам поделиться со мной?

– Я специально затронул эту тему, и он ответил, что не возражает.

– Ладно, мы идем завтракать в Сохо, потому что Полтон по горло занят. Присоединяйтесь, а по дороге мы вас выслушаем. Согласны?

Я кивнул, тем более что в тот день у меня не было ни одного визита к

пациентам. Мы не спеша направились по широкому тротуару, и я начал рассказ. Время от времени Торндайк прерывал меня и делал какие-то пометки в записной книжке.

– Чокнутый субъект, этот Джон Беллингэм! – воскликнул Джервис, когда я договорил. – По-моему, он нарочно все запутал. В его действиях прослеживается какая-то дьявольская изощренность, будто он хотел уничтожить собственные же распоряжения.

– Так часто бывает с завещателями, – спокойно отреагировал Торндайк. – Логичный и толковый документ – скорее исключение из правил. Но нам трудно судить о таких вещах, не ознакомившись с текстом. У мистера Годфри нет копии?

– Не знаю, – растерялся я, – спрошу у него.

– Если копия имеется, мне нужно прочесть ее, – сказал Торндайк. – Джервис прав: многие пункты сомнительны, но, может, они неверно записаны? Они подозрительным образом согласуются с обстоятельствами исчезновения. Вы обратили на это внимание?

– Знаю только, что Хёрсту на руку, если тело не найдут. Постараюсь раздобыть копию, хотя Беллингэм ужасно мнителен: он боится, как бы его не заподозрили в желании на даровщину воспользоваться чужим советом.

– Это делает ему честь, – улыбнулся Торндайк, – убедите его отбросить излишнюю щепетильность. Я уверен, у вас получится: они с дочерью к вам расположены, да и вы, по-моему, симпатизируете им.

– Они культурные люди, очень интересные, – отозвался я, – серьезно увлечены археологией. У них это в крови.

– Понятно, – кивнул профессор. – Однако этим пристрастием они обязаны скорее внешним обстоятельствам, чем наследственности. Ладно, так Годфри Беллингэм действительно вам нравится?

– Он немного ворчлив, раздражителен и легко поддается внезапным импульсам, но в целом человек воспитанный и приятный.

– А дочь? – вмешался Джервис. – Что за особа?

– Образованная девушка, составляет библиографии для авторов.

– Вот как! – поморщился Джервис. – Знаю эту породу. На подслеповатых глазах очки, пальцы в чернильных пятнах, невзрачная, с гладко зачесанными волосами и плоской грудью – в общем, кожа да кости.

– Ты ошибаешься! – простодушно вознегодовал я, мысленно сравнивая отвратительный набросок Джервиса с прелестным оригиналом. – Она красивая девушка с манерами настоящей леди. Иногда она чересчур сдержанна со мной, но ведь я почти посторонний для них человек.

– Я не о том спрашиваю, – упорствовал Джервис. – Какая она собой?

Маленькая? Толстая? Рыжая? Опиши ее внешность.

– Рост примерно пять футов семь дюймов, стройная, с отличной фигурой и прекрасной осанкой. Волосы темные, длинные, густые, эффектная прическа на прямой пробор. Цвет лица немного бледный, глаза глубокие, темно-серые; брови густые, носик точеный, рот небольшой, губы пухлые, подбородок слегка закруглен. Чему ты улыбаешься, Джервис?

– С тобой все понятно, господин районный врач, – ухмыльнулся мой собеседник, потирая руки от удовольствия. – Ну что же, профессор, – весело обратился он к Торндайку, – если копия этого завещания существует, считайте, она уже у нас.

– Я тоже полагаюсь на Барклея, – спокойно ответил Торндайк. – Но давайте прервемся и поедим.

Он отворил стеклянную дверь ресторанчика, и мы вошли, вдыхая аппетитный аромат свежеприготовленного мяса. За завтраком мы проговорили еще часа полтора, после чего распрощались возле здания суда. Торндайк приглашал меня к себе в любой день, не важно, добуду я копию завещания или нет, а Джервис со смешком прибавил:

– Заходи вечером после работы, если, конечно, тебе не поступит более заманчивое предложение от какой-нибудь интересной особы.

Расставшись с ними, я отправился беспорядочно бродить по улицам и незаметно для себя очутился на углу Феттер-лейн. Грубоватый голос над самым ухом вспугнул меня и вывел из глубокой задумчивости:

– Ужасная находка в Сидкапе!

Я вздрогнул и отшатнулся – выкрики мальчишек-газетчиков всегда действовали мне на нервы, но мое раздражение вмиг сменилось любопытством, когда я увидел на первой полосе броский заголовок: «Ужасная находка на грядках...».

Я купил газету и, сунув ее под мышку, побежал в амбулаторию, рассчитывая быстро прочесть нашу шумевшую публикацию. Увы, весь вечер ко мне непрерывно шли пациенты, и я едва не забыл о газете. Я вспомнил о ней лишь тогда, когда, закончив вечерний прием и вымывшись горячей водой с мылом, сел за ужин. Я тут же достал газету из ящика письменного стола, куда сунул впопыхах, развернул и погрузился в чтение, попутно заглатывая пищу.

Репортер не поскупился на подробности, а издатель, сочтя материал сенсационным, щедро отвел под него несколько колонок. От страшного заголовка «Ужасная находка на грядках в Сидкапе» мне стало не по себе. Я прочел следующее:

«Вчера в поместье Сидкап, графство Кент, во время чистки грядок с кресс-салатом и другими листовыми овощами случайно обнаружены фрагменты человеческого тела. Грядки разбиты на плодородном участке земли вблизи небольшой речки – одного из притоков Крэя, – орошающей здешние луга, где почти круглый год пасутся стада овец, курчавых жертв человеческой плотоядности.

Несколько лет назад овец поразил мор, вызванный печеночной двуусткой. Было установлено, что возбудители болезни – личинки двуустки – вместе с поедаемой травой проникали в кишечник, печень и желчные протоки животных, поражая органы и приводя к летальному исходу. Болезнь прогрессировала, угрожая полностью истребить все поголовья графства, поэтому мистер Джон Беллингэм, сквайр, принял серьезные меры, поручив своему поверенному внести в договора особый пункт, согласно которому фермеры обязаны следить за состоянием арендуемых огородов и пастбищ, а если потребуется, привлечь специалистов-паразитологов.

В последние два года арендные договора не заключались, однако фермеры, как и предписывалось, регулярно производили надзор за грядками и пастбищами. Вчера после полудня один из арендаторов, занимаясь осмотром и чисткой грядок, случайно заметил поблизости, в прибрежном овраге, плавающие в воде кости. Когда овраг расчистили от водорослей и корней, на заболоченном дне показались останки человеческой руки. Срочно вызванные инспектор полиции и районный врач Кента констатировали следующее: найден скелет левой руки с отсутствующей фалангой безымянного пальца. Останки переданы в морг для дальнейшего исследования; река, овраг и окрестности тщательно осмотрены. Согласно заключению доктора Брандона, рука принадлежала пожилому мужчине ростом около пяти футов восьми дюймов.

Наш репортер задал доктору Брандону несколько вопросов:

– Отсутствие безымянного пальца на руке неизвестного – врожденный анатомический дефект или палец был ампутирован?

– Однозначно ампутирован. Если бы его не было от рождения, то недоставало бы и соответствующей кости руки. Между тем ее структура полностью соответствует норме.

– Сколько времени кости пролежали во влажной среде?
– Более года. На них не осталось ни следа мягких тканей.
– Каким образом, по вашему мнению, кости оказались в овраге?

– На этот вопрос ответят криминалисты.

– Вам известно, что поместье принадлежит мистеру Джону Беллингэму, который два года назад пропал при невыясненных обстоятельствах?

– Да, я читал об этом в газетах.

– Вы допускаете, что это рука мистера Беллингэма, а палец ему отрезали?

– Расследовать преступления – обязанность полиции.

Добавим, что в настоящее время полицией Кента ведутся активные поиски других останков погибшего. Если кто-либо из наших читателей случайно слышал о пропаже мужчины или заметил что-то необычное, просьба немедленно сообщить в редакцию или в полицию».

Я отложил газету и задумался. Статья сильно взбудоражила меня. Вероятно, репортер прав: обнаружены останки левой руки Джона Беллингэма. Но куда подевался палец? Сразу после таинственного исчезновения египтолога ни одна газета не писала об отрезанных пальцах или других увечьях. С другой стороны, откуда бы газетчики узнали об этом, ведь труп так и не нашли? За неимением фактов строить догадки было бесполезно. Я рассчитывал в ближайшие дни навестить Торндайка и обсудить с ним страшную находку в Сидкапе, о которой только что прочитал. С этой мыслью я встал из-за стола и пошел прогуляться по Флит-стрит, прежде чем засесть за вечерние занятия.

Глава 6

Экскурс в египтологию

Проходя около десяти часов утра мимо овощной лавки, я увидел там мисс Оман. Она тоже заметила меня и помахала мне рукой, в которой держала большую луковицу. Я приблизился, приветливо улыбаясь.

– Хорошая луковица, мисс Оман. Вы, наверное, хотите подарить ее мне?

– Вот еще! С какой стати? Вы, мужчины, нередко переоцениваете свое обаяние.

– Мужчины? – Я вскинул брови, изображая удивление. – Речь идет всего лишь о луковице...

– Хватит, – огрызнулась она. – Не запутывайте меня и не болтайте вздор. Вы – взрослый человек, к тому же врач. Серьезная профессия обязывает к благоразумию.

– Согласен с вами, – смиренно начал я, но она перебила:

– Я только что заходила к вам в амбулаторию.

– Зачем? Вы ведь лечитесь не у меня? Или ваша женщина-врач вас больше не устраивает?

Мисс Оман стиснула свои красивые белые зубки и прошипела:

– Я насчет мисс Беллингэм...

Всю мою задиристость как рукой сняло.

– Надеюсь, она не заболела? – встревожился я, а мисс Оман криво усмехнулась:

– Нет, но порезала руку, причем правую. Для мисс Беллингэм болеть – непозволительная роскошь. Она привыкла трудиться, много писать, и правая рука – ее основной рабочий инструмент. Вы бы зашли и подлечили бедняжку.

Мисс Оман тотчас скрылась в глубине лавки, а я быстро зашагал в амбулаторию, чтобы взять необходимые инструменты и поехать в Невиль-корт.

Дверь мне отворила горничная мисс Оман. Годфри Беллингэм отсутствовал, а его дочь была дома. Я поднялся по лестнице; Руфь с забинтованной правой рукой, похожей на белую перчатку для бокса, дожидалась меня на верхней площадке.

– Как хорошо, что вы пришли! Филлис, то есть мисс Оман, сделала мне перевязку, но я хотела бы, чтобы вы посмотрели, все ли в порядке.

Мы направились в гостиную. Я принялся раскладывать на столе медицинские принадлежности, попутно расспрашивая пациентку о том, что с ней случилось.

– Такая досада! И как не вовремя! – поморщилась она.

– Почему не вовремя?

– Потому что у меня сейчас срочная и важная работа. Одна ученая дама-историк пишет книгу и поручила мне собрать все данные об Амарнских письменах. Понимаете? Тель-Эль-Амарнский архив – собрание переписки на глиняных табличках, восходящее к эпохе фараона Аменхотепа IV.

– Ну, не беспокойтесь, рука скоро заживет, – заверил я девушку.

– Как скоро? Работа не терпит отлагательства. Через неделю, не позже, я должна представить все необходимые выписки. Что теперь делать? Почему мне так не везет?

Я снял повязку и осмотрел рану. На ладони зиял глубокий порез, чуть не задевший артерию. Шевелить рукой мисс Беллингэм не могла, и на заживление раны требовалось, очевидно, не менее пяти дней.

– Пожалуйста, подлечите, чтобы я нормально держала перо, – попросила она.

– Нет, мисс Беллингэм, – покачал я головой. – У вас опасная рана. На ладонь я наложу твердую лубковую повязку. Не спорьте. Риск здесь не уместен.

– Господи! Я не выполню работу и сорву заказ. Клиентка из-за меня вовремя не закончит рукопись. Это катастрофа! Я неплохо знаю историю Древнего Египта, и мне обещали хорошо заплатить за мой труд. А теперь все пропало... – твердила она, едва не всхлипывая.

Я методично бинтовал руку, от всего сердца сочувствуя бедняжке. Я понимал, что непредвиденная травма означала для этой девушки серьезные денежные потери. Достаточно было взглянуть на ее выцветшее темное платье, чтобы убедиться, что семья испытывала нужду. Я почти уверил себя, что Беллингэмам предстоят какие-то экстренные расходы, – настолько сильно переживала Руфь. Внезапно меня озарила удачная мысль.

– Вашей беде можно помочь, – сказал я и в ответ на ее вопросительный взгляд добавил: – Прошу вас хорошенько обдумать мое предложение.

– Я вас внимательно слушаю, – прошептала девушка.

– Еще учась в колледже, я освоил стенографию. Пишу я, правда, не с молниеносной скоростью репортера, но все-таки довольно быстро, в том числе под диктовку. У меня бывает по несколько свободных часов, обычно

от полудня до шести вечера или до полседьмого. Вы могли бы по утрам ходить в музей и библиотеку, выбирать книги, отыскивать нужные материалы и делать закладки – правая рука при этом не особенно утруждается, – а я приходил бы к вам после двенадцати. Вы зачитывали бы мне нужные фрагменты, а я – стенографировал их. За два часа мы успевали бы столько же, сколько вы прежде – за целый день.

– Вы на редкость добры, доктор Барклей, – улыбнулась она. – Я не вправе отнимать у вас свободное время и никогда не соглашусь на это, но высоко ценю ваше участие.

Я был обижен ее категорическим отказом, но продолжал слабо настаивать.

– Пожалуйста, соглашайтесь. Что вас смущает? Что мы недостаточно хорошо знакомы? Вы считаете мое предложение дерзким по отношению к вам как к девушке? Но будь на вашем месте мужчина, я поступил бы точно так же, и он принял бы мою помощь как нечто вполне естественное.

– Сомневаюсь. Во всяком случае, я не мужчина, хотя иногда мне очень хочется им быть.

– Вы гораздо лучше в облиии женщины! – воскликнул я с такой горячностью, что мы оба рассмеялись.

В эту минуту в гостиную вошел мистер Беллингэм с увесистой стопкой новых книг, перетянутых ремешком.

– Вот тебе на! – удивился он. – Я смотрю, вам нескучно. Доктор и пациентка хохочут, как школьники. Что вас так развеселило? – Он положил связку на стол, и я вкратце объяснил ему, над чем мы смеялись. – Доктор Барклей прав, – сказал он дочери, – оставайся, детка, тем, кем ты родилась, то есть женщиной. Бог знает, какой бы из тебя вышел мужчина!

Видя, что мистер Годфри в хорошем настроении, я рискнул рассказать ему о своей идее насчет стенографирования, чтобы заручиться его поддержкой. Он внимательно и с явным одобрением выслушал и спросил Руфь, почему она возражает.

– Это доставит уйму работы доктору Барклею, – ответила она.

– Это доставит ему уйму удовольствия, – заверил я их обоих.

– Я бы на твоём месте подумал, прежде чем отказываться, – строго произнес мистер Беллингэм. – Или ты боишься быть обязанной доктору Барклею и поэтому упрямишься?

– Вовсе не поэтому, – покраснела она.

– Тогда не артачься. Добрый человек предлагает тебе помощь. Все в порядке, доктор. Руфь согласна. Ты меня слышишь, детка?

– Хорошо, отец. Спасибо вам, доктор. – И лицо ее озарилось улыбкой,

которая сама по себе являлась для меня наградой.

Мы условились, где и когда встретимся, и я, как на крыльях, устремился в амбулаторию, чтобы закончить утренние дела и распорядиться насчет завтрака.

Часа через два я подошел к дому мисс Оман и застал Руфь в саду. Она прохаживалась по дорожкам с потертым ридикюлем в руке. Я предупредительно взял у нее сумочку, и мы вышли из калитки, сопровождаемые ревнивым взглядом хозяйки.

Привратник, сидевший в маленькой стеклянной будочке при входе в библиотеку, привстал, внимательно оглядел нас и пропустил в вестибюль, откуда мы прошли в огромный читальный зал круглой формы.

– Какой план на сегодня? – спросил я, когда мы заняли свободные места. – Посмотрите каталоги?

– Нет, я давно это сделала, все карточки у меня в сумочке. Книги заказаны и уже ждут нас.

Я положил свою шляпу и перчатки Руфи на полку, и мы направились к стойке за книгами. Это был счастливейший день в моей жизни. Два с половиной чудесных, ничем не омраченных часа я провел за удобным, обитым кожей столом, быстро водя пером по страницам записной книжки. Это занятие ввело меня в новый мир, в котором самым причудливым, невероятным и восхитительным образом переплетались наука и любовь.

Разумеется, до того дня я почти ничего не смыслил в древней истории. Об Аменхотепе IV я знал только, что он фараон, хеттов я считал мифическим, неизвестно где обитавшим народом, а клинописные таблички – ископаемыми «сухарями», служившими пищей разве что доисторическим страусам.

Теперь все изменилось. Мы уселись рядышком на скрипящие стулья, и, по мере того как Руфь Беллингэм шепотом (разговаривать в читальном зале строго запрещалось) повествовала мне о событиях той беспокойной эпохи, разрозненные обрывки моих знаний постепенно складывались в созвучия, чтобы потом слиться в единую гармоничную симфонию. За два с половиной часа мы проштудировали шесть объемистых томов, сделав все необходимые выписки.

– Все оказалось даже лучше, чем вы обещали, – прошептала Руфь. – Мне потребовалось бы два дня усидчивой кропотливой работы, чтобы осилить тот объем, что мы выполнили менее чем за три часа. Я, право, не знаю, как вас благодарить.

– Ну что вы! Я занимался с огромным удовольствием, эта работа полезна для моего развития. Что у нас дальше? Закажем книги на завтра?

– Да, я составила список. Пойдемте к каталогу, я отыщу номера и попрошу вас выписать карточки.

Отбор и заказ новых книг занял у нас еще четверть часа, после чего мы вернули дежурному библиотекарю те тома, которые прочли, и направились к выходу.

– Куда теперь? – спросила она, когда мы вышли из ворот, возле которых стоял на посту полицейский.

– Здесь недалеко есть уютная молочная, можем выпить по чашечке ароматного чая.

Она немного замялась в нерешительности, но потом послушно пошла со мной; вскоре мы уселись за маленький мраморный столик и принялись обсуждать все интересное, о чем прочли в библиотеке.

– Вы давно этим занимаетесь? – спросил я за чаем.

– Как профессией – всего два года, с тех пор как наше финансовое положение резко пошатнулось. Но я и раньше часто ходила в музей и библиотеку вместе с дядей Джоном, тем самым, который исчез, и помогала ему отыскивать разные нужные сведения. Мы были большими друзьями.

– Я слышал о его учености.

– Да, для коллекционера-любителя он был весьма образованным человеком, посещал египетские отделы всех музеев мира, читал научные труды. Он имел глубокие знания по истории Древнего Египта, но в первую очередь его интересовали вещи, а не события. Таковы, наверное, все коллекционеры.

– Что же станет с его коллекцией, если он умер?

– Согласно завещанию, большая часть ее перейдет в Британский музей, остальное он отписал своему поверенному, мистеру Джеллико.

– Мистеру Джеллико? Вот как?! Зачем поверенному египетские древности?

– Он тоже египтолог, причем рьяный. У него прекрасное собрание скарабеев и разных мелких вещиц, которые удобно хранить в частном доме. По-моему, увлечение Египтом и сблизило его с моим дядей. Кроме того, мистер Джеллико – отличный юрист, осмотрительный и умный.

– Судя по завещанию вашего дяди, это не так.

– Нет, тут мистер Джеллико не виноват. Он упрашивал дядю разрешить ему заново написать завещание, составив более грамотный текст. Но, по его словам, дядя Джон ни в какую не согласился. Он был упрямым, это общеизвестно. В итоге мистер Джеллико снял с себя ответственность, то есть умыл руки, хотя до сих пор говорит, что завещание дяди – бред сумасшедшего, и мы с отцом того же мнения. Вчера

я вновь перечитала этот странный документ и совершенно не понимаю, как здравомыслящий человек мог нагородить такой огород.

– Значит, у вас есть копия? – оживился я, вспомнив просьбу Торндайка.

– Да. Желаете сами убедиться, что там полный вздор?

– Мне хотелось бы показать текст доктору Торндайку, – объяснил я. – Он мой бывший преподаватель, замечательный специалист. Он дал бы вашему отцу полезные рекомендации, но для этого ему непременно нужно своими глазами увидеть копию завещания.

– Я не возражаю, – пожала плечами Руфь, – но отец не любит, как он выражается, выклянчивать чужие советы.

– Ему ничего не придется выклянчивать. Доктор Торндайк независимо ни от кого интересуется вашим делом, причем с самого начала. Он энтузиаст и хочет бескорыстно помочь вам. Он даже просит об этом.

– Понятно, постараюсь уговорить отца. Если он согласится, я пришлю или принесу вам копию нынче же вечером.

Я оплатил счет, и мы вышли.

– Что все-таки за человек был ваш дядя? – спросил я, когда мы свернули в тихий переулок. – Не сочтите меня назойливым, но я никак не могу нарисовать его живой образ в своем воображении – получается какая-то мистическая абстракция, неизвестная величина юридического уравнения.

– Дядя Джон имел непростой характер, – задумчиво произнесла девушка, – его считали упрямым, своенравным и властным. Некоторые его причуды шокировали окружающих.

– Именно такое впечатление и производит его завещание.

– Не только оно. Возьмем, к примеру, ренту, которую он назначил моему отцу. Это не только нелепость, но и несправедливость. Родным братьям полагается поделить родительское состояние поровну, как и хотел мой дед. Заметьте, дядя Джон вовсе не был скупцом, но он всегда предпочитал поступать по-своему, и никак иначе, невзирая на обстоятельства и чье-либо мнение. Приведу один любопытный пример его странности и упрямства. Пустяк, но красноречивый. В его коллекции хранилось красивое кольцо эпохи XVIII династии. Предположительно оно принадлежало матери Аменхотепа IV, царице Тие. Я не согласна с этой версией, так как на кольце было изображено Око Озириса, а Тия, как вам известно, поклонялась Атону. Дядя Джон, питавший какую-то противоестественную страсть к мистическому Оку Озириса, заказал одному умелому ювелиру две точные копии с древнего кольца: одну для себя, а другую – для меня. Ювелир, само собой, пожелал снять мерку с

наших пальцев, но дядя Джон решительно запротестовал. «Кольца, – заявил он, – должны быть точными копиями, то есть непременно таких же размеров, как оригинал». Вы представляете себе, что получилось? Кольцо оказалось мне слишком велико, и я не стала его носить, а кольцо дяди Джона еле-еле налезло ему на палец, так что, однажды надев, он уже не мог его снять. Носил он его на левой руке, поскольку пальцы у него там были тоньше, чем на правой, – это врожденная особенность.

– Значит, вы ни разу не надели свое кольцо?

– Нет. Я хотела его переделать, но дядя энергично восстал и не позволил, поэтому я спрятала украшение от греха подальше, и оно до сих пор лежит у меня в футляре.

– Упрямый старик, – заметил я.

– А какой упорный! Он измучил моего отца всякими бесполезными перестройками и переделками нашего фамильного дома, потому что вздумал разместить там свою коллекцию. Мы питаем к этому дому особое чувство. Наши предки жили в нем еще со времен королевы Анны, когда появилась вот эта площадь ее имени. Наш милый старый дом! Хотите посмотреть? Он тут, недалеко.

Я с радостью согласился. Будь это угольный сарай или рыбная лавка, я и то с удовольствием пошел бы туда, лишь бы продлить нашу прогулку. Но этот дом действительно притягивал меня, так как имел отношение к загадочно исчезнувшему Джону Беллингэму.

Мы спустились по тенистой западной стороне улицы. На полпути моя спутница остановилась.

– Вот он, – указала она рукой на старое здание. – Ныне мрачный и заброшенный, раньше он выглядел восхитительно, и мои предки любовались из окон живописными холмами Хэмпстеда и Хайгейта.

Дом показался мне зловещим. Все окна, начиная с подвального этажа и заканчивая чердаком, были закрыты ставнями. Я не заметил ни малейших признаков жизни. Массивная металлическая дверь в глубине портала местами проржавела и покрылась слоем копоти, словно от пламени факелов, которые несли лакеи, освещая путь какой-нибудь знатной леди из рода Беллингэмов, когда она поздно ночью возвращалась с бала в раззолоченных одеждах.

Всю дорогу домой Руфь молчала в задумчивости, я тоже. У меня создалось ощущение, будто душа пропавшего Джона Беллингэма вырвалась из старого дома его предков и теперь неотступно следовала за нами. Когда мы подошли к воротам Невиль-корта, мисс Беллингэм протянула мне руку:

– Огромное спасибо за помощь. Разрешите мне забрать сумочку?

– Да, пожалуйста, только выну записные книжки.

– Зачем? – опешила она.

– Как зачем? Ведь должен же я расшифровать свои записи.

На ее лице появилось выражение крайнего смущения. От неожиданности она даже забыла высвободить руку.

– Боже! – воскликнула она. – Как глупо с моей стороны! Что я натворила, доктор Барклей?! Ведь вы потратите на меня кучу времени!

– Ничего не поделаешь, – улыбнулся я. – В противном случае мои заметки совершенно бесполезны.

– Господи, мне страшно неловко. Право, бросьте эту затею!

– Нет, я не хочу, чтобы наше сотрудничество на этом закончилось, – заявил я трагическим тоном, сжимая ее руку. Тут только Руфь спохватилась и быстро высвободила ладонь. – Мы же не допустим, чтобы пропал целый день работы? – продолжал я. – Поэтому до свидания, до завтра. Я постараюсь пораньше прийти в читальный зал, а вы не забудьте карточки... и копию завещания для доктора Торндайка, хорошо?

– Разумеется. Если отец разрешит, я пришлю ее вам еще вечером.

Она передала мне записные книжки, снова поблагодарила и вошла во двор.

Глава 7

Завещание

Работа, за которую я взялся с такой готовностью, и вправду оказалась адской. На расшифровку текста, который я стенографировал в течение двух с половиной часов, при средней скорости около ста слов в минуту понадобилась уйма времени. Я торопился успеть к завтрашнему утру и, едва вернувшись в амбулаторию, уселся за письменный стол, разложил перед собой стенограммы и принялся старательно записывать текст четким разборчивым почерком. Вскоре, однако, занятие стало доставлять мне удовольствие: я словно слышал знакомый нежный шепот, а фразы, которые диктовала мне Руфь, воскрешали в памяти приятно проведенные минуты. Да и сам предмет заинтересовал меня. Я чувствовал, что переступаю порог нового мира, который был ее миром. Моим пациентам, в тот вечер отвлекавшим меня от новой важной миссии, явно не повезло: я не мог уделить им должного внимания и раздражался по пустякам.

Дело шло к ночи, а копию завещания мне так и не прислали, и я подумал, что щепетильность мистера Беллингэма перевесила его благоразумие. Однако ровно в половине восьмого в амбулаторию вошла мисс Оман с видом важным и суровым; в руке она держала синий конверт.

– Это от мистера Беллингэма, – объявила она. – Тут, кажется, записка.

– Разрешите прочесть ее, мисс Оман?

– Господи помилуй! – воскликнула посетительница. – Да что ж еще с ней делать? Ведь я для того ее и принесла.

Я вынул клочок бумаги и быстро пробежал текст: в нескольких словах мистер Беллингэм разрешал мне показать копию завещания (она лежала в конверте) доктору Торндайку. Подняв глаза, я заметил, что мисс Оман неодобрительно смотрит на меня.

– Вы, кажется, из кожи вон лезете, чтобы понравиться семейству? – ехидно спросила она.

– Я со всеми стараюсь быть обходительным. Такой у меня характер.

– Да уж, – фыркнула она. – Сахар Медович. – Затем с любопытством взглянула на разложенные записи: – Ого! У вас новая работа? Наверное, куда перспективнее врачебной? Похоже, вы стоите на пороге больших перемен.

– Приятных перемен, мисс Оман. Человек стремится к счастью, что вполне естественно. Вам известны философские труды Уотса?

– Я позволю себе дать вам один совет, – сжала она губы в ниточку. – Не позволяйте праздной руке бездействовать дольше, чем это необходимо. Всякие лубки, перевязки и прочее счастья не прибавляют. В общем, вы меня поняли.

Я растерялся, и, прежде чем успел что-либо возразить, она, воспользовавшись приходом очередного пациента, прошмыгнула в дверь и поспешно покинула амбулаторию.

Вечерний прием закончился в полдевятого. Я решил, не откладывая, доставить завещание Торндайку – поручить это кому-либо постороннему я не мог. Сунув конверт в карман, я зашагал в сторону Темпла.

Часы на здании казначейства пробили три четверти, когда я постучал тростью в дубовую парадную дверь. Ответа не последовало. Я оглядел фасад и не заметил света в окнах. Я уже вознамерился пройти через двор и подняться в лабораторию на втором этаже, как вдруг услышал шаги и голоса на каменной лестнице.

– Доброй ночи, Барклей, – громко произнес Торндайк, – что ж вы ждете у двери, словно пери у райских врат? Полтон сейчас наверху, колдует над одним из своих изобретений. Если в другой раз парадную дверь вам не откроют, смело поднимайтесь и стучитесь в лабораторию: по вечерам он всегда там. Какие новости? Боже мой! Я вижу у вас в кармане уголок синего конверта. Копия завещания?

– Она самая, – подтвердил я не без гордости.

– Что я говорил? – возликовал Джервис. – Я точно знал, что Барклей ее раздобудет, если только она вообще существует на белом свете.

– Вы настоящий провидец, мой ученый собрат, – пошутил Торндайк и спросил у меня: – Вы сами ознакомились с этим документом?

– Нет, даже не вынимал из конверта.

– Ладно, прочтем все вместе. Интересно, насколько завещание соответствует оценке мистера Годфри? Может, несостоявшийся наследник преувеличивает абсурдность распоряжений своего брата?

Торндайк поставил на удобном от лампы расстоянии три кресла и пригласил нас садиться. Джервис, следивший за его приготовлениями, улыбнулся и театрально провозгласил:

– Час настал! Доктор Торндайк предвкушает наслаждение. Ведь чем запутаннее завещание, тем большее удовольствие получит наш ценитель. Вот если бы еще обнаружился след мошенничества...

– Не уверен насчет запутанности и мошенничества, – спокойно заметил я, передавая конверт доктору. – Я слышал, что текст довольно короткий и не содержит никаких двояких смыслов.

– Копия вполне надежная, – сказал Торндайк, бегло просмотрев документ. – Она сделана Годфри Беллингэмом, сличена с оригиналом и заверена в установленном порядке. Давайте закурим и начнем. Читайте вслух, Джервис, а я попутно буду делать выписки. За работу, господа!

Он взял бювар, мы, расположившись в креслах, зажгли трубки, Джервис развернул завещание и, откашлявшись, приступил к чтению.

Завещание состояло из трех пунктов. Согласно первому, поверенному завещателя, мистеру Джеллико, отписывалась в его полную собственность коллекция древнеегипетских печатей и скарабеев, а также сумма в две тысячи фунтов стерлингов, Джорджу Хёрсту – в пять тысяч фунтов, а Годфри Беллингэму – все остальное движимое и недвижимое имущество. Пункт второй ставил условием получения Годфри Беллингэмом наследства погребение его брата, Джона Беллингэма, на одном из поименованных кладбищ двух приходов. Пункт третий предписывал в случае невыполнения второго передать долю наследства, предназначенную Годфри Беллингэму, его двоюродному брату Джорджу Хёрсту.

– Все, – закончил Джервис, – больше тут ничего нет. Мне доводилось видеть немало идиотских завещаний, но этому нет равных. Как же привести его в исполнение? Один из двоих душеприказчиков – чистая абстракция, что-то вроде алгебраической задачи, не имеющей решения.

– Думаю, эта трудность преодолима, – вмешался Торндайк.

– Каким образом? – удивился Джервис. – Если тело захоронят в определенном месте, то душеприказчиком станет мистер А, если в другом месте – то мистер В. Но тело вообще не найдено, и где оно – ни одна живая душа не имеет ни малейшего понятия.

– Не совсем так, – возразил Торндайк. – Теоретически тело, конечно, может находиться где угодно на земном шаре, но реально – в пределах или вне пределов двух приходов. Если труп погребли в их границах, данный факт нетрудно установить, просмотрев записи о похоронах, начиная с того дня, когда пропавшего видели живым в последний раз. Если факт погребения в одном из этих двух приходов не подтвердится, то есть не отыщется свидетелей и отметок в регистрационных книгах, суд примет это как доказательство того, что погребение не совершалось, значит, тело лежит в каком-то другом месте. В итоге Джордж Хёрст станет вторым душеприказчиком и унаследует все имущество покойного.

– Неутешительная перспектива для ваших друзей, Барклей, – сказал Джервис, – ведь почти невероятно, чтобы Джона Беллингэма похоронили, да еще на тех кладбищах, где он указал.

– Да, – нахмурился я. – Сомневаться не приходится. Но какая

бессмыслица! Положим, своенравному человеку хотелось упокоиться в одном из облюбованных им мест, но зачем увязывать с этим и ставить под удар благополучие своего брата и племянницы? Жестоко, по-моему.

– Я согласен с вами, – кивнул Торндайк. – Это завещание не только запутывает юристов, но и вызовет подозрения у криминалистов, поскольку завещатель внезапно исчез и два года о нем ни слуху ни духу. В целом же документ кажется мне знаменательным, и я уверен, что Беллингэм привлекал очень хитрого адвоката.

– Мистер Джеллико не одобрял это завещание, – вмешался я. – Наоборот, он энергично возражал и предлагал его изменить.

– Я не забыл об этом, – ответил Торндайк, – но давайте сначала обсудим все пункты. Первое, что бросается в глаза, – чудовищная несправедливость. Все наследство Годфри зависит от того, где похоронят его старшего брата. Между тем удовлетворение этого требования далеко не во власти Годфри. Завещатель мог утонуть в море, сгореть при пожаре, погибнуть в горах или песках, уехать за границу и умереть там, быть похороненным в таком месте, где трудно отыскать его могилу. Подобных вариантов много, не говоря уже о том случае, который произошел в действительности. Но если бы тело и обнаружили, возникает еще одно затруднение. Кладбища вышеупомянутых приходов давно переполнены и много лет как закрыты; без особого разрешения там нельзя осуществить захоронение, даже если тело кремировано. Во всяком случае, Годфри Беллингэму пришлось бы туго, возмись он улаживать эти дела. Любая неудача, отказ – и он лишается наследства, обрекается на нищету.

– Этот покойник настоящий злодей! – вознегодовал я, вскакивая с кресла.

– Вот именно, особенно учитывая абсурдность двух других пунктов, – продолжал Торндайк. – Посудите сами: завещатель желает быть погребенным в определенном месте и оставить родному брату крупное наследство. Выполнение своей воли он возлагает на Годфри, при этом не давая ему никаких полномочий и возводя на его пути непреодолимые препятствия. До тех пор пока Годфри не сделается душеприказчиком, он не имеет власти, чтобы привести завещание в исполнение, а пока все условия не будут выполнены, он не душеприказчик.

– Полная чушь, – поморщился Джервис.

– Тело Джона Беллингэма не нашли, но где-то ведь оно зарыто? Оно же не лежит на поверхности земли, иначе за два года кто-нибудь наткнулся бы на останки. Однако вероятность того, что оно упокоилось на тех кладбищах, которые назначил завещатель, ничтожна. В таком случае

условия второго пункта в настоящее время не выполнены, следовательно, Джордж Хёрст автоматически становится душеприказчиком.

Но выполнит ли Джордж Хёрст условия второго пункта? Вероятно, нет. Зачем это ему? В завещании на данный счет нет никаких указаний. Покойный возложил эти обязанности на Годфри. Более того, если Хёрст вмешается в погребение, он перестанет быть душеприказчиком и потеряет наследство в семьдесят тысяч фунтов стерлингов. Естественно, он и пальцем не пошевелит. Что же получается? Воля завещателя выполняема лишь в двух случаях: 1) если он умрет в одном из здешних приходов; 2) если его тело вскоре после смерти доставят на одно из кладбищ этих приходов. Умри он в любом отдаленном месте, его бы и похоронили там, то есть его воля была бы нарушена, а его родной брат остался бы ни с чем.

– Что, если Джон Беллингэм все-таки не придавал этим пунктам столь сурового значения? – ухватился я за соломинку и посмотрел на доктора, но он покачал головой:

– Давайте рассуждать, апеллируя к тексту. Он завещает пять тысяч фунтов стерлингов своему кузену Джорджу Хёрсту в случае, если будет выполнен второй пункт. Но если нет – он ничего не отписывает родному брату Годфри. Похоже, покойный и не допускал такой возможности.

– Но Джеллико ведь предвидел недоразумения и пытался образумить своего клиента, – вмешался Джервис.

– Не забывайте: Джон Беллингэм остался непреклонен. При всем своем упрямстве он – человек умный, и вдобавок он доверял Джеллико. Даже после того, как его славный поверенный доказал ему, что текст нелеп и перечеркивает его же собственную волю, Беллингэм наотрез отказался изменить хоть одну букву. Вас это не удивляет? Здесь кроется какая-то тайна, к которой надо отнестись очень внимательно.

– Джеллико трудно в чем-то заподозрить, – резонно заметил Джервис. – Он – сторона незаинтересованная. Условия глупого второго пункта его никак не затрагивают.

– Вся эта путаница выгодна лишь Джорджу Хёрсту, – резюмировал Торндайк. – Но, насколько я осведомлен, он не знал условий завещания, то есть не несет ответственности за вздорные распоряжения своего родственника.

– Что же теперь будет? Как помочь Беллингэмам? – заерзал я в кресле.

– Предвижу, что Хёрст примет решительные меры, – вновь заговорил Торндайк. – Очевидно, он обратится в суд, чтобы добиться констатации смерти своего кузена и привести завещание в исполнение.

– А суд что скажет?

– Решения суда зависят от его идиосинкразии и темперамента, и предугадать их нельзя. Опыт показывает: суд неохотно признает факт смерти при отсутствии тела. Конечно, миновало два года, и судьям волея-неволей придется реагировать на заявление истца, но процедура наверняка затянется и последует тщательная проверка всех доказательств с оговоркой на то, что завещатель, не найденный мертвым, очевидно, жив. Осложняет дело и то, что завещание запутано, а претенденты на наследство не только не единодушны в поддержании ходатайства, а скорее враждебны друг другу. Удовлетворение таких исков, как правило, откладывается на неопределенный срок.

– Что вы посоветуете мистеру Годфри?

– Поскольку второй пункт завещания он не выполнил, в его интересах опротестовать ходатайство Хёрста. Он может, к примеру, обнародовать некие данные, допускающие вероятность того, что Джон Беллингэм до сих пор жив. Во всяком случае, протест мистера Годфри как лица, которому завещатель намеревался оставить все свое имущество, получит большой вес в глазах судей.

– Вот оно что! – воскликнул я. – Тогда понятен странный поступок Хёрста. Какой же я болван! Я совершенно забыл рассказать, что Хёрст предлагал Годфри Беллингэму любовное соглашение, а по сути своей – сделку.

– Какую сделку? – поднял брови Торндайк.

– Годфри должен поддержать перед судом его, Хёрста, и мистера Джеллико ходатайство о признании смерти и приведении в исполнение завещания Беллингэма-старшего. Если иск удовлетворят, Хёрст обязуется ежегодно выплачивать Годфри до самой его смерти четыреста фунтов стерлингов, причем данное соглашение останется в силе, какие бы случайности далее ни последовали.

– Что именно под этим подразумевается?

– Если тело со временем найдут и условия второго пункта будут выполнены, Хёрст все равно сохранит за собой все состояние и продолжит выплачивать Годфри ежегодную ренту в четыреста фунтов.

– Хо-хо, – усмехнулся Торндайк. – Очень сомнительная сделка!

– Чтобы не сказать «подозрительная», – вставил Джервис. – Я не думаю, что суд признает ее законность.

– Почему? – спросил я в недоумении.

– По закону сделки, заключаемые в обход каких-либо пунктов завещания, не действительны, – пояснил Торндайк. – Впрочем, предложение Хёрста имело бы силу, не будь в нем столь дальновидно

предусмотрены «все случайности». При явной невыполнимости завещания здравый смысл рекомендует наследникам прийти к мировому соглашению во избежание излишней судебной волокиты. Если бы, допустим, Хёрст предложил ежегодно выплачивать Годфри четыреста фунтов до тех пор, пока тело не обнаружится, но при условии, что в случае его нахождения Годфри, в свою очередь, обязуется выплачивать ему аналогичную сумму, суд не стал бы возражать. Но оговорка насчет «всех случайностей» существенно меняет дело. Помимо того, что здесь очевидна обычная жадность, это наводит на мысль о других намерениях, причем дурных.

– Нам неизвестно, есть ли у Хёрста основания полагать, что тело Джона Беллингэма когда-нибудь найдут, – добавил Джервис. – Может, и нет. В любом случае Хёрст стремится воспользоваться бедственным положением Годфри, чтобы быстрее прибрать к рукам все имущество Беллингэмов.

– Годфри отклонил предложение? – уточнил Торндайк.

– В категорической форме. Джентльмены наговорили друг другу кучу дерзостей по поводу исчезновения своего брата.

– Все понятно, – с сожалением вздохнул Торндайк. – В суде это обернется множеством неприятных прений, а газетчики будут рады копаться в чужом грязном белье. Если стороны еще до суда проявляют взаимную неприязнь, ничего хорошего от такого процесса ждать не приходится и финал его непредсказуем.

– Давайте попытаемся удержать их от скандала, – предложил я робко.

– Это трудная задача, Барклей, – покачал головой Торндайк. – Джеллико поддерживает инициативы Хёрста?

– Нет, он отказывается от любых действий без согласия Годфри, по крайней мере, так говорят. Он, вроде бы, сохраняет полный нейтралитет.

– Ну, это временно, – с досадой махнул рукой Торндайк. – Как только дойдет до суда, поверенный изменит свою позицию. Из того, что вы нам изложили, я заключаю, что Джеллико предпочел бы скорее покончить с тяжбой и получить то, что ему завещано. Еще бы! Ему светят две тысячи фунтов и раритетная коллекция! Поэтому не будет ошибкой допустить, что, хотя Джеллико и поддерживает видимый нейтралитет, скорее всего он примет сторону Хёрста, а не Годфри. Отсюда вывод: Беллингэму необходим хороший консультант, а в суде – опытный адвокат.

– У него нет денег ни на первого, ни на второго, – сказал я. – Он беден, как церковная крыса, и горд, как черт. Безвозмездной помощи он не примет.

– Плохо, – проворчал Торндайк. – Но нельзя допустить, чтобы Беллингэм проиграл дело из-за отсутствия достойного адвоката. Это одно

из самых интересных дел, какие мне попадались, и я не хочу, чтобы оно шло кое-как. Надеюсь, он не воспротивится неофициальным рекомендациям доброжелателя? Нам ведь никто не мешает начать предварительную разведку и прозондировать почву.

– Как вас понимать, профессор?

– Для начала мы убедимся, что второй пункт не выполнен, то есть Джон Беллингэм не погребен на упомянутых им кладбищах. Я почти убежден в этом, но в серьезном деле нельзя полагаться на веру. Затем нужно удостовериться, что египтолога нет в живых, а его тело не может быть найдено. Если он жив – я, заметьте, не отвергаю такой вариант, – наша задача выйти на его след. Мы с Джервисом наведем справки втайне от Беллингэма. Мой ученый собрат проштудирует записи о погребениях, не исключая крематории, в Лондоне, а я возьму на себя все остальное.

– Неужели вы допускаете, что Джон Беллингэм еще жив? – удивился я. – Спустя два года!

– Тело не найдено, а это порождает сомнения. Я лично слабо надеюсь на то, что он жив, но факт требует проверки, которую мы обязаны провести.

– Где же вы станете искать Беллингэма или его тело? С чего начнете?

– Думаю, с Британского музея, дорогой Барклей. Мы постараемся добыть у служащих информацию о поездках египтолога. Сейчас, к примеру, идут раскопки в Гелиополе, и директор египетского отдела участвует в них; в музее его временно замещает доктор Норбери, старинный друг Джона Беллингэма. Я зайду к нему разузнать, не случилось ли чего-то такого, что заставило бы Джона Беллингэма внезапно отправиться за границу, например в Гелиополь? Может, Норбери объяснит мне, что побудило его пропавшего коллегу предпринять загадочный вояж в Париж? Это дало бы нам важную нить. Ваша задача, Барклей, со свойственной вам тактичностью убедить своего друга Годфри, чтобы он разрешил нам взяться за его наследственное дело с целью помочь ему. Втолкните бедняге, что я, доктор Торндайк, поступаю так с целью обогатиться, но не деньгами, а знаниями.

– Спасибо вам за участие в судьбе моих друзей, – от души поблагодарил я профессора. – Надеюсь, они не станут бездумно упорствовать и понапрасну тешить свою гордыню.

– Мне пришла в голову неплохая мысль, – вмешался Джервис. – Ты, Барклей, устройшь у себя ужин и позовешь нас и Беллингэмов. За столом мы с тобой атакуем старика, а Торндайк употребит все свое красноречие, чтобы расположить к себе мисс Беллингэм. Я уверен, у него получится:

убежденные старые холостяки обычно неотразимы, у них свой особенный шарм.

– Как видите, Барклей, мой младший коллега обрекает меня на вечное безбрачие, – усмехнулся Торндайк. – Но предложение и вправду удачное. Беседа за ужином в непринужденной обстановке позволит нам доходчиво объяснить мистеру Годфри и его дочери все, что нужно.

– Ладно, – кивнул я. – Однако в ближайшие дни я не смогу выполнить ваше поручение: у меня появилась срочная работа, которая занимает все свободное время.

Оба собеседника, как по команде, устремили на меня недоуменный взгляд, и я честно рассказал им о том, что Руфь порезала руку, и о наших ученых занятиях в библиотеке.

Глава 8

Идиллия в музее

Оттого ли, что ежедневная практика восстановила мою былую стенографическую беглость, или, может, мисс Беллингэм слегка преувеличила объем предстоящей нам работы, но на четвертый день, к моему огорчению, мы почти закончили штудировать литературу, а мне так хотелось, чтобы мы продолжали вместе ходить в читальный зал. Совместный труд, даже недолгий, внес значительные изменения в наши отношения. Замечено, что самая крепкая и искренняя дружба возникает на почве общности интересов; Руфь и я не стали исключением. Каждый день, приходя в читальный зал, я видел заранее приготовленную грудку книг с закладками и рядом – стопку записных книжек в синих обложках. Каждый день мы усердно делали выписки, потом возвращали книги, прогуливались по улице, пили чай в молочной, а по пути домой долго разговаривали о далеких веках, когда царствовал Эхнатон и создавались Амарнские письмена.

Я жалел, что это чудесное время безвозвратно пролетело, поскольку работа была завершена, а рука моей пациентки зажила. На пятый день утром я снял лубковую повязку и убедился, что больше моя секретарская помощь мисс Беллингэм не требуется.

– Может, сдадим книги и пройдемся по галерее? – предложил я напоследок.

– Да, конечно, – с готовностью согласилась она. – Отправимся в музей. Наверху, в третьем египетском зале, представлено рельефное изображение Эхнатона. Мы много читали о нем, настало время увидеть воочию.

Я с радостью отдался в руки своего очаровательного экскурсовода, и мы неспешно зашагали по широкой галерее, уставленной длинными рядами скульптур римских императоров с тусклыми лицами, на мой взгляд, ничем не отличающимися от скучных физиономий современных обывателей.

– Огромное спасибо вам за все, – с чувством произнесла Руфь, задержавшись перед бюстом Траяна, – вы достойны не только похвал, но, к сожалению, оплатить ваш труд я не в состоянии.

– Да что вы, Руфь! – рассердился я. – Лучшая награда для меня – ваше общество. Единственное, о чем попрошу, – тихо добавил я, – небольшое одолжение.

– Постараюсь выполнить, – улыбнулась она.

– Я говорил вам о своем бывшем преподавателе, докторе Торндайке. Вы знаете, что он интересуется исчезновением вашего дяди и хотел бы, если начнется судебный процесс, помочь вашему отцу неофициальным дружеским советом. Он предлагает бескорыстную помощь доброжелателя – так он сказал.

– Что я должна сделать?

– Повлиять на отца, чтобы мистер Беллингэм принял помощь, иначе он откажется, а сейчас это неразумно. Я надеюсь, вы сами не против участия Торндайка в судьбе вашей семьи?

Мисс Беллингэм задумчиво посмотрела на меня и тихо рассмеялась:

– Значит, то одолжение, что я вам оказываю в благодарность за вашу помощь, сводится к тому, чтобы позволить вам еще больше облагодетельствовать нас с отцом и вдобавок привлечь к этому вашего ученого друга, у которого и без нас хватает забот. Не слишком ли вы нас балуете?

– Нет, – возразил я. – Доктором Торндайком руководит профессиональный интерес. Не воспринимайте его жест как снисхождение. Вы мне не верите? – забеспокоился я, заметив ее скептическую улыбку. – Хирург среди ночи вскакивает с постели, чтобы бежать в больницу и делать экстренную операцию. Зачем ему это? Можно найти более спокойный заработок. Энтузиасты и альтруисты еще не перевелись. Вот и Торндайк считает, что его обязанность – бороться с болезнями общества и побеждать их.

– Не спорю: многие достойные люди трудятся не только ради денег, а из любви к своему делу, – сказала она. – Я не буду чинить вам и вашему профессору никаких препятствий. Но не расценивайте это как одолжение за вашу доброту ко мне.

– Мы с Торндайком думаем лишь о том, как помочь вам и мистери Годфри в вашем деле, которое зашло в тупик из-за нелепого завещания Джона Беллингэма.

– Не правда ли, странно, – покачала она головой, – о чем бы мы ни говорили, мы неизбежно возвращаемся к моему дяде. Кстати, экспонаты, которые он пожертвовал музею, расположены в том же помещении, что и изображение Эхнатона. Не желаете взглянуть?

– С огромным удовольствием.

– Мне хотелось бы, если позволите, представить вам одного своего милого старого друга, – робко произнесла она, видимо, читая на моем лице недовольство, поскольку, что греха таить, в душе я посылал этого друга к

черту – разумеется, из ревности.

Ее смущенный взгляд и внезапно вспыхнувший на лице румянец показались мне предвестниками чего-то нехорошего, и, пока мы поднимались по лестнице под широкую арку, я напряженно молчал, изредка боязливо поглядывая на свою спутницу и страшась ее холодной непроницаемой улыбки. Наконец она остановилась напротив стеной ниши и обернулась ко мне.

– Вот мой друг, – указала она. – Артемидор из Фаюма. Не смейтесь, я серьезно. Разве вы не слышали о благочестивых католиках, которые молятся какому-нибудь давно умершему святому? К Артемидору у меня именно такое чувство. Если бы вы знали, сколько утешения он доставляет мне в моем одиночестве! Вы считаете меня экзальтированной эгоисткой? – спросила она с горестным вздохом, так как я продолжал молчать.

– Вовсе нет, – серьезно заверил я. – Я вас вполне понимаю, но не могу это выразить.

– Слова не всегда удается найти, главное – чувства. Я надеялась, что вы меня поймете. – И она улыбнулась мне так, что радостная дрожь пробежала по всему моему телу. – Ладно, нам надо торопиться, чтобы успеть осмотреть дары моего дяди, так как тот зал сегодня закрывается в четыре часа.

Мы перешли в соседний зал и остановились перед стеклянной витриной, за которой помещался богато изукрашенный футляр с мумией писца XXII (Ливийской) династии Себекхотепа, а рядом – утварь из его гробницы. Я увидел четыре канопы – ритуальные сосуды, где древние египтяне хранили забальзамированные внутренние органы; несколько ушебти со скрещенными на груди руками; принадлежавший покойному письменный прибор с обозначенным на нем именем фараона Осоркона I, в царствование которого жил Себекхотеп, а также предметы быта. Все названия сияли золотистыми буквами на черном фоне, рядом с каждым, шрифтом чуть мельче, приводилось краткое пояснение, а внизу я прочел на табличке: «Дар Джона Беллингэма, сквайра».

– Они соединили все экспонаты в одной витрине, – пояснила мисс Беллингэм, – чтобы показать содержимое гробницы человека, принадлежавшего к древнеегипетской знати. Как видите, и в загробной жизни образованный египтянин оставался верен своей профессии: при Себекхотепе обнаружили принадлежности, с помощью которых он писал на папирусе.

– А рабы при нем были? – поинтересовался я.

– Разумеется. Вот эти маленькие фигурки, или ушебти, – и есть

прислужники покойного в царстве мертвых. Остаться без слуг в загробном мире знатный египтянин не мог. Забота о комфорте – прежде всего. Странная идея, да? Между тем она весьма логична, если верить в продолжение жизни независимо от тела.

– Маска в верхней части футляра – это портрет?

– Даже больше, чем портрет. До известной степени это – лицо покойного. Мумия обмотана в пелены из нескольких слоев, льняных или папирусных, соединенных клеем и цементом. Пелены подогнаны к телу и четко обрисовывают его контуры. Когда цемент высохал, пелены покрывали тонким слоем штукатурки, а лицу придавали рельефность. Затем мумию украшали и наносили надписи. Тело в пеленах – это как орех в скорлупе, в отличие от более древних мумий, которые просто обматывали тканями и клали в деревянный гроб.

Тихо подкравшийся к нам служитель музея вежливо предупредил, что зал закрывается, и попросил приходить в следующий раз. Мы решили выпить чаю и отправились в молочную, где засиделись дольше обычного, поскольку работа с выписками закончилась. Домой мы возвращались не спеша и на углу одной из улиц подошли к газетному киоску. К стеклянной витрине был прислонен номер «Дейли телеграф», кажется, вчерашний; нам бросился в глаза крупный заголовок на первой полосе: «Новости о пропавшем человеке». Мисс Беллингэм вздрогнула и побледнела:

– Господи, как страшно!

– Что именно? Я не читал газет вот уже неделю, – ответил я ей.

– Понятно, это я вас отвлекала своими злосчастными проблемами. Мы с отцом тоже редко покупаем газеты, нам дает их мисс Оман. Она – как вампир. Обожает убийства и прочие кровавые истории, и чем кошмарнее, тем лучше.

– Так что там за новости?

– Нашли останки какого-то пожилого мужчины; его убили и разрезали на куски. Я дрожала, пока читала, а отца чуть не хватил сердечный удар. Мы оба невольно подумали о бедном дяде Джоне.

– Я читал про скелет левой руки, найденный в овраге вблизи овощных грядок в Сидкапе.

– Это не все. Полиция энергично взялась за дело и отыскала другие фрагменты тела: на берегу Крэя и еще где-то на западе Кента, – а вчера в газетах написали, что недалеко от нашего старого дома тоже обнаружили кости.

– Как? В Эссексе? – опешил я от неожиданности.

– Да, в лесу Эппинг. Ужасно! Наверняка их зарыли, когда мы с папой

жили в Вудфорде. Отец чуть не расплакался, а потом пришел в такую ярость, что собрал газеты в охапку и вышвырнул в окно. Они перелетели через ограду, и мисс Оман пришлось бежать за ними и собирать по всему двору.

– Мистер Беллингэм допускает, что это останки его родного брата?

– Думаю, да, но он упорно отмалчивается, а я не смею заговорить первой. Мы ведь обнадеживаем друг друга, что дядя Джон до сих пор жив.

– Вы сами в это верите?

– Нет, и отец не верит, просто не желает признаться.

– А какие именно кости нашли, не помните?

– Вроде бы, поблизости от реки – бедренную кость, но я могу ошибаться. Мисс Оман наверняка даст вам исчерпывающие сведения. Она обрадуется, если кто-то разделит круг ее увлечений, – с грустной улыбкой добавила мисс Беллингэм.

– Я боюсь вампиров, – отшутился я, – притом таких сварливых.

– Не ругайте ее, доктор Барклей, – заступилась мисс Беллингэм. – Она отзывчивая, хотя иногда ворчит, и сердце у нее доброе, а ее кротость поистине ангельская.

– Не спорю, мне она тоже нравится, – смягчился я в угоду Руфи.

– Может, заглянете к нам на минутку поболтать с отцом?

Я кивнул и навестил мистера Беллингэма; мы немного поговорили о музее и моих впечатлениях от древнеегипетских экспонатов, после чего я объявил, что мне пора в амбулаторию. Спускаясь по лестнице, я старался скрипеть как можно меньше, но обувь, увы, подвела меня. Едва я приблизился к комнате хозяйки, дверь приоткрылась и оттуда высунулась голова мисс Оман.

– На вашем месте я сменила бы сапожника, – ухмыльнулась она.

Я вспомнил об ее «поистине ангельской» кротости и чуть не рассмеялся, но усилием воли сделал серьезное лицо.

– Спасибо, мисс Оман, я подумаю, а пока мне нужен ваш совет по очень важному, во всяком случае, для меня, делу.

Я знал, что она клюнет на эту удочку, и не ошибся.

– Вот как? – вскинула она тонкие брови. – Только не стойте на площадке, а зайдите ко мне, присядьте на диван, и мы потолкуем обстоятельно.

Мне совсем не хотелось подчиняться ей, да и времени у меня не было, поэтому я напустил на себя таинственность и прошептал:

– Не могу, мисс Оман. Мне надо в амбулаторию. Но если у вас выдастся свободная минутка, загляните ко мне в кабинет – буду вам весьма

признателен. Право, я не знаю, как поступить; я в растерянности...

– Ох, мужчины нередко впадают в панику. Но вы, надо сказать, не худший экземпляр среди них. У вас хотя бы хватает сообразительности в трудный час посоветоваться с мудрой женщиной. Так в чем проблема? Может, вкратце расскажете, а я пока все обдумаю?

– Понимаете, – уклончиво начал я, – у меня не получается как следует... Ах, черт возьми! – прервался я на полуслове, тревожно взглянув на часы. – Мне пора бежать, а то пациенты столбятся у дверей и разорвут меня на куски! – Я сделал страшные глаза и быстро юркнул во двор, предоставив ей терзаться любопытством.

Глава 9

Сфинкс из Линкольнс-Инна

Юноше двадцати шести лет рано претендовать на искушенность в житейских делах, но моего знания человеческой природы вполне хватило, чтобы заранее пребывать в уверенности, что мисс Оман явится в амбулаторию не позднее сегодняшнего вечера. Так и случилось. Не пробило и семи, как в дверь постучали.

– Я случайно шла мимо из лавки, – объяснила она, и я кивнул с напускной серьезностью, – вот и решила заглянуть к вам. Вы, кажется, хотели со мной посоветоваться?

Она села на стул, предназначенный для пациентов, и, положив на колени ридикюль, нетерпеливо посмотрела на меня.

– От души благодарю, мисс Оман. Как мило, что вы зашли! Мне совестно беспокоить вас по такому пустяку...

– Пожалуйста, не смущайтесь и говорите, – забарабанила она пальцами по столешнице. – Я все пойму.

Я сообщил ей, что собираюсь устроить званый ужин и у меня возникли кое-какие хозяйственные осложнения. Чем дальше я рассказывал, тем большее разочарование, в итоге сменившееся отвращением, отражалось на ее лице.

– Не возьму в толк, к чему раздувать из этого такую тайну? – угрюмо проворчала она.

– Что вы, дело вовсе не в тайне, – оправдывался я, – просто мисс Деммер, признаюсь по секрету, неважная кухарка. Она, чего доброго, подаст по привычке горячее рагу с застывшим салом и жирный пудинг, что вряд ли понравится гостям. К тому же она целый день будет метаться туда-сюда и перевернет вверх дном весь дом. В общем, я решил обойтись без ее услуг и ограничиться холодными закусками, а все остальное заказать в ресторане. Я не хочу, чтобы создалось впечатление, будто ужин потребовал огромных приготовлений. Где вы посоветуете мне купить все необходимое?

Мисс Оман сделала вид, что задумалась, а затем сухо процедила то, чего я и добивался:

– Лучше предоставьте это мне.

Я обрадовался, поблагодарил, выдал ей два фунта, и она, пожурился меня за расточительность, быстро спрятала деньги в ридикюль. Потом строго посмотрела на меня и, поджав губы, заметила:

– Вы очень предприимчивы, молодой человек.

– Почему? – спросил я с наивной улыбкой.

– Ну как же? Гулять по музеям и улицам с хорошенькой девицей под предлогом работы – разве не оригинально? Не каждый додумается. Я слышала, как Руфь делилась впечатлениями с отцом. Глупышка верит, что вы действительно увлечены высушенными мумиями, старыми горшками, каменными фигурками и прочим хламом.

– Послушайте, мисс Оман... – начал я спокойно.

– Не перебивайте, – одернула меня она. – Я вас насквозь вижу. Меня не проведешь. Представляю, как вы таращитесь на статуи, поддакиваете собеседнице, слушаете ее с раскрытым ртом, сидите у ее ног, а у самого наверняка совсем другие мысли на уме, а? Разве я не права?

– Насчет сидения, и даже лежания, у ее ног вы правы, – просяив, ответил я. – Полы в музейных залах такие скользкие, что я упал пару раз. Что касается остального, то я и вправду прекрасно провел время с мисс Беллингэм и при первой же возможности увижусь с ней снова. Она самая умная и замечательная женщина, какую я встречал!

Я выпалил это нарочно, дабы позлить мисс Оман, что мне вполне удалось. В ответ она зашипела, как змея, и ужалила меня. Вытащив из ридикюля газету, она ткнула в одну из колонок на первой полосе.

– Что такое гибернация? – ехидно спросила она и, заметив мое замешательство, добавила: – Следы этой самой гиб..., не могу даже выговорить, нашли на человеческой кости на берегу Крэя, и такой же след – на кости, которую отыскивали в Эссексе. Вот я и спрашиваю, что такое гибер-на-ция? – по слогам прочитала она, водя пальцем по строчке. – Не знаете? Так и скажите. А еще врач! Газеты хотя бы читайте.

– Меня не интересуют статьи про убийства и расчленения, – парировал я. – Читиво, от которого пахнет кровью, привлекает только вампиров!

– Выбирайте выражения, я вам в матери гожусь.

– Вы опоздали, вакансия уже занята.

Мисс Оман швырнула газету на стол, встала и гордо проществовала к выходу, но у двери обернулась и с торжествующей улыбкой победительницы произнесла:

– Читайте все-таки газеты хоть иногда и набирайтесь ума-разума. Да, и не забудьте про палец. Вот ужас-то!

– Палец? – повторил я, тупо уставившись на нее.

– Нашли кости левой руки, на которой не хватает пальца. Полиция считает, что это важная улика. Вам как врачу надо быть в курсе.

Я вышел проводить даму и немного постоял на крыльце, как вдруг

заметил на другой стороне улицы высокого немолодого господина в очках. Его манера наклонять голову указывала на сильную близорукость. Он тоже увидел меня, пересек дорогу и направился мне навстречу, издали пытливым взглядом разглядывая меня через стекла.

– Уважаемый джентльмен, – обратился он с вежливым поклоном. – Я разыскиваю своего знакомого, мистера Беллингэма, но позабыл его адрес. Вы как врач наверняка знаете местных жителей, тем более пожилых. Не можете ли мне помочь?

– Годфри Беллингэм, не так ли?

– Ах, вы знакомы! Он, несомненно, ваш пациент.

– Пациент и друг. Он квартирует в доме номер сорок девять. Невиль-корт.

– Благодарю. Признаться, он меня не приглашал, а явиться в неурочный час мне неловко. Не знаете, когда мистер Беллингэм обычно ужинает? Удобно ли зайти к нему сейчас?

– По вечерам я посещаю его примерно в полдевятого. К этому времени он всегда заканчивает ужин.

– Ладно, я пока прогуляюсь, не стану его тревожить.

– Может, отдохнете у меня и выкурите сигару? А попозже я пойду с вами и покажу, где его дом.

– Вы очень любезны, – расплылся в улыбке пожилой джентльмен, пристально глядя на меня сквозь очки. – Я не прочь присесть и перевести дух. Целый день мотаюсь по делам, а возвращаться домой в Линкольнс-Инн теперь нелепо, раз уж я вознамерился нанести визит.

– Вы мистер Артур Джеллико, да? – спросил я, вводя его в свой кабинет.

Он в изумлении воззрился на меня, будто видел впервые:

– Почему вы так думаете?

– Вы упомянули Линкольнс-Инн, а мистер Джеллико, насколько я осведомлен, проживает там.

– Вот оно что! Странная логика, но вывод верный. Да, я – мистер Джеллико. Наверное, вы знаете обо мне еще что-нибудь?

– Вы были поверенным покойного Джона Беллингэма.

– Покойного? Вы убеждены, что он умер?

– Нет, но, кажется, и вы того же мнения.

– Это Годфри Беллингэм так сказал? Извините, я с ним не делился своими соображениями, а домысливать за другого человека – занятие рискованное.

– Вы полагаете, Джон Беллингэм жив?

- Я этого не говорил.
- Человек либо жив, либо мертв – по-другому не бывает.
- Верно, – кивнул мистер Джеллико, – полностью с вами согласен.
- Однако на практике это мало что дает, – заметил я добродушно.
- Неоспоримые постулаты слишком обобщенны, – развел он руками. –

Справедливость какой-либо истины прямо пропорциональна ее общности. Вообразим себе тысячу человек. Мы точно знаем, что половина из них умрет, не дожив до старости, что умрут они от неизлечимых болезней или вследствие случайных трагедий. А что мы способны рассказать про одного конкретного человека из этой тысячи? Ровным счетом ничего. Он может скончаться в расцвете молодости или, наоборот, дотянуть до ста лет. Какая смерть ему уготована? От чахотки? От заражения крови? А вдруг он свалится с колокольни собора Святого Павла? Частности непредсказуемы.

– Вы совершенно правы! – воскликнул я. – Исчезновение Джона Беллингэма покрыто тайной.

– Я так не думаю, – устало произнес мистер Джеллико. – Люди время от времени куда-то пропадают, а потом возвращаются, и те причины, которыми они объясняют свое отсутствие, зачастую весьма правдоподобны.

– Но тут иные обстоятельства, – возразил я, взглянув ему в глаза.

– О чем вы? – удивился мистер Джеллико.

– Я имею в виду то, каким образом Джон Беллингэм исчез из дома мистера Хёрста.

– И каким же?

– Ну, это все как-то странно. Честно говоря, я не знаю...

– То-то и оно. Я тоже не знаю, поэтому о *таинственности* его исчезновения судить не берусь.

– Ведь неизвестно даже, ушел ли он из этого дома.

– Вот именно, – кивнул мистер Джеллико. – Если он не ушел, значит, он до сих пор еще там. Если он там, то он в буквальном смысле слова не исчезал. А раз он не исчезал, никакой тайны нет и в помине.

Я от души рассмеялся, но мистер Джеллико сохранял невозмутимо-серьезный вид.

– Принимая во внимание данные обстоятельства, – продолжал я, – вы, очевидно, не поддержите мистера Хёрста в его ходатайстве перед судом признать факт смерти Джона Беллингэма?

– Какие обстоятельства? – встревожился мой собеседник.

– Но вы ведь сию минуту усомнились в том, что мистера Беллингэма действительно нет в живых.

– Дорогой сэръ, – усмехнулся он, – я вас не понимаю. Если достоверно известно, что человек жив, нельзя признать, будто он мертв; если столь же достоверно известно, что человек скончался, значит, о предположении нет и речи, ибо нельзя предполагать то, что достоверно известно. Для сделки характерно именно отсутствие достоверности. Вы улавливаете ход моей мысли?

– Но если вы считаете, что он жив, то не возьмете на себя ответственность признать, что он мертв, и распределить его имущество?

– Я не беру на себя никакой ответственности, – рассердился мистер Джеллико, – а действую согласно постановлению суда, и только.

– Суд может постановить, что он умер, а он тем не менее жив, – упорствовал я, все больше втягиваясь в спор.

– Если суд признает его смерть, его сочтут мертвым. В физическом смысле он может продолжать жить, но с юридической точки зрения и для решения вопроса о наследстве он будет мертв. Вы понимаете разницу?

– Боюсь, что не вполне, – растерялся я окончательно.

– Врачи, как правило, в этом не разбираются. Вот почему в качестве свидетелей они приносят суду мало пользы. Научная точка зрения радикально отличается от юридической. Ученый полагается на свои знания, наблюдения и суждения и не считается с показаниями других. Допустим, к вам придет имярек и скажет, что он слеп на один глаз. Примете ли вы на веру его показание? никоим образом! Вы начнете его обследовать и, чего доброго, установите, что он хорошо видит обоими глазами. Вы решите, что он не слепой, то есть отбросите его свидетельство в пользу факта, в котором сами убедились.

– Так ведь это единственный рациональный путь прийти к правильному заключению?

– В науке – да. Но не в юриспруденции. Суд выносит решение согласно данным, которые ему представлены, а данные эти – клятвенные показания свидетелей. Если свидетель присягнет в том, что вот это черное есть белое, и никаких противоречащих данному факту показаний больше нет, то у суда будет только одно показание: *черное есть белое*, – и в соответствии с ним он обязан вынести решение. Судья и присяжные могут думать иначе и иметь какие-нибудь *частные* сведения, убеждающие их как раз в обратном, – но они должны огласить вердикт согласно имеющимся показаниям. Вы уяснили?

– Вы хотите сказать, что судья будет прав, если вынесет решение, которое, как ему *частным* образом известно, противоречит фактам? Или он может приговорить к казни человека, который, согласно *частным*

сведениям, невиновен?

– Конечно. С этим сталкиваемся повсеместно. Мне известен случай, когда судья вынес смертный приговор обвиняемому и допустил привести его в исполнение, хотя воочию видел, что убийство совершил другой человек. Но разве я утверждаю, что доводить регламентацию судебной процедуры до крайней педантичности – это правильно?

– Это чудовищная педантичность! – возмутился я. – Однако вернемся к Джону Беллингэму. Положим, суд юридически постановит, что он мертв, а спустя какое-то время джентльмен явится во всей своей красе. Что тогда?

– Пусть обращается в суд, и тот, имея новые данные, наверняка констатирует, что мистер Беллингэм жив.

– Но все его имущество уже уплывет в чужие руки?

– Вероятно. Не упускайте из виду, что факт смерти признают на основании поступков Джона Беллингэма. Если человек действует так, что создается впечатление, будто он умер, ему нужно заранее примириться со всеми последствиями.

– Что ж, вполне разумно, – сказал я. – Вы полагаете, суд по делу Беллингэма состоится скоро?

– Из ваших слов я заключил, что мистер Хёрст собирается принять соответствующие меры. Несомненно, эти сведения почерпнуты из достоверного источника, – промолвил мистер Джеллико, не дрогнув ни единым мускулом и продолжая пристально глядеть на меня через очки.

Я понимал, что не добьюсь от него ничего конкретного, но мне нравилось наблюдать за его оборонительными маневрами, поэтому я спросил:

– Вы читали в газетах, что найдены человеческие кости?

Он устремил на меня тяжелый взгляд:

– Это скорее по вашей специальности, но коль уж зашла речь, то да, я читал. Обнаружены разрозненные останки скелета, если я не ошибаюсь.

– Фрагменты расчлененного тела.

– Я не слежу за такими новостями. По-моему, интересоваться ими должны криминалисты.

– Вы связываете находки с исчезновением своего клиента?

– Какая же тут связь?

– Вообще-то это кости человека...

– Да, мои клиенты – люди, то есть имеют кости. Действительно некая связь существует, но слишком общая. Или вы рассуждаете о чем-то другом?

– Кое-какие из костей обнаружены на землях, которыми владел ваш доверитель Джон Беллингэм, – нюанс, по-моему, весьма важный.

– Неужели? – удивился мистер Джеллико, поправляя очки. – Категорически не согласен. Обнаружение человеческих останков навлекает подозрения на землевладельца или арендатора – что именно они спрятали их там. Но в нашем случае это немыслимо. Человек не может скрыть фрагменты своего же тела.

– Разумеется, Беллингэм не прятал свои кости, но некоторые из них нашли в его поместье. Совпадение?

– Опять-таки не понимаю вас, – вздохнул мистер Джеллико. – К чему вы клоните? Убийцы, расчленяющие тела, настолько щепетильны, что зарывают отдельные куски в землю своих жертв? Так, что ли? Подобный ритуал мне неизвестен, поэтому я скептически отношусь к вашим доводам. Кроме того, я читал, что лишь один фрагмент тела нашли в поместье мистера Беллингэма, а остальные были разбросаны на весьма обширной территории. Как же согласуется такой факт с вашим предположением?

– Никак. Но у меня есть еще одно важное наблюдение. Скелет левой руки жертвы нашли в Сидкапе, а он расположен рядом с Элтемом, где в последний раз видели мистера Беллингэма живым.

– Ну и что? Почему вы связываете кости именно с этим местом, а не с каким-нибудь другим, где их тоже обнаружили?

– По-моему, – ответил я, немного сбитый с толку, – все указывает на то, что злодей, который спрятал их там, начал с окрестностей Элтема, где пропал ваш клиент.

Мистер Джеллико поморщился:

– Вы смешиваете очередность находок с тем порядком, в котором зарыли кости. Где доказательства того, что останки, найденные в Сидкапе, были погребены там раньше, чем остальные, обнаруженные в других местах?

– Нет таких доказательств, – пожал я плечами.

– В таком случае, – заключил Джеллико, – ваше утверждение, будто убийца начал с окрестностей Элтема, не состоятельно.

Подумав, я вынужден был признать, что моя теория довольно шаткая. Выпустив последний заряд в этом неравном бою, я счел своевременным переменить тему.

– На днях я посетил Британский музей, – сообщил я, – и видел последний дар мистера Беллингэма. Экспонаты эффектно расставлены в центре зала.

– Да, я доволен их расположением. Уверен, мой старый друг порадовался бы. Глядя на них, я мечтаю, чтобы и он ими любовался. Может, в конце концов так и случится.

– Надеюсь, – искренне произнес я. – Вы ведь увлечены египтологией?

– Чрезвычайно, – ответил мистер Джеллико с живостью, на которую я не считал его способным. – Какой захватывающий предмет! Восходящая к младенчеству человеческой расы древняя цивилизация сохранилась нам в наизидание в незыблемых монументах, словно муха, застывшая в янтаре. Все, связанное с Египтом, полно торжественности. Его окружает атмосфера чего-то постоянного, устойчивого, презирующего время и перемены. И место, и народ, и памятники – все свидетельствует о вечности.

Меня поразил всплеск красноречия со стороны черствого, немногословного адвоката. Энтузиазм превратил «сухаря» в сердечного человека, что не могло не вызвать симпатии, и я не замедлил этим воспользоваться.

– Однако, – сказал я, – с веками этот народ все-таки менялся.

– Конечно, народ, сражавшийся с Камбисом, уже не тот, который пришел в Египет пять тысяч лет назад. На протяжении пятидесяти столетий кровь гиксосов, сирийцев, эфиопов, хеттов и еще неизвестно скольких рас смешивалась с кровью египтян. Национальная группа непрерывно развивалась. Старая культура распространялась на новые народы, и иммигранты заканчивали тем, что становились египтянами. Поразительный феномен! Жизнь Древнего Египта напоминает скорее геологическую эпоху, чем историю единой нации. А вы тоже интересуетесь данной темой?

– Да, но я здесь полный невежда и читать о Египте начал недавно.

– С тех пор как познакомились с мисс Беллингэм? – спросил мистер Джеллико, сохраняя невозмутимость египетской мумии, зато я покраснел, раздосадованный его замечанием, после чего он спокойно добавил: – Мое предположение основано на том, что мисс Беллингэм живо увлечена Древним Египтом и весьма осведомлена в его истории.

– Она и вправду многое знает об египетских древностях, и, надо признаться, ваша догадка верна. В частности, мисс Беллингэм показала мне коллекцию своего дяди.

– Понимаю, – склонил голову мистер Джеллико. – Это весьма поучительное собрание, которое отлично подходит для общественного музея, хотя в экспонатах нет ничего необычного, что могло бы привлечь знатока. Погребальная утварь прекрасна в своем роде, футляр аккуратно сделан и недурно раскрашен.

– По мне, так он красив. Но почему мумию так обезобразили смолой?

– Интересный вопрос, – улыбнулся мой собеседник. – Футляры, вымазанные горной смолой, довольно распространены. В соседней галерее представлена мумия жрицы, покрытая слоем смолы практически целиком,

за исключением позолоченного лица. Смолу использовали намеренно, чтобы уничтожить все надписи и скрыть личность умершего от расхитителей и осквернителей гробниц. На спину и ноги мумии Себекхотепа нанесен толстый слой смолы, но надписи с украшениями не задеты. Бальзамировщики явно намеревались их замазать, но почему передумали – осталось тайной. Гробница с мумией ни разу не подверглась разграблению, и дружище Беллингэм недоумевал, чем объяснить такой феномен.

– Небезызвестно, что смола часто употребляется современными художниками и обладает опасным свойством, а именно способностью размягчаться без всякой причины спустя долгое время после высыхания, – произнес я с видом знатока.

– Да-да, – подхватил Джеллико, – я читал об одной из картин Рейнольдса, кажется, о портрете светской дамы. Смола размягчилась, и один глаз красавицы сполз на щеку. Пришлось повесить изображение вниз головой и подогреть, пока глаз не возвратился на место. Но что именно вас смущает?

– Не было ли случаев, чтобы смола, используемая египетскими мастерами, со временем размягчилась?

– О, это вполне возможно. Я читал, что смоляной покров на футлярах иногда становился липким. Боже, как мы с вами заговорились! Я отнял у вас уйму времени, уже без четверти девять! – И он поспешно вскочил и взялся за шляпу.

Едва мы вышли на улицу, как все обаяние мистера Джеллико рассеялось, оживленность исчезла, и он снова превратился в сухого, необщительного и недоверчивого адвоката.

Глава 10

Новый союз

Мы сидели в ярко освещенной столовой окнами на Феттер-лейн. Портьеры были опущены. Под аккомпанемент ножей и вилок, звон бокалов и бульканье вина текла оживленная беседа. Годфри Беллингэм, как ребенок, радовался неожиданному празднику, но по его лицу читалось, что грустные воспоминания и тяжкие думы не оставляют его ни на минуту. Разговор перескакивал с одного предмета на другой, но касался преимущественно истории и искусства; никто ни разу не упомянул о роковом завещании Джона Беллингэма. От некрополя в Саккаре перешли к средневековым храмам, от шедевров резной работы времен Елизаветы I – к микенской керамике, затем к орудиям каменного века и, наконец, к цивилизации ацтеков. Я уже решил, что мои друзья-юристы, Торндайк и Джервис, забыли о тайной цели нашего ужина. Подали горячее, а о деле еще не было произнесено ни слова. Казалось, Торндайк выжидает: может, он искал подходящий момент, чтобы начать разговор, или хотел, чтобы присутствующие лучше познакомились и перестали стесняться друг друга.

Как только мисс Деммер вышла, унося на кухню поднос с тарелками, мистер Годфри обратился ко мне:

– Вчера к вам в амбулаторию заходил мой знакомый, мистер Джеллико. По его словам, вы ему очень понравились. А он вам?

– Умный, но чересчур осмотнительный господин. Мы немного поспорили и не во всем сошлись во мнениях. Насколько я понял, он интересуется вашим наследственным делом. Я задал ему пару вопросов, но он занял оборонительную позицию, а в ряде случаев разыграл полнейшее неведение.

– Да, он слишком осторожничает, – подтвердила мисс Беллингэм, – между тем в самом недалеком будущем о нашем деле узнают все.

– Джеллико и Хёрст хотят обратиться в суд? – уточнил Торндайк.

– Именно, – кивнул Беллингэм. – Джеллико приходил сообщить мне, что мой двоюродный брат Джордж Хёрст поручил своему адвокату возбудить ходатайство и предложить мне поддержать его. По сути Артур Джеллико явился с ультиматумом от Хёрста. Ой, простите, ради бога, я не хочу портить обед своими тяжбами.

– Нас всех волнует данный вопрос, мистер Беллингэм, – заверил его Торндайк. – То, что случилось с вашим братом, и последующие события

уникальны в своем роде. Все судебные медики внимательно следят за их развитием, и я в том числе.

– Какая честь для нас! – с горькой иронией заметила мисс Беллингэм. – Нас ждет неувядаемая слава, и наши имена попадут в учебники криминалистики. Но почему-то нас совсем не распирает от гордости.

– Да уж, – грустно добавил мистер Годфри, – мы прекрасно обошлись бы без такой известности, да и Хёрсту, я думаю, она не нужна. Мистер Торндайк, доктор Барклей рассказывал вам, что предлагал мне мой предприимчивый кузен?

– В общих чертах, – кивнул Торндайк, – и, похоже, Хёрст вновь попытался уговорить вас?

– Для этого он и прислал Джеллико. Я едва не пошел на попятный, но Руфь категорически возражает.

– Мистер Джеллико рекомендовал вам принять условия Хёрста?

– Он старался держаться нейтрально, но все-таки выразил свое мнение. Да, он советовал соглашаться. Ему важно поскорее уладить дело и заполучить свою долю.

– Вы отказались?

– Да, и теперь Хёрст подаст иск о признании факта смерти Джона и о вступлении в силу его завещания. Джеллико всецело на стороне моего кузена и полагает, что иного выхода нет.

– Что вы намерены делать?

– Опротестовать иск, но не знаю как.

– Надо все обдумать, прежде чем вступать в борьбу. Вы консультировались у юриста?

– Нет, мистер Торндайк. Доктор Барклей, наверное, говорил вам, что мои средства, точнее, их отсутствие, не позволяют мне нанять адвоката. Оттого я так щепетилен в данном вопросе.

– Вы планируете самостоятельно защищать свои интересы?

– Что же мне остается? На суде я обязан присутствовать, раз собираюсь подать протест.

Торндайк задумался и серьезно сказал:

– Есть причины, по которым вам не следует лично вмешиваться в этот процесс, мистер Беллингэм. Начнем с того, что со стороны Хёрста наверняка выступит умелый адвокат и ловко обойдет вас. Поверьте моему опыту: вас ждет заведомый проигрыш.

– Но ведь судья, я надеюсь, снисходительно отнесется к человеку, не имеющему денег пригласить адвоката?

– Судья постарается помочь стороне, не представившей адвоката. Английские судьи – люди ответственные. Но вы не застрахованы от многих случайностей. А вдруг судья прежде был адвокатом и сохранил профессиональные предрассудки? вспомните, как бесцеремонно адвокаты подчас обращаются со свидетелями, как предвзяты судьи по отношению к ученым, – одним словом, ум юриста не беспристрастен. Ваше незнание судебной процедуры и юридических тонкостей приведет к замедлению слушаний. Если судья окажется раздражительным, эти задержки его раздосадают, и тогда я вам не завидую. Я не утверждаю, что это пагубно отразится на вердикте, однако благоразумнее не нервировать судью. Наконец крайне важно предугадать и парировать все маневры противника, а вы – пожалуйста, не обижайтесь – вряд ли на это способны.

– Спасибо за разъяснения, доктор Торндайк, – мрачно усмехнулся Беллингэм, – но не вижу иного выхода из ситуации, кроме как действовать на свой страх и риск.

– Вы ошибаетесь, – тихо произнес Торндайк. – Отнеситесь к моему предложению без предубеждения. Ваше дело на редкость интересно и, как предсказывает мисс Беллингэм, наверняка попадет в учебники. Кроме того, оно связано с моей специальностью, поэтому я и слежу за ним. Изучать его изнутри куда эффективнее, чем извне. Нечего и говорить, как поднимется моя профессиональная репутация, если я доведу его до благополучного конца. Поэтому прошу вас передать его в мои руки и разрешить мне поступать по своему разумению.

С минуту мистер Беллингэм молчал, потом, бросив взгляд на дочь, неуверенно забормотал:

– Такой жест великодушия с вашей стороны, доктор Торндайк...

– Извините, – перебил профессор, – мною руководят чисто эгоистические соображения.

Годфри Беллингэм натужно засмеялся и снова посмотрел на дочь, которая, не поднимая глаз, чистила яблоко. Не получив поддержки, он спросил:

– Неужели вероятен благоприятный исход?

– Ситуация сложная, но если бы я считал ее безнадежной, то посоветовал бы вам отойти в сторонку и пустить все на самотек.

– Если ваши усилия увенчаются успехом, вы примете от меня должное вознаграждение?

– Мне хочется ответить «да», но обсуждать это рано и бесполезно. Профессиональные адвокаты не любят теоретизировать. Обещаю одно: если доведу ваше дело до результата, мы оба извлечем выгоду. Мисс

Беллингэм, поддержите меня, этим вы обрадуете и доктора Барклея.

– Доктор Барклей тоже заинтересован?

– Еще как! Он даже предлагал мне в качестве гонорара собственные средства.

– Это правда? – спросила она, взглянув на меня с таким выражением, что я забеспокоился.

– Не совсем. – Я густо покраснел от смущения, в душе посылая Торндайка к черту за его болтливость. – Я только говорил, что опытному адвокату требуется достойное вознаграждение, ну и все такое прочее. Пожалуйста, не ругайтесь, мисс Беллингэм.

Она спокойно выслушала мои оправдания, после чего мягко произнесла:

– У меня и в мыслях нет бранить вас, просто я подумала, что бедность имеет и хорошую сторону. Вы все, господа, так добры к нам! Решать моему отцу, а что до меня, я с низким поклоном приняла бы предложение доктора Торндайка о помощи, сделанное к тому же столь деликатно.

– Ладно, дорогая, – просветлел мистер Беллингэм. – Мы согласны, доктор Торндайк, хотя нам, конечно, неловко... Вручаем вам свою судьбу с огромной благодарностью. Я заранее согласен на все, что вы сочтете необходимым.

– Ура! – обрадовался я. – Это нужно отметить. Разрешите предложить вам немного портвейна, мисс Беллингэм? – Я разлил бутылку гостям, мы встали и выпили за новый союз.

– Как только вы, мистер Беллингэм, получите от адвоката мистера Хёрста официальное извещение о начале судебной процедуры, – произнес Торндайк, когда мы сели, – направьте его мистеру Марчмонту в Грейс-Инн; именно он станет вашим номинальным поверенным. Фактически он ничего делать не будет, но нам нужно изобразить, будто я действую по указанию адвоката. Пока заседания не открыты, нельзя, чтобы мистер Джеллико или кто-либо другой знали о моем участии. Наша задача – держать противников в неведении.

– Клянусь молчать, как могила, – заверил мистер Беллингэм. – Кстати, я общался с Марчмонтом. Он выступал на процессе Джеффри Блэкмора – том самом, который вы так блистательно провели. Я знал и Блэкморов.

– Как тесен мир! – воскликнул Торндайк. – А согласитесь, славное было дело! По-моему, чем запутаннее, тем интереснее, а тут еще целый ряд встречных исков. Для меня оно особенно памятно, потому что я впервые работал вместе с доктором Джервисом, моим талантливым молодым коллегой.

– Вы преувеличиваете мою роль, – спокойноотреагировал Джервис, – хотя, впрочем, в двух-трех эпизодах я действительно принес вам пользу. Дело Блэкморв чем-то напоминает ваше, мистер Беллингэм. Там тоже было исчезновение и спорное завещание, а без вести пропал ученый антикварий.

– Юридические казусы часто походят один на другой, – резюмировал Торндайк, строго посмотрев на Джервиса, и вдруг переменял тему: – Газеты подробно писали о пропаже вашего брата, мистер Беллингэм. Приводились даже планы вашего дома в Вудфорде и квартиры Хёрста в Элтеме. Вы не знаете, кто снабдил репортеров этими данными?

– Понятия не имею, – помотал головой Беллингэм, – только не я. Какие-то газетчики приходили ко мне, но я их выставил. Насколько мне известно, Хёрст поступил так же. По поводу Джеллико у меня нет сомнений: скорее устрица заговорит на перекрестном допросе, чем он проронит лишнее слово.

– Журналисты умеют добывать материал, но ведь кто-то предоставил им планы ваших домов и описание наружности вашего брата? Вопрос довольно важный, и жаль, что мы не знаем ответа. Ладно, извините, я что-то увлекся судебной темой, – нахмурился Торндайк.

– Господа, перейдемте в гостиную, – предложил я. – Служанка пока уберет со стола и приготовит десерт. – Мы расселись в соседней комнате, куда мисс Деммер подала кофе, а я подошел к маленькому роялю и поднял крышку: – Мисс Беллингэм, сыграете нам что-нибудь?

– Я почти два года не прикасалась к клавишам, – горько вздохнула она.

– Не волнуйся, дорогая, – успокоил ее мистер Беллингэм и неожиданно спросил Торндайка: – Вы читали, что полиция обнаружила фрагменты человеческого тела?

– Да, я видел эти публикации и отложил для осмысления.

– На меня они произвели пагубное впечатление. Вы ведь наверняка, как и я, подумали, что это останки бедного Джона?

Торндайк помолчал, опустив глаза, потом произнес:

– Не удивительно, что вы связали страшные находки с исчезновением своего брата. Я рад бы убедить вас, что вы ошибаетесь, но это прозвучит неискренне. В таком случае надо доказать обратное, а я не в состоянии.

Мистер Беллингэм беспокойно задергался на стуле и обхватил голову руками:

– Ужасно, впору сойти с ума. Может, вы, доктор, хотя бы поделитесь своими соображениями? Какие аргументы – «за», а какие – «против»?

Торндайк задумался, и мне показалось, что ему не хочется касаться

этой темы. Однако вопрос был поставлен ребром, и профессор не стал кривить душой:

– Давайте рассуждать теоретически. По найденным до сих пор фрагментам нельзя точно установить личность погибшего. Общий вид и размер костей позволяют предположить, что они принадлежали немолодому мужчине ростом приблизительно таким, как у вашего брата. Спрятали их примерно в то время, когда исчез мистер Джон.

– Разве известно, когда их спрятали? – опешил Годфри Беллингэм.

– Что касается костей из Сидкапа, то да, временной промежуток установить можно. Два года назад грядки с листовыми овощами и окрестные пастбища очищали от личинок двуустки в связи с массовым падежом овец. Никаких костей тогда не было. Но недавними – возрастом, допустим, менее года – останки тоже назвать нельзя, иначе сохранились бы следы мягких тканей. Конечно, газетчики и я вслед за ними слегка утрируем, однако ничего более точного на сегодняшний день не известно.

– Не нашлось ли более крупной части скелета? Сам я не покупаю газет, но моя квартирная хозяйка мисс Оман принесла целую пачку; я начал читать, не выдержал и вышвырнул их в окошко.

Я заметил лукавую искорку в глазах Торндайка, но он погасил ее и сухо сказал:

– Постараюсь кратко и по памяти изложить детали, хотя не ручаюсь за точность дат. Пятнадцатого июля в Сидкапе обнаружили скелет левой руки с отсутствующей фалангой безымянного пальца, а также плечевую кость и ключицу. Событие всколыхнуло местное население, и молодежь вскоре обшарила все ближайшие пруды и овраги.

– Каннибалы! – фыркнул мистер Беллингэм.

– На берегу Крэя отыскали правую бедренную кость, по которой с большой вероятностью можно установить личность жертвы. На головке кости замечено гладкое, как фарфор, пятнышко – особенность, характерная для суставов в случае, если естественный хрящевой покров подвержен патологии. Проще говоря, это результат трения двух костей с незащищенными поверхностями.

– И по данному признаку опознают погибшего? – растерянно спросил мистер Беллингэм.

– Покойный, похоже, страдал ревматической подагрой, слегка прихрамывал и жаловался на боль в правом бедре.

– Джон сильно хромал, но по другой причине: еще в молодости он повредил левую лодыжку и стоически переносил боль. Впрочем, извините, что прервал вас.

– В западной части Кента полицейские вытащили из пруда правый голеностопный сустав. Плохо, что не левый, иначе у нас появилась бы зацепка, ведь если у мистера Джона сломана левая лодыжка, то на голени наверняка остались следы деформации.

– Да, – кивнул Беллингэм, – у брата был так называемый перелом Потта.

– После этой находки стражи порядка начали тотально прочесывать окрестности Лондона и двадцать третьего июля в лесу Эппинг недалеко от Вудфорда обнаружили скелет руки вместе с плечевой костью и ключицей – как и в Сидкапе, но только правой. То, что это фрагменты одного и того же тела, почти не вызывает сомнений.

– Ох, – застонал мистер Беллингэм, – я слышал об этом. Совсем рядом с нашим прежним домом. Кошмар! Вдруг на бедного Джона напали и убили его как раз в ту минуту, когда он шел ко мне? Меня пронизывает дрожь, едва я подумаю об этом. Может, он уже проник в усадьбу через заднюю калитку, а за ним юркнул злодей? Вы ведь помните, что именно там подобрали скарабея, которого брат носил на цепочке от часов. Господи, неужели кости руки из Эппинга и впрямь соответствуют тем, что из Сидкапа?

– По структуре и размерам они идентичны, – заверил Торндайк. – Этот факт подтверждается находкой двухдневной давности.

– Еще находка? Боже правый!

– На опушке леса в Лутоне из пруда извлекли несколько ребер, суставов и позвонков. Воду выкачали, дно осмотрели, но больше ничего не обнаружили, и это странно. Логично было бы предположить, что там же окажутся остальные ребра и части осевого скелета. Получается, что убийца прятал фрагменты или бессистемно, или с какой-то одному ему ведомой изощренностью, но не стану вдаваться в неприятные подробности. В выемке правого бедренного сустава замечены следы, аналогичные тем, что и на головке найденной ранее кости. Рискну утверждать, что все кости – от одного скелета.

– Понятно, – сник мистер Беллингэм. – Теперь осталось выяснить, принадлежат ли они моему брату Джону. Что вы думаете, доктор Торндайк? Говорите прямо. Я уже приготовился к самому худшему.

– Определенный ответ вам сейчас никто не даст, и я в том числе. В-первых, нужна судебно-медицинская экспертиза останков, во-вторых, поисковые работы еще не завершены, и в любой момент всплывут такие находки, которые разрешат все вопросы.

– Мне придется участвовать в опознании Джона? – испуганно

прошептал мистер Годфри.

– Не терзайтесь раньше времени, – посоветовал Торндайк. – А пока в мельчайших подробностях опишите мне внешность своего брата и составьте перечень его болезней и телесных повреждений. Мне также понадобится список имен и адресов всех докторов, хирургов и дантистов, которые когда-либо лечили мистера Джона. Особенно важны дантисты; я надеюсь, что череп покойного вскоре обнаружат, и тогда показания зубных техников окажутся бесценными.

– Я напишу все, что нужно, и пришлю без промедления, – пробормотал Годфри, дрожа от страха. – Ради бога, давайте хоть на время забудем этот кошмар. Руфь, возьми ноты и сыграй нам что-нибудь.

Я подал мисс Беллингэм несколько тетрадей с классической фортепианной музыкой, и она превосходно исполнила одну из пьес Мендельсона. После этого отец и дочь распрощались с нами и ушли.

Глава 11

Блуждание в потемках

– Итак, вступаем в игру, – заявил Торндайк, раскуривая трубку. – Наш оппонент пока осторожничает и чувствует себя неуверенно.

– Почему вы такого мнения? – спросил я у доктора.

– Хёрст и Джеллико заранее планировали подкупить Беллингэма, чтобы он им не препятствовал. Заметьте, ему предложили немалую сумму. О чем это, по-вашему, свидетельствует? У Беллингэма нет аргументов против признания факта гибели его брата. Но и у Хёрста нет доказательств того, что Джон Беллингэм мертв.

– Да, – кивнул Джервис, – имей Хёрст хоть пару козырей, он не согласился бы платить по четыреста фунтов в год своему противнику. Нам это на руку, поскольку и у нас карты неважные.

– Давайте взвесим, какими ресурсами мы располагаем, – предложил Торндайк. – У нас всего один и довольно незначительный козырь: очевидное намерение завещателя оставить все свое богатство младшему брату.

– Вы собираетесь начать поиски?

– Мы уже начали их, дорогой Барклей, на другой день после того, как вы раздобыли копию завещания. Джервис просмотрел все метрические книги и установил, что со времени исчезновения интересующего нас джентльмена в этих приходах не хоронили человека по имени Джон Беллингэм. Так мы и думали. Кроме того, Джервис выяснил, что кто-то помимо нас наводил аналогичные справки. Этот факт тоже нетрудно было предсказать.

– А ваши собственные расследования?

– Они пока не дали должных результатов. Но доктор Норбери из Британского музея отнесся ко мне с участием и обещал всяческое содействие. Пожалуй, я прибегну к его помощи в своих изысканиях на предмет того, какое влияние оказывает время на физические свойства различных веществ.

– Раньше вы не упоминали об этом, – удивился Джервис.

– Я лишь недавно набросал план опытов и пока не уверен в их эффективности. Считаю вероятным, что с течением лет такие вещества, как дерево, кость, глина, штукатурка, подвергаются молекулярным изменениям. Если эксперименты подтвердят мою гипотезу, судебная медицина шагнет

далеко вперед, и не только она. Ведь тогда эксперты научатся определять возраст объектов разного химического состава, наблюдая за их реакцией на электричество, тепло, свет и другие молекулярные колебания. Я ищу сотрудничества с доктором Норбери, поскольку в его силах предоставить мне для опытов объекты столь древние, что на них будут особенно заметны всевозможные воздействия извне. Однако вернемся к нашим проблемам. Именно от Норбери я узнал, что у Джона Беллингэма были друзья во Франции – коллекционеры и музейные работники, которых он посещал как с научными целями, так и для обмена раритетами. Я навел справки: ни один из них не встречался с египтологом во время его последнего визита в Париж. Более того, я не нашел ни единого человека, кто видел бы Джона Беллингэма тогда в Париже. В общем, эта поездка – сплошная загадка.

– Но ведь он возвратился отсюда, – заметил я, – значит, был там?

– Не обязательно, – возразил профессор, – нельзя определить значение неизвестного. Факты, которыми мы располагаем, взяты в основном из газет и допускают несколько толкований; их придется разбирать в суде, поэтому давайте подготовимся заранее. Я наметил пять гипотез. Первая: Джон Беллингэм жив. Вторая: он умер, и его похоронили неопознанным. Третья: его убил неизвестный преступник. Четвертая: с ним расправился Хёрст, а тело спрятал. Пятая: его лишил жизни родной брат Годфри. Рассмотрим по очереди каждую версию.

Если египтолог жив, значит, он: а) добровольно скрылся; б) внезапно потерял рассудок и где-то скитается; в) попал в тюрьму по ложному обвинению или по другим причинам. Добровольное исчезновение крайне неправдоподобно.

– Джеллико с этим не согласен, – вставил я. – Он говорит, что люди иногда исчезают, а потом внезапно возвращаются.

– Тогда почему он ходатайствует о признании факта смерти?

– Я спрашивал его. Он ответил, что в таком поступке нет ничего некорректного, ибо вся ответственность лежит на суде.

– Ерунда, – нахмурился Торндайк. – Джеллико состоит поверенным Джона Беллингэма, и если он считает, что его клиент жив, то обязан обеспечить неприкосновенность его имущества. На самом же деле Джеллико, как и я, убежден, что коллекционера нет в живых, но по каким-то причинам поверенный лицемерит.

– Но ведь случается, – настаивал я, – что люди отсутствуют годами, а затем появляются.

– Это или бродяги, которые скрываются от ответственности, или неудачники, попавшие в беду. Какой-нибудь чиновник, стряпчий, лавочник

всю жизнь проводят на одном месте за нестерпимо однообразным занятием и вдобавок страдают от сварливой жены. Долгие годы они терпят, но однажды такой ад становится невыносимым, бедняги сбегают в неизвестном направлении, и лично я их не осуждаю. Но Беллингэм? Богатый холостяк, привыкший распоряжаться своей жизнью: путешествовать, куда захочется, делать, что вздумается, – зачем ему исчезать? Это невероятно.

Следующий пункт: он внезапно лишился рассудка и потерялся. Вздор! При нем имелись визитные карточки и письма, его белье помечено вензелями, да и полиция повсюду наводила справки о богатом сквайре. Гипотезу о тюрьме отмечаем сразу: и до и после вынесения приговора заключенному разрешается сообщить о себе родным и близким. Насчет внезапной смерти Джона Беллингэма я сильно сомневаюсь, да и кто стал бы хоронить его без опознания? Вызвали бы полицию. Допустим, его ограбили, избили до неузнаваемости и бросили умирать – согласитесь, шаткое предположение, кто-нибудь все равно заметил бы. Третья версия – убийство неизвестным разбойником – имеет право на существование, но полиция искала пропавшего, в газетах не раз печатали его подробнейшие приметы. Неужели преступник так ловко спрятал тело? А за что он убил Беллингэма? С целью грабежа? Маловероятно, что какой-то воришка способен с таким криминальным мастерством замести свои следы.

Четвертая версия: Беллингэма убил Хёрст. Какие же у него мотивы? Джеллико уверяет, что только он один знал содержание завещания. Следовательно, Хёрст, вроде бы, не догадывался, что ему выгодна смерть кузена. Тем не менее я не отбрасываю эту ниточку. Во-первых, Джеллико мог солгать. Во-вторых, Джона Беллингэма в последний раз видели живым в квартире Хёрста. Он вошел туда, но вышел ли – свидетелей нет. Не забывайте: мои рассуждения базируются в основном на газетных публикациях. И вдруг оказывается, что именно Хёрста смерть его родственника делает богачом.

– Вы не учитываете, – возразил я, – что, как только египтолога хватились, Хёрст вместе с прислугой обыскал весь дом.

– Что же они искали?

– Мистера Беллингэма, разумеется.

– Верно. Они просто заглянули во все комнаты, ибо полагали, что гость жив и где-то уединился. Они ведь не шарили под диванами, не отодвигали мебель, а ограничились беглым осмотром помещений. Однако они не нашли Беллингэма. Что, если к тому времени его уже кто-то убил, а труп засунул, к примеру, в шкаф?

– Предположение жуткое, но правильное, – вмешался Джервис. – Нет доказательств того, что египтолог не находился в квартире Хёрста мертвым, когда его искали.

– Допустим, – сказал я, – но ведь надо было как-то отделаться от тела, оставаясь незамеченным?

– Ага, – кивнул Торндайк, – вот мы и подошли к самому главному. Что всегда было, есть и будет камнем преткновения для убийц? Избавиться от тела жертвы. Скрыть человеческое тело, – продолжал он, задумчиво глядя на свою трубку точно так же, как во времена моего студенчества на кусочек мела, – крайне трудно. Оно большое, тяжелое и неудобное для перемещения; его нельзя сжечь без остатка; разлагаясь, оно выделяет зловонные газы и в то же время содержит прочные ткани, по которым легко опознать убитого. Труп не уберечь от разложения, но и не уничтожить без следа.

– По-вашему, мир еще увидит Джона Беллингэма?

– Я почти уверен в этом, – ответил Торндайк. – Единственный вопрос: когда? Завтра или лет через сто, когда все, что связано с нашим делом, будет позабыто?

– Давайте разберемся теоретически, как Хёрст избавился от тела, если он действительно убил своего гостя и на время спрятал труп в доме, – предложил я друзьям.

– Он мог или зарыть тело в усадьбе, или расчленив его и закопать в разных местах, – пояснил Торндайк. – Но почему преступник, если он неглуп, выбрал участок вблизи овощных грядок, где регулярно снуют люди? Вот что непонятно.

– Да, это ошибка. Кстати, я заметил, что вы, беседуя с мистером Годфри о найденных костях, не заострили внимания на отсутствующем безымянном пальце левой руки. Почему? Ведь деталь весьма важная? – спросил я Торндайка.

– Для установления личности? Нет, при данных обстоятельствах едва ли. Если бы пропал господин, у которого недоставало четвертого пальца, тогда да. Однако я не читал и не слышал про такого человека. Если бы палец ампутировали при жизни, факт имел бы значение. Но такими данными мы не располагаем. Палец могли отрезать после смерти. В том-то и загвоздка.

– Вы о чем, профессор? – насторожился Джервис.

– О том, что при отсутствии сведений о живом человеке с ампутированным безымянным пальцем возрастает вероятность того, что палец отрезали трупу. Палец ведь не сам отпал? Тогда кто его отделил, куда

унес и с какой целью? Ваше мнение?

– Трудные вопросы, – покачал головой Джервис, – но если палец имеет какой-нибудь дефект, например вывихнутый сустав, по нему можно опознать личность жертвы.

– Получается замкнутый круг. Повторяю: нет никаких данных о человеке с вывихнутым или изуродованным пальцем.

Джервис наморщил лоб и беспомощно взглянул на меня:

– Разрази меня гром, если я что-то понимаю в этой путанице, а ты, дружище Барклей?

– Я тоже.

– Вы забываете, какого именно пальца не хватает, – подчеркнул Торндайк. – Четвертого на левой руке.

– О, до меня дошло! – вскричал Джервис. – На этом пальце обычно носят кольцо. Вы полагаете, палец отрезали из-за кольца, которое нельзя было снять? Наверное, оно туго сидело?

– Да, не первый случай такого рода. Не только у мертвецов, но и у живых отсекали пальцы из-за колец, слишком узких, чтобы их стащить. То, что это левая рука, лишь подтверждает мою гипотезу. Узкие кольца носят на левой руке те люди, чьи пальцы тоньше, чем на правой, – врожденная особенность, причем нередкая. Что с вами, Барклей? На вас лица нет.

Внезапная догадка озарила меня:

– Какой я болван, друзья! Мне следовало давным-давно рассказать вам одну важную вещь. Джон Беллингэм носил кольцо настолько узкое, что, единожды надев, он уже не мог его снять.

– На какой руке? – оживился Торндайк.

– На левой! Мисс Беллингэм сообщила мне, что у ее дяди пальцы этой руки были тоньше, чем правой.

– Ну вот, – улыбнулся Торндайк. – Мы получили исходную точку для новых соображений.

– Например? – уточнил Джервис.

– Видите ли, коллеги, теперь, когда я выступаю от имени Годфри Беллингэма, вам лучше самим выстраивать умозаключения.

Джервис усмехнулся и некоторое время молчал, набивая трубку, потом сказал:

– Вернемся к разбору версий. Мы еще не закончили с четвертой и не приступали к пятой. Итак, Хёрст мог убить своего кузена? Я уверен, что да.

– Дорогой друг, не подумайте, будто я его обвиняю. Я лишь чисто умозрительно перебираю разные варианты. Теоретически убить мистера Джона могли и Беллингэмы, но, познакомившись с ними, я готов поставить

их вне подозрений. Что касается Хёрста, у нас мало или почти нет фактов против него.

– Но вы ведь что-то выяснили? – упорствовал Джервис.

– Да, попытался, – не без колебания начал Торндайк, – и пришел к выводу: копаться в прошлом любого человека – отвратительное занятие. Однако ради истины я навел справки. Хёрст, как известно, биржевой маклер, занимавший твердое положение и имевший хорошую репутацию. Но лет десять назад он по неосторожности попал в трудную ситуацию. Похоже, он совершил ряд крупных сделок, значительно превышавших его состояние. Биржевые ставки внезапно обрушились, все его расчеты пошли прахом, и тут выяснилось, что он пользовался в личных целях средствами и обеспечениями своих клиентов. Казалось, ему грозят крупные неприятности, но неожиданно он, видимо, заняв нужную сумму, удовлетворил всех кредиторов. До сих пор неизвестно, откуда он раздобыл деньги. Важно, что он достал их и заплатил долг сполна. Конечно, эта интрига не в его пользу, но прямого отношения к исчезновению Джона Беллингэма она не имеет.

– Однако вынуждает нас внимательно присмотреться к другим спекуляциям мистера Хёрста, – ответил Джервис, – не исключено, что и найдется какая-то зацепка.

– Так и поступим, – согласился Торндайк.

Глава 12

В поисках истины

Спустя два-три дня после памятного ужина я чистил шляпу в прихожей, чтобы отправиться с утренними визитами, как вдруг мне доложили, что в амбулатории меня ждут два господина. Я помчался туда и застал в приемной Торндайка и Джервиса. Оба выглядели взволнованными, и профессор перешел прямо к делу:

– В ваших силах, Барклей, оказать немалую услугу Беллингэмам.

– С удовольствием. Что же требуется?

– Сейчас объясню. Вы ведь знаете, – а впрочем, может, и нет, – что полиция доставила все кости в Вудфорд, в местный морг, где их освидетельствуют коронер и присяжные. Мне необходимы более точные и надежные сведения, чем те, которые я позже почерпну из газет. Я бы и сам съездил на осмотр, но по некоторым соображениям мое вмешательство в данное дело желательно держать в тайне. В общем, отправиться туда я не могу, Джервис тоже. По мнению репортеров, полиция почти не сомневается в том, что найдены части скелета Джона Беллингэма. В такой ситуации вы как врач Годфри Беллингэма просто обязаны якобы по его поручению принять участие в экспертизе останков.

– Я готов. Но как это устроить? Мне придется уехать на целый день, бросив больных на произвол судьбы.

– Мы постараемся все уладить, – пообещал Торндайк. – Ваша помощь крайне важна по двум причинам. Во-первых, начинается следствие, и кто-то должен контролировать процесс в интересах Годфри Беллингэма. Во-вторых, наш клиент получил от поверенного мистера Хёрста уведомление: через несколько дней открывается судебное заседание о признании Джона Беллингэма мертвым и вступлении его завещания в законную силу.

– Как-то поразительно быстро, – пожал я плечами.

– Да, наши противники взяли быка за рога, и нам тоже надо взбодриться. Учтите, следствие – генеральная репетиция перед судом. Мы обязаны использовать все шансы.

– Я понимаю, но что делать с больными?

– Если ты согласен, Барклей, я сию минуту найду врача, который тебя подменит, – предложил Джервис.

– Спасибо, буду рад. Как только он появится, я его проинструктирую и немедленно отправлюсь в Вудфорд.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Торндайк. – У меня словно гора с плеч свалилась. Вечером загляните ко мне: покурим, обсудим план кампании, и я расставлю приоритеты, какие сведения для нас особенно важны.

– Ладно, постараюсь зайти в полдевятого, – пообещал я, и мы распрощались.

Я ввел своего заместителя в курс дела и вскоре уже сидел в углу купейного вагона, держа трубку в руках и перебирая в памяти события недавнего прошлого. Вытащив из кармана листочки с указаниями Торндайка, я перечел их несколько раз. Они поражали своей детальностью и доходчивостью: видимо, профессор не очень-то полагался на мою искушенность в судебно-медицинских вопросах. Вход в морг, куда я приехал, охранял сержант полиции, окинувший меня подозрительным взглядом. Человек десять журналистов, подобно стае шакалов, сновали у дверей.

Я предъявил ордер, полученный мистером Марчмонтом, поверенным Годфри Беллингэма, у coronera. Сержант тщательно осмотрел документ, прикрывая его ладонью от любопытных газетчиков, заглядывавших через плечо, и пропустил меня вперед. За мной юркнули трое самых наглых репортеров, но сержант сию минуту выпроводил их, запер входную дверь на ключ и повел меня в помещение. Я совсем не обрадовался такой опеке.

Кости лежали на большом столе под тканью. Сержант приподнял покров, не спуская с меня лукавых глаз, дабы оценить, шокирует меня открывшееся зрелище или нет. Похоже, полицейского разочаровал мой бесстрастный вид, ведь я со студенческой скамьи изучал анатомию и, в частности, остеологию и привык к человеческим останкам.

Кости располагались в должном порядке, о чем позаботился районный врач. Не доверяя ему, я тщательно пересчитал их и сверил по списку, составленному Торндайком, чтобы убедиться, что все в наличии.

– Выходит, обнаружена и левая бедренная кость? – спросил я, заметив, что в перечне она не обозначена.

– Ага, – буркнул сержант, – вчера вечером в местечке Литтл-Монкс, в пруду, точнее, на песчаной отмели.

– Это недалеко отсюда?

– По дороге в Лутон.

Я сделал пометку в блокноте, а сержант посмотрел на меня так, будто пожалел, что сообщил мне новость. Затем я приступил к детальному осмотру. Выглядели кости неаккуратно: их не очистили от водорослей, не отскоблили от ила, и непонятно было, естественна их красновато-желтая окраска или нет. Однако все кости имели такой вот странный цвет, и я

записал это, чтобы затем обдумать. Пребывание в воде оставило кое-какие следы, но по ним вряд ли удалось бы определить, сколько времени кости пролежали там. К некоторым из них прилипли экскременты моллюсков, а в одной из выемок правой лопатки я заметил гнездышко речного червя, вылепленное из глины. Очевидно, кости находились во влажной среде очень долго, и мягкие ткани давно разрушились. Я скрупулезно зафиксировал положение прилипших микрочастиц, а также сделал грубые зарисовки. Размеры и общий вид парных костей не оставляли сомнения в том, что они принадлежали к единому целому.

Сержант, снисходительно следивший за моими действиями, с ухмылкой спросил:

– Неужели, сэр, яйца улиток помогут вам установить личность погибшего? Что касается мерок, – добавил он, увидев у меня в руках линейку, – их снимали уже раз десять.

– Моя задача, – парировал я, – произвести независимое обследование и, если понадобится, подвергнуть сомнению все предыдущие.

Закончив измерения, я опять внимательно осмотрел кости на предмет каких-нибудь редких особенностей, о которых предупреждал Торндайк. Увы, все останки выглядели вполне стандартно.

– Каково ваше заключение, сэр? – любопытно спросил сержант, когда я закрыл блокнот и выпрямился. – Это кости мистера Джона Беллингэма?

– Трудно сказать, чьи они. Прошло много времени.

– Ну вот, – с напускным огорчением произнес сержант, – а я думал, что благодаря блокноту и линейке вы придете к точному выводу.

Я не обиделся, ведь в сущности он был прав: результаты моей экспертизы выглядели весьма жалкими, и я опасался разочаровать своего бывшего преподавателя.

Сержант накинул на кости ткань, и в тот же миг в дверь постучали. Он повернул ключ и впустил троих незнакомцев. Один был местным констеблем, второй – чернорабочим в забрызганной грязью одежде и с небольшим мешком за спиной. В третьем я сразу узнал врача. Сержант оставил дверь открытой и спросил меня:

– Вы закончили, сэр? Моя помощь больше не требуется?

– Это районный врач? – шепнул я сержанту.

– Да, именно так, – ответил вновь прибывший, услышав мой вопрос. – Моя фамилия Сэммерс. Что вам угодно?

– Это господин Барклей, ваш коллега, – пояснил сержант, – получивший разрешение коронера осмотреть кости. Он – представитель семьи покойного, то есть мистера Годфри Беллингэма.

– Понятно, – сказал врач. – У нас новость: обнаружены недостающие ребра. Правильно, Дэвис?

– Да, сэр, – подтвердил констебль. – Инспектор Бэджер говорит, что теперь все ребра и шейные позвонки в сборе.

– Ваш инспектор разбирается в анатомии? – сделал я удивленное лицо.

– Мистер Бэджер – знающий человек, – вмешался сержант. – Он приезжал сюда рано утром, долго осматривал кости и проверял их по списку. По-моему, он до чего-то докопался, но пока держит в секрете.

– Выкладывай новые кости на стол, – велел Сэммерс рабочему. – Да не вытряхивай их из мешка, это не уголь! Вынимай осторожно.

Рабочий извлек одну за другой влажные грязные кости, и врач разложил их в нужном порядке.

– Да, Бэджер молодец, – похвалил он. – Кости лежат правильно. Инспектор и вправду кое-что смыслит в анатомии. Может, он раньше работал мясником? Я заметил, как ловко он орудует ножом. Так мясник в лавке разделяет баранью ножку. Ты все вытащил? Проверь мешок еще раз.

– Да, сэр! – гаркнул рабочий, вытирая грязные руки о штаны. – Все, как приказывали.

Врач взглянул на кости, передвинул их и неожиданно произнес:

– Инспектор прав. Все шейные позвонки здесь, но кое-что странно...

– Что именно? – встрепенулся я, уставившись на него.

– Действия потрошителя. Он как будто намеренно усложнял себе задачу. Например, аккуратно отделил череп от самого верхнего позвонка, атланта, вместо того чтобы одним махом перерубить шею. Части тела он прятал хаотично: грудина и двенадцатые ребра обнаружены лишь сейчас, а двенадцатый спинной позвонок – раньше, вместе с нижним отделом скелета. К чему такие выкрутасы? Я в недоумении. Вот посмотрите. – Он прикоснулся кончиками пальцев к покрытой влажной грязью груди и, демонстрируя ее мне, прокомментировал: – Перед нами несомненное доказательство.

– Вы полагаете, что, соединив все кости, мы определим возраст покойного? Это, очевидно, человек на склоне лет.

– Да, судя по окостенению связок и хрящей, мужчина был далеко не молод. Костные манжетки ярко выражены. Дэвис, доложишь инспектору, что все останки в наличии, я проверил.

– Напишите это, пожалуйста, на бумаге, сэр, – попросил констебль. – Бэджер приказал, чтобы я принимал все отчеты только в письменной форме.

– Крючоктвор, твой Бэджер, – проворчал врач и достал блокнот. Перелистывая страницы, он спросил меня: – Каков, по-вашему, рост покойного?

– Пять футов восемь дюймов.

– А по моим расчетам, пять футов восемь с половиной дюймов, – сказал Сэммерс. – Точно установим, когда соберем «ноги». Дэвис, где в последний раз нашли кости?

– В пруду по дороге в Лордс-Бушес, сэр. А сегодня инспектор поехал...

– Неважно куда, – грубо оборвал его сержант. – Отвечайте по существу и займитесь делом.

Это замечание я принял на свой счет. Хотя сержант и держался со мной вежливо, я понял, что для полиции я – чужой человек, и никто не станет посвящать меня в подробности. Я поблагодарил коллегу и сержанта за прием, попрощался, вышел на улицу и встал в сторонке, не спуская глаз с двери морга. Вскоре оттуда показался констебль и направился куда-то по дороге. Я наблюдал за ним, пока он не удалился на достаточное расстояние, после чего двинулся следом. Дорога вела к опушке леса. Здесь я ускорил шаг, чтобы нагнать Дэвиса, но он внезапно свернул вбок, и я потерял его из виду. Я перешел на бег и снова заметил его, когда он выбрался на узенькую тропинку, ведущую в буковый лес, внизу густо поросший остролистником. Несколько минут я крался за констеблем, постепенно сокращая дистанцию, как вдруг уловил ритмичные звуки насоса. Вскоре до меня донеслись голоса, а полицейский сошел с тропинки и углубился в чащу.

Я осторожно продвигался за ним, ориентируясь по долетавшим до меня звукам, затем сделал крюк, чтобы приблизиться к людям со стороны, противоположной той, с которой появился констебль. Шум насоса вывел меня на лужайку, посреди которой располагался небольшой, ярдов двенадцать в ширину, пруд. На берегу я заметил маленькую рабочую тачку, на которой, похоже, привезли инвентарь: чан, сито, лопату, грабли и насос с длинной кишкой. Помимо констебля на лужайке находились трое: один возился с насосом, другой давал указания, а третий читал какую-то бумагу, только что доставленную Дэвисом. Этот важный полицейский с нескрываемой злостью взглянул на меня и крикнул:

– Вы куда, сэр? Сюда нельзя! Вы кто такой? Здесь проводится секретная операция. Прочь отсюда и немедленно!

– Инспектор Бэджер, не так ли? – храбро спросил я его. – Я осведомлен, чем вы тут занимаетесь.

– А, – криво усмехнулся он, – я тоже знаю, зачем вы явились. Но вам

придется уйти. Тут не место газетчикам.

Я поспешил рассеять его заблуждение, объяснив ему, кто я такой, и показал ордер коронера, который он прочел с явным раздражением.

– Все понятно, – сказал он, возвращая бумагу, – но это не дает вам права следить за действиями полиции. Все останки мы передаем в морг, и там осматривайте их, сколько угодно. Покиньте, пожалуйста, территорию.

Я, честно говоря, не собирался докучать инспектору, но его страстное желание отделаться от меня лишь разожгло мое любопытство. Пока он отчитывал меня, рабочий с насосом обнажил глинистое дно пруда и спросил, вертя в руках лопату:

– Чего дальше-то делать?

– погоди, – прервал его третий участник операции и сказал Бэджеру, кивнув в мою сторону: – Это представитель семьи Беллингэмов; коронер разрешил ему присутствовать при розысках, чтобы он проверял правильность донесений.

– Что?! – рассердился инспектор. – Нам не доверяют?

– Вы не так поняли. Если кости принадлежат скелету мистера Джона Беллингэма, то для его семьи данный факт гораздо важнее, чем для всех прочих. Покойный оставил богатое наследство и спорное завещание. Дело будет рассматриваться в суде.

– А какое это имеет отношение к оперативным мероприятиям? – вскинул брови инспектор и добавил: – Ладно, раз вы считаете нужным, пусть смотрит. Только не мешайте нам, – бросил он мне через плечо.

Тем временем рабочий с лопатой спустился на илистое дно, и мы затаили дыхание. Сначала он наклонился и поднял какой-то предмет – оказалось, кусок гнили, потом задержался возле лужицы в одной из впадин, внимательно осмотрел ее и выпрямился.

– Тут, вроде, кости, – промолвил он нараспев.

– Не копай вокруг, – распорядился инспектор. – Аккуратно поднимай ил на лопату и клади в сито.

Рабочий вылез на берег с ситом, полным илистой грязи, и они вдвоем с Бэджером принялись осторожно окунать сито в большой чан с водой. Я хотел приблизиться, но меня оттеснили. Все четверо, включая Дэвиса, нагнулись над чаном так низко, что совершенно скрыли его от меня. Вытянув шею, я пытался заглянуть то с одной, то с другой стороны. По мере того как инспектор опускал сито в воду, легонько встряхивая его, количество ила и грязи уменьшалось. Затем Бэджер вытащил сито из воды и наклонился еще ниже, чтобы осмотреть содержимое. Очевидно, обследование не дало нужных результатов, так как инспектор пробормотал

что-то невнятное. Наконец он выпрямился и, повернувшись ко мне с саркастической улыбкой, протянул мне сито:

– Как вам наша находка, доктор?

Я увидел прелые листья, водоросли, ракушки, улиток – словом, то, чему и положено быть на илистом дне старого пруда. Но помимо прочего в решете лежали три косточки, и я не сразу сообразил какие. Инспектор язвительно спросил:

– Ну? Что скажете? По-вашему, это человеческие останки?

– Без сомнения, – кивнул я. – Это сустав большого пальца ноги.

– Вот как? – пробурчал Бэджер. – А я думал... Нет, ничего особенного, просто он слишком крупный, вот и сбил меня с толку.

Я предложил возобновить поиски и оказался прав: за час с небольшим решето наполняли илом еще раз пять, и после просеивания скелет ноги был собран.

– Неплохой «улов», – хмуро произнес Бэджер, когда я проверял кости. – Вы довольны?

– Было бы еще лучше, – усмехнулся я, – если бы вы, разумеется, по секрету, сообщили мне, что конкретно тут искали? Ведь не ногу же?

– Искали, что попадется, – уклончиво ответил он, – и будем заниматься этим, пока не достанем все кости. Большинство речек и прудов уже осмотрены, а Конау-Уотер я оставил «на десерт»: пруд очень глубок, придется действовать с помощью драги. Зато не удивлюсь, если там обнаружится череп.

Я счел, что почерпнул достаточно информации и больше не нужно стеснять полицейских своим присутствием, поэтому поблагодарил их и попрощался. Осмотр скелета левой руки в морге навел меня на мысль: палец отрезали незадолго до смерти мужчины или, что вернее, сразу после нее. Похоже, кто-то пришел к аналогичному выводу и поделился им с Бэджером, ибо я почти не сомневался, что инспектор искал фалангу безымянного пальца. Но почему именно здесь, так далеко от Сидкапа, где обнаружили другие кости той же руки? Чего хотел добиться Бэджер при помощи этой находки? Ведь в отдельно взятой фаланге нет ничего особенно характерного, что позволило бы установить личность погибшего.

Я решил, что в этой истории кроется тайна, а Бэджер – лицо заинтересованное: кто-то снабжает его сведениями частного характера, причем секретными. Но кто конкретно и какими? Я тщетно ломал голову, пока не добрался до ближайшей гостиницы, где собирался перекусить перед следственным заседанием.

Глава 13

Допрос у коронера

Позавтракав и выкурив трубку, я отправился в длинное здание, расположенное недалеко от гостиницы и предназначенное, по-видимому, для отдыха и увеселений, а не для дознаний и судебных процедур.

Когда я пришел, присяжных еще не было: они осматривали останки в морге. Чтобы убить время, я стал разглядывать сначала картины на стенах, а потом посетителей в зале, пытаясь по внешнему виду угадать их профессию или род занятий. Сидел я в первом ряду в удобном кресле напротив стола, предназначенного, вероятно, для коронера. Наконец появился он сам в сопровождении присяжных, а за ними – судебный пристав, инспектор Бэджер, двое в штатском и Сэммерс, районный врач, с которым я беседовал в морге.

Коронер занял свое место и открыл книгу, присяжные сели на скамью по одну сторону длинного стола. Их было двенадцать: мелкие чиновники, лавочники, ремесленники – все с торжественно-серьезными лицами и напускной важностью. Среди них я заметил человечка невысокого роста, с непропорционально большой головой и щеткой торчавших ежиком волос и решил, что это сапожник. Он уселся между широкоплечим детиной, похожим на кузнеца, и краснолицым большеруким субъектом в засаленной неопрятной одежде, в котором я предположил мясника.

– Джентльмены, – приступил к своим обязанностям коронер, – нам предстоит прийти к согласию по двум главным вопросам. Первый – удостоверение личности погибшего, чьи останки сегодня освидетельствовали присяжные. Второй – установление времени и причины смерти. Начнем с обстоятельств, при которых были обнаружены фрагменты скелета.

Коронер начал по очереди вызывать свидетелей. Первым вышел фермер из Сидкапа, который заметил кости в овраге возле грядок.

– Когда грядки очищали от личинок в предыдущий раз? – спросил коронер.

– Два года назад в мае, перед тем как мистер Тэпер сдал их мне. Я тогда работал на том же самом месте и видел заболоченный овраг, но никаких костей ни в нем, ни где-либо еще возле грядок не было.

Коронер взглянул на присяжных. Человечек, которого я причислил к сапожникам, встал и хмуро спросил:

- Вы нарочно искали кости в овраге?
- Зачем? – опешил арендатор. – С какой стати?
- Не увиливайте, – насупился присяжный. – Отвечайте по существу.

Получив решительное «нет», сапожник мотнул крупной головой: ладно, мол, пока тебе сойдет это с рук. Допрос продолжился, и вызвали сержанта, обнаружившего в Эппинге кости правой руки.

– Вы наткнулись на них случайно? – задал протокольный вопрос коронер.

– Нет, я выполнял приказ Скотланд-Ярда обследовать все окрестные леса, пруды, овраги и колодцы. – Коронер промолчал, и сержант добавил: – После того как я отыскал руку, инспектор Бэджер вторично прочесал лес и нашел несколько костей туловища – это его личная заслуга.

– А почему вы обшаривали Эппинг? – спросил сапожник. – Вам кто-то специально указал на это место? Какое-то частное лицо?

– Нам не поступали сведения от частных лиц, – возразил Бэджер.

– Позвольте, – не унимался вредный присяжный, – сначала вы искали кости в Сидкапе, потом на берегу Крэя и еще где-то в Кенте и вдруг ни с того ни с сего очутились в лесу Эппинг в Эссексе. Кент и Эссекс не совсем рядом.

– Нам приказали расширить географию поисков, – невозмутимо ответил Бэджер.

– Вот оно что, – распалился сапожник, – я так и думал. Вы славно потрудились в Кенте, милях в двадцати отсюда, а затем явились в Вудфорд, напрямик пошли в лес и сразу обнаружили кости. Редкая удача!

– Ваша ирония неуместна, – покраснел Бэджер. – В Эппинге были кости, и мы нашли их; составлен протокол, привлечены свидетели.

Присяжные переглянулись, а сапожник хмыкнул от удовольствия.

– Считаю данный вопрос несущественным, – вмешался коронер, – и прошу не отвлекать представителей полиции по пустякам.

– Протестую! – крикнул сапожник. – Инспектора заранее уведомили, что в лесу Эппинг спрятаны кости.

Коронер призвал беспокойного присяжного к порядку и продолжил допрос. Вызвали Сэммерса, районного врача.

– Вы осматривали кости в морге? – спросил коронер. – Какие выводы можете представить следствию?

– Все кости принадлежат человеку мужского пола и относятся к одному скелету, – объявил врач. – К настоящему моменту недостает черепа, четвертой фаланги левой руки, надколенников, а также костей и суставов левой ноги, точнее голени, поскольку левая бедренная кость в наличии.

- Левая рука имеет врожденное увечье?
- Нет, палец был ампутирован, причем посмертно.
- Что вы готовы сообщить о покойном по итогам анализа костей?
- Это человек лет шестидесяти, ростом около пяти футов восьми с половиной дюймов, крепкого сложения, мускулистый, бодрый и молодежавый. Состояние здоровья хорошее. Никаких серьезных заболеваний, кроме застарелой подагры правого бедренного сочленения, я не обнаружил.
- Причина смерти?
- Признаков насилия, ран и повреждений не выявлено. Вывод носит предварительный характер ввиду отсутствия данных о состоянии черепа.
- Вы заметили что-нибудь особенное?
- Тот, кто расчленил труп, знаком с анатомией. Кости разделены в соответствии с анатомической классификацией. Шейные позвонки целы и заканчиваются атлантом – это «почерк» знатока, поскольку невежда просто-напросто отрезал бы голову поперек шеи. Руки отделены вместе с лопаткой и ключицей, как будто для препарирования. Кости в сочленениях отторгнуты друг от друга аккуратно, не заметно ни царапин, ни зарубок.
- Кто, по-вашему, мог иметь такие познания и навыки?
- Вероятно, врач, студент-медик либо мясник, то есть лицо, привыкшее к диссекции трупов и ловко орудующее ножом.
- Протестую, господин коронер, – вскочил с места сапожник. – Доктор Сэммерс утверждает, что преступник – человек уважаемой профессии, представитель которой есть в числе присяжных.
- Оставьте меня в покое, – буркнул хмурый, большерукий субъект, который, как выяснилось, и вправду работал мясником в лавке.
- Нет, погодите...
- Замолчи, Поп, – пробасил широкоплечий кузнец и потянул сапожника за полы сюртука, принуждая сесть.
- Мистер Поп не уgomонился и потребовал, чтобы его протест внесли в протокол, а коронер в очередной раз попросил его вести себя прилично и не прерывать свидетеля.
- Сколько времени прошло со смерти покойного? – возобновил он допрос врача.
- Полтора года, не меньше. Насколько больше – визуально определить сложно: кости очистились от мягких тканей и в нынешнем своем состоянии сохранятся на долгие годы. Мое мнение вполне согласуется с показаниями господина арендатора: два года назад в мае никаких костей в Сидкапе он не видел.
- Не имеется ли специфических признаков, по которым кости можно

идентифицировать?

– Я не нахожу особенностей, которые позволили бы установить личность погибшего.

– Следствие располагает описанием некоего без вести пропавшего лица, – сообщил коронер, взял лист бумаги и бесстрастно зачитал: – «Мужчина пятидесяти девяти лет, рост пять футов восемь дюймов, крепкого телосложения. Особая примета: перелом Потта на левой лодыжке». Проведенная вами, мистер Сэммерс, экспертиза костей подтверждает данные, которые я огласил?

– Судя по размеру скелета, человек был на полдюйма выше – пяти футов восьми с половиной дюймов; состояние костей свидетельствует, что их обладателю около шестидесяти лет. Перелом Потта не комментирую, поскольку кость левого голеностопного сустава до сих пор не найдена.

– Вы заявили, что покойный был на полдюйма выше без вести пропавшего мужчины. Значит, это разные люди?

– Неизвестно. Обнаружены не все кости ног, поэтому рост определен не с абсолютной, а с относительной точностью; я измерял длину бедренных костей и распростертых рук, и данные совпали. Покойный имел рост от пяти футов восьми дюймов до пяти футов девяти дюймов.

Коронер поблагодарил доктора и взглянул в сторону присяжных, чем не замедлил воспользоваться неукротимый Поп.

– Почему отрезан палец на левой руке? – спросил он.

– Фаланга пальца пока не обнаружена, поэтому мистер Сэммерс не в состоянии сделать выводы, – ответил коронер.

– А у того лица, чьи приметы вы, сэр, нам зачитали, этот палец был? – допытывался сапожник.

– В описании нет ни слова о его отсутствии.

– Может, инспектор Бэджер разъяснит суть дела? Или это тайна? В таком случае я снимаю вопрос, но меня беспокоит, как мы вынесем приговор, если наиболее важные факты от нас скрывают?

Коронер устало вздохнул, объявил, что допрос завершен, и резюмировал:

– На основании показаний свидетелей установлено следующее: покойный был пожилым человеком около шестидесяти лет, его рост примерно пять футов восемь с половиной дюймов, смерть наступила от полутора до двух лет назад. Личность покойного и причина смерти неизвестны. Процесс откладывается до получения новых данных. На сегодня все, господа. Заседание закрыто.

Две-три секунды в зале висела тишина, сменившаяся шумом

отодвигаемых стульев и общим оживленным говором. У выхода я столкнулся с Сэммерсом, которого ожидала коляска.

– Вы в город? – спросил он. – Садитесь, подвезу вас к пятичасовому поезду. Если пойдете пешком, опоздаете.

– Спасибо, – обрадовался я, и через минуту мы уже катили к станции.

– Вот заноза этот Поп! – сказал Сэммерс. – Любопытный тип, между прочим. Социалист, агитатор, так и подхлестывает. Такие парни иногда полезны. Ведь некоторые его вопросы били прямо в цель.

– Наверняка и инспектор Бэджер того же мнения, – заметил я с улыбкой.

– Клянусь Юпитером, – засмеялся доктор, – Бэджер сидел как на иголках, ему пришлось оправдываться и изворачиваться.

– Вы полагаете, у него и вправду есть секретная информация от частных лиц?

– Все зависит от того, что вы называете информацией. Полиция не очень-то ретива, обычно ждет приказов, а инициативу проявляет крайне редко. Как там мистер и мисс Беллингэмы? Я познакомился с ними, когда они жили в Вудфорде.

Я не успел ответить: мы подъехали к станции, и в ту же минуту к платформе подошел поезд. Быстро пожав доктору руку, я выскочил из коляски и бросился к вагонам.

Всю дорогу я просматривал свои записи, стараясь извлечь из них некий скрытый смысл, но безуспешно. Потом я задумался над тем, как Торндайк оценит выводы следствия, удовлетворят ли его те сведения, что я собрал. Я так погрузился в себя, что не заметил, как мы добрались до Темпла. Когда я подходил к квартире профессора, сердце у меня едва не выпрыгивало из груди.

Увы, меня никто не ждал. Ни хозяина, ни Джервиса не было. Полтон в белом халате маячил в дверях лаборатории, держа в обеих руках какие-то плосконосые фигуры.

– Доктор отправился в Бристоль по срочному делу, – объяснил он, – Джервис с ним. Дня через два-три вернутся. Вам мистер Торндайк оставил записку.

Он достал с этажерки листок бумаги и протянул мне. Торндайк извинялся за внезапный отъезд и просил отдать Полтону заметки с моими комментариями, сделанными в Вудфорде. Я также прочел следующее:

«Суд по делу о завещании начнется послезавтра. Мы с Джервисом вряд ли успеем. Не согласитесь ли вы

присутствовать на слушании? Очень важно проследить за процессом и запомнить детали, которые, вероятно, не попадут в официальный отчет (его поручено составить клерку мистера Марчмонта). Доктор Пэйн подменит вас в амбулатории и посетит больных на дому (мы с ним договорились), так что вы со спокойной совестью можете отправляться на заседание.

Ваш покорный слуга

доктор Торндайк».

Мне польстило доверие профессора, и, положив записку в карман, я передал свой блокнот Полтону, попрощался и отправился на Феттер-лейн.

Глава 14

Что решил суд

Едва мы с мистером Годфри и мисс Беллингэм вошли в вестибюль здания суда, навстречу нам шагнул пожилой, с приятным лицом джентльмен, долго тряс руку Беллингэму и почтительно приветствовал его дочь.

– Позвольте представить: мистер Марчмонт, а это доктор Барклей, – сказал Беллингэм, мы с поверенным обменялись рукопожатием, после чего он проводил нас в зал заседаний.

В одном из задних рядов сидел господин, в котором я тотчас признал Джорджа Хёрста. Беллингэм тоже заметил родственника, метнул в его сторону гневный взгляд и намеренно громко произнес:

– Этот негодяй уже здесь; притворяется, что не видит меня. Еще бы! Ему, наверное, стыдно смотреть мне в глаза.

– Тише, дорогой сэр, – испуганно прошептал поверенный. – В зале суда нельзя так выражаться. Сдерживайте эмоции.

– Простите, Марчмонт, – виновато пробормотал Беллингэм. – Я забылся, но обещаю впредь следить за собой и держаться скромно. Я даже не взгляну на подлеца, а то, не дай бог, не выдержу и схвачу его за нос!

Встревоженный таким проявлением скромности, Марчмонт отвел нас подальше от Хёрста, а меня попросил сесть между мистером Годфри и его дочерью.

– Кто вон тот длинноносый малый возле Джеллико? – спросил Беллингэм.

– Это мистер Лорам, поверенный Хёрста, а добродушный господин рядом с ним – мистер Хиз, наш юрисконсульт, очень способный. – Марчмонт перешел на шепот и добавил, прикрывая рот ладонью: – Доктор Торндайк тщательно подготовил Хиза к процессу.

В ту же минуту в зал вошел судья с выпуклыми, как у лягушки, глазами и лягушачьей манерой время от времени прихлопывать веки, будто в этот миг он заглатывал крупного жука. Лорам прошел к конторке и объявил тему заседания. Судья, развалившись в кресле, прикрыл глаза, точно готовясь к болезненной операции.

– Настоящий процесс, – начал Лорам, – вызван необъяснимым исчезновением мистера Джона Беллингэма, сквайра пятидесяти девяти лет от роду, двадцать третьего ноября тысяча девятьсот второго года. С того

дня и по нынешнюю минуту ни один человек не видел вышеназванного господина живым, что дает достаточное основание считать его мертвым. Мой доверитель мистер Джордж Хёрст, наследник по завещанию Джона Беллингэма, ходатайствует перед уважаемым судом о признании факта смерти завещателя и вступлении документа, закрепляющего последнюю волю покойного, в законную силу. Обстоятельства пропажи неоднократно выясняла полиция, но до сих пор никаких конкретных данных не имеется. Вывод однозначен: Джон Беллингэм исчез в одночасье и полностью.

– Было бы интереснее, если бы он исчезал постепенно и по частям, – с усмешкой отозвался судья.

– Несомненно, милорд, – без тени улыбки склонил голову Лорам. – Внезапность исчезновения подтверждается тем, что завещатель, достойный представитель общества, рачительный сквайр, известный ученый и владелец раритетных коллекций, не оставил никаких распоряжений относительно своих дел и не уведомил ни родных, ни друзей о намерении надолго покинуть Англию. Для здравомыслящего, ответственного человека, каким был мистер Беллингэм, такое поведение немыслимо.

Единственное приемлемое объяснение, – продолжал Лорам, – внезапная кончина мистера Джона, недавно получившая убедительные доказательства. В Сидкапе, Вудфорде и близ Элтема, где завещателя в последний раз видели живым, обнаружены части человеческого скелета. Изучив их, доктор Сэммерс представил следствию непротиворечивые доводы в пользу того, что останки принадлежат мужчине шестидесяти лет, ростом пять футов восемь с половиной дюймов, крепкого телосложения, то есть покойному мистеру Беллингэму, господа, – приметы совпадают. Подчеркну также, что кости были разбросаны именно в тот период, когда мистер Беллингэм пропал. Завещатель носил на безымянном пальце левой руки кольцо, сидевшее так туго, что оно не снималось, и фаланга этого пальца, которая вместе с кольцом послужила бы важнейшей уликой, бесследно исчезла. Разве это не свидетельствует о том, что Джон Беллингэм мертв? Надеюсь, когда уважаемый суд выслушает показания компетентных лиц о фактах, касающихся исчезновения завещателя и экспертизы его останков, он признает мои выводы верными и вынесет справедливый вердикт.

Мистер Лорам сел на место, надел пенсне и начал перебирать листы. Вызвали первого свидетеля – мистера Джеллико, который застыл у конторки, устремив на судью неподвижный взгляд. Пошелестев бумагами, Лорам приступил к допросу:

– Вы были поверенным завещателя?

- Был и остаюсь им.
- Давно ли вы знакомы?
- Двадцать семь лет.
- Способен ли ваш доверитель, оборвав все связи с родными, близкими и коллегами, удалиться в неизвестном направлении?
- Нет, это не согласуется с его характером и привычками. Он деловой человек, педантичный и скрупулезный даже в мелочах. Уезжая за границу, он всегда сообщал мне адреса своего пребывания, а если по каким-то причинам не мог писать или телеграфировать, то заранее инструктировал меня по всем вопросам.
- У него имелись причины скрываться?
- Я не знаю ни одной.
- Когда и где вы видели его в последний раз?
- Четырнадцатого октября тысяча девятьсот второго года в шесть часов пополудни.
- Как прошла встреча?
- Завещатель зашел ко мне в контору, после чего мы отправились к нему домой; немного погодя туда явился доктор Норбери, чтобы осмотреть древности, которые мистер Беллингэм намеревался подарить Британскому музею. Пожертвование состояло из мумии, четырех каноп и другой погребальной утвари, но на тот момент доставили только мумию, а остальное обещали через неделю. Доктор Норбери не мог сразу забрать мумию – он должен был проинформировать директора египетского отдела и получить соответствующие указания. Мистер Беллингэм собирался покинуть Англию в тот же вечер, поэтому велел мне проследить за перевозкой мумии и дал еще несколько поручений.
- Куда уезжал ваш доверитель и что он вам поручил?
- В Париж, а оттуда, вероятно, в Вену. Он просил проконтролировать, чтобы утварь распаковали и три недели хранили в той же комнате, где лежала мумия. К тому времени он планировал вернуться. «Но если не получится, – сказал он, – известите администрацию музея, что экспонаты можно забрать, когда удобно». Я решил, что мистер Беллингэм и сам точно не знал, как долго пробудет за границей.
- Куда конкретно он направился?
- Понятия не имею. Он выехал из дому в шесть часов вечера; надел длинное пальто, взял чемодан и зонтик. Мы попрощались у порога, я посмотрел ему вслед. Все, больше я его не видел.
- Вы не получали от него писем или телеграмм?
- Нет, ни от него, ни о нем не было никаких известий. Через три

недели я сообщил в музей насчет вещей. Еще через пять дней приехал доктор Норбери, официально оформил дар, выдал мне документ и вызвал рабочих, которые доставили будущие экспонаты по месту назначения.

– Когда вы вновь слышали о своем клиенте?

– Двадцать третьего ноября в четверть восьмого вечера ко мне приехал Джордж Хёрст и сказал, что Беллингэм был у него в квартире в его отсутствие и ждал в кабинете. Когда мистер Хёрст возвратился, Беллингэма уже след простыл: он не предупредил слуг об уходе, и никто не видел, как он покинул дом. Мистер Хёрст удивился и счел нужным уведомить меня. Я расценил данное обстоятельство как странное, потому что долгое время не имел о своем клиенте никаких сведений. Посоветовавшись, мы с Хёрстом решили рассказать о случившемся мистеру Годфри Беллингэму, родному брату завещателя.

Первым же поездом я и мистер Хёрст отправились в Вудфорд, где тогда проживал Годфри Беллингэм. В пять минут девятого мы позвонили в дверь и узнали от служанки, что хозяина нет дома, а его дочь занимается в библиотеке – это отдельное здание, в него можно попасть через двор. Служанка взяла фонарь и повела нас в библиотеку. Там сидели и отец, и дочь. Оказывается, мистер Годфри только что вошел через заднюю калитку, звонок от которой проведен в библиотеку. Мы поговорили и пошли в дом, и тут при свете фонаря я заметил в траве маленький предмет. Его подняли и узнали скарабея, которого завещатель носил на груди в качестве украшения. Колечко, к которому прикреплялся скарабей, было сломано и тоже валялось в траве. В доме мы первым делом спросили прислугу, не было ли посетителей. Горничная и кухарка клятвенно заверили: ни после обеда, ни вечером никто не приходил. По словам мистера и мисс Беллингэм, они ничего не слышали о своем родственнике, не видели его и не знали, вернулся он в Англию или нет. На следующее утро я обратился в полицию, чтобы начали розыски. В результате чемодан с вензелем Д. Б. обнаружили не востребовавшимся в багажном отделении вокзала Чаринг-Кросс. Я удостоверил, что чемодан принадлежит моему клиенту, который взял его с собой из дома на Куин-сквер. Чемодан открыли, и я опознал вещи Беллингэма. Служащий станции сообщил, что чемодан был сдан двадцать третьего ноября около четырех часов пятнадцати минут пополудни. Кто именно сдавал, он не запомнил. Багаж пролежал на станции три месяца, после чего его передали мне.

Мистер Лорам что-то записал и спросил:

– Вы замечали у своего клиента кольца?

– На безымянном пальце левой руки он носил кольцо с изображением

Ока Озириса. Других я у него не видел, но это украшение он никогда не снимал.

Допрос закончился, и мистеру Джеллико разрешили вернуться на место. Я проводил его взглядом и заодно посмотрел на Хиза, но тот даже не поднял головы, весь углубившись в бумаги.

– Как вам Джеллико? – спросил я мисс Беллингэм.

– Он отвечал обстоятельно и убедительно. Бедный дядя Джон! О нем говорят так отстраненно, холодно и постоянно именуют его завещателем, словно это не человек, а алгебраический знак. Кто вон та леди? – кивнула Руфь в направлении молодой женщины, появившейся у конторки. – Тоже свидетельница?

– Мисс Доббс, кем вы приходитеесь мистеру Хёрсту? – приступил Лорам к своим обязанностям.

– Ваш вопрос оскорбителен для девушки, – прошипела свидетельница. – На что вы намекаете? Я служу у мистера Хёрста экономкой, в доме постоянно присутствуют также кухарка, судомойка и горничная; кроме того, мистер Хёрст годится мне в отцы.

Судья захлопал лягушачьими веками, и мистер Лорам поспешил исправить оплошность:

– Простите, мисс Доббс, если я случайно обидел вас. Ответьте по существу: ваш хозяин, мистер Хёрст, женат или холост?

– На мои обязанности это не влияет, – заявила дама, – поэтому я не интересовалась.

– Данный вопрос действительно важен, сэр? – жалобно пролепетал судья и, когда Лорам кивнул, предложил: – Тогда лучше адресуем его мистеру Хёрсту – он-то наверняка знает.

Лорам смиренно поклонился и вновь обратился к дерзкой экономке:

– Вы не заметили чего-нибудь особенного в доме двадцать третьего ноября тысяча девятьсот второго года?

– Мистер Джон Беллингэм приходил к нам.

– В котором часу?

– Вечером, в начале шестого. Я еще на пороге сообщила, что мистера Хёрста нет дома, но посетитель предпочел подождать. Я ввела его в кабинет и удалилась. Вернувшись, мистер Хёрст открыл парадную дверь своим ключом и направился в кабинет. В шесть часов мой хозяин появился в столовой – он всегда обедает в это время, – увидел два прибора и спросил, для кого второй, а я ответила: «Мистер Беллингэм ведь останется обедать?» – «Мистер Беллингэм? – удивился он. – Я не знал, что он здесь». – «Я думала, вы разговаривали в кабинете». – «Его там не было,

когда я вошел, и сейчас нет. Может, он в гостиной?» Посмотрели – пусто. «Наверное, он устал ждать и ушел», – предположил мистер Хёрст. «Вряд ли, я все время посматривала на дверь: гость не выходил», – возразила я. Тогда хозяин спросил: «Мистер Беллингэм был один или с дочерью?» – «Да что вы! – воскликнула я. – Это ж вовсе не тот мистер Беллингэм, а Джон Беллингэм». Хозяин изумился еще больше, а я и говорю: «Давайте обойдем все комнаты». Так мы и сделали, но никого не нашли. Мистер Хёрст расстроился и, наскоро пообедав, засобирался на поезд, отходивший в город в шесть тридцать.

– Как понять вашу фразу: «...я все время посматривала на дверь»? Где вы находились?

– На кухне. Там из окна видна калитка.

– Но ведь имеется и другая калитка?

– Да, она ведет на узкую тропинку сбоку от дома.

– В кабинете есть балкон?

– Да, балконная дверь выходит на лужайку напротив боковой калитки.

– Балконная дверь и калитка были заперты? Уточняю вопрос: мистер Беллингэм мог воспользоваться боковой калиткой?

– На калитке и балконной двери установлены внутренние замки. Мистер Беллингэм мог выйти, но не выходил, он – джентльмен, а не вор, чтобы сбежать из дому украдкой.

– Когда вы хватились гостя, балконная дверь и калитка были на замке?

– На ночь я всегда проверяю, заперта ли балконная дверь, но в тот момент это не пришло мне в голову. Калитка защелкивается самопроизвольно, и щелчок довольно громкий; раздайся он – я бы услышала.

Мистер Лорам закончил допрос и хотел отпустить свидетельницу, но внезапно поднялся мистер Хиз.

– Мисс Доббс, вы видели мистера Беллингэма при ярком свете? – спросил он.

– На дворе уже стемнело, но у парадной двери горела маленькая лампочка, и я узнала гостя с порога. Ну а в доме у нас прекрасное освещение.

– Посмотрите, пожалуйста, на этот предмет, – попросил Хиз, и экономке показали какую-то вещицу. – Вы заметили на груди мистера Беллингэма этот брелок на цепочке?

– Нет, его не было.

– Очевидно, вы не обратили внимания?

– Я отдаю отчет в своих словах.

- Какая мебель стоит в кабинете?
 - Письменный стол, стул на вертушке, два кресла, два больших книжных шкафа, вместительный гардероб.
 - Гардероб замыкается?
 - Да, запирается на ключ.
 - Опишите меблировку гостиной.
 - Справа объемный шкаф вроде буфета; у противоположной стены кожаный диван; в углу, наискось, рояль; в центре большой стол; по углам несколько столиков и этажерок.
 - Может ли за роялем спрятаться человек?
 - Вполне. Там много места.
 - Когда вы искали мистера Беллингэма в гостиной, вы проверяли за роялем? Смотрели под диван?
 - Нет, сэр. Мы отворили дверь, заглянули и убедились – никого нет. Мы ведь не кошку ловили и не обезьяну. Зачем пожилому джентльмену залезать под диван?
 - В квартире имеются помещения, которые используют редко, от случая к случаю?
 - Да, в чулан с сундуками и чемоданами мы заходим не каждый день, а хозяин и гости вообще никогда. В кладовой мы тоже бываем только по мере необходимости.
 - Вы искали мистера Беллингэма в этих помещениях?
 - Нет. Мы их даже не отпирали.
- Судья захлопал лягушачьими веками, мистер Хиз, удовлетворенный ответами, опустил на стул, и тут вскочил, точно игрушка на пружинке, мистер Лорам:
- Вы уверены, что двадцать третьего ноября тысяча девятьсот второго года на сюртуке мистера Беллингэма не было цепочки с брелоком?
 - Совершенно уверена. Я еще молодая и на зрение не жалуясь.
- Публика захихикала, когда мисс Доббс с гордым видом прошествовала на свое место. Вызвали доктора Норбери, затем мистера Хёрста, служащего с вокзала Чаринг-Кросс и фермера из Сидкапа – никто из них не сообщил суду ничего нового. Наконец пригласили Сэммерса.
- Вы освидетельствовали части скелета неизвестного мужчины, найденные в нескольких графствах Англии и ныне находящиеся в морге в Вудфорде. Это останки Джона Беллингэма?
 - С уверенностью утверждать нельзя.
 - А с большой долей вероятности?
 - Да, отрицать не буду.

Мистер Хиз поднял руку и спросил:

– Доктор Сэммерс, вы выявили какие-то анатомические или медицинские особенности, согласно которым можно однозначно установить принадлежность обнаруженных костей конкретному индивиду, а не человеку примерно такого же возраста и роста?

– Нет, я не заметил ничего, что указывало бы на определенную личность.

Доктора отпустили, и мистер Хиз обратился к суду от имени ответчика. Говорил он кратко и сухо, не блистая красноречием и сосредоточившись на опровержении аргументов Лорама, поверенного Хёрста. Начал Хиз с того, что завещатель отсутствует не так уж долго, чтобы причислить его к мертвым, а в заключение сказал:

– Доводы моего коллеги в пользу кончины Джона Беллингэма не убедительны. Факт смерти не доказан, и переход имущества в другие руки по закону невозможен. Попытка мистера Лорама приписать кости завещателю не состоятельна, что подтверждает доктор Сэммерс. Действительно, останки обнаружили близ Элтема и Вудфорда, где завещателя якобы видели живым в последний раз. Но где конкретно? Его могли видеть лишь в одном месте, а кости нашли в обоих. Ввиду отсутствия доказательств смерти Джона Беллингэма я не исключаю, что он вернется на родину в любое время. В связи с этим прошу суд вынести вердикт, гарантирующий защиту прав мистера Беллингэма, то есть оставить его имущество неприкосновенным.

Лягушачьи веки судьи дрогнули, словно он пробудился. Он прочел завещание и свои комментарии, которые набросал на бумаге, пока длился допрос. Затем он резюмировал показания свидетелей и выступил с краткой речью:

– Почтенные господа! Признать человека, покинувшего место своего обычного пребывания, мертвым можно не ранее чем через семь лет от даты, когда его видели в последний раз. Но даже и в этом случае подтверждение будет опровергнуто, если суду предъявят доводы, что имярек был жив в обозначенный период. Для констатации смерти человека, который отсутствовал менее семи лет, необходимы доказательства, и чем короче период, тем более вескими они должны быть.

Уважаемые господа присяжные! Истец ходатайствует о признании смерти завещателя с целью раздела имущества между наследниками. Это накладывает на нас огромную ответственность. Необдуманное решение окажется несправедливым и непоправимым по отношению к завещателю. Еще раз взвесьте, согласуется ли исчезновение завещателя с его характером

и привычками, имеются ли факты, непоколебимо свидетельствующие о том, что завещатель умер. Ответы на эти вопросы, надеюсь, приведут вас к правильному выводу.

Присяжные стали вполголоса совещаться, а судья углубился в чтение завещания Джона Беллингэма, похоже, находя документ весьма интересным. Наконец клерк подал бумагу с вердиктом присяжных. Судья быстро взглянул и, увидев фразу: «Присяжные не находят достаточных оснований считать Джона Беллингэма умершим», одобрительно кивнул – очевидно, он всецело разделял это мнение. Затем он поднялся, публично огласил приговор и объявил мистеру Лораму, что суд отказывает в удовлетворении иска.

Что и говорить, как обрадовались мои друзья Беллингэмы и я вместе с ними! Мистер Годфри с торжествующим видом поспешил к дверям, чтобы поскорее покинуть здание суда и не столкнуться где-нибудь с разгневанным Хёрстом.

– Значит, мы пока не нищие, – грустно улыбнулась мисс Беллингэм, когда мы вышли на улицу. – И у нас, и у бедного дяди Джона еще есть шанс.

Глава 15

Косвенные данные

На другой день я закончил прием пациентов в четверть одиннадцатого и поспешил к Торндайку, с нетерпением ожидая услышать его мнение о процессе. Потом мы с мисс Беллингэм собирались в музей. Дубовая наружная дверь дома Торндайка была распахнута. У внутренней двери я позвонил, и мне открыл сам профессор.

– О, Барклей, – обрадовался он, энергично пожимая мне руку, – хорошо, что вы пришли пораньше. Я пока один, просматриваю свидетельские показания на вчерашнем заседании.

Он отложил в сторону отпечатанные на машинке листы и пододвинул мне кресло.

– Вас, конечно, не удивило решение суда? – спросил я его.

– Нет, два года – недостаточный срок для зачисления в мертвецы, но все-таки мы рисковали. Зато теперь моя задача облегчается. Отсрочка позволит произвести кое-какие розыски, причем без спешки.

– Вамгодились мои заметки?

– Полтон отдал их Хизу, и они оказались полезными при перекрестном допросе. Мне вернули их с полчаса назад, еще не читал. Давайте посмотрим вместе, – предложил он, достал из ящика письменного стола мой блокнот и углубился в текст.

– Какие из показаний свидетелей вы считаете особенно важными?

– Трудно судить. Выводы, как правило, основываются на косвенных данных. Я не нахожу ни одного факта, который допускал бы единственное истолкование. Но ведь и из самых незначительных аргументов, если собрать их достаточно, порой складывается показательный итог. Моя копилка мало-помалу растет.

Торндайк похвалил мои заметки и поехал по делам на Ломбард-стрит, а я – к пациенту, проживавшему в одном из аристократических районов. В Невиль-корт я явился строго к назначенному часу. Мисс Беллингэм была в саду и приветливо помахала мне рукой.

– Я почти готова, подождите минутку. Как мило, что мы опять идем в музей! Я часто вспоминаю, как самоотверженно вы помогли мне собирать материал по Амарнским письмам. Не прогуляться ли нам пешком? После шумных улиц в тиши музея ощущаешь особое блаженство. Так что мы будем осматривать?

– Всецело полагаюсь на ваш выбор, – улыбнулся я. – Вы знаете музей гораздо лучше меня.

Она задумалась и вдруг сказала:

– Вы ведь любите загадки, раз интересуетесь нашим семейным делом? Не хотите взглянуть на кладбище, где завещал похоронить себя дядя Джон? Это немного в стороне от музея, но мы не спешим...

Мы свернули на улицу, ведущую к воротам одного из старинных кладбищ Лондона. О живых здесь заботились куда лучше, чем о мертвых. Многие памятники были полуразрушены, другие вообще срыли и отпихнули к задней стене, чтобы расширить асфальтированные дорожки и расставить скамейки для посетителей. Надписи и эпитафии осыпались или стерлись от времени, но и те, что сохранились, не имели смысла, поскольку надгробия оторвали от могил. Хотя на кладбище по контрасту с жарой на пыльных городских улицах было прохладно, тишиной мы, увы, не насладились: у скамеек резвились школьники и кричали так, что спугивали птиц с ветвей.

– Это и есть последнее пристанище родовитого семейства Беллингэмов?

– Да. Но тут похоронено много именитых горожан, например дочь Ричарда Кромвеля. Ее могила сохранилась. Вы что, никогда здесь не бывали?

– Нет, но место кажется мне знакомым.

– Вот как? – удивилась она.

Я осмотрелся вокруг и заметил вдали за оградой строения, обнесенные каменной стеной с деревянной решеткой.

– Вспомнил! – воскликнул я. – За той оградой, выходящей на Генриетта-стрит, расположен анатомический театр, который я посещал, учась в колледже. Там же по учебной программе я произвел первое вскрытие.

– Понятно, – вздохнула мисс Беллингэм. – Значит, материал для занятий был под рукой и в достаточном количестве. Кстати, вот могила, о которой я упоминала.

Мы остановились перед обыкновенной каменной плитой со скромной надписью, извещавшей, что здесь упокоилась Анна, дочь лорда-протектора Ричарда Кромвеля. Я попытался представить стародавние времена, когда в тенистых аллеях Грейс-Инна бряцало оружие и громыхали кованые сапоги воинов; когда нынешний каменный некрополь был простым деревенским погостом, куда, спрыгнув с повозок по пути на рынок в Лондоне, захаживали поселяне и бродили между могильными холмиками.

– Наши фамильные захоронения в том углу, – указала мисс Беллингэм. – Ой, там, кажется, кто-то есть. Видите человека? Похоже, читает надписи. Как не вовремя! Я хотела показать вам могилы.

Я взгляделся и заметил мужчину с записной книжкой, который внимательно разглядывал буквы на камне, а потом присел и стал водить по ним пальцем.

– Это надгробие моего деда, – шепнула мисс Беллингэм.

В ту же секунду человек обернулся и уставился на нас сквозь очки. Мы одновременно вскрикнули от неожиданности: это был мистер Джеллико.

Глава 16

Прощай, Артемидор!

Удивился ли он при виде нас, я не знаю. Его лицо в один миг изменилось, сделавшись неподвижным, как у истукана. Адвокат шагнул в нашу сторону, сжимая в руке раскрытый блокнот и карандаш, чопорно, по-старинному, поклонился и выдержал паузу, предоставив нам начать разговор.

– Какая удивительная встреча, мистер Джеллико! – сказала мисс Беллингэм.

– Да, вы правы, – пробормотал он.

– И какое совпадение, что все мы *случайно* пришли сюда именно сегодня.

– Если бы никто из нас не пришел сюда, – что случается часто, – это тоже было бы совпадением.

– Разумеется. Но я надеюсь, мы вам не помешали?

– Нет, я уже закончил работу, когда заметил вас.

– Работу? Ваши наблюдения имели отношение к делу, не так ли? – коварно спросил я, чтобы услышать, как он станет выпутываться из неловкой ситуации.

– К делу? – повторил он. – Вы имеете в виду иск Стивенса к приходскому совету?

– Доктор Барклей говорит о деле моего дяди, – сдержанно произнесла мисс Беллингэм, но я заметил, что уголки ее губ слегка дрогнули.

– Вы о наследственной тяжбе?

– Мы о процессе, который инициировал мистер Хёрст, – продолжала Руфь.

– Ах, вот оно что! Но ведь суд вынес постановление, все закончено, иск отклонен. К тому же я не поверенный мистера Хёрста и не оказываю ему юридических услуг. На самом деле, – сквозь зубы процедил он, – я читал надписи на могильных камнях, особенно на надгробии вашего деда, Фрэнсиса Беллингэма. Мне пришла в голову мысль: если все-таки выяснится, что ваш дядя умер, нужно увековечить его память. Кладбище официально закрыто, и получить разрешение на установку нового памятника будет трудно, а добавить надпись к уже имеющейся – гораздо легче. На монументе указано, что он воздвигнут в память Фрэнсиса Беллингэма, поэтому можно дописать: «и его сына Джона Беллингэма».

Простите, я вас не задерживаю?

– Нет, нисколько, – заверила мисс Беллингэм. – Мы шли в Британский музей и завернули сюда по пути.

– Надо же! – удивился мистер Джеллико. – Так ведь и я иду в музей к доктору Норбери. Неужели это тоже совпадение?

– Конечно, – лукаво улыбнулась мисс Беллингэм. – Может, пойдём вместе?

Мы вернулись на улицу, и в отместку за нежелательное общество старого адвоката я завел разговор на неприятную ему тему:

– Мистер Джеллико, а ваш клиент не жаловался на здоровье? Вдруг он умер скоропостижно?

Адвокат насторожился и подозрительно взглянул на меня:

– Почему вас, доктор, так волнуют здоровье и дела мистера Джона Беллингэма?

– Профессиональный интерес, я ведь занимаюсь медициной. Но главное то, что мисс Беллингэм и ее отец – мои друзья, мне не безразлично...

– Я понял, – прервал он меня, – однако при чем тут здоровье моего клиента?

– Как же? – изобразил я удивление. – Если он страдал аневризмой, атеросклерозом или другим заболеванием, при котором возможна внезапная смерть, этот факт надо учитывать при решении вопроса: жив завещатель или умер?

– Вы правы, – потупился Джеллико, – я несведущ в болезнях, ведь я – юрист, а не лечащий врач Джона Беллингэма. Состояние здоровья клиента вне моей компетенции. Мистер Джон производил впечатление здорового человека. Таково мое неавторитетное мнение, которое я озвучил на судебном заседании. Больше мне добавить нечего.

– Если это столь важно, – вмешалась мисс Беллингэм, – почему на слушания не пригласили дядиногo врача? Он представил бы полную информацию. Мне лично дядя казался крепким, сильным и выносливым. Организм у него имел хороший запас прочности. Не случайно дядя так скоро поправился после несчастного случая.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее, – попросил я Руфь.

– Отец ведь, кажется, говорил вам? Дядя сорвался с высокой скалы и повредил левую ногу. Какой-то сложный перелом... Забыла название.

– Перелом Потта?

– Вот-вот. Кроме того, он разбил оба колена. Сэр Морган Беннет срочно прооперировал его, иначе дядя остался бы калекой на всю жизнь.

Представьте себе, недели через три дядя поправился, правда, прихрамывал.

– Он поднимался по ступенькам?

– Легко! Мало того, он играл в гольф и катался на велосипеде.

– Так у него травма надколенников? Это опасная патология.

– Не то слово! По мнению сэра Моргана, редкий случай в медицинской практике, когда подобная операция помогла пациенту; доктор гордился своим искусством, а дядя не знал, как его отблагодарить.

По-видимому, мистеру Джеллико надоело слушать о болезнях, и он переменял тему, спросив:

– Вы идете в египетский отдел?

– Нет, – ответила мисс Беллингэм. – Сегодня мы осмотрим глиняную утварь XVII века.

Джеллико пустился в пространные комментарии, поражая нас своей исторической эрудицией. Рассказывал он живо и интересно, без схоластики и занудства, и Руфь слушала с любопытством. Наконец мы вошли в здание музея, проследовали мимо крылатых быков из Ниневии и огромных античных статуй и поднялись к египетским мумиям, где когда-то между мной и мисс Беллингэм вспыхнула симпатия, положившая начало нашей дружбе.

– Прежде чем откланяться, – сказал Джеллико, – позвольте показать вам мумию, которую мой друг Джон пожертвовал музею незадолго до своего исчезновения. Факт, вроде бы, обыкновенный, но кто знает? Вдруг он, как нить Ариадны, выведет нас из темного лабиринта к какому-нибудь светлomu и разумному объяснению?

Мы приблизились к стеклянной витрине, остановились, и Джеллико устремил на мумию в футляре почти любовный взгляд знатока и истинного ценителя.

– Вы заметили, – обратился он к мисс Беллингэм, – что на мумию нанесен слой смолы?

– Да, – кивнула она, – это портит эстетическое впечатление.

– Зато дает пищу разуму. Главное украшение и надпись не затронуты темным смолистым составом, а между тем именно эти места, с точки зрения древних египтян, нуждаются в предохранении. А вот ноги и спина, где, вероятно, не было надписей, вымазаны смолой так густо, что покрылись коркой.

Он поправил очки, прильнул к стеклу и стал внимательно рассматривать футляр.

– Как доктор Норбери трактует этот феномен? – спросила мисс Беллингэм.

– Считает его загадочным, как и я. Надеется, что когда директор египетского отдела вернется из Гелиополя, то все разъяснит, – у этого ученого колоссальные познания и огромный опыт, в том числе практический: он регулярно участвует в раскопках. Впрочем, извините, господи, мне пора, я и так отнял у вас много времени.

Лицо Джеллико приняло прежнее холодно-отстраненное выражение, он пожал нам руки, манерно поклонился и зашагал к кабинету Норбери.

– До чего странный субъект! – сказала Руфь, когда Джеллико скрылся за дверью. – Именно субъект или существо, я не могу заставить себя думать о нем как о человеке. Я никогда не встречала таких типажей.

– Темная фигура, – скорчил я гримасу.

– Он до того бесчувствен и далек от всего окружающего, словно выполняет на земле миссию стороннего наблюдателя; по-моему, жизнь ему вообще не нужна, он в ней не участвует.

– Однако он оживает, когда речь заходит о египетских древностях.

– Оживает, но становится не человеком, а механизмом, начиненным информацией, усовершенствованной машиной, олицетворяющей науку.

Мы не заметили, как подошли к саркофагу с портретом Артемидора, и моя спутница воззрилась на своего кумира с нескрываемым обожанием. Я, в свою очередь, залюбовался ее красивым нежным лицом, выразительными серыми глазами и только сейчас заметил, как она изменилась со времени нашей первой встречи. Она точно помолодела, стала мягче и милее. Раньше она казалась мне женщиной старше меня, грустной, усталой, холодной и неприступной, а теперь это была кроткая молодая девушка, по-прежнему серьезная, но грациозная и привлекательная. Неужели наша дружба повлияла на Руфь так благотворно? При этой мысли сердце мое сильно забило. Мне захотелось признаться девушке в своей безграничной любви, чтобы строить радужные планы совместного будущего, но я застеснялся, стряхнул с себя сладостное оцепенение и спросил:

– О чем вы так задумались, прекрасная леди?

Она обернулась, одарив меня сияющим взглядом и обворожительной улыбкой:

– Я размышляла, не ревнует ли меня Артемидор к моему новому другу? Боже, что за глупости, я веду себя, как ребенок! – И она засмеялась тихим счастливым смехом.

– Какой же повод для ревности?

– Ну, видите ли, прежде нас было только двое: я и он. Я ведь никогда не имела друга-мужчину, да и вообще никаких друзей, кроме отца. С тех пор как начались наши бедствия, я осталась одна. Вообще-то я не слишком

общительна, но все-таки еще молода, и я не какой-нибудь там ученый сухарь. Так вот я часто приходила сюда, смотрела на Артемидора, витала в облаках и воображала, будто он понимает, как грустна моя жизнь, и сострадает мне. Наверное, смешно, но мне делалось легче.

– Это вовсе не смешно. Мне тоже нравится Артемидор: у него спокойное доброе лицо. Наверняка он снискал любовь всех, кто его знал. Замечательно и мудро, что вы решили скрасить свою жизнь человеческой любовью, которая, если она истинная, побеждает время и восстает из праха веков. Повторяю: это не смешно, и Артемидор не ревнует вас к новому другу.

– Вы меня утешили, – улыбнулась она. – Но с вами страшновато: вы умеете читать чужие мысли, даже у мумий. Так вы ручаетесь за Артемидора?

– Конечно, он ведь сам передал вас мне, чтобы мы подружились. Вспомните-ка!

– Да, вы правы, – кивнула она. – Я еще тогда, в первый раз, когда вы с такой теплотой отнеслись к моим глупым слезам, прониклась к вам симпатией. Между прочим, обратите внимание на эту надпись, словно бы разделенную на две части: одна – чисто декоративная и немного статичная, зато другая – волнующая и эмоциональная.

– Надпись сделана, кажется, по-гречески?

– Да, но в начертаниях букв писец подражал египетской манере. В ней же выполнен и сам портрет. Что касается надписи, то патетику разлуки вряд ли выразишь на каком-то другом языке лучше, чем на греческом.

– Надпись гармонирует с рисунком, – похвалил я с видом знатока.

– Почему я рассказала вам об Артемидоре? – внезапно спохватилась Руфь. – Ума не приложу. Это чисто детская выдумка, в которой я не призналась даже отцу. Выходит, я сердцем чувствовала, что вы меня поймете? – вопрошала она, лаская меня взглядом.

– Я знаю почему, Руфь, – прошептал я со всей страстью. – Потому что я люблю вас больше всех на свете, я с самого начала полюбил вас, и вы ощутили это и назвали симпатией.

Она вспыхнула, потом побледнела и посмотрела на меня растерянно, почти с испугом.

– Что такое, дорогая? – забеспокоился я. – Я смутил вас? Простите, пожалуйста. Мне следовало сдерживаться, но я и вправду люблю вас. Вы милая, прелестная девушка. Неужели вы осуждаете меня за мои чувства?

– Нет, не осуждаю, – робко произнесла она, – но мне не следовало всего этого допускать; у нас ничего не выйдет, Польша. Между нами не может

быть ничего, кроме дружбы.

Будто чья-то холодная рука схватила меня за сердце – леденящий страх, что я теряю все самое дорогое, наполняющее мою жизнь смыслом.

– Почему? – спросил я. – Разве боги благоволят кому-то другому?

– Нет, – помотала она головой, – совсем не то.

– А что? Вы меня пока не любите? Не беда. Рано или поздно вы ответите мне взаимностью, а я стану терпеливо ждать, как Иаков Рахиль, если только вы не прогоните меня решительно и бесповоротно.

Она сжала губы, словно испытывала физическую боль, опустила глаза и прошептала:

– Есть препятствие, увы, непреодолимое. Но раскрыть вам эту тайну я не могу.

– Руфь, милая, неужели все так печально? Я не желаю от вас отказываться. Вы ведь не лишите меня надежды?

– Мне жаль вас огорчать, но давайте пока не будем встречаться. Если со временем вы меня простите, мы возобновим дружбу.

– Простить вас? – опешил я. – Да вы ангел, сошедший с небес! Что бы ни случилось, вы – мой самый бесценный друг на свете.

– Спасибо, Поль. Вы безгранично добры ко мне, а теперь отпустите меня. Мне хочется уединения.

Она изменилась в лице, задышала тяжело и часто, пальцы ее задрожали. Ничего не понимая, я машинально спросил:

– Мне нельзя проводить вас?

– Нет! – Губы ее скривились, и она едва сдержала рыдание. – Ради бога! Я пойду одна. Так нужно. Не терзайте меня!

– Хорошо, Руфь, но если препятствие, которое нас разделяет, исчезнет, дайте мне знать, умоляю вас! Помните, что я буду любить и ждать вас хоть до могилы.

Она сжала мою руку и сквозь слезы прошептала:

– Да, я обещаю. Прощайте.

Я долго следил через распахнутую дверь, как Руфь уходила, и видел ее отражение в зеркале на площадке, где моя возлюбленная остановилась и вытерла глаза.

Глава 17

Палец-обвинитель

Что я делал дальше, помню плохо: кажется, бесцельно шатался по улицам, пока не спохватился, что давно пора в амбулаторию. Остаток дня прошел, как в тумане, а около восьми часов, когда я сидел в кабинете, убеждая себя, что готов к неизбежному, в дверь постучали, и посыльный подал мне запечатанный пакет. При виде знакомого почерка в висках у меня застучало, глаза застила пелена, так что я вместо обычной своей подписи еле нацарапал на бланке какую-то безобразную закорючку. Едва я остался один, как запер дверь изнутри, вскрыл пакет и, вынимая письмо, выронил на стол крошечную коробочку. Коротенькое послание я прочел несколько раз с чувством осужденного, которому сообщили об отсрочке казни.

«Дорогой Поль, простите меня, что я ушла сегодня так внезапно и оставила Вас в крайнем расстройстве. Я немного успокоилась, шлю Вам привет и умоляю не переживать. Прошу од одном: если Вы меня любите, не пытайтесь то, о чем я не хочу говорить. Мне горько, что я не отвечаю Вам взаимностью и что я так и не отблагодарила Вас за все добро, которое Вы для меня сделали. Мне и моему отцу, который очень к Вам расположен, будет Вас не хватать, но нам лучше не встречаться, пока не восстановятся наши прежние отношения, – если, конечно, это когда-нибудь случится.

Посылаю Вам кольцо, которое мне подарил дядя. У Вас, я заметила, тонкие пальцы, и Вам оно наверняка подойдет. Во всяком случае, сохраните его на память о нашей дружбе. На нем изображено Око Озириса – мистический символ, к которому я, как и дядя, испытываю сентиментально-суеверное пристрастие. Дядя также носил на груди ярко-красную татуировку – Око Озириса. Оно обозначает, что великий судья мертвых смотрит с неба на людей и следит, чтобы справедливость и истина всегда побеждали. Поручаю Вас Озирису; да будет его Око на Вас, и да сохранит Вас в отсутствие Вашего любящего друга

Руфи».

«Хорошее письмо, – подумал я, – спокойное и сдержанное, как и его автор, но малоутешительное, хотя в нем и сквозит искренняя привязанность».

Я отложил его и, раскрыв коробочку, стал рассматривать кольцо. Да, это была копия, но очень точно передававшая уникальность оригинала; к тому же кольцо напомнило мне дарительницу. Нежное и тонкое, оно, изготовленное из золота, серебра и инкрустированное красной медью, поражало неповторимой изысканностью. Едва я надел его на палец, изящный глазок из голубой эмали взглянул на меня так ласково, что я ощутил себя в магической власти древнего суеверия.

Мне повезло, что в тот вечер на прием не пришел ни один пациент, и я сумел написать Руфи длинный ответ. Приведу лишь концовку:

«Дорогая, обещаю: я и словом не обмолвлюсь на запретную тему и готов смиренно и терпеливо ждать, верить и надеяться. Но даже если моим мечтам не суждено сбыться, Вы, дорогая Руфь, навсегда останетесь для меня бесценным сокровищем; когда-нибудь, лет через сто, мы будем сидеть рука об руку, седые, в морщинах, уперев подбородок в костыль, по-старчески ворчать и по-дружески болтать о том, какой рай ждал бы нас на земле, будь на то воля всеблагого Озириса. Клянусь, мне и этого достаточно – я сочту себя счастливейшим из смертных, потому что Ваша дружба, Руфь, лучше любви всех женщин мира. Уверяю Вас, что поборол отчаяние, взял себя в руки и даже улыбаюсь при мысли, что у нас с Вами все впереди, что Око Озириса оградит нас от несчастий и несправедливостей и принесет удачу.

Ваш верный и любящий друг

Поль».

Я написал адрес, заклеил конверт, сам отнес его и опустил в ящик. Первые после разлуки дни я точно барахтался в пустоте и не желал видеть никого, даже пациентов. Я не искал с Руфью встреч, считая просьбу своей повелительницы законом. Но жизнь взяла свое: мне стало скучно и захотелось человеческого общества. Как-то вечером я вспомнил о своих друзьях из Темпла, с которыми не встречался больше недели. Поужинав и набив трубку, я отправился по знакомому адресу и возле парадной двери столкнулся с профессором, державшим в руках фонарь, два складных стула

и книгу.

– Барклей! – воскликнул Торндайк. – А мы с Джервисом уже забеспокоились, куда вы подевались?

– Давненько я у вас не был, много работы.

– Признаться, выглядите вы неважно, похудели и осунулись. Наверное, Феттер-лейн так неблагоприятно на вас действует?

– С ним почти закончено. Через десять дней Бернارد возвращается из круиза и забирает у меня всех своих пациентов. Куда вы собрались со стульями?

– Решил посидеть у решетки сада. Там прохладнее, чем в комнатах. Если чуть-чуть подождете, я захвачу третий стул, хотя Джервис вернется нескоро.

Профессор взбежал по лестнице, взял стул, и мы со всей амуницией отправились в спокойный уголок в начале аллеи, где расставили стулья и повесили на решетку фонарь, после чего я спросил:

– У вас есть новости по делу о наследстве Беллингэма?

– К сожалению, ни одной. Все мои розыски не увенчались успехом. Конечно, собраны значительные данные, и все они не противоречат друг другу, но я не привык делать выводы, не базируясь на чем-то совершенно определенном и незыблемом. Я добиваюсь либо подтверждения, либо отрицания своих гипотез, и мне требуются новые доказательства.

– Я и не знал о *значительных* данных.

– Ну что вы! – удивился Торндайк. – Вы осведомлены не хуже меня. У вас в руках все существенные факты. Видимо, вы просто не сопоставили их, не докопались до сути, а то пришли бы к интересным умозаключениям.

– Вы не поделитесь ими со мной?

– О нет, не просите. Пока я провожу расследование, я не сообщаю о своих подозрениях, а также промежуточных выводах никому, даже Джервису. Так я ограждаю себя от досадных упущений, о которых впоследствии приходится жалеть. Не подумайте, будто я вам не доверяю, но в первую очередь я забочусь об интересах своего клиента. Моя стратегия – держать неприятеля в неизвестности.

– Да, конечно, я не должен был спрашивать.

– У вас нет в этом необходимости, – улыбнулся Торндайк. – Когда вы соберете воедино все кирпичики, то поймете, как выстроить дом. – Профессор тревожно взглянул на меня и вдруг спросил: – Что с вами, Поль? Вы будто в прострации. Личные неприятности? Переживаете из-за своих друзей?

– Нет, не особенно, – уклонился я от ответа, – хотя перспективы у них

не слишком обнадеживающие.

– Все не так плохо, как вам кажется. Меня поражает другое: ваша веселость куда-то испарилась. Я не привык докучать людям и лезть к ним в душу, но если вам нужен совет, вы не встретите отказа, и не забывайте: мы – старые друзья, и вы – мой ученик.

Я с благодарностью посмотрел на него, вздохнул и выложил всю историю своего романа, сначала застенчиво и сдержанно, а затем все доверчивее и свободнее. Он слушал, почти не перебивая, а когда я закончил, мягко опустил руку мне на плечо:

– Вам не повезло – такое случается. Я вам сочувствую, но ведь девушка ясно дала понять, что тут не замешан другой мужчина.

– Тогда как объяснить ее поведение? Я день и ночь ломаю голову, но не нахожу никакой серьезной причины, кроме одной: Руфь не любит меня. Но, по-моему, это временное состояние, а она твердит о каком-то непреодолимом препятствии.

– Нет смысла блуждать в потемках, – сказал Торндайк, – когда брезжит свет.

– Какой свет? – встрепенулся я. – Я ничего не вижу.

– Вы упускаете некоторые обстоятельства, касающиеся мисс Беллингэм. Она, вероятно, тоже не учитывала их. Давайте разберемся, каково ее действительное положение в связи с исчезновением ее дяди.

– Я ума не приложу, о чем вы.

– Ну-ну, посмотрите фактам в глаза. Следствие разрабатывает версию – заметьте, я не говорю, что разделяю ее, – будто Джон Беллингэм отправился в Вудфорд уже после визита в Элтем. Допустим, коллекционер попал в дом своего брата Годфри, а потом беднягу уже никто не видел живым. В парадную дверь он не входил, но имелась задняя калитка со звонком, который раздавался в библиотеке. Припомните: когда в усадьбу приехали Хёрст и Джеллико, мистер Годфри только что откуда-то вернулся. До этого мисс Беллингэм сидела в библиотеке одна, и именно тогда, как предполагает следствие, туда зашел ее дядя. Вот каков расклад событий, дорогой Барклей. Доказательств нет, но, пока Джона Беллингэма не найдут живого или мертвого, этот вопрос будет висеть, как дамоклов меч. Джордж Хёрст в целях самозащиты вылезет из кожи вон, но подтасует факты так, чтобы снять подозрения с себя и перенести их на другое лицо. Разумеется, на мисс Беллингэм.

Я замер от ужаса, после чего меня охватило бешенство.

– Черт возьми! – закричал я, вскакивая со стула. – У кого хватит дьявольского нахальства заподозрить тихую, скромную, слабую девушку в

жестоким, разнузданном убийстве?

– Посыплются намеки, полиция начнет копать. Мисс Беллингэм знает об этом, вот и отказывается соединиться с вами брачными узами. Рисковать – значит втянуть вас в процесс, запятнать ваше честное имя неприятной, порочащей гласностью.

– Ах, перестаньте! Ужасная ситуация. Но я не о себе думаю – я рад бы разделить несчастья Руфи, будь они неизбежны. Но ведь одна мысль об этом – кощунство и святотатство.

– Разделяю ваше негодование, но вы не должны обижаться на то, что я с такой прямоотой посвятил вас в козни врагов мисс Беллингэм. Идет расследование, и каждому подлому субъекту хочется выставить себя в выгодном свете.

– Вы намекаете на преднамеренное коварство, на заговор, так?

– Я убежден в отсутствии случайностей. В невинности мисс Беллингэм я не сомневаюсь; все подстроено умышленно и с определенной целью – сбить судей с толку и навести на ложный след. Я жду – и вовсе не с христианским терпением, – когда удастся схватить за щупальца того паука, что плетет хитроумную и злодейскую сеть.

– Чего конкретно вы ждете?

– Неизбежной ошибки, – объявил он, – которую совершает всякий, даже самый ловкий преступник. До сих пор о нем ничего не было слышно, но сейчас он наверняка что-то предпримет, и тогда он у меня в руках.

– А если он не проявится?

– Иногда приходится бороться с типами, дошедшими в своих мерзостях до совершенства. Правда, я таких виртуозов еще не встречал, но не отрицаю их существования.

– И что же? Будем сидеть и смотреть, как погибают наши друзья?

– Мне пока нечем вас обнадежить, – вздохнул Торндайк, и мы оба погрузились в мрачное раздумье, после чего я предложил профессору любую посильную помощь в его расследованиях. – Замечательно, – согласился он. – Это логично, правильно и весьма уместно. Я верю, вы справитесь.

– Что надо делать? – с нетерпением спросил я у него. – Когда приступать?

– Не торопитесь, спешка – не гарантия успеха. Джервис взял отпуск, и фактически с сегодняшнего вечера он – вольная птица. Приближаются каникулы, дел немного, и я обойдусь без него. Доктор Бернارد возвращается, и скоро у вас появится свободное время. Не хотите переселиться ко мне и занять место Джервиса? Так вы принесете больше

пользы. Опыта у вас маловато, но его с лихвой компенсирует энтузиазм, который вы непременно проявите, если придется предпринять что-то решительное по делу Беллингэмов. Вы согласны?

– Я, конечно, не Джервис, – сказал я, – но клянусь помогать вам всеми доступными способами. Спасибо за доверие. Я готов чистить вашу обувь, лишь бы не стоять в стороне от горестей бедной Руфи и ее отца.

– Ладно, переезжайте ко мне на постоянное жительство, как только передадите практику Бернарду. Располагайтесь в комнате Джервиса – в последнее время он ей почти не пользовался; там уютно, вам понравится. Вот мой ключ, возьмите, дома у меня есть запасной; в общем, с настоящей минуты моя квартира к вашим услугам.

Я от души поблагодарил профессора, хотя понимал: он пошел мне навстречу не потому, что рассчитывал на какую-то пользу от меня, а скорее ради моего успокоения. В этот момент раздались быстро приближающиеся шаги.

– Вот и Джервис, – улыбнулся Торндайк, – сейчас сообщим ему, что вы будете его преемником.

Торндайк направил фонарь на дорожку, и через пару минут перед нами предстал его компаньон с пачкой газет под мышкой. Узнав меня в тусклом свете, он посмотрел исподлобья и повел себя скованно, будто мое присутствие мешало ему. Решение Торндайка о назначении меня заместителем Джервиса выслушал спокойно, но слегка нахмурился и обошелся без своих обычных шуточек. Я опять поймал на себе его косой взгляд, полный не то любопытства, не то неудовольствия, и совершенно мне непонятный.

– Надеюсь, Барклею справится с новыми обязанностями; во всяком случае, тебе, дружище, лучше оставаться здесь, чем с Бернардом, – произнес Джервис с такой слащавой заботливостью, что Торндайк, как и я, почувствовал неладное и, дабы разрядить напряженную обстановку, спросил:

– Какие новости, мой ученый собрат? Весь вечер на улицах кричали мальчишки-газетчики, и я вижу у вас целую пачку газет. Что-нибудь стряслось?

– Вот именно, – помрачнел Джервис. – Нет смысла ходить вокруг да около: Барклею лучше узнать от меня, чем от злопыхателей, – добавил он, вытащил из пачки несколько газет и передал одну мне, а другую – Торндайку.

Странное поведение и зловещие слова Джервиса испугали меня. С колотящимся сердцем я развернул газету. Моя смутная тревога сменилась

настоящим ужасом, когда я увидел строчку, которая будто уставилась на меня пылающими заглавными буквами: «ПРОПАВШИЙ ПАЛЕЦ ОБНАРУЖЕН В ВУДФОРДЕ». Статья была короткая, и я пробежал ее в одну минуту.

«С тайны, окружавшей расчлененный труп, фрагменты которого нашли в Кенте и Эссексе, кажется, сдернут последний покров. Напомним: следствие изначально разрабатывало версию, что останки принадлежат мистеру Джону Беллингэму, без вести пропавшему около двух лет назад при подозрительных обстоятельствах. Фаланга безымянного пальца, отсутствовавшая на скелете левой руки, найденном в Сидкапе, обнаружена на дне колодца вместе с кольцом, которое, как установлено, постоянно носил мистер Джон Беллингэм.

Дом, в саду которого расположен колодец, принадлежал покойному, и некогда там проживал его брат, мистер Годфри Беллингэм. Однако вскоре после исчезновения Джона Беллингэма его брат оставил дом и переехал; с тех пор он пустовал. На днях новый арендатор приступил к благоустройству усадьбы и чистке колодца. Пользуясь случаем и имея на руках соответствующее предписание руководства, инспектор полиции Бэджер спустился в колодец и извлек из тины три кости и кольцо. Таким образом, подлинность останков отныне не подлежит сомнению. Остается выяснить, кто убил Джона Беллингэма? Напомним, что брелок-скарабей, по-видимому, оторвавшийся от цепочки часов, был найден на участке, прилегавшем к тому же дому, причем в самый день исчезновения Джона Беллингэма. Насколько важны эти факты, решит следствие».

Я опустил газету и тупо уставился на Джервиса, который хмуро разглядывал носки своих ботинок. Меня словно поразил удар, парализовавший мыслительные способности, – перед глазами поплыли круги, в голове зазвенела пустота. Спокойный деловитый голос Торндайка вывел меня из шокового состояния:

– Будьте благоразумны и не терзайтесь попусту, Барклей. Никакого кошмара нет, время все расставит по местам. Отправляйтесь домой, примите бром и спать. Надо побороть потрясение – силы вам еще понадобятся.

Я, как лунатик во сне, сполз со стула и протянул Торндайку руку. Даже при слабом освещении и своей подавленности я заметил, что лицо профессора приняло такое выражение, какого я ни разу не видел: это был лик Неизбежного – ужасного, грозного, неумолимого.

Друзья проводили меня до ворот сада, где нас обогнал какой-то человек, похоже, очень спешивший. Возле домика привратника он бросил на нас быстрый взгляд через плечо, но не замедлил шаги и не поклонился. При свете фонаря я узнал его, и сердце мое болезненно сжалось и заныло: это был мистер Джеллико.

Я попрощался с Торндайком и Джервисом и направился в Невиль-корт. Что меня толкало, одному Богу известно. Инстинкт вел меня туда, где жила моя возлюбленная, вероятно, еще не ведавшая, что над ее головой, словно топор палача, нависла страшная и несправедливая угроза. При входе на площадь стоял, прислонившись к стене, неизвестный рослый господин крепкого сложения, пристально посмотревший на меня. У калитки дома я остановился: окна были темны, значит, все спали. Немного успокоившись, я двинулся к Нью-стрит, где тоже прохаживался высокий, коренастый мужчина, который вопросительно, будто с неммым укором, воззрился на меня. Я повернул назад к калитке знакомого дома и почти кожей ощутил, что тот человек крадется за мной. От неожиданности я вздрогнул, и меня осенило: это переодетые в штатское полицейские.

В первый момент мной овладело слепое бешенство. Мне захотелось броситься на наглеца и отомстить за оскорбление, которое он наносил моим друзьям своей слезкой. Но я одернул себя и не издал ни звука. Я осознал весь ужас происходящего, и на лбу у меня выступил холодный пот, уши заложило, а ноги как будто одеревенели.

Глава 18

Джон Беллингэм

Я не выполнил просьбу мисс Беллингэм и наутро вопреки ее воле явился в дом, поскольку убедил себя, что в трудную минуту мое место – рядом с любимой девушкой. В конце концов, всякий истинный друг поступил бы точно так же. Бедняжка примирилась с неизбежным, а что ей еще оставалось? С утра до ночи на каждом углу газетчики выкрикивали тревожные новости; у столбов, оклеенных пожелтевшими листами, собирались зеваки, и всегда находились желающие зачитать возбужденной толпе отрывки, содержащие наиболее омерзительные подробности. Беллингэмов пока ни в чем не обвиняли, но отдельные комментарии язвительных репортеров вызывали у меня зубовой скрежет. Никогда не забуду, как я страдал при виде расклеенных повсюду статей, бросавших тень на мою возлюбленную и ее отца, и при виде сновавших вокруг дома на Невиль-корт сыщиков, которые следили за мистером Годфри и его дочерью, как за преступниками. Меня полицейские запомнили и вскоре начали узнавать в лицо; мы даже обменивались приветствиями и краткими репликами, словно соседи. Я и вправду проводил в доме номер сорок девять немало времени, стараясь беседами и шутками отвлечь своих друзей от мрачной действительности; я даже попытался сделать хозяйку, мисс Оман, своей союзницей, но она разрыдалась и попросила меня не мучить ее.

Я и потом часто видел ее с влажными глазами и интересовался, чем она расстроена, но женщина отмалчивалась или говорила, что огорчилась из-за недавно принятого парламентом постановления о бракоразводных процессах. Мистер Беллингэм то гневался, брызжа слюной, то паниковал, то погружался в прострацию, чего я боялся больше всего. Руфь была единственной, кто владел собой, но и она не могла скрыть страха перед опасностью. Она вела себя спокойно, точнее, сдержанно, но в ее приветливости чувствовался привкус горечи. Со мной Руфь держалась кротко и мило, без малейшей холодности, но сердце мое переворачивалось при виде того, как бедняжка бледнеет и тает, словно свечка, как ее серые глаза заволакиваются слезами при мысли о грядущей судьбе.

Чего выжидает полиция? Когда обрушится удар? Есть ли шанс на спасение? Эти вопросы неотступно преследовали нас три дня, а на четвертый, когда я вел вечерний прием в амбулатории, битком набитой

пациентами, появился Полтон с запиской от Торндайка. Я прочел следующее:

«Доктор Норбери известил меня, что получил письмо из Берлина от Ледербогена – авторитетного специалиста по восточным древностям, он упоминает об англичанине-египтологе, которого встретил в Вене примерно год назад. Имени этого англичанина он не помнит, но в письме есть подробности, которые заставили доктора Норбери предположить, что речь идет о Джоне Беллингэме.

Приезжайте ко мне сегодня в полдевятого вместе с мистером и мисс Беллингэм. Я хочу познакомить их с доктором Норбери и обсудить детали письма. Ввиду важности вопроса прошу непременно выполнить мою просьбу».

Вмиг во мне вспыхнула надежда, и я ощутил такую легкость, будто сбросил с плеч тяжелый груз. Не все потеряно! Мы разрубим этот гордиев узел и, пока не поздно, распутаем дело. Я быстро черкнул две записки: одну – Торндайку, другую – Руфи, сообщая ей о предстоящем визите, – и передал их Полтону.

Мне повезло: поток пациентов схлынул, я управился еще до восьми и сразу поехал в Невиль-корт. Красные лучи заходящего солнца уже бледнели на крышах и дымовых трубах, вечерние тени сгущались в углах и нишах. Чтобы перевести дух, я немного побродил по кварталу, рассматривая знакомые дома и прохожих. Когда я вошел в калитку, Руфь стояла на пороге дома и разговаривала с мисс Оман. Увидев меня, она затворила дверь и пошла навстречу, на ходу протягивая мне руку:

– Как вы аккуратны! Часы как раз бьют восемь.

– Да, – кивнул я, – а где ваш батюшка?

– Он почувствовал себя нехорошо и лег в постель, я не решилась его беспокоить: он и вправду нездоров. Это тягостное состояние убьет его, если продолжится.

– Будем надеяться, что оно вот-вот закончится, – сказал я, но прозвучали мои слова неубедительно.

– Да, – прошептала Руфь, и мы вышли на улицу, но моя спутница вдруг остановилась и оглянулась по сторонам.

– Вы кого-то ищете?

– Сыщика, – ответила она. – Он так долго выжидал меня, что будет жаль, если я проскользну незамеченной. Но он куда-то подевался.

Я и не предполагал, что Руфь догадалась о слежке, и ее сарказм резанул мне слух, как в день нашего знакомства. В то же время меня поразило достоинство, с каким она переносила свои несчастья. Я рассказал ей об известии, полученном доктором Норбери из Берлина.

– Так вот в чем суть! – воскликнула Руфь, но в ее голосе послышалась не радость, а скорее тревога.

– Вы, кажется, не придаете данному факту особого значения, а по мне, так он крайне важен.

– Во-первых, он не согласуется с характером дяди Джона. Не представляю себе, что дядя жив, но ведет себя, как последний идиот, – он таким не был. Зачем ему прятаться и водить всех за нос? Во-вторых, этот факт противоречит обстоятельствам: останки и впрямь найдены, в том числе пресловутый палец. Что прикажете думать?

– Не исключена роковая ошибка, – ответил я. – На костях не написано, что они принадлежат вашему дяде.

– А кольцо? – печально улыбнулась она.

– Простое совпадение. Вы заказывали копию древнего украшения ювелиру. Случай не единичный – другие клиенты могли поступить так же. Кроме того, – с жаром прибавил я, – мы с вами вообще не видели это кольцо. Вдруг оно вовсе не такое, как у вашего дяди?

– Милый Поль, – покачала она головой, – к чему обманываться? Наверняка это скелет дяди Джона. Он мертв, нет сомнений. Кроме моего отца, вас, еще двух-трех наших друзей и убийцы, все остальные с подачи репортеров считают, что дядю убили либо я, либо Джордж Хёрст. С обнаружением кольца задача упростилась, ибо оно точно указывает на меня. Удивляюсь, что меня до сих пор не арестовали.

Ее пропитанные отчаянием бесстрастные рассуждения лишили меня остатков мужества и последних сил что-либо возразить, но потом я вспомнил спокойную уверенность Торндайка и ухватился за нее, как утопающий за соломинку.

– Один из наших друзей, – объявил я, – непоколебим в своих убеждениях. Это доктор Торндайк, который верит, что раскроет дело, несмотря на все трудности.

– Помоги ему Бог, однако и он не застрахован от крушения надежд, – возразила Руфь, – впрочем, скоро все выяснится.

– Странно, окна в квартире темные, – сказал я, когда мы пересекали улицу перед домом Торндайка.

– Да и ставни не закрыты. Его, похоже, нет дома.

– Как же так? Ведь он пригласил нас и вашего отца. Тут что-то

неладно. Профессор пунктуален во всем, особенно во времени.

Мы поднялись по лестнице и увидели клочок бумаги, прикрепленный к дубовой двери. В глаза мне бросилась фраза: «На столе записка для П. Б.»; я открыл дверь своим ключом, зажег лампу, схватил листочек и прочел вслух следующее:

«Друзья! Извините за непредвиденное изменение в программе. Мистер Норбери настоял на том, чтобы во избежание лишних пересудов я провел свой эксперимент до того, как возвратится с раскопок директор египетского отдела. Почтенный доктор готов начать сегодня же и приглашает мистера и мисс Беллингэм в музей. Пожалуйста, привезите их прямо туда. Швейцары предупреждены и проводят вас в кабинет. Полагаю, что наша встреча окажется полезной и прольет свет на важные обстоятельства.

Доктор Торндайк».

– Вы не сердитесь? – спросил я Руфь.

– Напротив, я довольна. С музеем у нас, Поль, связано столько приятных воспоминаний! – растроганно промолвила она и повернулась к выходу.

У ворот Темпла я вызвал экипаж, и мы помчались на северо-запад.

– Доктор Норбери в четвертом египетском зале, – сообщил швейцар и повел нас, освещая путь фонарем, через анфиладу огромных помещений.

Фонарь покачивался и бросал слабые отблески, прорезывая мрак, мимоходом выхватывая экспонаты в витринах и вновь погружая их в небытие. Идолы то взирали на нас круглыми вытаращенными глазами, то уплывали во тьму. Грубо раскрашенные маски, освещаемые дрожащим фитилем, напоминали бесовские рожи, строившие нам гримасы, когда мы проходили мимо. Скользя по высоким статуям, луч света на миг словно бы оживлял их, и казалось, что они тайком следят за нами, чего-то выжидают и вот-вот зашевелиятся, сойдут с постаментов и устремятся в погоню. Мне стало страшно, и Руфи, вероятно, тоже, потому что она прильнула ко мне и прошептала:

– Видели мраморного полинезийца? Мне померещилось, что он сию секунду прыгнет на нас, и я едва сдержала крик.

– Жутковато, – согласился я, – но все позади, эти чудища нас уже не поймают.

Швейцар вывел нас на площадку, потом мы обогнули северную галерею и вошли в четвертый египетский зал. Дверь с противоположной стороны распахнулась, послышалось какое-то жужжание, и мы увидели Джервиса: он встал на цыпочки и помахал нам рукой.

– Ступайте как можно тише, – попросил он, и мы вслед за ним попали в большое помещение, где горела одна-единственная лампа, поэтому почти все пространство утопало во тьме.

Мы сели на заранее приготовленные стулья, и я покрутил головой по сторонам, заметив, что, кроме Джервиса, тут еще трое: Торндайк с часами в руке, седой господин, похоже, доктор Норбери, и какой-то невысокий мужчина, предположительно Полтон, – в дальнем конце залы ничего не было видно. На переднем плане я различил два столика на подставках; к каждому из них был протянут резиновый шланг, опущенный в ведро. Я посмотрел в глубину комнаты и похолодел от страха: в слабом свете мне почудился зловещий силуэт виселицы. Взяв себя в руки, я вгляделся и понял, что это не виселица: к верхней перекладине крепилась объемная стеклянная чаша без дна, внутри которой располагался прозрачный шар с зеленым отливом. В центре шара мерцало ярко-красное пятно. Странное жужжание оказалось не чем иным, как звуком прерывателя; шар, очевидно, являлся трубкой Крукса; красное пятно представляло собой внутрисветящийся, докрасна раскаленный круг антикатада. Я догадался: проводится съемка икс-лучами, но зачем? Напрягая зрение, я попытался рассмотреть продолговатый предмет на полу под шаром, и тут раздался бодрый голос доктора Норбери:

– Странно, профессор, что вы выбрали столь сложный объект, как мумия. По-моему, проще и нагляднее было взять деревянную фигуру.

– Преимущество мумии в разнообразии материалов, – возразил Торндайк и обратился к мисс Беллингэм: – Леди, ваш отец часом не заболел?

– Он нездоров, – кивнула Руфь, – и мы решили, что я отправлюсь одна. Я немного знакома с господином Ледербогеном: одно время, приезжая в Англию, он останавливался у нас дома.

– Надеюсь, – вмешался доктор Норбери, – что побеспокоил вас не напрасно. Господин Ледербоген пишет: «Еще хочу рассказать о нашем знакомом бродяге-англичанине...» Мне кажется, так он называет вашего дядю.

– Мой дядя – бродяга? – нахмурилась Руфь. – Что за шутки?

– Не волнуйтесь, – успокоил ее доктор Норбери. – Лучше сами взгляните на письмо. Но мы не можем обсуждать эту тему во время сеанса,

так ведь, доктор?

– Давайте подождем до окончания опыта, – сказал Торндайк, – и погасим свет. Выключайте, Полтон.

Зеленый огонек исчез. Жужжание замедлилось и прекратилось. Торндайк и Норбери встали, направились к мумии и осторожно приподняли ее, а Полтон вынул из-под нее огромный черный пакет. Единственную лампу потушили, и комната погрузилась в кромешную тьму, пока над одним из столов не вспыхнул яркий оранжево-красный свет.

Сбившись в кружок, мы наблюдали, как Полтон – главный жрец этой мистерии – извлек из пакета большущий лист бромистой бумаги, положил его на столешницу и стал смачивать кистью, окуная ее в ведро.

– Я думал, в таких случаях употребляют пластинки, – пробормотал доктор Норбери.

– Так и есть, но шестифутовых пластинок не выпускают, поэтому я заказал специальную бумагу.

Затаив дыхание, мы следили, как на поверхности проступают очертания фигуры. С полминуты мы не замечали никаких изменений, но мало-помалу края бумаги потемнели, и мы различили светлое пятно с контуром мумии. Вскоре серые края сделались почти черными, но контур мумии по-прежнему белел. Наконец белесое пятно затянулось серой дымкой, и, когда серый цвет сгустился, из него, точно светло-серое привидение, «выполз» страшный скелет.

– У меня такое ощущение, будто я присутствую при нечестивом обряде; мурашки по коже, жуть, – поежился доктор Норбери, указывая на скелет, теперь резко выделявшийся на темном фоне. – Хватит проявлять, иначе вы растеряете все кости.

– Мне надо, чтоб и они потемнели, – спокойно отреагировал профессор, – на случай, если там застряли металлические предметы. У нас в запасе три листа бумаги, этого достаточно. – Торндайк склонился над столом и уставился в середину грудной клетки, а мы замерли, не спуская с него глаз. – Полтон, – велел он, – давайте гипосульфит.

Полтон, только и ждавший команду, отвинтил кран дренажной трубы, моментально спустил проявитель и залил фиксаж.

– Ого, – вырвалось у Норбери, когда свет упал на фотографию, – вы и вправду ничего не растеряли.

В эту минуту Руфь коснулась моего локтя, сначала легонько, а потом сжала его крепко и нервно. Я почувствовал, как дрожат ее пальцы, заметил мертвенную бледность ее лица.

– Не выйти ли нам в галерею? – предложил я. – Здесь душно и жарко,

помещение дано не проветривали.

– Нет, – заявила она, продолжая держать меня за локоть, – я останусь. Мне уже лучше.

Торндайк внимательно посмотрел на нее и хотел что-то сказать, но доктор Норбери опередил его вопросом:

– Почему некоторые зубы мумии кажутся на снимке белее других?

– Белизна определяется присутствием металла, – пояснил профессор.

– Значит, на зубах пломбы? Любопытнейший факт! Я читал, что древние египтяне, высшая каста, разумеется, применяли пломбы из золота, врачи даже изготавливали искусственные зубы, но подобных экспонатов я не видел, и в нашем музее их нет. Надо бы распеленать и тщательно обследовать эту мумию. Все ли зубы запломбированы одним и тем же металлом? Похоже, нет – они не одинаково белые.

– Те зубы, что выглядят белыми, запломбированы золотом, а вот этот сероватый зуб, – указал Торндайк, – вероятно, оловом.

– Ох, как интересно! – всполошился Норбери. – Уникальный экспонат! А что вы думаете вот об этом пятнышке в верхнем отделе грудной кости?

– Это Око Озириса, – нерешительно промолвила Руфь.

– Господи! – хлопнул себя по лбу доктор Норбери. – Как я сразу не догадался? Вы совершенно правы, очаровательная леди. Око Горуса, или Озириса, если предпочтительнее такое название. Наверняка этот символ вызолочен на одном из слоев ткани.

– Для позолоты снимок слишком нечеткий, – сказал Торндайк. – Это татуировка, выполненная киноварью.

– Почему киноварью?

– Татуировка углем не оставила бы такого заметного пятна.

– По-моему, вы ошибаетесь, – насупился доктор Норбери, – мы проверим вашу гипотезу, если директор отдела позволит снять с мумии пелены. А вот эти маленькие штучки у колен тоже металлические?

– Да, и они не у колен, а в самих коленях: это фрагменты серебряной проволоки для скрепления травмированных надколенников.

– Вы уверены? – воскликнул Норбери, с восторгом глядя на белые пятнышки. – Что же получается? Мумия писца Себекхотепа, которую мы считали самой обыкновенной, – бесценная диковина? Раритет мирового значения? Единственный и неповторимый?

– Да, несомненно, – кивнул Торндайк.

– Благодаря вашим замечательным исследовательским способностям, профессор, мы сделали величайшее открытие. Бедный Джон Беллингэм! Он и не подозревал, какое сокровище оставляет музею. Как бы я хотел,

чтобы он знал это и радовался вместе с нами! Чтобы он сейчас находился здесь!

Торндайк дождался, пока Норбери замолчит, и бесстрастно произнес:

– Джон Беллингэм здесь, доктор. Вот он.

Норбери отпрянул и уставился на Торндайка:

– Эта мумия – тело Джона Беллингэма? Как прикажете вас понимать? Она экспонировалась в музее за три недели до того, как он исчез.

– Нет, – покачал головой Торндайк. – Вы и мистер Джеллико видели Джона Беллингэма живым четырнадцатого октября, более чем за три недели до того, как мумия покинула дом на Куин-сквер. После этой даты ни один человек, кто знал Беллингэма и мог бы удостоверить его личность, не встречал его ни живым, ни мертвым.

– Но как тело Джона Беллингэма попало в футляр?

– Надо поинтересоваться у мистера Джеллико.

Повисла пауза, после чего Норбери, словно спохватившись, спросил:

– А где Себекхотеп? Я имею в виду, где настоящая мумия?

– Я полагаю, что останки Себекхотепа или их часть лежат в морге в Вудфорде и ждут судебного следствия.

Когда я услышал эти слова, кровь бросилась мне в голову, краска стыда залила щеки. Я ненавижу себя в ту минуту. Это я-то, специалист, изучавший физиологию и анатомию, окончивший медицинский колледж, слушавший курс у знаменитого профессора Торндайка, принял древние кости за останки недавно умершего человека. Какой позор! «А еще врач!» – вспомнил я упрек мисс Оман.

Доктор Норбери долго молчал, видимо, пытаясь прийти в себя после всего, что на него обрушилось.

– И все-таки, профессор, – произнес он как бы через силу, – нет ли ошибки? Ведь в голове не укладывается. Разве такое возможно?

– Ошибки нет, – твердо заявил Торндайк, – а если сомневаетесь, обратимся к фактам. Я встретился с дантистом Джона Беллингэма и получил выписку из его медкарты. У него было пять запломбированных зубов. Посмотрите: вот они. На левом жевательном зубе нижней челюсти установлена золотая пломба, которая видна как белое пятнышко, а на таком же зубе верхней челюсти – оловянная: на снимке она выглядит сероватой. Одного этого достаточно, чтобы опознать тело, а у нас есть еще татуировка – Око Озириса.

– Горуса, или Гора, – поправил доктор Норбери.

– Называйте, как угодно, – усмехнулся Торндайк, – главное, что татуировка нанесена именно на груди, причем киноварью. Снимок это

воочию демонстрирует. Пойдем дальше. Сэр Морган Беннет, хирург, сообщил мне, что с помощью серебряной проволоки наложил своему пациенту три шва в левом надколеннике и два – в правом. Поглядите на фотографию: точь-в-точь. Наконец у покойного был перелом Потта на левой лодыжке. Сейчас он не особенно заметен, но я видел его, когда оттенок костей был светлее. У вас остались сомнения, доктор?

– Ваши доводы весьма убедительны. Бедный старина Джон Беллингэм! Ему пришлось столкнуться с предательством и поплатиться жизнью.

– К несчастью, да, – кивнул Торндайк. – На правой стороне черепа имеется пятно, похожее на перелом. Чтобы сделать его более четким, мы проявим следующий негатив.

– Ужасно! – воскликнул Норбери. – Какие же меры мы примем?

– Я заявлю в полицию, а вы известите коронера; кроме того, вам нужно установить контакт с одним из душеприказчиков.

– С мистером Джеллико?

– Нет, напишите Годфри Беллингэму.

– Погодите, ведь другой душеприказчик – мистер Хёрст? – удивился доктор Норбери. – Таково положение...

– Таково было положение, – поправил Торндайк, – теперь оно изменилось. Вы помните второй пункт завещания? Он определяет условие, при котором Годфри Беллингэм наследует все имущество и становится душеприказчиком: тело завещателя упокоится в пределах приходов церкви Святого Георгия в Блумсбери или Святого Эгидия на Полях. Тело Джона Беллингэма уже давно лежит в музее, как и другие мумии, а музей расположен в приходе церкви Святого Георгия. Таким образом, второй пункт выполнен, то есть Годфри Беллингэм согласно воле завещателя – главный наследник и второй душеприказчик. Это ясно?

– Как божий день. Но какое поразительное совпадение! Милая леди, с вами все в порядке? Не лучше ли вам присесть? – спросил он, с беспокойством взглянув на Руфь, которая тяжело дышала и едва держалась на ногах, опираясь о мою руку.

– Барклей, выведите мисс Беллингэм в галереи, там больше воздуха, – велел Торндайк. – Посидите там, дорогая леди, пока мы проявляем остальные негативы. Вам нужно отдохнуть и прийти в себя, вы и так настрадались, – ласково прибавил он, выпуская нас. – Но теперь буря миновала, и вот-вот выглянет солнце. Барклей, не сердитесь, но дверь я пока запру – нам для работы нужна абсолютная темнота.

Щелкнул замок, и мы очутились в галерее. Лампы не горели, лишь

лунный свет мягко лился сквозь стеклянный потолок. Мы медленно двинулись через залы, минуя витрины с тускло блестящими в полутьме экспонатами. Я осторожно держал в руке пальцы любимой девушки, и мы оба молчали. Вокруг царила полная тишина. Руфь с чувством пожала мне руку и сквозь слезы прошептала:

– Какая трагедия! Бедный дядя Джон! Он словно вернулся из царства мертвых, чтобы поведать нам об этих ужасах. Знаете, Поль, стыдно признаться, но у меня будто камень с души свалился.

– Это потому, что все плохое исчезло, дорогая, – сказал я ей. – Останутся лишь воспоминания о пережитых невзгодах, о вашем благородстве и стойкости.

– Я пока не пришла в себя, словно вижу страшный сон, который никак не закончится.

– Давайте прогоним грусть, – предложил я, – и подумаем о счастье, которое нас ожидает.

Она не ответила, но вздох, вырвавшийся из ее груди, убедительнее слов доказывал, как нелегко ей пришлось и сколько сил потребовалось, чтобы побороть страх и вынести все трудности.

Мы пересекли несколько античных залов. Скульптуры мифических героев в нишах у стен походили на молчаливых гигантов, стороживших тишину и охранявших память минувших веков. Глазами этих мраморных изваяний на нас смотрел давно канувший в Лету мир, смотрел не грозно и не гневно, а торжественно, словно благословляя нас – детей нового поколения, чей путь, увы, столь же недолговечен, как и все земное.

Возле одного из саркофагов мы, не сговариваясь, остановились. Я увидел знакомый золотой венок поверх прически молодого человека, утонченное лицо с выразительными чертами и внимательный взгляд больших темных глаз, свидетельствующий о сильном характере и богатом внутреннем мире. В открытом взоре юноши читались сознание собственного достоинства и страстность натуры.

– Узнаете, Руфь? – спросил я девушку.

– Конечно, – ответила она. – Это – Артемидор.

Мы долго стояли рука об руку, воскрешая в памяти грустные и радостные события, пережитые вместе. Потом я привлек девушку к себе и взглянул ей в глаза:

– Руфь, вы помните, что вы сказали мне, когда мы были здесь в последний раз?

– Господи, разве такое забудется? – воскликнула она. – У меня сердце разрывалось от горя и отчаяния, когда я прогоняла вас.

– Мне тогда казалось, что сердце мое разбито и свет навсегда погас для меня. Но впереди брезжил луч надежды – ваше обещание. Я верил: настанет день, и вы исполните его – нужно лишь терпение.

Она опустила голову мне на плечо и прижалась к моей щеке:

– Дорогой, – прошептала она, – день настал. Теперь – и навсегда.

Я обнял ее и прижал к сердцу. «Отныне, – подумал я, – не будет ни печалей, ни горестей; мы рука об руку пройдем свой земной путь, пусть даже очень короткий».

Отдаленный щелчок замка вырвал нас из плена грез. Руфь подняла голову, и наши губы на мгновение встретились. Мы безмолвно простились с Артемидором – своим другом, ангелом- хранителем, свидетелем нашего горя и счастья – и пошли обратно, наполняя залы эхом собственных шагов.

– Мне не хочется возвращаться в то темное помещение, – призналась Руфь.

– Почему, дорогая?

– Там лежит дядя Джон, который безвременно, беспричинно и несправедливо погиб, хотя мог бы жить да жить. Мне горько и совестно смотреть на его останки, когда сердце мое трепещет от радости воссоединения с вами, Поль. Я упрекаю себя в эгоизме.

– Что вы, Руфь? – удивился я. – Мы с вами живы, молоды и имеем право на счастье. Но я согласен: входить в ту комнату вам совсем не обязательно. – И я отстранил свою любимую от двери, из которой струился яркий луч.

В ту же секунду дверь отворилась, Торндайк вышел к нам и сообщил:

– Мы проявили четыре негатива. Когда они высохнут, доктор Норбери сделает нужные пометки. Снимки потребуются нам в качестве доказательств. Как вы себя чувствуете, мисс Беллингэм?

– Мне пора к отцу, – спохватилась девушка. – Он и так болеет, а тут еще такие новости...

– Руфь права, – поддержал я. – Мистер Годфри подвержен нервным возбуждениям, и неизвестно, какотреагирует его психика на известие об убийстве брата и о том, каким образом удалось установить факт его смерти.

– Понимаю, – кивнул Торндайк, – давайте договоримся так: вы, Поль, проводите мисс Беллингэм до дому, а потом отправитесь ко мне на квартиру и подождете меня там.

Я согласился, и мы в сопровождении доктора Норбери, освещавшего дорогу фонарем, покинули территорию музея. У ворот Торндайк пожелал моей спутнице спокойной ночи, а она протянула ему руку и посмотрела на него полными слез глазами:

– Я ведь даже не сказала вам спасибо, профессор, и, право, не знаю, какими словами выразить признательность за все, что вы сделали для моего отца и для меня, – это выше обычной благодарности. Прощайте! Да благословит вас судьба!

Глава 19

В гостях у мистера Джеллико

Я отпер тяжелую парадную дверь профессорского дома и, оставив ее приоткрытой, вошел в вестибюль; внутреннюю дверь я запер, после чего проследовал в гостиную и долго мерил ее нетерпеливыми шагами. Похоже, пролетело немало времени, потому что Торндайк и Джервис, вернувшись, извинились за опоздание.

– Вы догадываетесь, зачем я вас позвал? – спросил профессор.

– Нет, – ответил я, – объясните.

– Мы должны навеститься к мистеру Джеллико. В этом деле есть некая подоплека, и, пока я не докопаюсь до нее и не вытащу на свет божий, точку ставить рано.

– А до завтра не терпит?

– Лисицу ловят за хвост, Барклей, а не то ускользнет, тем более такая хитрая и коварная, как Джеллико. И вот еще что: нужно вызвать инспектора Бэджера.

– Хотите, чтоб лисица подралась с барсуком³? – усмехнулся Джервис. – Джеллико ничем себя не обнаружит, он изворотлив, как змея.

– Не спешите с выводами, коллега. Надеюсь, поверенный даст показания, а в том, что с убийством Джона Беллингэма связаны некие исключительные обстоятельства, я убежден.

– Вы давно поняли, что тело лежит в музее? – спросил я Торндайка.

– Секунд за тридцать-сорок до вас.

– Как? Лишь при проявке негатива?

– Дорогой Барклей, – положил мне руку на плечо профессор, – если бы я заранее знал, где тело, и запросто мог вывести убийцу на чистую воду, неужели я стал бы мучить бедную мисс Беллингэм? Зачем мне понадобились бы эксперименты с привлечением доктора Норбери, если бы я отыскал прямой и кратчайший путь решения проблемы?

– Если бы вы посвятили Норбери в свои замыслы, он, вероятно, не стал бы помогать нам и не разрешил бы опыты с мумией Себекхотепа, – сказал Джервис.

– Вы правы, мой ученый собрат. Норбери отказал бы мне и посоветовал обратиться в полицию, а с чем бы я туда пошел? Ведь у меня были только подозрения и ни одной улики.

На лестнице раздались шаги, во внутреннюю дверь позвонили, и в квартиру ворвался Бэджер, чуть не сбив с ног впустившего его Джервиса.

– Как это понимать, мистер Торндайк? – с порога закричал инспектор. – Вы свидетельствуете против мистера Джеллико? Мне приказано задержать его, но это незаконно. Полицией собрано достаточно улик, чтобы предъявить обвинение совсем другому лицу.

– Ваше обвинение зиждется на показаниях Джеллико, не так ли? – спросил Торндайк. – А у меня есть кое-что поинтереснее: я осмотрел и опознал тело, доставленное в Британский музей, – между прочим, по распоряжению мистера Джеллико. Я не утверждаю, что Джона Беллингэма убил он, хотя, если принять во внимание некоторые детали, это весьма вероятно. Я настаиваю пока лишь на том, чтобы поверенный дал правдивые и исчерпывающие показания и, в частности, объяснил, как труп, замаскированный под мумию, попал в музей.

Бэджер был не просто раздосадован, а будто громом поражен. Похоже, пыль, которую пустил мистер Джеллико, так засорила глаза полицейским, что те отказывались верить в очевидные факты. Тем не менее Торндайк терпеливо ввел Бэджера в курс дела.

– Надо же, – остолбенел инспектор, – какой я дурак! Повесить меня, и то мало! Подумать только! Я и мои люди потратили кучу времени, собирая по лесам, прудам и колодцам эти проклятые кости.

– Успокойтесь, – попросил Торндайк. – Кости сыграли свою роль в расследовании, и немалую. Это и есть та неизбежная ошибка, которую рано или поздно совершает всякий преступник. Если бы злодей просто затаился, ниточка была бы порвана, а он развил такую активность, что сам вырыл себе яму. Впрочем, хватит об этом, пора заняться Джеллико.

– Мы пойдем к нему все вместе? Целой толпой? – проворчал инспектор, бросая на меня и Джервиса недобрый взгляд.

– Да, – заявил Торндайк. – Не беспокойтесь, мы вам не помешаем: вы арестуете его, когда сочтете нужным.

Мы отправились в Линкольнс-Инн, где в старинном особняке жил Артур Джеллико.

– В первом этаже горит свет, – сказал Бэджер. – Я позвоню, а вы пока отойдите в сторонку.

Предосторожность оказалась излишней. Едва инспектор протянул руку к звонку, из окна над парадной дверью высунулась голова.

– Кто там? – спросил голос, который я узнал бы среди тысячи других.

– Инспектор Бэджер, уголовная полиция. Мне нужно срочно видеть мистера Артура Джеллико.

- Так посмотрите на меня! Я и есть Артур Джеллико.
- Имею приказ о вашем аресте, мистер Джеллико. Вы обвиняетесь в убийстве Джона Беллингэма, тело которого обнаружено в Британском музее доктором Торндайком.
- Боже мой! – вскричал Джеллико. – Он тоже здесь?
- Откройте дверь, пожалуйста.
- Я согласен сдать, но на определенных условиях.
- Вы не вправе ставить никаких условий.
- Нет, вправе, и вы их примете, иначе ничего у вас не выйдет.
- Или вы впустите меня в дом, или я вышибу дверь. Сопротивление бесполезно: усадьба оцеплена полицией.
- Я хочу дать показания.
- Как угодно, и предупреждаю: все, что вы скажете, может быть использовано против вас.
- Позвольте мне поговорить с доктором Торндайком. Мне нужно узнать, как он установил факт наличия трупа. Профессор уделит мне немного времени?
- Если, по-вашему, это прояснит дело, то я готов, – отозвался Торндайк из темноты.
- Отлично. Вот мои условия, инспектор: я побеседую с доктором Торндайком, после чего дам официальные показания. Пока эта процедура со всеми вопросами, уточнениями и спорными пунктами не завершится, я останусь на свободе. Обязуюсь в дальнейшем не препятствовать полиции и покориться всему, что вы сочтете нужным предпринять.
- Я возражаю! – крикнул Бэджер в распахнутое окошко.
- Не будьте опрометчивы, – надменно процедил Джеллико. – Предупреждаю вас по-хорошему.
- Холодно-бесстрастный голос и наглое поведение поверенного, похоже, насторожили инспектора. Он обернулся к Торндайку и прошептал:
 - Черт знает, что задумал этот тип. А если ускользнет?
 - Маловероятно, – ответил доктор. – Лучше уступите ему, чем вы рискуете? А его показания очень важны, от них многое зависит.
 - Ладно, – махнул рукой инспектор, – я согласен. Открывайте дверь!
 - Вы клянетесь не мешать мне, пока я не закончу? – допытывался Джеллико.
 - Бросьте свое занудство! – взорвался Бэджер. – Если я обещал, то сдержу слово.
- Голова мистера Джеллико тотчас исчезла, окошко захлопнулось, на лестнице раздались шаги, потом стук тяжелого болта и звон цепочки.

Тяжелая кованая дверь распахнулась, и на пороге показался хозяин с невозмутимым видом и старинным подсвечником в руке.

– Кто еще тут? – приглушенно спросил он, подслеповато щурясь сквозь очки.

– Доктор Джервис и доктор Барклей, – объявил Торндайк.

– Понятно, – усмехнулся Джеллико. – Входите, джентльмены. Я приготовил для вас нечто необычное.

Он любезно пропустил нас в холл, а оттуда повел по лестнице в комнату, из окна которой диктовал условия капитуляции. Это была строгая, обшитая деревом гостиная в старинном стиле, с большим камином, на одной из резных панелей которого я различил инициалы *J. W. P.* и дату: 1671. В дальнем конце стоял массивный письменный стол, за ним – металлический сейф.

– Я знал, что вы придете, – спокойно произнес мистер Джеллико, расставляя стулья возле стола. – Я понял, что вы, профессор, интересуетесь делом Беллингэма, когда в понедельник увидел вас вечером с доктором Барклеем у ворот Темпла. Как насчет хересу, джентльмены? – Он поставил на стол поднос с графином и рюмками и, положив руку на пробку, вопросительно посмотрел на нас.

– Я, пожалуй, не прочь, мистер Джеллико, – устало сказал Бэджер.

Джеллико налил рюмку и с церемонным поклоном подал инспектору, потом, все еще держа графин в руке, обратился к Торндайку:

– Доктор, выпьете самую малость?

– Нет, благодарю, – отказался Торндайк столь решительно, что Бэджер обернулся к нему и, поймав его взгляд, опустил рюмку, которую уже подносил ко рту, обратно на стол.

– Не хочется торопить вас, мистер Джеллико, – проговорил инспектор, – но время позднее, пора приступить к делу. Так с чего начнем?

– Я дам подробные показания о происшествии и надеюсь услышать от доктора Торндайка, каким образом он пришел к своим удивительным выводам. Притом, по-моему, будет гораздо занимательнее, если мистер Торндайк сообщит информацию прежде, чем я изложу действительные факты.

Торндайк кивнул в знак согласия. Джеллико, усевшись в кресло за столом, налил себе воды, выбрал из красивого серебряного портсигара папиросу, закурил и, приняв расслабленную позу, приготовился слушать.

– Впервые я прочел об инциденте с Джоном Беллингэмом, – начал Торндайк без всяких предисловий, – около двух лет назад в газетах. Я судебно-медицинский эксперт, веду соответствующий курс в колледже и

увлекся данным делом чисто академически, потому что оно относилось к моей специальности. Репортеры не баловали публику подробностями о взаимоотношениях лиц, причастных к исчезновению египтолога, и понять мотивы преступления не смог бы даже опытный сыщик. Мне пришлось апеллировать к фактам и анализировать их без всякой предвзятости, а о мотивах временно забыть. Как ни странно, такой метод продуктивен. Вы удивитесь, но уже первые мои гипотезы оказались верными и впоследствии привели к выводам, подтвержденным экспериментальным путем, в том числе с помощью опытов, произведенных мною сегодня в музее. Подчеркиваю: я отталкивался от фактов, которые черпал из газет, а затем, логически рассуждая, делал свои умозаключения. Опираясь на факты, я сформулировал четыре версии происшедшего:

1. Человек жив и скрывается, что допустимо по ряду причин, на одну из которых я укажу чуть позже.

2. Джентльмен умер в результате несчастного случая или внезапной болезни, и его тело не опознали. Эту версию я отменил, ибо при мистере Беллингэме постоянно находились вещи, например визитные карточки, по которым его личность установили бы непременно.

3. Мистер Беллингэм убит неизвестным лицом (лицами) с целью ограбления. Предположение не слишком убедительно по той же самой причине: тело обязательно обнаружили бы и опознали.

Три перечисленные гипотезы я счел невероятными, к тому же они не касались ни одного из субъектов, составлявших круг общения Джона Беллингэма. Единственной зацепкой был брелок, найденный в саду мистера Годфри. Я отбросил эти три объяснения и сосредоточился на четвертом: человек убит одним из тех лиц, чьи имена мелькали в газетах. Журналисты называли четверых, и из них приходилось выбирать; вот эти имена: а) Джордж Хёрст; б) Годфри Беллингэм; в) мисс Беллингэм; г) Артур Джеллико.

Когда же в последний раз видели живым Джона Беллингэма? Вот вопрос, который я постоянно внушаю своим ученикам, ибо он самый важный при подобном расследовании. Я задал его самому себе и ответил: четырнадцатого октября тысяча девятьсот второго года на Куин-сквер, в Блумсбери. В тот день коллекционер, несомненно, был жив и находился по указанному адресу, ибо его видели в одно и то же время два лица, оба хорошо его знавшие, и одно из них – доктор Норбери, совершенно беспристрастный свидетель. После этой даты никто и никогда не встречал пропавшего ни живым, ни мертвым. В газетах писали, что двадцать третьего ноября его видела экономка мистера Хёрста, во что я изначально

не поверил: она не знала Джона Беллингэма в лицо и могла принять за него любого джентльмена, кто назвался бы этим именем.

Таким образом, днем исчезновения жертвы нужно считать, вопреки всеобщему мнению, не двадцать третье ноября, а четырнадцатое октября. Я понял, что вопрос: «Что случилось с Джоном Беллингэмом после того, как он вошел в дом мистера Хёрста?» – в корне неверен, и сформулировал его так: «Что произошло, после того как Беллингэма видели на Куин-сквер?»

Едва я нащупал эту отправную точку, выявилось потрясающее стечение обстоятельств. Если по каким-либо причинам мистер Джеллико желал уничтожить своего доверителя, представлялся удобнейший случай, какой редко выпадает преднамеренному убийце. Судите сами. Все знали, что Джон Беллингэм в одиночку едет за границу, но куда именно, он не уточнил. Он покидал Англию на неопределенное время, но не менее чем на три недели. Отличный шанс для убийцы! Беллингэма никто не хватился бы в последующие несколько недель или месяцев, а за это время можно избавиться от трупа и замести следы. Для преступника такие условия – идеальные.

Это еще не все. Пока Джон Беллингэм отсутствовал, его поверенному предстояло доставить в Британский музей мумию, то есть мертвое тело в футляре, вдобавок помещенном в закрытый ящик. Лучшего и пожелать нельзя! Однако тут заключался и слабый пункт: в газетах написали, что мумию вывезли из дома на Куин-сквер после исчезновения коллекционера, и в итоге могли возникнуть подозрения, но к данному пункту я вернулся чуть позже.

Некий господин под видом Джона Беллингэма действительно посетил квартиру Хёрста и должен был или выйти оттуда, или остаться там. Я предположил два варианта. 1. Если он ушел, то тайно. 2. Если он остался, то его убили, а тело спрятали. Может, это и вправду был Джон Беллингэм? Пожилой солидный джентльмен вошел в дом, а потом незаметно выскользнул, не попрощавшись, – трудно допустить с его стороны такую бестактность. Кроме того, это значило бы, что коллекционер приехал в Элтем по железной дороге, недавно высадившись в Англии и сдав чемодан в багажное отделение на вокзале Чаринг-Кросс. В такой вояж не пускаются спонтанно, а если едут, то намеренно, то есть с конкретной целью, что никак не вяжется с внезапным исчезновением из дома.

Рассмотрим гипотезу, что с Беллингэмом расправился Хёрст, поскольку физическая возможность у него была. Однако не всякая возможность вероятна. Риск и дальнейшие осложнения в данном случае очень велики, и, соверши Хёрст убийство, он, наскоро пообедав, не оставил

бы дом под надзором прислуги, которая наверняка заметила бы спрятанный труп.

Существует, однако, третий вариант, до которого, как ни странно, никто не додумался, хотя он разом снимает все затруднения. Визитером являлся не Джон Беллингэм, а тот, кто сыграл его роль. Тогда исчезновение не удивительно, ибо выдававшему себя за Беллингэма субъекту непременно надо было сбежать, пока Хёрст не вернулся и не разоблачил его. Возникают вопросы: кто это был и какую цель преследовал? Конечно, не Хёрст – его узнала бы экономка и другие слуги. Значит, либо Годфри Беллингэм, либо вы, мистер Джеллико, либо третье лицо. Газеты не писали о посторонних, поэтому я сосредоточился на двух упомянутых.

Допустим, это Годфри Беллингэм. Я предположил, что экономка Хёрста не знает его в лицо, и, как выяснилось, ошибся. Но для чего ему изображать своего брата, ведь преступление еще не было совершено? Кроме того, он не располагал временем: ему пришлось бы раньше Джона покинуть Вудфорд и ехать в Чаринг-Кросс. Даже если убийца Годфри, зачем ему так утруждаться? Лучше сидеть у себя в имении и делать вид, будто ничего не знаешь. Нет, все свидетельствует о том, что субъект, выдававший себя за коллекционера, не его родной брат.

Остаетесь вы, мистер Джеллико. Что заставило вас явиться под видом Джона Беллингэма, а потом сбежать из квартиры Хёрста? Цель очевидна – зафиксировать день исчезновения египтолога, воссоздать определенный момент, когда вашего клиента видели живым в последний раз.

Если бы вы, мистер Джеллико, убив Джона Беллингэма, спрятали его тело в футляр, то первое время чувствовали бы себя в безопасности. Месяц-другой вашего доверителя не стали бы искать. Но рано или поздно его бы хватились и выяснили, что никто не встречал коллекционера, с тех пор как он уехал из своего дома на Куин-сквер. Тогда какой-нибудь дотошный сыщик непременно докопался бы, что последним, с кем видели пропавшего джентльмена, были вы, мистер Джеллико. Вслед за тем некий вредный репортер вспомнил бы и раззвонил на весь свет, что мумию привезли в музей некоторое время спустя после того, как Джона Беллингэма видели живым в последний раз. Таким образом, на вас пало бы подозрение и началось роковое дознание. Однако если подстроить так, будто Джона Беллингэма видели в живых более чем через месяц после его встречи с адвокатом и через несколько недель после доставки мумии в музей, тогда Артур Джеллико не считался бы причастным к исчезновению и обеспечил бы себе полную безопасность, причем не на первое время, а навсегда.

Тщательно проштудировав и обдумав газетные публикации, я пришел к заключению, что происшествие в квартире Хёрста имеет одноединственное объяснение: визит нанес не Джон Беллингэм, а тот, кто изображал его, и это – вы, мистер Джеллико.

Прошло почти два года, и я услышал от доктора Барклея новости по делу пропавшего коллекционера, купил свежие газеты и ознакомился с фактами, которые прокомментирую по порядку. Прежде всего, я прочел завещание, и оно вызвало у меня недоумение. Мистер Джон хотел отписать все свое состояние родному брату, но форма документа намеренно устраняет законного наследника. Второй пункт ставит передачу имущества в зависимость от места погребения умершего. Похоронами обычно ведает душеприказчик покойного, а в нашем случае – это мистер Джеллико собственной персоной. Именно ему поручалось следить за выполнением условий завещания, документ составлен и заверен в его конторе, два его клерка подписались в качестве свидетелей. Мистер Джеллико искал союза с Джорджем Хёрстом, который извлекал из неточного исполнения воли своего кузена огромную выгоду. Материально выигрывал Хёрст, но рулевым оставался Джеллико, что вполне объясняет его активную роль в сокрытии тела своего клиента, и когда я прочел завещание, то понял, кто преступник.

– Позвольте, – заговорил все время молчавший Джеллико таким отстраненным тоном, словно обсуждалось постороннее судебное дело, интересное ему лишь как профессионалу, – а вы задумывались о мотивах преступления?

– Я составил свое мнение, – спокойно ответил Торндайк, – правда, чисто теоретическое, ибо подтвердить его сложно. Мне удалось выяснить, что лет десять назад у мистера Хёрста возникли финансовые проблемы, но неизвестно откуда и под какое обеспечение он получил крупную сумму денег. Данное обстоятельство по времени совпадает с составлением завещания, и я усмотрел тут некую связь. Повторяю: это только предположение, доказательств у меня нет. Значит, мистер Джеллико, ваших мотивов я не открыл.

– Вот как? – восторженно воскликнул поверенный, положил окурочек в пепельницу и, выбрав другую папиросу, сказал: – Это самая любопытная особенность вашего анализа. Она делает вам честь. Для большинства сыщиков отсутствие преступного мотива – серьезное препятствие к началу судебного преследования. Но вы с потрясающей твердолобостью продолжаете доискиваться до правды.

Он торжественно поклонился Торндайку, который отвесил ему такой

же церемонный поклон, после чего Джеллико закурил папиросу и опять откинулся на спинку кресла, приняв позу человека, который слушает лекцию или музыку.

– Поскольку у меня не было оснований для решительных действий, – продолжал Торндайк, – мне ничего не оставалось, как собирать новые факты. Анализ многих преступлений, совершенных с большой степенью предусмотрительности и искусности, выявляет одну характерную черту: осторожный убийца, замечая следы, теряет чувство меры. В итоге излишняя предосторожность выдает его. Так происходит всегда, и я верил, что данное дело не станет исключением. Я оказался прав.

В тот момент, когда расследование завело меня в тупик, в Сидкапе отыскали фрагмент человеческого скелета. Я прочел об этом в вечерней газете, и, как ни скудно было сообщение, оно убедило меня: преступник допустил роковую ошибку.

– Неужели? – удивился Джеллико. – Неопытный репортер написал ерунду, ничего не стоящую в плане фактологии.

– Не спорю, – кивнул Торндайк, – однако в заметке указывались время и место обнаружения останков, а также говорилось, какие именно кости нашел фермер. По их виду я заключил, что тело разлагалось в сухой атмосфере, а кисть руки была отломана. Таким характеристикам трупа вполне соответствует египетская мумия. Она хорошо сохраняется в футляре, но на открытом воздухе при нашем климате быстро разрушается, и связки становятся ломкими. Предположив, что эти кости – фрагменты мумии, я укрепился в убеждении, что убийца – мистер Джеллико. Если он расправился со своим клиентом и спрятал тело в футляре, значит, настоящую мумию он извлек оттуда и куда-то запрятал, возможно, бросил на воздухе и обращался с ней неосторожно.

Мне известно о преступниках, отрезавших пальцы своим жертвам, если те носили на них дорогие кольца. Однако в случае с Джоном Беллингэмом убийца преследовал иную цель: устранить объект, по которому наверняка идентифицировали бы тело. Но почему мистер Джеллико не снял с трупа кольцо, не распилил его, не выкинул? Дело в том, что многие знали: коллекционер носил на безымянном пальце левой руки ювелирное украшение и не снимал его, поскольку оно сидело очень плотно. Исчезновение пальца создавало видимость того, что какой-то разбойник позарился на кольцо, расправился с жертвой, отрезал ей палец и завладел ценной вещью. Разумеется, это отводило от такого благородного джентльмена, как мистер Джеллико, всякие подозрения – он ведь не грабитель с большой дороги.

Я утомил вас, господа, но мой обзор подходит к концу. Подведем итоги. До сегодняшнего дня у меня не было ни доказательств, ни ключа к мотиву преступления, а лишь разрозненные факты, но и они указывали на Артура Джеллико как главного подозреваемого. Во-первых, ему подвернулся удачный момент расправиться со своим клиентом и спрятать тело. Во-вторых, в последний раз Беллингэма видели живым в обществе его адвоката. В-третьих, человеческий труп доставили в музей по распоряжению и под контролем мистера Джеллико. В-четвертых, именно он, несмотря на слабое зрение, разглядел в траве на участке Годфри Беллингэма скарабея, которого сам же и подбросил, чтобы снять с себя подозрения, а на невинного брата своей жертвы бросить зловещую тень. В-пятых, будучи душеприказчиком покойного, мистер Джеллико намеревался извлечь из запутанного завещания как можно больше материальной выгоды.

Теперь об останках. Это не кости Джона Беллингэма, а фрагменты мумии; единственный, кто располагал ею, – мистер Джеллико. А у кого имелись мотивы заменить тело убитого коллекционера останками Себекхотепа, египетского писца XXII династии? Конечно, у мистера Джеллико.

Располагая теоретическими данными, полученными на основе умозаключений, я понимал: этого мало для начала активных действий. Инициируй я тогда же судебный процесс, его либо прекратили бы, либо отложили, пока не вскроются новые обстоятельства. Я вынужденно умерил свое рвение и терпеливо наблюдал за развитием событий. Вскоре мы стали свидетелями того, как мистер Хёрст попытался утвердить завещание, но суд не признал подлинность костей и факт смерти коллекционера и отклонил ходатайство. Джеллико, Хёрст и их адвокаты, очевидно, планировали подсунуть следствию такие убедительные останки, что суду ничего не оставалось бы, кроме как удовлетворить иск о наследстве.

Я задумался: может, я ошибаюсь? Вдруг и впрямь нашли некоторые части скелета Джона Беллингэма, например череп, надколенники или левый голеностопный сустав? Любая из них послужила бы доказательством в суде. Но если я прав, – рассуждал я, – то мистер Джеллико рискнет, хотя для него это нежелательно, последним козырем, который он придерживал, надеясь, что суд и так признает факт смерти завещателя, Хёрст получит все имущество, а родной брат покойного останется нищим. Вышло по моим расчетам: вскоре инспектор Бэджер – как бы случайно – спустился на дно колодца в усадьбе, где еще недавно жил Годфри Беллингэм, и обнаружил там палец мумии с надетым на него

кольцом. Вот так находка! И, главное, мистер Джеллико тут как тут, словно караулил неподалеку, выжидая момент, когда совершится это потрясающее открытие. Замечу: дом принадлежит Джону Беллингэму, и его поверенный отлично знал, когда новый арендатор будет приводить в порядок усадьбу и чистить колодец; не удивлюсь, если Джеллико как законный хранитель имущества покойного сам назначил нанимателю ту дату, какую пожелал.

Впоследствии выяснилось, что кости не имеют отношения к Джону Беллингэму, – кстати, будь они подлинные, это установили бы и без кольца, – но вот кольцо-то с Оком Озириса принадлежало погибшему египтологу, а не древнему египтянину Себекхотепа. Вывод напрашивался сам собой: тот, кто бросил кости в колодец, имел доступ к телу без вести пропавшего коллекционера, и я уже не сомневался, что это мистер Джеллико. Окончательно убедившись в правильности своих умозаключений, я поспешил к доктору Норбери за разрешением на обследование мумии Себекхотепа. О результатах вам известно.

Доктор Торндайк умолк, а Джеллико задумчиво посмотрел на него и тихо произнес:

– Что ж, я вполне уяснил ваш метод расследования, сэр. Я получил истинное удовольствие и хотел бы воспользоваться многими вашими открытиями и разработками – конечно, впоследствии... при других обстоятельствах. Не позволите все же налить вам хересу? – Он дотронулся до пробки графина, но инспектор Бэджер нетерпеливо посмотрел на свои часы. – Понятно, вы торопитесь, но я не задержу вас долго, – добавил поверенный, – мои показания будут представлять собой последовательное изложение событий. Все-таки мне нужно высказаться, господа, и, надеюсь, вы не заскучаете.

Он вынул из портсигара новую папиросу, помял ее в пальцах, но почему-то не закурил. Инспектор Бэджер пошарил в кармане, вытащил блокнот, раскрыл его на колене и приготовился записывать, а все мы – слушать хозяина дома.

Глава 20

Время ушло

Повисло глубокое молчание. Джеллико сидел, опустив глаза, словно задумавшись, и держа в одной руке так и не раскуренную папиросу, а в другой – стакан воды. Бэджер нетерпеливо кашлянул, и поверенный, стряхнув с себя оцепенение, извинился, что заставляет нас ждать, потом сделал глоток, открыл спичечницу и вынул спичку, но, внезапно переменив намерение, положил ее обратно и начал:

– Несчастье, которое привело вас в мой дом, началось десять лет назад, когда у моего друга Джорджа Хёрста случились серьезные денежные затруднения. Я не слишком быстро говорю, мистер Бэджер? Вы успеваете?

– Продолжайте, – кивнул Бэджер, – я стенографирую.

– Так вот, Хёрст обратился ко мне за помощью и хотел занять пять тысяч фунтов, чтобы выполнить все свои обязательства. Я располагал этой суммой, но считал Хёрста некредитоспособным и собирался отказать ему. На следующий день – простое совпадение, господа, – ко мне в контору пришел со своим завещанием Джон Беллингэм: ему требовалась консультация, до того как документ будет заверен. Я внимательно прочел текст, показавшийся мне нелепым, и уже приготовился внести, обсудив с клиентом, свои поправки, как вдруг меня осенило: если сохранить второй пункт о погребении в том виде, как его изложил завещатель, у Хёрста появится шанс на крупное наследство. Душеприказчиком назначался я, следовательно, имел полное право настаивать на исполнении любого пункта. Я попросил у Беллингэма пару дней на более детальное рассмотрение завещания, а сам отправился в Элтем.

Я поставил Хёрсту условие: я авансирую ему пять тысяч фунтов без обеспечения и не потребую уплаты, а он составит расписку, что передает мне свою долю наследства Джона Беллингэма, если она не превышает десяти тысяч фунтов, или же две трети любой унаследованной им суммы, если она окажется более десяти тысяч. Он спросил, заверен ли документ, я ответил, что еще нет, – так и было на самом деле. Он поинтересовался, читал ли я текст завещания, какое собирается сделать его кузен, и я опять сказал правду, предупредив Хёрста, что бóльшую часть своего состояния Джон передает младшему брату Годфри. Хёрст подумал и согласился; я выплатил ему аванс и забрал расписку.

Через два дня я встретился с Беллингэмом, объявил ему, что текст

удовлетворителен, и посоветовал собственноручно переписать завещание с черновика набело. Недели через две Хёрст рассчитался с кредиторами, а Джон Беллингэм принес чистовой вариант документа и в присутствии свидетелей подписал его в моей конторе. У меня, таким образом, появился шанс на значительную долю наследства, если только Годфри не опротестует притязания Хёрста и суд утвердит второй пункт. Теперь вы, доктор Торндайк, понимаете мотивы моих действий, равно как и то, что вы вплотную приблизились к истине. Я очень хотел, чтобы Хёрст остался в стороне от тех событий, о которых сейчас расскажу.

Я действительно побывал у Беллингэма на Куин-сквер в октябре тысяча девятьсот второго года, о чем подробно и до известной степени правдиво говорил на суде. Встреча состоялась на третьем этаже, где в одной из комнат находились раритеты, привезенные Джоном из Египта. Мумия и еще какие-то древности лежали упакованными в закрытых ящиках. После долгого обсуждения и обмена впечатлениями я проводил мистера Норбери вниз до подъезда, и мы еще с четверть часа беседовали у порога. Джон оставался на третьем этаже: он зажег лампу, принес инструменты, кажется, молоток и кусачки, и принялся один за другим вскрывать ящики.

К слову сказать, особняк на Куин-сквер – настоящий музей. Верхняя половина отделена от нижних этажей дома массивной дверью, которая ведет на лестницу и запирается на американский замок. Один ключ хранился у Джона, другой – у меня. Слуга не имел ключа и мог попасть наверх только с кем-нибудь из нас двоих. Пожимая на прощание руку доктору Норбери, я заметил, как слуга прошмыгнул мимо и спустился в подвал, очевидно, за коксом. Поднимаясь назад, я уловил знакомые звуки: Джон постукивал молотком, выдирали кусачками гвозди и отвинчивал крышки. Я отпер дверь в верхние этажи своим ключом, и в ту же секунду раздался грохот, после чего все стихло.

На лестнице было темно, я зажег газовый фонарь; еще два пролета, и я вошел бы в холл третьего этажа, как вдруг в глаза мне бросилась рука, свисавшая с верхней площадки на повороте. Я не помню, как одолел последний пролет, и увидел на полу Джона: на его виске зияла рана, оттуда стекала кровь. Молоток с окровавленным заостренным концом валялся рядом. Я осмотрелся: застилавшая лестницу клеенчатая дорожка была порвана, с верхней ступеньки свисал выдранный клочок.

Я решил, что Джон торопливо сбегал вниз с инструментом в руке. Нога его случайно застряла в дырке дорожки, он полетел с лестницы головой вперед, скатился со ступенек на ближайшую площадку и, падая,

напоролся на острие. Я быстро чиркнул спичкой и наклонился. Голова занимала странное положение: казалось, что шея сломана; кровь еле сочилась. Джон не шевелился и не дышал, пульс не прощупывался. Я понял, что бедняга умер.

Вы представляете, что я почувствовал в ту минуту? Я очутился в двусмысленном положении. Первым порывом было крикнуть слугу, послать за доктором и вызвать полицию. Но к тому имелись препятствия, и я мгновенно осознал какие. Как я докажу, что это не я тюкнул своего клиента молотком по виску и столкнул с лестницы? Тем более мы находились в доме одни, ведь слуга работал в подвале, а туда не долетают звуки с третьего этажа. Начнется следствие, – рассуждал я, – и тотчас всплывет завещание, ведь знакомые Джона уже знали, что оно составлено и заверено. Прочтут его, заподозрят Хёрста, а он даст коронеру показания, расскажет о нашем сговоре, и меня обвинят в преднамеренном убийстве с целью завладеть долей наследства. Хёрсту того и надо: случись со мной такая беда, он отречется от своего обязательства. Чего стоит расписка, которую он мне выдал, если меня заключат под стражу? Он откажется платить, а я не смогу подать в суд и отстоять свои права.

Я сел на ступеньку возле тела Джона и углубился в раздумья. В худшем случае меня повесят, а если я отделаюсь тюрьмой, то потеряю пятьдесят тысяч фунтов. Такая альтернатива меня не устраивала. Что, если я спрячу тело и объявлю, будто Джон уехал по делам в Париж? Риск, конечно, есть: в случае разоблачения меня уличат в преднамеренном убийстве. Но если тайна не раскроется, я не только не потеряю свободу, но и получу пятьдесят тысяч фунтов. Рисковать мне придется в обоих случаях, но в одном меня ждет явный проигрыш, а в другом – богатство. Я предпочел второй вариант и стал размышлять, куда девать труп.

Окончательное решение я принял далеко не сразу, а перебрал с дюжину способов и отверг их как непригодные. Внезапно я вспомнил про мумию, лежавшую наверху, и меня озарило: спрячу тело Джона в футляр. Это несложно и главное – безопасно. Мумия попадет в музей, я навсегда избавлюсь от нее, а кому придет в голову ее вынимать?

Обстоятельства складывались в мою пользу, и временем, как справедливо заметил доктор Торндайк, я располагал. Футляр оказался подходящим: он был изготовлен из необыкновенно гибкого материала и имел на задней стороне удобную шнуровку, поэтому мне удалось раскрыть его почти без повреждений. Я лишь чуть-чуть подрезал шнуровку, чтобы потом засунуть труп, но ее можно было зашить, а сверху для маскировки швов наложить густой слой краски.

Я сошел вниз, позвал слугу и отправил его с поручением в суд, потом поднялся по лестнице и втащил умершего в ту комнату третьего этажа, где стояли ящики. Сначала я положил труп на длинный ящик в той позе, какую он должен был принять в футляре. Брюки, сюртук и сорочку с мертвеца я снял и засунул в один из дорожных чемоданов Джона. Покончив с этим, я тщательно вымыл водой с мылом дорожку на лестнице и пол на площадке. Вернувшись к слуге я сказал, что мистер Беллингэм уехал в Париж; сам я отправился домой. Я уже говорил, что дверь в верхние этажи запиралась на американский замок, но для полной безопасности я замкнул своим ключом и дверь в ту комнату, где лежал покойник.

У меня имелись кое-какие познания о способах мумификации в Древнем Египте, но я решил расширить их. Наутро я пошел в библиотеку при музее, проштудировал книги и статьи по данной теме и почерпнул полезную информацию о новшествах, внесенных современной наукой в древнее искусство бальзамирования. Выбрав простейший способ – впрыскивание формалина, я отправился в аптеку. Покупать специальный шприц для бальзамирования я побоялся и ограничился обычным, для инъекций.

На третьи сутки после смерти Джона я после полудня якобы по необходимости зашел на Куин-сквер, поднялся на третий этаж, запер за собой все двери и приступил к процедуре. Впрыскивание я произвел неловко, хотя читал в учебнике, как это делается. Тем не менее результата я добился и, покидая в тот вечер дом, с удовлетворением отметил про себя, что теперь останки бедного Джона спасены от разложения. Первую часть работы я выполнил, но успокаиваться было рано.

Свежий труп по сравнению с мумией очень тяжелый, и на это тотчас же обратили бы внимание и грузчики, и служители музея, которым я собирался передать «мумию». Присутствие невысохшего тела создает в футляре влажность и быстро разрушает его. Кроме того, администрация музея решила экспонировать футляр с мумией Себекхотепа в прозрачной витрине, и налет пара выступил бы на стеклянной поверхности. Вывод напрашивался сам собой: прежде чем заключать в футляр, тело Джона следовало высушить. Я не мог с этим справиться и обратился к специалисту, сбивчиво объяснив ему, что мечтаю устроить у себя в усадьбе зооуголок и хорошо бы высушить нескольких мелких животных. Он порекомендовал в течение недели вымачивать трупы в древесном спирте, а затем подвергнуть воздействию сухого горячего воздуха.

Как вам известно, в доме на Куин-сквер Джон устроил собственную коллекцию древностей, и я припомнил, что видел там порфиновый

саркофаг с небольшой мумией. Я вскрыл его и попробовал уложить туда покойника – труп поместился свободно. Я залил его доверху древесным спиртом, плотно прижал крышку и промазал щели глиной для герметичности. Тело вымачивалось две недели, после чего я вынул его, вытер насухо и уложил на камышовые стулья над горячими трубами отопления. В других помещениях я перекрыл трубы, чтобы сконцентрировать тепло там, где мне нужно. К концу третьего дня руки и ноги трупа стали похожи на роговые конечности; кожа выглядела, как пергамент, кольцо свалилось с истончившегося пальца. Я периодически переворачивал тело, чтобы оно высыхало ровнее, и параллельно занимался футляром. Расшнуровав, я осторожно вынул оттуда мумию Себекхотепа. В первую очередь я берег сам футляр, а о мумии несколько не заботился, поэтому она сильно пострадала. Забальзамированная к тому же весьма небрежно, она поломалась в нескольких местах. Когда я стал ее разворачивать, голова отделилась, обе руки оторвались.

На шестой день после того, как я вытащил труп Джона из саркофага, я тщательно обмотал покойника пеленами, снятыми с Себекхотепа, смазал смесью мирры и настоя росного ладана и тело, и складки тканей, чтобы заглушить запах спирта и формалина. По окончании этих процедур мертвец настолько напоминал настоящую мумию, что хоть выставляй на всеобщее обозрение прямо в стеклянной витрине; мне даже стало жалко вкладывать его в футляр и навеки скрывать от публики такой замечательный экспонат.

Выполнять такую операцию в одиночку, без помощника, оказалось чрезвычайно трудно, и я в нескольких местах испортил футляр. Мне кое-как удалось зашнуровать его, и я наложил слой краски, маскирующий трещины и другие дефекты. Свежую краску я несколько раз протер пыльной тряпкой, чтобы состарить. Наконец футляр с содержимым был готов к отправке, о чем я известил доктора Норбери. Через пять дней он приехал за мумией и отвез ее в музей.

Главное препятствие я, таким образом, устранил и озадачился дальнейшим. Джон Беллингэм пропал, и его могут хватиться, – думал я, – надо сделать так, чтобы, прежде чем кануть в Лету, он появился еще раз, причем так, чтобы это заметили.

Посещением квартиры Хёрста я преследовал двойную цель. Во-первых, устанавливал день исчезновения Джона и факт своей полной непричастности к инциденту. Во-вторых, добивался сговорчивости Хёрста. Я рассчитывал, что на него неизбежно падет тень подозрения, и это вынудит его не оспаривать мои требования, когда он узнает о содержании завещания. Я слышал, что, с тех пор как я побывал у него в последний раз,

Хёрст сменил экономку, и знал его распорядок дня. В тот день я отвез чемодан с вещами Джона на станцию, сдал в багажное отделение, зашел в контору Хёрста, убедился, что он там, оттуда направился на Кэннон-стрит и сел в поезд на Элтем. Дойдя до дома Хёрста, я снял очки – единственную особую примету в моей наружности, – позвонил и, когда мне сообщили, что хозяина нет, попросил, чтобы меня впустили в его кабинет. Как только экономка вышла, я преспокойно выбрался через балконную дверь, притворив ее за собой, и выскользнул через боковую калитку, осторожно придерживая собачку замка перочинным ножом, чтобы не раздался щелчок.

Описывать остальные события того дня, включая подбрасывание скарабея, нет смысла: вам все известно. Что касается костей, да, я совершил ошибку: мне и в голову не пришло, будто голые кости дадут медэкспертам так много материала для анализа и выводов. Один лишь вид мумии Себекхотепа вызывал у меня отвращение, поскольку под влиянием воздуха она начала стремительно разрушаться, и я инстинктивно чувствовал, что в ней таится для меня страшная опасность. Мумия безмолвно указывала на связь между мной и исчезновением Джона Беллингэма, и я стал напряженно размышлять, как бы воспользоваться ею с выгодой для себя, а заодно избавиться от нее.

Я боялся, что суд откажется признать смерть завещателя так скоро, а если решение отложат, то еще неизвестно, утвердят ли завещание Джона при моей жизни. Мне хотелось ускорить этот процесс, и я подумал, что, если подсунуть вместо костей завещателя кости Себекхотепа, то все благополучно устроится – пусть не сразу, но в недалеком будущем. Я понимал, что скелет египтянина, взятый целиком, мне не поможет, а наоборот, навредит: у Джона были разбиты надколенники и сломана левая лодыжка, у мумии же эти признаки отсутствовали – следовательно, меня неизбежно разоблачили бы. Выбрать отдельные кости и подложить их в подходящее место, да еще присовокупить какой-нибудь предмет, принадлежавший покойному, – такой вариант показался мне почти идеальным. Профессор прав: когда я складывал кости руки в саквояж, правая кисть мумии отломилась. Но если бы мистер Торндайк не вмешался в это дело, мой план увенчался бы успехом.

Почти два года я жил в полной безопасности, время от времени заходя в музей убедиться, что тело Джона хранится, как положено. В глубине души я радовался, что, хотя и по трагической случайности, тело упокоилось согласно воле завещателя, изложенной во втором пункте, причем не в ущерб моим интересам. Гром над моей головой раздался в тот вечер, когда я увидел вас, профессор, у ворот Темпла в обществе доктора

Барклея. Я моментально заподозрил неладное и понял, что мне не выкрутиться. С тех пор я ждал вашего визита с часу на час. И роковой час пробил. Вы выиграли, а мне, как честному игроку, остается только заплатить свой долг.

Он умолк и спокойно закурил. Инспектор Бэджер зевнул и отложил блокнот:

– Вы закончили, мистер Джеллико? Мы ведь условились принять все ваши показания, хотя, по правде говоря, уже чертовски поздно.

Джеллико вынул изо рта папиросу и глотнул воды.

– Я забыл спросить, – посмотрел он на профессора, – вы разворачивали мумию? Я имею в виду останки своего покойного клиента.

– Мы не вскрывали даже футляр, – сказал Торндайк.

– Как?! – закричал Джеллико. – Каким же образом вы убедились в справедливости своих подозрений?

– Я сделал снимок рентгеновскими лучами.

– Вот оно что, – усмехнулся Джеллико. – Все гениальное – просто. Последние научные достижения поражают воображение, а вы идете в ногу со временем.

– Стараюсь, – вздохнул Торндайк.

– Мистер Джеллико, – заерзал на стуле Бэджер, – нам пора, и если вам нечего добавить, то...

– Добавить? – медленно произнес Джеллико. – До-ба-вить... Н-нет. Время ушло. Да-да, оно ушло, вр-ремя...

Голос его пресекся, взгляд замер на Торндайке, лицо вмиг изменилось: осунулось и стало мертвенно-бледным; губы приняли вишневый оттенок.

– Что такое? – вскочил Бэджер, подбегая к хозяину. – Вам дурно, сэр? Что случилось? Ответьте!

Но мистер Джеллико, словно не слыша вопросов, неподвижно сидел, откинувшись на спинку кресла. Руки его лежали на столе, взгляд, устремленный на Торндайку, начал стекленеть. Внезапно его голова свесилась на грудь, тело обмякло. Он соскользнул с кресла и упал на пол.

– Он в обмороке! – воскликнул Бэджер, нырнул под стол, вытащил оттуда бесчувственного адвоката и стал на колени, вглядываясь ему в лицо. – Доктор Торндайк, что с ним? Припадок? Или сердечный приступ?

– Ни то, ни другое, – покачал головой Торндайк, наклоняясь и щупая пульс. – Цианистый калий, надо полагать.

– Сделайте что-нибудь, я должен арестовать преступника.

Торндайк выпустил руку Джеллико, и та тяжело упала на пол.

– Бесполезно, он умер, – тихо сказал профессор.

– Умер? – недоуменно переспросил Бэджер. – Значит, все-таки ускользнул от правосудия?!

– Не стал дожидаться приговора, – бесстрастно заметил Торндайк, и его ледяной тон резанул мне слух: похоже, доктор считал такую развязку событий вполне естественной.

Инспектор вскочил и забегал взад-вперед по комнате, заложив руки в карманы, бросая на мертвеца злобные взгляды и угрюмо бормоча:

– Какой я дурак! Зачем я согласился на его проклятые условия?

– Не вините себя, – остановил его Торндайк. – Если бы вы сразу ворвались в дом, то нашли бы Джеллико мертвым: он бы заранее принял яд. А так мы застали его живым и получили важные показания. Вы, инспектор, поступили правильно.

– Когда он успел проглотить отраву? – спросил Бэджер. – Мы ведь глаз с него не спускали!

– Осмотрите его портсигар, – ответил профессор.

Бэджер вытащил из кармана покойника портсигар и раскрыл его. Из пяти папирос три были фирменные, с золотистыми кончиками, а две – обычные на вид. Торндайк взял одну из них, помял в пальцах и надорвал на четверть дюйма: на стол выпали две маленькие белые таблетки. Бэджер хотел понюхать их, но Торндайк схватил его за руку.

– Осторожнее! – крикнул он, потом сам, держа на безопасном расстоянии, понюхал таблетку и добавил: – Да, цианистый калий. Я догадался по цвету губ Джеллико. Таблетки были и в той папиросе, которую он раскурил, – он надкусил кончик и проглотил их.

Мы некоторое время постояли, глядя на распростертую безжизненную фигуру, затем Бэджер сказал:

– Когда будете проходить мимо швейцара, попросите его вызвать сюда констебля.

– Кстати, инспектор, – посуровел Торндайк, – вылейте херес из рюмки обратно в графин и уберите его от греха подальше. Вы меня поняли?

– Ах, черт! – воскликнул Бэджер. – Спасибо, что предупредили. Спокойной ночи, господа.

Мы покинули гостиную и оставили инспектора наедине с мертвецом – Джеллико выполнил уговор и действительно не оказал полиции ни малейшего сопротивления. Возле парадного входа Торндайк передал поручение Бэджера заспанному швейцару, мы попрощались и вышли на улицу. Профессор выглядел взволнованным; может, он вспоминал устремленный на него последний взгляд Джеллико? Ведь доктор наверняка еще тогда понял, что это взгляд умирающего.

– Бедный малый, – вздохнул Торндайк.

– Малый? – удивился Джервис. – По-моему, он очень крупный негодяй.

– Нет, – покачал головой профессор, – Джеллико не разбойник, он просто аморальный тип. Его толкали на преступление не столько злодейские намерения, сколько банальная алчность; его могли бы остановить угрызения совести, но у него она отсутствовала или атрофировалась. А человек он все-таки был мужественный, не лишенный самообладания. Я выполнил свой долг, друзья, но предпочел бы, чтобы не моя, а чья-нибудь чужая рука нанесла ему последний удар.

Я не стал возражать Торндайку и промолчал, ибо в ту минуту чувствовал то же самое. Джеллико принес моим друзьям Беллингэмам немало страданий, но я простил его, ведь он ввел в мою судьбу Руфь, с которой мы рука об руку пойдем по жизни и будем счастливы, пока не придет и наше время погрузиться в безбрежный черный океан вечности.

Красный отпечаток большого пальца

Глава 1

Мой ученый собрат

«Conflagratam Anno 1677. Fabricatam Anno 1698. Richardo Powell Armiger Thesaurar». Слова, размещенные на четырех панелях, которые образовывали фриз ниже фронтона кирпичной галереи, подытоживали историю одного из высоких домов, расположенных в верхнем конце Кингс-Бенч-уок. Когда я рассеянно прочитал надпись, продолжая восхищаться изысканно выполненной резной кирпичной кладкой и спокойным достоинством здания, в пустой раме галереи появилась фигура, своим париком и старомодным одеянием столь близкая старинным декорациям, что, казалось, она завершала картину; и я задержался, дабы бросить на нее ленивый взгляд. Мужчина остановился в дверном проеме, чтобы перевернуть пачку бумаг, которую держал в руке, и, подняв глаза, встретился со мной взглядом. Мгновение мы безразлично рассматривали друг друга с тем вниманием, которое уделяют друг другу случайные незнакомцы, затем последовала вспышка мгновенного узнавания. Бесстрастное и довольно суровое лицо юриста смягчилось веселой улыбкой, и фигура, отделившись от рамы, спустилась по лестнице, протягивая мне руку в сердечном приветствии.

– Мой дорогой Джервис, – воскликнул он, когда мы тепло пожали друг другу руки, – это восхитительный сюрприз. Как часто я думал о своем старом товарище и гадал, увижу ли я его когда-нибудь снова? И вот! Он здесь, выброшенный на мелководе Иннер-Темпла, как хлеб, пущенный по водам, из крылатого выражения.

– Ваше удивление, доктор Торндайк, ничто по сравнению с моим, – ответил я. – В свое время я простился с уважаемым практикующим врачом, а нахожу его превратившимся в представителя закона, облаченного в парик и мантию.

– Изменения не столь велики, как вы думаете, – рассмеялся в ответ Торндайк. – Гиппократ лишь прячется под мантией Солона⁴, как вы поймете, когда я объясню свою метаморфозу, а я сделаю это сегодня же вечером, если вы не связаны никакими обязательствами.

– Вечером я свободен, – сказал я, – и полностью в вашем распоряжении.

– Тогда приходите в семь. Мы съедим по отбивной, выпьем по пинте

кларета и обменяемся автобиографиями. Сейчас у меня нет времени, через несколько минут я должен быть в суде.

– Вы проживаете в этой благородной старой галерее? – спросил я его.

– Нет, хотя я очень хочу, чтобы это было так. Моя квартира несколькими этажами ниже – номер шесть «А».

На вершине Миддл-Темпл-лейн мы расстались; Торндайк в развевающейся мантии продолжил свой путь в сторону суда, а я направил стопы к Адам-стрит, излюбленному прибежищу медицинских деятелей.

Нежный звон колокола на Темпле приглушенно сообщил о наступлении семи часов (словно извиняясь за то, что прервал тишину научных занятий), когда я вышел из-под арки Епископского суда и повернул на Кингс-Бенч-уок.

Мощный тротуар был пуст, если не считать единственной фигуры, медленно расхаживавшей перед входом в здание, и, хотя парик уступил место фетровой шляпе, а мантия – сюртуку, я без труда узнал своего друга.

– Вы по-прежнему пунктуальны до минуты, как в старые добрые времена, – увидев меня, улыбнулся Торндайк. – Теперь я познакомлю вас со своим жилищем. Вот мое скромное пристанище.

Пройдя через главный вход, мы поднялись по каменной лестнице на первый этаж, где оказались лицом к лицу с массивной дверью, на которой белыми буквами было написано имя моего друга.

– Снаружи довольно непривлекательно, – заметил Торндайк, вставляя ключ в замок, – но внутри уютно. – Он толкнул тяжелую дверь и придержал ее, чтобы пропустить меня. – Вы, вероятно, посчитаете, что моя квартира – некая странная смесь, поскольку она сочетает в себе особенности конторы, музея, лаборатории и мастерской.

– И ресторана, – добавил невысокий пожилой человек, сщеживавший кларет из бутылки с помощью стеклянного сифона. – Об этом вы позабыли, доктор.

– Да, Полтон, я забыл, зато вы помните. – Торндайк бросил взгляд в сторону небольшого стола, располагавшегося возле камина и уставленного всем необходимым для нашей трапезы. – Скажите-ка, – снова заговорил он, когда мы осуществили первую стремительную атаку на плоды кулинарных экспериментов Полтона, – что произошло с вами с тех пор, как вы шесть лет назад оставили больницу?

– Моя история короткая, – ответил я с грустью. – В ней нет ничего особенного. Деньги у меня закончились довольно неожиданно. Когда я уплатил взносы за экзамен и регистрацию, мой сейф опустел, и, хотя, без сомнения, диплом врача содержит, говоря словами Джонсона, возможность

обогащения для тех, кто не страдает алчностью, на практике есть огромная разница между возможностью и действительностью. Я и в самом деле зарабатывал себе средства к существованию – иногда как ассистент, иногда как временный заместитель. Сейчас у меня нет работы, и мое имя числится в списке ожидающих свободных вакансий.

Торндайк сжал губы и насупился.

– Страшный позор, Джервис, – сказал он некоторое время спустя, – что человек ваших способностей и знаний растрчивает время по мелочам на случайных работах, как полуквалифицированный бездельник.

– Верно, – согласился я, – мои достоинства весьма недооцениваются. Но чего вы хотите, мой ученый собрат? Если бедность идет за вами по пятам и опускает невидимый колпачок на ваш светильник в тридцать тысяч свечей, очень вероятно, что пламя погаснет.

– Да, полагаю, что это так, – пробормотал Торндайк и на некоторое время погрузился в глубокую задумчивость.

– А теперь, – прервал я его размышления, – представьте обещанное вами объяснение. Я положительно сгораю от любопытства узнать, какая цепочка обстоятельств превратила Джона Ивлина Торндайка из практикующего врача в светило юриспруденции.

– Факты свидетельствуют, – благосклонно улыбнулся он, – что такого превращения не произошло. Джон Ивлин Торндайк все еще практикующий врач.

– В парике и мантии?! – воскликнул я, разведя руками.

– Да, баран в волчьей шкуре. Я расскажу вам, как это случилось. После того как вы покинули больницу, я продолжал работать, отказавшись от нескольких мелких должностей и сосредоточившись на химических и физических лабораториях и музее. Потом я обратился в суд в надежде сделаться коронером, но вскоре старый Стедмэн неожиданно ушел в отставку – вы помните его, он преподавал судебную медицину, – и я подал заявление на освободившуюся вакансию. К моему удивлению, меня назначили лектором, после чего я выбросил из головы коронерство, занял свою нынешнюю квартиру и стал ждать, что будет дальше.

– И что же последовало?

– Я получил весьма любопытный набор смешанной практики, – ответил Торндайк. – Сначала мне достался случайный анализ одного дела об отравлении, вызывавшего сомнения, но постепенно сфера моего влияния расширилась, и сейчас она включает все дела, в которых специальные знания в области медицины или физики могут быть поставлены на службу закону.

– Но вы ведь выступаете в суде?

– Очень редко. Чаще я появляюсь в роли научного свидетеля, а в большинстве случаев остаюсь в тени. Я лишь руковожу расследованиями, привожу в порядок и анализирую результаты и натаскиваю адвоката, обеспечивая его фактами и консультируя для перекрестного допроса.

– Хорошее занятие, куда интереснее, чем замещать отсутствующего врача, – позавидовал я. – Но вы заслуживаете преуспевания, потому что всегда работали за двоих, не говоря уже о ваших способностях.

– Да, я работал немало, – кивнул Торндайк, – и продолжаю этим заниматься, но у меня есть время для дела и для отдыха, в отличие от вас, бедных тружеников общей практики, которые обязаны вскакивать из-за обеденного стола или пробуждаться от своего первого сна. Не нравится мне все это! Кто там? – вдруг воскликнул он, ибо в тот момент раздался громкий стук в дверь. – Как жаль, что люди не понимают намек в виде запертой дубовой двери!

Торндайк пересек комнату и распахнул дверь, всем своим видом предрекая отнюдь не любезный прием.

– Сейчас, конечно, поздновато для делового визита, – произнес извиняющийся голос снаружи, – но мой клиент хочет видеть вас безотлагательно.

– Входите, мистер Лоули, – сухо проговорил Торндайк, и, пока он придерживал дверь, вошли два посетителя.

Это были двое мужчин – один средних лет, несколько лисьей внешности, похожий на типичного юриста, другой – изящный, красивый молодой человек располагающей наружности, хотя в данный момент бледный и напуганный, явно в состоянии нервного возбуждения.

– Нам жаль, – посетовал он, бросив взгляд на меня и на обеденный стол, – что наш визит в высшей степени несвоевременен. Если мы действительно побеспокоили вас, доктор Торндайк, скажите, и мы уйдем – мое дело подождет.

Торндайк с любопытством посмотрел на молодого человека и ответил в гораздо более благожелательном тоне:

– Я полагаю, ваше дело такого рода, что не может ждать; что до беспокойства, то мой друг и я – мы оба доктора, а, как вы понимаете, ни один доктор не вправе считать какую-либо часть суток безоговорочно своей.

Я поднялся, едва незнакомцы вошли в комнату, и сказал, что готов прогуляться по набережной и вернуться позже, но молодой человек перебил меня:

– Нет, не уходите! Факты, которые я хочу изложить доктору Торндайку, завтра в это же время будут известны всему миру, так что повода для секретности нет.

– В таком случае давайте продвинем кресла к огню и незамедлительно перейдем к сути, – предложил Торндайк. – Мы только что закончили обедать и ждали кофе, который, как я слышу, мой помощник уже несет.

Мы уселись, и, когда Полтон поставил кофе на стол и удалился, мистер Лоули без предисловий приступил к делу.

Глава 2

Подозреваемый

– Я бы предпочел, – начал он, – дать общий очерк дела, как оно представляется юридическому уму, а затем мой клиент, мистер Рубен Хорнби, дополнит мой рассказ деталями, если это необходимо, и ответит на вопросы, которые вы ему зададите.

Мистер Рубен служит у своего дяди Джона Хорнби, который занимается обработкой руды, золота и серебра и торгует драгоценными камнями. На его предприятии выполняются и внешние заказы, но главное направление деятельности – оценка и обработка образцов золота, присылаемых из шахт Южной Африки.

Около пяти лет назад мистер Рубен и его кузен Уолтер – другой племянник Джона Хорнби – окончили школу и стали трудиться у своего дяди, мечтая рано или поздно сделаться партнерами фирмы и занимая весьма ответственные должности.

Теперь несколько слов о том, как ведется дело в организации мистера Хорнби. Образцы золота передаются в порту уполномоченному представителю компании – обычно мистеру Рубену или мистеру Уолтеру, – которого присылают встретить корабль и который сопровождает груз в банк или мастерские, смотря по обстоятельствам. Конечно, принимаются все меры к тому, чтобы держать у себя как можно меньше золота: при первой же возможности его перевозят в банк. Но в непредвиденных обстоятельствах образцы приходится оставлять на ночь, поэтому все помещения предприятия запираются, а в личном кабинете хозяина стоит мощный сейф. Всю ночь в здании дежурит сторож и периодически совершает обходы.

Теперь о том, что случилось с сейфом. Один из клиентов мистера Хорнби в Южной Африке ведет разработки алмазной шахты, и, хотя такого рода сделки фирма не заключает, он время от времени посылал мистеру Хорнби партии необработанных алмазов либо для экспертной оценки, либо для передачи посредникам-коммерсантам.

Две недели назад мистера Хорнби известили, что партия алмазов отправлена на судне «Замок “Элмина”»; она довольно велика и содержит образцы крупного размера и исключительной ценности. С учетом обстоятельств мистера Рубена командировали на пристань в ранний час в надежде, что корабль прибудет в такое время, что алмазы удастся сразу

положить в банк. К сожалению, произошла какая-то задержка, и их пришлось взять на предприятие и запереть в сейф.

– Кто поместил их туда? – уточнил Торндайк.

– Сам мистер Хорнби, которому мистер Рубен передал пакет по возвращении из порта.

– Так, и что потом?

– Наутро, когда сейф открыли, обнаружилось, что алмазы исчезли.

– Дверь в помещение взломали?

– Нет, она была закрыта, как обычно, и сторож не слышал никаких подозрительных звуков. Сейф не был поврежден: очевидно, его открыли ключами и снова заперли, забрав драгоценности.

– У кого хранились ключи? – осведомился Торндайк.

– Мистер Хорнби держал их при себе, но иногда, покидая контору, передавал одному из своих племянников – любому, кто в тот момент находился рядом. В данном случае ключи были у него с собой с того момента, когда он запер сейф, положив туда алмазы, и до той минуты, когда он открыл сейф на следующее утро.

– Улики указывают на кого-то конкретно?

– Да, – Лоули посмотрел на своего клиента с явным чувством неловкости, – к сожалению, это так. Лицо, извлекшее алмазы, порезало или поцарапало большой или другой палец, потому что на дне сейфа обнаружили две капли крови, а на листе бумаги – кровавые пятна; кроме того, присутствует четкий отпечаток большого пальца.

– Тоже кровавый? – спросил Торндайк.

– Именно. Пальцем, по-видимому, задела одну из капель, а затем прикоснулись к бумаге, когда взяли ее в руку. В общем, отпечаток большого пальца опознан как принадлежащий... мистеру Рубену Хорнби.

– Интересно, – удивился Торндайк. – Сюжет усложняется мезью. Мне нужно кое-что набросать, прежде чем вы продолжите. – Он взял из ящика записную книжку, на обложке которой написал «Мистер Рубен Хорнби» и сделал внутри несколько кратких пометок. – Теперь, – закончив, сказал Торндайк, – сосредоточимся на отпечатке пальца. В правильности идентификации, я полагаю, нет сомнений?

– Ни малейших, – ответил мистер Лоули. – Люди из Скотланд-Ярда забрали бумагу и передали ее руководителю отдела дактилоскопической экспертизы для сравнения с образцами, которые хранятся в базе данных полиции. В специальном отчете говорится, что исследуемый отпечаток большого пальца не совпадает ни с одним из имеющихся в картотеке. Он своеобразен: бороздки на луковиче пересекают рубец от глубокого пореза,

что делает отождествление легким и безошибочным, – и во всех отношениях идентичен отпечатку пальца мистера Рубена Хорнби.

– Есть ли вероятность, – спросил Торндайк, – что лист бумаги, на котором оставлен отпечаток, был подброшен в сейф?

– Нет, – покачал головой Лоули, – это исключено. Отпечаток нашли на странице из записной книжки мистера Хорнби. Он сделал на ней запись о передаче алмазов и положил лист на пакет, перед тем как запереть сейф.

– Когда мистер Хорнби отпирал сейф утром, кто-нибудь находился рядом?

– Он был один и сразу увидел, что алмазы пропали, затем обнаружил лист с отпечатком пальца, после чего закрыл сейф и вызвал полицию.

– Странно, что вор не заметил отпечатка пальца, столь оригинального и бросающегося...

– Не удивительно, – возразил мистер Лоули. – Бумага лежала лицевой стороной вниз на дне сейфа, и мистер Хорнби увидел отпечаток, только когда поднял ее и перевернул.

– Вы упомянули, что эксперты Скотланд-Ярда опознали этот оттиск большого пальца как принадлежащий мистеру Рубену Хорнби. А как им удалось провести сравнение?

– О, это отдельная история! – воскликнул мистер Лоули. – Полиция пожелала взять отпечатки пальцев у всех, кто имел доступ к ключам, но мистер Хорнби заявил, что не позволит подвергнуть своих племянников такому оскорблению. Однако полиция тоже проявила настойчивость, на мистера Хорнби оказали давление, чтобы получить отпечатки пальцев его племянников. Он упорствовал, отвергая любые подозрения в отношении того или другого юноши, так как верил им безоговорочно. Дело так и не сдвинулось бы с мертвой точки, если бы не весьма странное обстоятельство.

Вы, возможно, видели в книжных киосках и витринах писчебумажных магазинов пальцеграфы – маленькие книжечки в красивых обложках с чистыми листочками внутри для сбора отпечатков пальцев; в комплект входит также чернильная подушечка.

– Да, мне попадались на глаза эти новомодные штучки, – кивнул Торндайк.

– Так вот, кажется, несколько месяцев назад миссис Хорнби, жена Джона Хорнби, приобрела одну из этих безделушек...

– Не совсем так, – вмешался Рубен, – это мой кузен Уолтер принес книжечку и подарил ее тете.

– Какая разница? – раздраженно произнес мистер Лоули, и Торндайк

на моих глазах отметил эту реакцию у себя в записной книжке. – Так или иначе, миссис Хорнби получила пальцеграф и начала заполнять книжечку отпечатками пальцев своих друзей и родных, включая племянников. Вчера сержант полиции, расследующий это дело, пришел в дом мистера Хорнби в его отсутствие и начал убеждать его жену воздействовать на супруга, чтобы тот согласился передать отпечатки больших пальцев своих племянников в Скотланд-Ярд для экспертизы. Он заверил женщину, что процедура действительно необходима в интересах не только правосудия, но и самих молодых людей, к которым полиция относится с недоверием. Но все подозрения легко снять, если путем сравнения доказать, что отпечаток пальца, найденный в сейфе, не принадлежит никому из юношей. Более того, сами племянники выразили желание пройти проверку, но дядя запретил им это. И тут миссис Хорнби пришла в голову неожиданная идея. Она вспомнила про пальцеграф и, чтобы решить проблему, показала сержанту книжечку с отпечатками пальцев мистера Рубена (помимо прочих). Так как сыщик имел при себе фотографию обличающего оттиска из сейфа, сравнение тотчас произвели, и можете представить ужас и изумление миссис Хорнби, когда выяснилось, что отпечаток левого большого пальца ее племянника, мистера Рубена, в каждой детали совпадает с тем, который обнаружили на дне сейфа.

В этот момент вернулся мистер Хорнби и, конечно, был испуган таким поворотом событий. Он хотел замять дело и возместить потерю алмазов из собственных средств, но, поскольку это означало бы скрыть тяжкое уголовное преступление, ему ничего не оставалось, как выступить в качестве обвинителя. В результате был инициирован ордер на арест мистера Рубена, сегодня утром документ оформили и моего клиента незамедлительно препроводили на Боу-стрит, предъявив обвинение в краже.

– Были озвучены какие-либо очевидные доказательства? – спросил Торндайк.

– Пока нет. Мистер Рубен в течение недели останется на свободе, залог внесли два поручителя по пятьсот фунтов каждый.

– Что вы посоветовали своему клиенту?

– Признать свою вину и положиться на мягкость суда к оступившемуся впервые. Сами понимаете, это единственно возможная линия защиты.

Молодой человек залился краской стыда, но промолчал.

– Давайте проясним ситуацию, – решительно заговорил Торндайк. – Мы защищаем невинного человека или пытаемся смягчить приговор

тому, кто признает, что виновен?

– На этот вопрос пусть ответит мой клиент, – пожал плечами мистер Лоули.

Торндайк пытливо взглянул на Рубена:

– Мы спрашиваем не для того, чтобы обвинить вас, мистер Хорнби, а с целью выяснить, какую позицию вы собираетесь занять.

– Моя позиция такова: я не совершал этой кражи и ничего не знаю ни о ней, ни об отпечатке большого пальца, найденном в сейфе. Я, конечно, не ожидаю, что вы поверите мне, но самым торжественным образом клянусь перед Богом: я невиновен в данном преступлении и не причастен к нему.

– Вы далеко не первый невинный, кто делает такое заявление, – усмехнулся мистер Лоули. – Иногда это лучший выход, особенно если защита слишком слаба.

– Меня не устраивает подобная тактика, – твердо произнес Рубен. – Я допускаю, что меня осудят и приговорят, но, что бы ни случилось, я продолжу стоять на своем. Вы думаете, – добавил он, поворачиваясь к Торндайку, – что сможете защитить меня? И верите в мою невиновность?

– Это единственное условие, при котором я соглашусь заняться вашим делом, – ответил Торндайк. – Я человек фактов, не адвокат, и если бы я не принял гипотезу о вашей невиновности, то не стал бы тратить время и силы, разыскивая доказательства, ее подтверждающие. Тем не менее должен вас предупредить: дело представляет огромные сложности, и мы обязаны подготовиться к тому, что они окажутся неодолимыми, несмотря на все наши старания.

– Я не ожидаю для себя ничего, кроме обвинительного приговора, – проговорил Рубен спокойным и решительным голосом, – и могу принять его как мужчина, если только вы не считаете мою виновность доказанной, а даете мне шанс на защиту – неважно, насколько маленький.

– Сделаю все, что в моих силах, – пообещал Торндайк. – Неравные шансы против вас сами по себе побуждают приложить усилия, поскольку я заинтересовался этим делом. А теперь позвольте осведомиться, имеются ли на ваших пальцах рубцы или порезы?

Рубен Хорнби протянул моему коллеге обе руки, и я заметил, что они сильны и красивы, как у искусного ремесленника, хотя за ними тщательно ухаживали. Торндайк установил на столе большой конденсатор из тех, что используют для микроскопической работы, и, взяв руку юноши, направил яркое пятно света на все пальцы по очереди, исследуя с помощью карманных линз их кончики и участки вокруг ногтей.

– Прекрасные руки, – похвалил он, – но я не вижу следов рубца ни на

правой, ни на левой. Не хотите взглянуть, Джервис? Кража произошла две недели назад – времени, конечно, достаточно, чтобы маленький шрам или рубец затянулся и полностью исчез. Однако этот факт стоит отметить.

Он передал мне лупу, и я тщательно осмотрел каждую часть обеих рук Рубена Хорнби, не заметив даже крошечного следа какой-либо недавней раны.

– Есть еще один вопрос, которому нужно уделить внимание, прежде чем вы уйдете. – Торндайк нажал кнопку электрического звонка рядом со своим креслом. – Я возьму у вас один-два отпечатка левого большого пальца.

В ответ на вызов из лаборатории появился Полтон, получил инструкции и удалился, а через некоторое время вернулся с ящиком и поставил его на стол. Торндайк извлек оттуда яркую медную пластину, вставленную в плиту из твердой древесины, печатный валик, тубик чернил и несколько белых глянцевых карточек.

– Ну, мистер Хорнби, – сказал он, – ваши руки в отношении чистоты вне всякой критики, но мы все-таки наведем на большой палец дополнительный лоск.

Он намочил щеточку для ногтей из барсучьего волоса и принялся чистить ею луковицу большого пальца, потом, ополоснув его в воде, высушил шелковым носовым платком и вытер кусочком замши. Подготовив палец, он выдавил на медную пластину каплю густых чернил и размазал ее валиком; время от времени он проверял качество получающейся пленки, касаясь плиты кончиком своего пальца и оставляя отпечаток на одной из карточек.

Когда чернила были раскатаны до требуемой тонины, он взял руку Рубена и проворно прижал большой палец к плите, затем, перенес его к одной из карточек, вновь надавил на палец – и на карточке запечатлелся четкий оттиск большого пальца. Этот маневр Торндайк повторил дюжину раз на двух карточках, каждая из которых, таким образом, получила шесть отпечатков.

– Теперь, – объявил Торндайк, – когда мы собрали данные для сравнения, возьмем кровавый отпечаток. – Уколов собственный большой палец иголкой, он выдавил на карточку крупную каплю крови и с улыбкой заметил: – Не каждый адвокат прольет кровь ради своего клиента. – Сделав дюжину отпечатков и пронумеровав каждый из них, он добавил: – Для первоначального расследования материала хватит, и, если вы, мистер Хорнби, продиктуете мне свой адрес, пока на этом остановимся. Извините, мистер Лоули, что я так долго задержал вас своими опытами.

Солиситор и вправду наблюдал за происходящим с плохо скрываемым нетерпением и, когда все закончилось, поднялся с очевидным облегчением.

– Мне было в высшей степени интересно, – слукавил он, – хотя я не вполне понимаю ваши намерения. Кстати, я хотел бы перемолвиться с вами парой фраз на другую тему, если мистер Рубен не возражает несколько минут подождать меня на улице.

– Вовсе нет, – ответил тот. – Не торопитесь из-за меня, мое время пока принадлежит мне. – И он протянул на прощание руку Торндайку.

– До свидания, мистер Хорнби, – сердечно пожал ее доктор. – Не будьте неумеренно оптимистичны, но и не падайте духом. Сохраняйте здравомыслие и сообщите мне немедленно, если с вами произойдет что-то, имеющее отношение к нашему делу.

Молодой человек вышел, и, когда дверь за ним закрылась, мистер Лоули повернулся к Торндайку:

– Я подумал, что нам лучше перекинуться словечком наедине. Какой линии вы собираетесь придерживаться? Честно говоря, ваша позиция совершенно меня озадачила.

– А какую линию предложили бы вы? – спросил Торндайк.

– Ну, – замялся солиситор, – положение, по-моему, следующее: наш юный друг украл пакет с алмазами и был уличен – это то, как ситуация видится мне.

– У меня иное мнение, – сухо обронил Торндайк. – Он мог взять алмазы, а мог и не брать. Не стану судить, пока не проанализирую свидетельства и не получу больше фактов. Поэтому давайте отложим рассмотрение нашего плана, пока я не пойму, какую линию защиты следует принять.

– Как вам угодно, – насупился мистер Лоули, беря шляпу, – но боюсь, что вы поощряете юного негодяя ложными надеждами, которые лишь утяжелят его падение, не говоря уже о нашем собственном статусе. Я не хочу выставить себя посмешищем в суде.

– И я не хочу, – согласился Торндайк. – Однако я вникну в дело и свяжусь с вами в течение дня или двух.

Он постоял, держа дверь открытой, пока солиситор спускался по лестнице, а когда шаги его затихли, резко захлопнул ее и обернулся ко мне с досадливым видом:

– «Юный негодяй» не показался мне удачливым в выборе адвоката. Кстати, Джервис, насколько я понимаю, вы сейчас без работы?

– Да, – ответил я со вздохом.

– Не согласитесь ли помочь мне – на деловой основе, разумеется, – с

этим инцидентом? У меня много всякой другой нагрузки, и ваше участие имело бы для меня огромную ценность.

Я не погрешил против истины, заявив, что сочту за счастье.

– Тогда приходите к завтраку, обговорим сроки, и вы сразу приступите к своим обязанностям. А теперь давайте закурим трубки и продолжим беседу, как будто взволнованных клиентов и тупоголовых солиситоров не существует на белом свете.

Глава 3

Леди в деле

Наутро я появился в квартире Торндайка и застал своего друга погруженным в работу. Один конец стола был сервирован, на другом стоял микроскоп того типа, что используют для изучения организмов, культивируемых на чашках; на широкой подставке лежала одна из карточек с шестью кровавыми отпечатками. Направляя на нее световое пятно конденсатора, Торндайк сосредоточенно рассматривал изображение.

– О, вы уже трудитесь, – произнес я немного сконфуженно.

Прервав занятие, мой коллега дважды позвонил, и вошел Полтон, неся поднос, уставленный всем необходимым для завтрака.

– Да, – кивнул Торндайк, – я открыл кампанию, как обычно, при поддержке главы своего штаба, верно, Полтон?

Невысокий человек с умным лицом и полными достоинства манерами, не соответствующими роли слуги, который подает на стол кушанья и убирает посуду, гордо улыбнулся и, не скрывая своего восхищения моим другом, ответил:

– Мы не теряли времени, сэр. У нас уже готовы негативы, а пока вы завтракаете, я достану и высушу снимок, сделанный методом фотоувеличения.

– Полтон не перестает меня удивлять, – заметил Торндайк, когда его помощник удалился. – С виду – сельский священник или судья, но явно предназначен природой в профессора физики. Сначала он работал часовщиком, потом изготавливал оптические инструменты, а теперь – доверенный механик медицинского юриста. Он – моя правая рука, и улавливает мои мысли еще до того, как я успеваю изложить их.

– Где вы его нашли?

– Бедняга лежал в больнице – жертва нужды и незаслуженной неудачи. Я пару раз давал ему небольшие поручения, а когда понял, что он за сокровище, взял к себе на службу. Он очень предан мне, и его благодарность так безгранична, что не всегда обоснованна.

– О какой фотографии он говорил?

– Он искусственно увеличил один из оттисков большого пальца, и у нас есть соответствующий негатив такого же размера на случай, если понадобится напечатать дополнительные фотографии.

– Вы пытаетесь помочь бедному Хорнби, – вздохнул я с сожалением, –

но как? Мне его дело кажется безнадежным. Я не осуждаю юношу, но не верю в его невиновность.

– Дело, безусловно, трудное, – согласился Торндайк, – и в настоящий момент я и сам не вижу выхода. Однако я взял за правило в любых случаях придерживаться классических канонов индуктивного исследования: собирать данные, выдвигать гипотезы, проверять их и стремиться к подтверждению. В нашем случае, учитывая, что факт ограбления установлен, мы можем выдвинуть четыре гипотезы. Оно совершено: а) Рубеном Хорнби; б) Уолтером Хорнби; в) Джоном Хорнби; г) каким-либо другим лицом или лицами. Последней версией предлагаю пока пренебречь и ограничиться анализом трех остальных. Что скажете?

– Вы допускаете, что мистер Джон Хорнби похитил алмазы из своего собственного сейфа? – воскликнул я в недоумении.

– Сейчас я не склоняюсь ни к одной из гипотез, а лишь излагаю их. Джон Хорнби имел доступ к драгоценностям, а значит, предположительно мог украсть их.

– Но он несет ответственность перед владельцами...

– Не совсем так: он добровольно соглашался принимать груз на хранение. В таком случае он не отвечает за потерю, если только не будет доказана преднамеренная грубая небрежность.

– Отпечаток пальца, мой дорогой профессор! – возразил я. – Что с ним поделаешь?

– Не торопитесь, – невозмутимо ответил Торндайк, – вы, я вижу, придерживаетесь того же мнения, что и полиция; она расценивает отпечаток пальца как стопроцентный критерий, последнее несокрушимое доказательство, за пределы которого следствию незачем выходить. Это серьезная ошибка. Отпечаток – это факт, очень важный и значительный, признаю, но лишь факт, который, как и любой другой, следует взвесить и измерить с точки зрения его доказательной базы.

– С чего вы предлагаете начать?

– Во-первых, я удостоверюсь, что подозрительный отпечаток большого пальца идентичен с оттиском Рубена Хорнби, в чем, однако, у меня мало сомнений, поскольку дактилоскописты знают свое дело и не доверять им нет оснований.

– А во-вторых?

– Соберу свежие материалы, рассчитывая на вашу помощь. Кстати, если вы позавтракали, я ознакомлю вас с новыми обязанностями. – Он встал, позвонил и, когда Полтон принес ему из кабинета четыре блокнота в бумажных обложках, положил их на стол. – Один из них посвятим Рубену

Хорнби. Вы разузнаете о нем все, что сможете, не важно, насколько тривиальным или, на первый взгляд, незначительным оно вам покажется, и занесете данные вот сюда. – Он написал на обложке «Рубен Хорнби» и вручил блокнот мне. – Во второй блокнот вы запишете все, касающееся Уолтера Хорнби, а в третий – аналогичные сведения о Джоне Хорнби. Четвертый блокнот приберегите для отдельных фактов, связанных с делом, но не подпадающих под три предыдущие рубрики. А теперь взглянем на продукт производства Полтона.

Он взял из рук помощника фотографию десяти дюймов в длину и восьми в ширину, сделанную на глянцевой бромистой бумаге и прочно посаженную на жесткую карточку. Она демонстрировала сильно увеличенное факсимиле одного из отпечатков пальца, все малейшие детали которого, прежде заметные только в лупу, теперь были отлично видны невооруженным глазом.

– Превосходно, Полтон! – похвалил Торндайк и объяснил мне: – Мы сфотографировали отпечаток большого пальца, наложив на него нумерованный микрометр, разделенный на квадратики размером в одну двенадцатую дюйма. Увеличение восьмикратное, так что квадратики – каждый по две трети дюйма в поперечнике. У меня есть несколько микрометров с различными шкалами – они незаменимы при исследовании чеков, сомнительных подписей и тому подобного. Полтон, вы, я смотрю, уложили камеру и микроскоп, а микрометр не забыли?

– Нет, доктор, – ответил тот. – И шестидюймовый объектив, и окуляр, и «быстрые» фотопластинки – все в ящике.

– Тогда выступаем и бросим вызов львам Скотланд-Ярда в их собственном логове, – заявил Торндайк, надевая шляпу и перчатки.

– Позвольте, – сказал я, – вы ведь не собираетесь тащить в Скотланд-Ярд огромный микроскоп, когда требуется лишь восьмикратное увеличение? Нет ли у вас анатомического микроскопа или какого-нибудь другого переносного инструмента?

– У нас есть великолепный анатомический микроскоп собственного изготовления Полтона – он вам его потом покажет. Но мне может понадобиться более мощный аппарат – и здесь позвольте предостеречь вас: что бы я ни делал, ничего не говорите при чиновниках. Мы ищем информацию, а не даем ее, понимаете?

В этот миг маленький медный молоток на внутренней двери – внешняя дубовая была открыта – издал робкий, извиняющийся стук.

– Что за дьявол притащился? – проворчал Торндайк, ставя микроскоп обратно на стол.

Мой недовольный друг шагнул к двери, резко распахнул ее, но тут же сорвал с головы шляпу, и я увидел стоящую на пороге юную леди.

– Доктор Торндайк? – спросила она и, когда он поклонился, продолжила: – Мне следовало написать и попросить о встрече, но дело довольно срочное – оно касается мистера Рубена Хорнби; сегодня утром я узнала от него, что он консультировался с вами.

– Войдите, прошу вас, – пригласил Торндайк. – Мы как раз собираемся в Скотланд-Ярд именно по этому вопросу. Позвольте мне представить вас своему коллеге, доктору Джервису, который работает вместе со мной.

Наша посетительница, высокая красивая девушка лет двадцати, ответила на мой поклон и с совершенным самообладанием произнесла:

– Мое имя – Гибсон, мисс Джульет Гибсон. Я не отниму у вас больше нескольких минут. – Она села в кресло, которое предложил ей Торндайк, и продолжила в живой и деловой манере: – Я должна объяснить свой визит. Последние шесть лет я жила в доме мистера и миссис Хорнби, хотя не состою с ними в родстве. Впервые я появилась в этом семействе в качестве компаньонки миссис Хорнби; в то время мне минуло лишь пятнадцать лет, и мои обязанности меня не обременяли. По правде говоря, я думаю, миссис Хорнби взяла меня потому, что я осиротела и не имела собственных средств, а у нее не было своих детей.

Три года назад я получила небольшое состояние, которое сделало меня независимой, но мне так хорошо жилось с моими милыми друзьями, что я попросила позволения остаться с ними, и с тех пор находилась на положении приемной дочери. Естественно, я наблюдала активную деятельность их племянников, которые трудились на предприятии своего дяди, и хочу подчеркнуть, что ужасное обвинение против мистера Рубена поразило нас, как удар молнии. Я пришла к вам вот почему: я не верю, что Рубен украл эти алмазы. Это совершенно противоречит всему моему опыту общения с ним. Я убеждена, что он невиновен, и готова отстаивать свое мнение.

– Каким образом? – спросил Торндайк.

– Увеличивая необходимые ресурсы, – ответила мисс Гибсон. – Я понимаю, что юридическая помощь требует существенных затрат.

– Да, вы хорошо информированы, – заметил мой коллега.

– Финансовые источники Рубена невелики, поэтому необходимо, чтобы друзья поддержали его. Так вот, ничто из того, что доказывает его невиновность, не останется несделанным, если я возьму на себя ответственность за все расходы, которые сам он не в состоянии понести. Я предпочитаю, конечно, не афишировать свое участие, если этого можно

избежать.

– Ваша дружба в высшей степени практического свойства, мисс Гибсон, – усмехнулся Торндайк. – В действительности расходы не составляют для меня проблемы. Если желаете поупражняться в щедрости, обратитесь к солиситору мистера Рубена через вашего опекуна, мистера Хорнби, и с согласия обвиняемого. Сомневаюсь, однако, что возникнет такая потребность, тем не менее я рад вашему приходу, поскольку вы способны оказать нам ценную помощь другого рода. Например, ответить на один-два вопроса, на первый взгляд, не имеющих прямого касательства к делу.

– Я не сочту бесполезным ни один вопрос из тех, что вы мне зададите, – решительно заявила наша посетительница.

– Тогда осмелюсь поинтересоваться, существуют ли некие особые отношения между вами и мистером Рубеном?

– Вы ищете неизбежный для женщины мотив, – слегка вспыхнула мисс Гибсон. – Никаких нежных чувств между Рубеном и мной нет, а если уж говорить о подобной симпатии, следует упомянуть другого человека – Уолтера Хорнби.

– Вы обручены с мистером Уолтером?

– Нет, но он просил меня выйти за него замуж, причем не один раз, и я убеждена, что он привязан ко мне. – Она понизила тон и изменилась в лице, словно речь шла о чем-то невероятном. – Понимаете, у меня около шести сотен годового дохода, и я неплохая партия для молодого человека вроде Уолтера, у которого нет ни собственности, ни надежд ее получить. Однако повторяю: он довольно искренен в своих заверениях и его привлекают не только мои деньги.

– Я не усомнился бы в вашей правдивости, – улыбнулся Торндайк, – даже если бы мистер Уолтер прослыл корыстным субъектом, каким он наверняка не является.

Мисс Гибсон опять вспыхнула и ответила:

– Не трудитесь делать мне комплименты: я имею некоторое представление о своих достоинствах. И все-таки, хотя мне жаль прилагать к Уолтеру Хорнби определение «корыстный», я никогда в жизни не встречала молодого человека, который придавал бы большее значение деньгам, чем он. Он собирается преуспеть в жизни, и я не исключаю, что добьется своего.

– Насколько я понимаю, вы отказали ему?

– Да. Я отношусь к нему по-дружески, а этого мало, чтобы думать о браке.

– Давайте вернемся к мистеру Рубену. Вы давно его знаете?

– Лет шесть.

– Каков его характер?

– Основываясь на своих собственных наблюдениях, утверждаю, что не помню случая, когда бы он сказал неправду или совершил бесчестный поступок. Воровство неприложимо к нему. Его привычки умеренны, он совершенно лишен честолюбия, а в отношении богатства его безразличие так же очевидно, как и пылкость Уолтера. Рубен щедр, но при этом благоразумен и прилежен.

– Хорошо, мисс Гибсон, – поблагодарил Торндайк. – Мы обратимся к вам за дальнейшей информацией по мере продвижения дела. С вашей ясной головой и восхитительной искренностью вы непременно поможете нам, если захотите. Оставьте нам свою карточку, доктор Джервис и я будем держать вас в курсе расследования.

Когда прекрасная посетительница покинула нас, Торндайк с минуту молчал, созерцая пламя камина. Затем, взглянув на часы, надел шляпу, схватил ящик с микроскопом, вручил мне футляр с фотоаппаратом и направился к двери.

– Как бежит время! – посетовал он, когда мы спускались по лестнице. – Но оно не потеряно даром, не так ли?

– Наверное, – вяло согласился я.

– Больше энтузиазма, ученый собрат! Перед нами такая миленькая проблема, о какой впору лишь мечтать, и ваше дело решить ее.

– Вы имеете в виду отношения мисс Гибсон с двумя молодыми людьми? А разве это связано с нашим делом?

– Безусловно, – ответил мой коллега. – На предварительном этапе все связано с нашим делом. Мы ищем ключ и ничем не должны пренебрегать. Каковы ваши наблюдения?

– Начну с того, что юная леди не слишком без ума от Уолтера Хорнби.

– Это точно, – с одобрением кивнул Торндайк, – трезво-практический мистер Уолтер не сумел внушить девушке пылкой страсти.

– Если бы я искал расположения мисс Гибсон, то скорее стремился бы походить на Рубена, чем на его кузена Уолтера. Но восхищение нашей прекрасной посетительницы Рубеном умеряется чем-то, что она слышала от посторонних лиц. Ее фраза: «Основываясь на своих собственных наблюдениях» – подразумевает, что ее впечатления не совпадают с чьими-то еще.

– Молодец! – воскликнул Торндайк, хлопая меня по спине, к нескрываемому удивлению полицейского, мимо которого мы проходили. –

Это то, что я искал в вас, – способность замечать скрытую суть в, казалось бы, очевидном. Да, кто-то и впрямь высказывался о нашем клиенте, и наша задача – узнать, кто этот субъект и что он говорил. Мы должны найти повод для новой беседы с мисс Гибсон.

– Буду только рад, – улыбнулся я, – по-моему, неблагоприятно гордиться своей проницательностью и с первой же встречи делать далеко идущие выводы. Позвольте, я понесу ящик с микроскопом, вы устали.

– Благодарю, – сказал он, передавая мне ящик и потирая пальцы, – он и вправду тяжелый.

– Не возьму в толк, зачем вам эта громадина? Обычных карманных линз вполне хватило бы. Ведь шестидюймовый объектив увеличивает от силы раза в два-три?

– В два – с закрытым выдвижным тубусом, – пояснил Торндайк, – а окуляр – в четыре. Полтон изготовил мне и то, и другое, чтобы я рассматривал чеки и банкноты. Вы увидите, как я управляюсь с инструментом, но помните: никаких вопросов и замечаний.

Мы уже шли по узкому коридору Скотланд-Ярда и встретили одетого в униформу сотрудника, который остановился и почтительно поприветствовал моего коллегу:

– Мы вас ждали, доктор. Нынче утром нам сообщили, что вы занялись делом об отпечатке большого пальца.

– Все правильно, – подтвердил Торндайк, – хочу попытаться выстроить линию защиты.

– Ну, – развел руками офицер, – вы уже преподнесли нам много сюрпризов, но этот будет сенсацией. Такой твердый орешек вы еще не разгрызали, хотя зубы у вас, признаться, довольно крепкие. Вам лучше пройти к мистеру Синглтону. – И офицер ввел нас в просторный, с обычной мебелью кабинет, где за большим письменным столом сидел степенный джентльмен.

– Здравствуйте, доктор. – Он поднялся и пожал Торндайку руку. – Догадываюсь, зачем вы пожаловали. Увидеть отпечаток большого пальца?

– Совершенно верно. – Торндайк представил меня и сказал: – Мы с вами, мистер Синглтон, когда-то играли вместе, а теперь оказались по разные стороны шахматной доски.

– Да, – согласился тот, – и мы скоро поставим вам мат.

Он выдвинул ящик стола, достал папку и извлек из нее лист бумаги с чернильной надписью: «Передано Рубеном в 7.30 пополудни, 09.03.01, Дж. Х.». На одном конце листа я заметил темное кровавое пятно, слегка размазанное, видимо, пальцем, а рядом – два-три мазка меньшего размера и

отчетливый отпечаток большого пальца.

С минуту или две Торндайк неотрывно по очереди рассматривал отпечаток пальца и мазки, но не произносил ни слова, а мистер Синглтон наблюдал за его бесстрастным лицом с выжидающим любопытством.

– Установить принадлежность этого отпечатка не составило особого труда, – наконец заметил чиновник.

– Оттиск хорош, – кивнул Торндайк, – очень отчетливый экземпляр, даже если не принимать во внимание шрам.

– Шрам делает его абсолютно убедительным. Вы тоже принесли с собой отпечаток, не так ли?

– А как же? – Торндайк вынул из бокового кармана большую фотографию, едва взглянув на которую, мистер Синглтон расплылся в улыбке:

– Славная работа, но чего вы добиваетесь с помощью такого размера? Трехкратного увеличения вполне достаточно для изучения бороздок. Поделить изображение на нумерованные квадратики – неплохая идея, но наш снимок, выполненный по методу Гальтона, наиболее удачен для поставленной цели.

Синглтон извлек из папки пластинку с фотографией отпечатка большого пальца, увеличенного примерно до четырех дюймов в длину. Снимок испещряли цифры, четко выведенные заостренным пером; они располагались на каждом островке, в петле, разветвлении или на каком-либо другом элементе рисунка бороздок.

– Наша система отметок каталожными номерами эффективна, потому что мы помещаем номера лишь в точках, важных для сравнения. Ваши же квадратики случайны и произвольны: иногда они приходятся на важные точки, а порой – на абсолютно бесполезные, не несущие никакой информации. Разметить свой оригинал мы вам не разрешим, но можем предоставить фотографию, и вы с успехом воспользуетесь ею.

– Я и сам хотел попросить ее у вас, – потупился Торндайк.

– Пожалуйста, – ответил Синглтон, – я отлично помню, что вы, доктор, не привыкли ничего принимать на веру. Впрочем, извините, мне пора заняться своей работой, поручаю вас инспектору Джонсону – он окажет вам любую помощь, какая потребуется.

– И проследит, чтобы я тайком не сунул оригинал в карман и не утащил домой, – ухмыльнулся Торндайк.

– О, не беспокойтесь, мы вам доверяем, – добавил Синглтон, возвращаясь к своему столу.

Торндайк открыл ящик с инструментами.

– Вы собираетесь рассматривать отпечаток в микроскоп? – удивился инспектор.

– Я должен что-то предпринимать, дабы оправдать свой гонорар, – проворчал Торндайк, устанавливая микроскоп и прикрепляя объективы. – Заметьте, я веду честную игру. – Он взял со стола мистера Синглтона лист бумаги и поместил между двумя длинными узкими полосками стекла.

– Я краем глаза наблюдаю за вами, сэр, – предупредил Синглтон, пока Торндайк готовился к фокусировке.

Я тоже не спускал глаз со своего коллеги и дивился его манипуляциям. Он вставил мощный окуляр и исследовал пятна крови и отпечаток пальца через шестидюймовую оптику. Потом вынул из ящика маленькую лампу со спиртовым раствором натриевой соли, потому что, когда он зажег ее, вспыхнуло характерное желтое пламя. Заменяв один из объективов спектроскопической насадкой и расположив лампу рядом с зеркалом микроскопа, Торндайк отрегулировал спектроскоп. Завершив настройки, он вновь изучил пятна крови и отпечаток пальца при проходящем и отраженном свете и наскоро набросал в блокноте одну-две диаграммы. После этого Торндайк убрал спектроскоп и лампу в ящик, извлек микрометр – полоску тонкого стекла размером три дюйма на полтора – и, положив его на отпечаток пальца вместо верхней стеклянной пластинки, принялся двигать его туда-сюда, сравнивая рисунок линий с линиями на большой фотографии, которую держал в руке. После продолжительной настройки и перенастройки он удовлетворенно хмыкнул и сказал мне:

– Я получил линии в том же виде, в каком они находятся на нашем отпечатке, так что – спасибо инспектору Джонсону – мы заберем с собой фотографию и исследуем ее на досуге.

Он придал микроскопу горизонтальное положение, достал из ящика плиту красного дерева с тремя медными подставками и поместил на нее снабженный рукавом из тонкой черной кожи фотоаппарат, так что тот оказался на одном уровне с окуляром микроскопа. Торндайк вставил конец окуляра в рукав и закрепил его на стволе микроскопа прочной резиновой лентой с целью достижения светонепроницаемости. Теперь все было готово к съемке.

Направив с помощью конденсатора световое пятно на отпечаток пальца, Торндайк осторожно сфокусировал образ на экране, слегка сместил маленькую кожаную крышку над объективом, вставил кассету и выдвинул затвор.

– Прошу вас сесть и не шевелиться во время экспозиции, – велел он мне и инспектору. – Малейшей вибрации достаточно, чтобы нарушить

четкость изображения. – Мы послушно сели, а Торндайк передвинул крышку и начал экспонировать первую пластинку. – Можем сделать и вторую на случай, если эта получится неудачной, – пояснил он, ставя крышку на место и закрывая затвор.

Завершив сеанс, он вытащил другую кассету, провел еще одну экспозицию тем же способом, после чего, заменив микрометр полоской простого стекла, выполнил две дополнительные экспозиции – для подстраховки.

– Остались две пластинки, – заметил он, доставая новую кассету. – Я, пожалуй, сниму на них кровавое пятно и маленькие капли. Ну, – с довольным видом произнес он, закончив работу и принимаясь упаковывать то, что инспектор метко назвал «ящиком фокусника», – теперь мы выжали из Скотланд-Ярда все данные, и я сердечно благодарен вам, мистер Синглтон, за то, что вы предоставили так много возможностей мне, адвокату, то есть вашему естественному врагу.

– Вы нам вовсе не враг, – запротестовал чиновник. – Да, мы выстраиваем линию обвинения, но не чиним препятствий защите, как вам хорошо известно.

– Конечно, дорогой сэр, не сердитесь, – ответил Торндайк, пожимая Синглтону руку. – Вы всегда помогаете мне, и я чувствую себя обязанным. До свидания.

– Удачи, доктор. Хотя, боюсь, на этот раз вы окажетесь в тупике.

– Посмотрим. – Торндайк взмахнул рукой, подхватил микроскоп и футляр с фотоаппаратом и устремился к выходу.

Глава 4

Доверительные беседы

Всю дорогу домой Торндайк в задумчивости молчал, и, хотя его лицо сохраняло привычную бесстрастность, я прочел на нем глухую сосредоточенность, граничившую с подавленностью, которая, как ни странно, не только не угнетала моего ученого собрата, но, как мне показалось, доставляла ему некое возбуждающее удовольствие. Я воздержался от замечаний и вопросов на эту тему, ибо видел, что моему коллеге сейчас не до меня, и понимал: если он молчит, значит, считает нужным пока держать свои мысли в тайне и не готов доверительно обсуждать со мной какие-либо выводы и идеи.

Едва мы вошли в квартиру, Торндайк передал ящик и фотоаппарат Полтону, кратко и сухо проинструктировав его по поводу проявки негативов. Ланч был готов, и мы без промедления уселись за стол. Мы ели в полнейшем безмолвии, которое так затянулось, что я, признаться, забеспокоился, но Торндайк, словно почувствовав мою тревогу, внезапно положил нож и вилку и посмотрел на меня со спокойной дружелюбной улыбкой.

– Знаете, о чем я сейчас подумал, Джервис? – сказал он. – Вы – самый лучший компаньон в мире. Нет, не спорьте, это действительно так. Небеса наградили вас редчайшим даром молчания.

– Если это – критерий качеств компаньона, – с усмешкой ответил я, – то вы заслуживаете в сто раз больше комплиментов.

– Улавливаю ваш сарказм, коллега, – засмеялся он, – но настаиваю на своей точке зрения. Способность в нужное время хранить молчание – ценнейшее из достоинств. Другой бы на вашем месте, пользуясь непринужденной обстановкой обеда, забросал меня вопросами и комментариями по поводу моих действий в Скотланд-Ярде, а вы, дорогой друг, ни разу не нарушили моей мыслительной работы. Это тем более важно, что все свидетельства и впечатления, которые я почерпнул, нужно, пока они еще свежи у меня в голове, снабдить ярлычками и разложить по полочкам моего мозга. Кстати, – серьезно добавил он, – я допустил одну оплошность. Вы не заметили, какую именно?

– Нет, – признался я, пожав плечами.

– Пальцеграф. Я не выяснил, где он сейчас: в полиции или, как прежде, в распоряжении миссис Хорнби.

– Это имеет значение?

– Мне нужно увидеть эту вещицу. Кстати, вот удачный повод навестить мисс Гибсон. Сегодня во второй половине дня я занят в больнице, а у Полтона куча работы, поэтому прошу вас отправиться на Эндсли-Гарденс в дом Хорнби. Постарайтесь застать мисс Гибсон, побеседовать с ней, желательно конфиденциально, ну и пополнить наши сведения о нравах и обычаях мсье Хорнби – всех троих. Будьте осторожны и вообразите, что вам надо расположить к себе больного, вероятно, капризного, поэтому следите за перепадами его настроений. Не открывая своих намерений, разузнайте все, что можно, о характерах и привычках троих джентльменов, и пусть вас не смущают соображения деликатности. Для нас в данную минуту важно все, даже имена их портных.

– А что по поводу пальцеграфа?

– Выясните, у кого он; если у миссис Хорнби, попросите ее одолжить его нам, нет, подождите: лучше пусть она позволит вам сфотографировать его.

– Сделаю все, как вы велели, – пообещал я. – Наведу внешний лоск и во второй половине дня предстану перед Хорнби в образе Пола Прая⁵.

Уже через час я стоял на пороге дома мистера Хорнби на Эндсли-Гарденс, позвонил в колокольчик и с бьющимся сердцем прислушался к его дребезжащему звуку. Дверь открыла горничная, и я спросил, дома ли мисс Гибсон.

– Мисс Гибсон? – повторила служанка. – Она собиралась уходить, но, кажется, задержалась. Входите, сэр, и подождите: я посмотрю.

Я проследовал за ней в гостиную, прокладывая себе путь сквозь строй столиков и прочей разнородной мебели, с помощью которой современные дамы превращают свои жилища в подобие лавки комиссионера, притулился возле камина и набрался терпения. Однако менее чем через две минуты мисс Гибсон сама вошла в комнату. На ней были шляпа и перчатки, и я обрадовался, что мой визит столь своевременен.

– Не ожидала так скоро увидеть вас вновь, доктор Джервис, – сказала девушка, дружелюбно протягивая мне руку, – тем не менее вы очень желанный гость. Пришли сообщить мне что-то новое?

– Наоборот, – улыбнулся я, – мне нужно спросить вас кое о чем.

– Ну что ж, это лучше, чем ничего, – промолвила она с ноткой разочарования. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Я осторожно примостился на краешек маленького шаткого стула и приступил к своей нелегкой миссии.

– Вы помните вещицу, именуемую пальцеграфом? – спросил я как

можно деликатнее.

– Разумеется, – энергично кивнула мисс Гибсон. – По-моему, она-то и явилась основной причиной всех неприятностей.

– Вы случайно не знаете, полиция забрала ее?

– Так, дайте припомнить. Сначала один из детективов отвез пальцеграф в Скотланд-Ярд, чтобы эксперты провели сравнительный анализ двух отпечатков большого пальца. Полицейские хотели оставить эту штуку у себя, но миссис Хорнби запротестовала, поскольку не желала, чтобы с помощью дурацкой игрушки, как она выражалась, Рубена уличили в преступлении, и в итоге ей позволили забрать пальцеграф. Оно и понятно: зачем он сыщикам, если они и так взяли у Рубена отпечатки, как только арестовали его? В общем, они утратили к пальцеграфу всякий интерес.

– Он теперь у миссис Хорнби?

– Ну да, если она со злости не выбросила его. Она говорила, что это он во всем виноват, и собиралась его уничтожить.

– Надеюсь, не успела, – с тревогой произнес я, – поскольку доктор Торндайк очень заинтересован в исследовании пальцеграфа.

– Вот как? Миссис Хорнби через несколько минут придет к нам – я сообщила ей, что вы здесь, – и мы у нее спросим. А зачем доктору Торндайку вдруг понадобился пальцеграф?

– Понятия не имею, – заверил я со всей искренностью, на какую был способен. – Мой ученый коллега молчалив и замкнут, как устрица. Несмотря на то, что я – его давний знакомый и помощник, он не делает для меня исключений: внимательно выслушивает, как и любого собеседника, пристально наблюдает за моими действиями, но не посвящает в свои замыслы.

– Интересно, – заметила мисс Гибсон, – мне это нравится. По-моему, он поступает правильно, и вообще я с первого взгляда прониклась к доктору глубокой симпатией.

– Он и вправду обаятельный, – согласился я, – но у него строгий принцип: оставаясь приятным в общении, никогда не разглашать секреты клиентов и собственные методы расследования.

– Похвально, доктор Джервис, что вы так искусно, изящно и, главное, убедительно ушли от ответа на мой вопрос и оставили меня в неведении, – усмехнулась мисс Гибсон с легкой досадой.

Я поспешил извиниться и принялся оправдываться, но тут дверь отворилась – в гостиную вошла пожилая дородная леди с выражением лица столь безмятежным и приторно-приветливым, что я счел ее особой

недалекого ума.

– Миссис Хорнби, это – доктор Джервис, – представила нас друг другу мисс Гибсон и продолжила: – Доктор пришел получить сведения о пальцеграфе. Вы не уничтожили его?

– Нет, дорогая, – ответила хозяйка, – он лежит у меня в комод. А что угодно знать доктору Джервису?

Заметив, что она волнуется и, возможно, опасается новых неприятностей для своей семьи, я воспользовался советом Торндайка насчет капризного больного, умерил свой пыл и мягко пояснил:

– Мой ученый коллега хочет изучить пальцеграф. Это важно для защиты вашего племянника.

– Да-да, – закивала миссис Хорнби. – Джульет рассказывала мне. По ее словам, ваш коллега – просто прелесть. Это так?

Я поймал взгляд мисс Гибсон, в котором сверкнули озорной блеск и лукавая смешинка, а на щеках девушки выступил румянец смущения.

– Ну, – произнес я с напускной серьезностью, – насчет прелести лучше судить дамам, и многие из них, надо заметить, питают к моему другу искренние чувства; что касается меня, я высочайшего мнения о его профессиональных успехах и деловых качествах.

– Это и есть мужской эквивалент «прелести», – улыбнулась мисс Гибсон, исправляя неловкое положение, создавшееся из-за случайно оброненной простодушной фразы миссис Хорнби. – Впрочем, суть неизменна: доктор Торндайк – один из лучших специалистов нашего времени, а мистер Джервис – его прилежный ученик. Так вы дадите им пальцеграф, тетя?

– Джульет, дорогая, – горячо заговорила миссис Хорнби, – ты же понимаешь: я готова на все ради бедного мальчика. Я ни на секунду не усомнилась в том, что он невиновен в этой мерзкой, вульгарной краже. Произошла чудовищная ошибка – я в этом убеждена и сразу же сказала детективам. Я заверила их, что Рубен никогда не совершил бы грабежа; они заблуждаются, считая его замешанным в столь грязном преступлении. Но они не стали меня слушать, хотя я знаю Рубена еще с тех пор, когда он был маленьким ребенком, и кому, как не мне, судить о том, на что мой племянник способен, а на что – нет. Бриллианты, боже мой! Да зачем они Рубену? Что за ценность в грубых камнях? Они ведь даже не огранены, – всхлипнула миссис Хорнби, достала носовой платок с тесьмой и вытерла слезы.

– Вот поэтому, – вкрадчиво добавил я, выждав удобный момент и стараясь смягчить положение, – доктору Торндайку и нужен пальцеграф.

– Пальцеграф, – машинально повторила хозяйка, поднимая на меня мокрые глаза. – Конечно, я с удовольствием пойду вам навстречу. Я так рада, что мистер Торндайк взялся нам содействовать; это вселяет надежду – знать, что такой достойный человек заинтересовался нашей проблемой. Кстати, доктор Джервис, детективы пытались оставить пальцеграф у себя в конторе, чтобы использовать его для доказательства вины нашего бедного мальчика. Но не тут-то было! Я настояла на своем, и им пришлось вернуть мою вещь. И впредь они не получают от меня никакой помощи в своих грубых попытках втянуть нашего племянника в это ужасное дело.

– Тетя, так пусть мистер Джервис возьмет пальцеграф и передаст его доктору Торндайку.

– Конечно, – засуетилась миссис Хорнби, – вы можете даже не возвращать его. Когда закончите с ним, швырните в огонь. Мне тяжело его видеть. Если бы не он...

Меня удивили ее слова, и я счел неблагоприятным забирать пальцеграф. К тому же я вспомнил инструкцию Торндайка и поспешно сказал:

– Нет, миссис Хорнби, пусть пальцеграф пока побудет у вас. Доктор Торндайк поручил мне не изымать его, а лишь попросить вас позволить нам сделать качественную фотографию.

– Ах, вот оно что! – воскликнула миссис Хорнби. – Так к чему утруждать? Мы дадим вам готовый снимок. Этим займется мой племянник Уолтер, если я его попрошу. Он у нас очень способный юноша, не правда ли, Джульет?

– Да, тетя, – быстро кивнула мисс Гибсон, – но, насколько я разбираюсь в ситуации, доктору Торндайку нужно сфотографировать пальцеграф самостоятельно, при помощи своей собственной аппаратуры.

– Вы абсолютно правы! – горячо подхватил я. – Снимок, сделанный другим человеком, к сожалению, принесет мало пользы для расследования.

– Зря вы отказываетесь, – поджала губы миссис Хорнби. – Вы исходите из того, что Уолтер – обычный любитель-самоучка, но это не так. Если бы вы увидели его фотоснимки, то пришли бы в восторг. Мой племянник необычайно талантлив, уж поверьте.

– Послушайте, мистер Джервис, – перебила тетю мисс Гибсон, – я могу сама принести пальцеграф на квартиру доктора Торндайка. Это сэкономит время и избавит вас от лишнего беспокойства.

– Премного вас благодарю, но моему другу и мне, право, неловко пользоваться столь чрезмерной любезностью.

– Какие пустяки! Когда доставить пальцеграф? Хотите нынче же

вечером?

– Хорошо, – сдался я, – мы вас долго не задержим: мой коллега осмотрит вещицу и решит, что делать дальше.

– А чтобы не испытывать неловкости, – добавила мисс Гибсон, – я попрошу вас, тетя, сопровождать меня, если вы не возражаете.

– Конечно же, я не против, – заверила миссис Хорнби свою дорогую Джульет, после чего мисс Гибсон поднялась и, посмотрев на часы, заявила, что ей пора идти.

Я взял шляпу и стал прощаться, девушка улыбнулась:

– Если нам по пути, доктор Джервис, можем немного пройтись пешком.

Я возликовал от такого предложения, и через несколько секунд мы покинули дом, оставив пожилую хозяйку растерянно улыбаться нам вслед из открытой двери.

– Если мы придем к Торндайку в восемь, это нормально? – спросила мисс Гибсон, когда мы шагали вдоль улицы.

– По-моему, удачное время, – ответил я, – но если что-то помешает встрече, я отправлю вам телеграмму. Лучше бы вы пришли одна: на данном этапе ни к чему вовлекать в расследование посторонних.

– Вот как? – засмеялась мисс Гибсон приятным музыкальным смехом. – Вам не понравилась миссис Хорнби, понимаю. Она слегка рассеянна, и ей сложно удерживать нить беседы, но отнеситесь, пожалуйста, к ее маленьким недостаткам снисходительно, тем более что она добрая и щедрая – я, как никто, могу это оценить.

– Полностью с вами согласен, – бросился я исправлять неловкость, – сумбурность речи и легкая путаница в мыслях – сущие пустяки. Кто на них обращает внимание? Я сразу понял, что миссис Хорнби чуткая и участливая: не каждая мать так заботится о своих детях, как она о племянниках.

Мисс Гибсон наградила меня за эти правильные слова одобрительной улыбкой, и некоторое время мы шли молча. Внезапно она повернулась ко мне с серьезным лицом:

– Мне нужно кое о чем спросить вас, доктор Джервис, и, пожалуйста, извините меня, если я посягаю на вашу профессиональную тайну. Ответьте без обиняков: у доктора Торндайка есть хоть искра надежды спасти Рубена от страшного и позорного приговора, который ему грозит?

Вопрос прозвучал так остро и неожиданно, что поставил меня в тупик, но, немного поразмыслив, я спокойно произнес:

– Убеждать вас в успехе от имени другого человека, пусть даже своего

коллеги и наставника, я считаю некорректным. В конце концов, он меня на это не уполномочивал. Однако не погрешу против истины и не обману доверие доктора Торндайка, если скажу: раз уж он взялся за это дело и энергично работает над ним, значит, верит в удачный исход; будь это не так и считай он положение безвыходным, он не стал бы тратить времени и отказался.

– Вы меня окрылили, – восторженно воскликнула девушка. – Я ведь, честно признаться, и сама так думала. Разрешите полюбопытствовать, как прошел ваш визит в Скотланд-Ярд? О, пожалуйста, не упрекайте меня, что я опять выпытываю ваши секреты, просто я ужасно тревожусь.

– Мы посетили Скотланд-Ярд, – подтвердил я, – но рассказывать мне по сути нечего: мне отводилась весьма скромная роль, а действия своего коллеги я не берусь оценивать. Предполагаю лишь, что Торндайка удовлетворил промежуточный результат. Он собрал некоторые важные факты, однако я не имею о них четкого представления. Когда мы возвратились домой, доктор выразил желание обследовать пальцеграф и дал мне задание, о котором вы знаете.

– Спасибо, мистер Джервис, – улыбнулась она. – Вы ободрили меня; на первый раз этого вполне достаточно, не стану докучать вам вопросами. Я не сбита вас с пути?

– Нет, – помотал я головой, – мне приятно вас сопровождать и общаться с вами, и, пока мы возимся с этим пальцеграфом, я совмещаю маленькое поручение с большим удовольствием.

– А у меня вы вывели все, что требуется для дела? – иронично осведомилась она.

– Вы и сами не возражали, – усмехнулся я, – то есть нет, я, наверное, не так выразился. Мы с вами сейчас на положении зрителей: наблюдаем за участниками некоего театрального действия и располагаем возможностью беспристрастно оценивать их. Взять, к примеру, нашего клиента. Не будь вас, я подумал бы, что он – заправский жулик, который лишь изображает из себя порядочного джентльмена, но появились вы и поведали нам, что Рубен Хорнби – человек с незапятнанной репутацией, и мы с доктором сразу ощутили под ногами твердую почву.

– Я догадываюсь, что кто-то сообщил вам о Рубене нелицеприятные вещи, бросающие на него черную тень, не так ли?

– Нас с доктором Торндайком трудно сбить с толку, – ответил я, – рано или поздно мы все равно выявим степень правдивости наших информаторов и поймем, почему они дали человеку или событию ту или иную оценку, в том числе негативную.

– Вы правы, – задумчиво проговорила девушка, – не нужно во всем полагаться на чужое мнение.

– Вижу, этот вопрос серьезно беспокоит вас. Вы знаете лиц, которые высказывали вслух нечто порочащее мистера Рубена?

Она помолчала, рассеянно глядя под ноги, потом медленно произнесла:

– Есть одна мелочь, не связанная с кражей, но доставившая мне немало огорчений и воздвигшая барьер между Рубеном и мной, а ведь еще шесть месяцев назад мы так хорошо дружили! Я упрекаю себя за то, что позволила какой-то ерунде повлиять на свое мнение о Рубене. Сейчас изложу подробнее, хотя вы наверняка сочтете меня глупой девушкой.

Понимаете, раньше мы с Рубеном проводили вместе довольно много времени, но, подчеркиваю, оставались лишь друзьями. Мы общались породственному, и ничего из ряда вон выходящего никто в этом не усматривал. Рубен увлекается древним и средневековым искусством, я тоже интересуюсь данным предметом, поэтому мы вдвоем посещали музеи и галереи и получали огромное удовольствие, сравнивая и обсуждая свои впечатления. Однажды с полгода назад Уолтер отвел меня в сторонку и строго спросил, какие у нас с Рубеном отношения. Я сочла такой вопрос дерзостью, но все-таки сказала правду: Рубен и я – просто друзья, и ничего больше.

«Если так, – хмуро заявил Уолтер, – я бы посоветовал вам, Джульет, не мелькать так часто в его обществе». – «Почему?» – изумилась я. «А потому, – продолжал Уолтер, – что Рубен – дурак и болтун. Он слишком много треплет языком в клубе, и у наших знакомых создается впечатление, что молодая леди со средствами без ума от него, а он, как философ, презирающий искушения, которым подвержены простые смертные, выше страстных обольщений и денежной привлекательности влюбленной дамочки. Для вашего же блага будет лучше призадуматься и свести на нет встречи с Рубеном. Мне не безразлична ваша судьба, Джульет, и Рубену незачем досаждать вам. Я прекрасно знаю натуру молодых повес: они ведут себя как последние ослы, строят из себя щеголей и играют на публику; я не сомневаюсь, что окружающие преувеличили слова Рубена, но все-таки дыма без огня не бывает: он, видимо, хвастался вашими с ним отношениями, вот я и решил предостеречь вас».

Этот разговор, как вы догадываетесь, разозлил меня, и я вознамерилась немедленно объясниться с Рубеном и расставить все точки над «і». Но Уолтер попросил меня не закатывать скандал – дескать, он предупредил меня чисто конфиденциально, а я, словно невоспитанная

барышня, собираюсь устроить сцену. Я растерялась, попыталась проигнорировать сплетню и относиться к Рубену так, как привыкла, но вскоре поняла, что это невозможно: моя женская гордость была глубоко уязвлена. Я чувствовала, что поступаю низко, думая о Рубене всякие гадости и не давая ему возможности оправдаться. Но, поразмыслив над словами Уолтера, я пришла к выводу, что кое в чем он прав: Рубен всегда презрительно относился к мужчинам, которые женятся на деньгах своих избранниц. Так я и осталась наедине со своей обидой, которая до сих пор гложет меня. Что мне делать?

Я не сразу сформулировал ответ и в замешательстве потирал себе лоб. Конечно, поведение Уолтера Хорнби возмутило меня, но в душе я порицал и мисс Гибсон за то, что она выслушивала оскорбления в адрес своего кузена в его отсутствие. Рассудив, однако, что я не вправе вмешиваться в чужие дела и бесцеремонно высказываться о частных, тем более внутрисемейных отношениях, я спокойно заметил:

– Положение, на мой взгляд, таково: либо Рубен говорил о вас недостойно и неискренне, либо Уолтер умышленно солгал и искусственно раздул этот инцидент.

– Да, – кивнула она, – все именно так, но какой из вариантов наиболее вероятен?

– Я тоже сталкивался с невежами и фанфаронами, которые повсюду трубят о своих мнимых заслугах и победах. Это весьма распространенная и общеузнаваемая разновидность, но я, признаться, не считаю Рубена Хорнби принадлежащим к данному типу мужчин. В любом случае Уолтеру, если он действительно слышал оскорбительные толки, следовало выбрать иную линию поведения: решительно объясниться с самим Рубеном, а не тайком приходить к вам и наушничать. Это мое мнение, мисс Гибсон, но я не застрахован от ошибок. Пока я уяснил одно: два молодых кузена не являются неразлучными приятелями. Верно?

– Ну не совсем. Они ладят и редко ссорятся, правда, их интересы и взгляды довольно разные. Рубен, хотя и старательный служащий в рабочее время, по жизни, скорее, студент или то, что вы назвали бы исследователем, а Уолтер – практический человек, деловой, дальновидный и проницательный. Он, несомненно, умен и талантлив – миссис Хорнби не преувеличила.

– Он занимается фотосъемкой?

– Да, и явно превзошел уровень обычного фотолюбителя: его работы технически совершенны и в своем роде уникальны. Например, он опубликовал с помощью фототипии серию изображений срезов

рудоносных скал. Это сложная работа, требующая микроскопической точности, но Уолтер справился – он опытный фотогравер.

– Ого! Он и вправду способный малый.

– Вот именно, – подтвердила она, – и стремится добиться прочного положения в обществе. Но, боюсь, он слишком любит деньги ради них самих, а это непривлекательная черта в характере юноши, вы согласны?

– Не спору.

– Случается, что непомерная увлеченность деньгами, – продолжала мисс Гибсон тоном пророчицы, – ведет молодого человека по кривой дорожке. О, не улыбайтесь, доктор Джервис, на мои афоризмы, но это правда. Я тревожусь за Уолтера: он так хочет разбогатеть, что готов прибегнуть к простому и быстрому методу заполучить деньги. У него есть друг, некто мистер Холкер, который совершает сделки на фондовой бирже, причем орудует с размахом, хотя, по-моему, эти так называемые *операции* – всего лишь азартная игра. Так вот, я неоднократно подозревала, что Уолтер вовлечен в то, что мистер Холкер именуется *маленьким риском*.

– Такое поведение недальновидно, – заметил я с беспристрастной мудростью человека небогатого и, следовательно, не подверженного соблазнам.

– Оно не просто недальновидно, а сродни аферизму; аферист ведь вечно тешит себя мечтой, что рано или поздно выиграет. Впрочем, я чересчур увлеклась; не подумайте, будто Уолтер – аферист. Спасибо, что проводили меня так далеко; надеюсь, теперь вы уже не чувствуете себя абсолютным чужаком в семье Хорнби. Вечером мы с тетей явимся ровно в восемь, как и обещали.

Мисс Гибсон одарила меня улыбкой, протянула руку, а затем быстро взбежала по ступенькам; когда я обернулся, переходя улицу, девушка дружески помахала мне вслед, после чего скрылась за дверь.

Глава 5

Пальцеграф

– Значит, рыбачили в спокойной приятной воде? Никаких опасных течений? – пошутил Торндайк, когда за обедом я подробно изложил, как продуктивно провел время в доверительных беседах с дамами.

– Улов выпотрошен, вымыт и готов к употреблению, – развил я шутку и выложил на стол два блокнота, куда скрупулезно занес те факты, которые извлек из разговора с мисс Гибсон и ее тетей.

– Вы сделали записи сразу после возвращения? – уточнил мой коллега. – Я имею в виду, на свежую голову?

– Да, я присел на скамейку в Кенсингтонском парке минут через пять после расставания с мисс Гибсон.

– Ну ладно, – кивнул он. – Давайте оценим качество рыбы. – Он быстро пролистал блокноты, пару раз вернувшись назад, а потом с минуту сидел, погружившись в свои мысли. Положив мои записки на стол, он удовлетворенно резюмировал: – Информация, таким образом, сводится к следующему: Рубен – трудолюбивый служащий, на досуге интересуется древним и средневековым искусством, возможно, не в меру болтлив и склонен к преувеличениям или же, напротив, жертва клеветы и зависти. Уолтер Хорнби – подлец и, вероятно, лгун, но обладает непомерными амбициями и порхает мотыльком вокруг финансовой свечи, горящей на Трогмортон-стрит; опытный фотограф, компетентный в фототипии. Вы сегодня отлично поработали, Джервис. Вы хоть понимаете значение собранных фактов?

– Почему же нет? – немного обиделся я. – У меня сложилось определенное мнение.

– Тогда держите его при себе, дорогой друг, чтобы я не пытался поделиться с вами своей интерпретацией.

– Меня бы крайне удивил такой ваш поступок, сэр, – усмехнулся я. – Вы всегда внушали мне, что ваши теории и гипотезы являются собственностью клиента и не должны использоваться для развлечения окружающих, даже друзей и близких.

Торндайк немного опешил от моей тирады, потом расхохотался, похлопал меня по плечу и добродушно провозгласил:

– Благодарю за понимание, а то я чувствовал неловкость от того, что так скрытен с вами, хотя вы разбираетесь в этом деле, пожалуй, не хуже

меня. Давайте откупорим бутылку поммара и выпьем за здоровье моего преданного и деликатного помощника. Слава богам, вот и Полтон, окутанный благоуханным ароматом.

– Жареное мясо, доктор, – коротко пояснил тот.

– Говядина, – принялся Торндайк, – услада для могучего Шамаша⁶ и голодного врача-юриста. Объясните, дружище Полтон, как получается, что ваши ромштексы вкуснее всего, что я когда-либо пробовал? Вы разводите особую разновидность быков?

Полтон расплылся в улыбке:

– Секрет в специальной обработке, сэр. Перед приготовлением я отбиваю мясо в ступке так, чтобы не разрывать волокна, а затем раскаляю печь градусов до шестисот и кладу целиковые куски на противень.

– Молодец, Полтон, бесподобно! Откройте бутылку поммара и зарядите кассеты двумя фотомеханическими пластинами десять на восемь дюймов. Нынче вечером мы ждем в гости двух уважаемых леди, которые принесут некий важный «прибор».

– Приготовить гостиную наверху?

– Нет, не нужно.

– Тогда я немного приберусь в лаборатории. – И Полтон поспешил на свое рабочее место, где чувствовал себя достойнее и увереннее, чем в роли повара и официанта.

– Так, говорите, мисс Гибсон интересуется ходом расследования? – спросил меня Торндайк, немного утолив голод.

– Да, ее это весьма беспокоит, – ответил я и передал своему коллеге весь наш разговор с девушкой, стараясь не упустить малейшие детали.

– Вы поступили разумно и дипломатично, отказавшись посвящать леди в наши эксперименты в Скотланд-Ярде, – похвалил меня Торндайк. – Мы пока что держим свою тактику в секрете и от Скотланд-Ярда, и от целого мира. Зато мы знаем козырную карту мистера Синглтона и его подчиненных и, исходя из этого, выстроим игру так, чтобы нанести противнику неожиданный удар.

– А разве полиция – наш противник? – удивился я, еще утром заметив, что мой ученый друг не спешит объединять свои усилия с чиновниками из Скотланд-Ярда. – Полицейские детективы ведь тоже стараются найти настоящего преступника, а не огульно обвинить в краже какое-то конкретное лицо, например Рубена Хорнби.

– Теоретически я с вами согласен, – ответил Торндайк, – но на практике все иначе. Производя арест, полиция публично декларирует обвинение. С этого момента все трудности обрушиваются на голову

задержанного, и доказать свою непричастность к преступлению становится проблемой исключительно обвиняемого, а не властей, которые отныне умывают руки. Такая система пагубна в принципе, но особенную вредоносность она приобрела теперь, когда эффективность офицера полиции поставили в зависимость от количества обвинительных приговоров, которых он добился. Одним словом, официального сыщика превращает в палача сама юридическая машина, пусть даже она и согласуется с законом. Юристы заинтересованы не в поиске истины, а в том, чтобы всеми правдами и неправдами выиграть процесс и покарать. Истина и даже личная убежденность в невиновности подсудимого – для представителей закона дело второстепенное. Вот почему так много споров и противоречий между юристами и учеными, выступающими в роли свидетелей: одни никак не уяснят точку зрения других. Ох, уже половина восьмого, давайте перейдем в другую комнату, пусть Полтон сделает в приемной уборку – я не хочу шокировать дам холостяцким беспорядком.

– А в кабинете, – полюбопытствовал я, – вы не принимаете посетителей?

– Нет, там у меня залежи документов, склад канцелярских принадлежностей, записных книжек и всякой всячины. К тому же это мое заповедное пространство, куда я избегаю допускать солиситоров и барристеров. Полтон, у вас в запасе минут двадцать, но постарайтесь управиться пораньше и сразу зовите нас.

Колокол Темпла пробил восемь, и, едва я по просьбе Торндайка отпер окованную железом внешнюю дверь, внизу на лестнице раздались шаги. Я дождался на площадке наших почтенных визитерш и провел их в квартиру.

– Рада познакомиться, – сказала миссис Хорнби, когда я представил ее своему коллеге, – я слышала о вас от Джульет столько всего удивительного!

– Тетя, – произнесла мисс Гибсон с выражением комической тревоги, – лучше не вдавайтесь в подробности, а то доктор Торндайк подумает, что я – заправская сплетница, любительница посудачить. Я и так в прошлый раз вторглась к нему без предупреждения и надолго отвлекла разговорами, а он принял меня вежливо и снисходительно, чего я не заслуживала.

– Ну что ты, дорогая, – пробормотала миссис Хорнби, – я вовсе не это имела в виду.

– Я в высшей степени польщен благосклонным отзывом мисс Гибсон, какова бы ни была форма его выражения. – Торндайк внимательно посмотрел на девушку, и она порозовела от смущения. – Позвольте поблагодарить вас, леди, за ту помощь, что вы нам оказываете, жертвуя своим досугом.

– Для нас это не жертва, а удовольствие, – ответила миссис Хорнби и принялась развивать эту тему так пространно, что ее высокопарные тирады напоминали круги на воде, которые расходятся от брошенного камня, причем казалось, им не будет конца.

Торндайка, однако, это не раздражало, и, пока пожилая леди трещала, не умолкая, он спокойно расставил кресла у камина, пригласил всех садиться и устремил пристальный взгляд на сумочку, висевшую на запястье миссис Хорнби.

– Тетя, пальцеграф у вас в сумочке? – уточнила мисс Гибсон, уловив немой вопрос хозяина.

– Конечно, Джульет, – ответила дама, – я ведь при тебе положила его туда. Неужели ты подумала, что я позабыла? Вот еще! Не такая уж я рассеянная. Я его заранее приготовила. Правда, нести его в сумочке мне было страшновато, но и карман – не слишком надежное место для такой ценной вещицы. Ведь сколько развелось воришек – уму непостижимо! Того и гляди обчистят карманы или вырвут из рук сумочку! Ты же знаешь миссис Моггридж, Джульет, ее обокрали; нет, постой, это не с ней приключилось – там другая история. Дай-ка припомнить: миссис... я забыла, как ее зовут. Память стала меня подводить. Ты не сможешь мне, Джульет? Ты ведь наверняка помнишь ту даму. Она часто навещала Джонсонов, а ты с ними знакома. Или это были не Джонсоны, я опять что-то путаю...

– Тетя, давайте отдадим доктору Торндайку пальцеграф, – перебила ее мисс Гибсон.

– Конечно, дорогая. Зачем же мы сюда явились? – Миссис Хорнби немного обиженно раскрыла сумочку и принялась неторопливо извлекать оттуда все содержимое, осторожно выкладывая его на стол. Нашему взору предстали кружевной носовой платок, кошелек, визитные карточки, пудреница и несколько дамских безделушек. Выложив последнюю из них, леди внезапно замерла и уставилась на мисс Гибсон с видом человека, сделавшего потрясающее открытие: – Я вспомнила имя той женщины! – театрально вскричала она. – Гадж, это миссис Гадж, золовка мистера...

Мисс Гибсон едва заметно поморщилась, но тут же стерла с лица гримаску, ласково взяла из рук тети сумочку и достала оттуда маленький, завернутый в почтовую бумагу и перевязанный шелковой тесемкой пакетик.

– Благодарю, – сказал Торндайк, приняв его в тот самый момент, когда миссис Хорнби попыталась ухватиться за край тесемки.

Доктор быстро вынул из пакетика небольшую книжечку с

вытисненным на красной тканевой обложке словом «пальцеграф» и начал осматривать ее, а миссис Хорнби проворно поднялась из кресла, нависла над моим коллегой и пустилась в подробные комментарии.

– Вот это, – указала она на первую страничку, – отпечаток большого пальца мисс Колли. Она, правда, не связана с нашей историей. Видите, оттиск немножко смазан – Матильда сказала, что Рубен слегка толкнул ее под локоть, но я не верю, что он это сделал; во всяком случае, он признался мне, что ничего такого не было, она все придумала, знаете ли...

– Вот что нам надо! – перебил Торндайк, продолжая листать книжечку и никак не реагируя на утомительную трескотню болтушки. – Очень качественный отпечаток, если сделать скидку на то, что получен он грубым методом.

Мой ученый друг потянулся за лупой, висевшей над каминной полкой, и, судя по энтузиазму, с которым он начал разглядывать оттиск, я понял: обнаружена какая-то зацепка. Через секунду я убедился, что Торндайк напал на след, потому что, хотя он со спокойным и невозмутимым видом повесил лупу обратно и не проронил ни слова, в глазах его сверкнул огонек триумфа. Эту трепетную искорку не могла скрыть даже плотная маска бесстрастия, которой сыщик, как забралом, ограждался от внешнего мира.

– Пожалуйста, оставьте пальцеграф у меня, миссис Хорнби, – попросил Торндайк, прерывая нескончаемое пустозвонство гостьи. – Понимаете, леди, мне, вероятно, придется использовать эту книжечку как вещественное доказательство, поэтому попрошу вас, миссис Хорнби, и вас, мисс Гибсон, написать свои имена – так мелко, как только можно, – на страничке с отпечатком большого пальца мистера Рубена. Тогда у наших противников не возникнет повода обвинить нас на суде в том, что, после того как вы держали пальцеграф в руках, страничка была подделана.

– Неужели найдутся мерзавцы, способные на такую подлость? – вознегодовала миссис Хорнби, но Торндайк твердо вложил ей в пальцы авторучку, и женщина поставила свою подпись в указанном месте, а мисс Гибсон – чуть ниже.

– Теперь, – объявил Торндайк, – сделаем увеличенную фотографию этой странички с отпечатком пальца. Вообще-то я мог бы провести съемку попозже, поскольку вы оставляете книжечку в моем распоряжении, но мой помощник уже подготовил аппарат, так что не вижу смысла откладывать процесс. Вы согласны?

Обе леди, снедаемые любопытством, закивали, и Торндайк пригласил нас всех подняться этажом выше в лабораторию, где искусник Полтон привычно колдовал в своем одиноком величии. Я и сам впервые ступил в

это священное место, поэтому озирался по сторонам с не меньшим удивлением, чем дамы. Сначала мы очутились в тесной комнатке, по-видимому, служившей мастерской, ибо там стояли плотницкий и столярный верстаки, токарный станок и несколько механических приспособлений, которые я не успел толком разглядеть, но заметил, что помещение аккуратно прибрано. Торндайк тоже обратил на это внимание, потому что с порога заулыбался при виде очищенных от стружек станков и чисто выметенного пола.

Из мастерской мы шагнули прямо в лабораторию – просторный зал, часть которого была отведена под химические опыты; на стенных полках громоздились банки с реактивами, колбы, пробирки и тому подобные принадлежности. В противоположном конце стояла массивная фотокамера, передняя часть которой – та, что с линзой, – была прочно зафиксирована, а держатель на подставке скользил по параллельным направляющим туда-сюда: либо к передней части, либо от нее. Пока Торндайк объяснял устройство аппарата мне и нашим гостям, Полтон закреплял пальцеграф в держателе.

– Мне часто приходится работать с подписями, чеками, векселями и другими спорными документами, – сказал Торндайк, отвечая на вопрос мисс Гибсон. – Мой натренированный глаз и с помощью карманной лупы способен различить мельчайшие детали на чеке или купюре, но «одолжить» свой глаз судье или присяжному я не в состоянии, поэтому предоставляю им фотографический снимок, выполненный с увеличением, а служители закона сравнивают его с оригиналом. Мелкие детали при увеличении выглядят довольно непривычно. Вы, леди, наверняка рассматривали почтовые марки, но замечали ли вы белые пятнышки в верхнем уголке? Или различия в орнаменте на двух сторонах цветочного венка?

– Нет, я ничего такого не замечала, – призналась мисс Гибсон.

– Не вы одна; лишь немногие люди, не считая филателистов, улавливают такие тонкости, – продолжал Торндайк, – между тем, бросив даже беглый взгляд на укрупненное изображение, вы обнаружите те нюансы, которые прежде ускользнули от вашего внимания. Вот посмотрите, мисс Гибсон. – И мой коллега подал изумленной девушке фотографию марки с картинкой, увеличенной до восьми дюймов.

Пока леди ахали в восхищении, Полтон отодвинул камеру на нужное расстояние, зафиксировал пальцеграф в определенной позиции и сконцентрировал на нем направленный параболическим отражателем свет от мощной газовой лампы.

– Что означают эти цифры? – поинтересовалась мисс Гибсон, имея в виду разметку на одной из сторон направляющих.

– Степень увеличения или уменьшения, – объяснил Торндайк. – Если стрелка на нулевой отметке, фотография воспроизводит реальный размер предмета; если стрелка указывает на «×4», снимок получится в четыре раза больше реального размера; если стрелка установлена на «/4», фото будет в четыре раза меньше предмета. Сейчас стрелка указывает на «×8», то есть в диаметре снимок окажется в восемь раз больше оригинального отпечатка.

К этому моменту Полтон сфокусировал камеру, мы быстро взглянули на увеличенное изображение и, пока фотограф настраивал выдержку и обрабатывал пластинку, посетили соседнее помещение, приспособленное для бактериологических исследований. Когда мы вернулись в зал, Полтон осторожно держал еще не просохшие негативы, на которых мы увидели гротескный по своей колоссальности отпечаток большого пальца. Торндайк придирчиво оглядел его и, удовлетворенно кивнув Полтону, вновь поблагодарил миссис Хорнби за то, что цель ее визита достигнута.

– Я рада, что все складывается удачно, – сказала мне мисс Гибсон, когда через несколько минут мы не спеша поднимались по улице вслед за миссис Хорнби и моим другом, – мне понравились и приборы, и механизмы, и, главное, оптимистичный настрой мистера Торндайка: у него явно на уме какие-то идеи; мне стало гораздо спокойнее.

– Вот и славно, я ведь говорил вам, что доктор не возился бы так и не тратил столько времени, не будь у него определенной цели и существенных оснований надеяться на успех, – ободрил я девушку.

– Спасибо, – ласково прошептала она, – и еще у меня к вам небольшая просьба, вы ведь не откажете?

Она заглянула мне в лицо с такой трепетной грустью, что сердце у меня сжалось, и я был готов на все. Если бы Торндайк увидел меня в ту минуту, то не пожалел бы, что оберегает от меня свои секреты и держит своего сентиментального партнера в неведении относительно важнейших деталей расследования. Я поспешил, однако, вернуть себе душевное равновесие, и, когда мы дошли до Флит-стрит, где миссис Хорнби уже садилась в кэб, я, пожимая руку мисс Гибсон, пообещал, что мы увидимся при первой возможности. Обещание я собирался выполнить самым неукоснительным образом.

– Вы, кажется, в доверительных отношениях с нашей прекрасной гостьей, – заметил Торндайк, когда мы, проводив дам, повернули обратно. – Хорошо, что вы умеете располагать к себе людей, Джервис.

– Мисс Гибсон так общительна и искренна, что от меня, собственно,

не требуется особых усилий.

– Да, девушка добрая, умная и к тому же хорошенькая. Полагаю, излишне намекать, чтобы вы смотрели в оба?

– Ну что вы! Как я могу соперничать с человеком, попавшим в столь тяжелое положение? – произнес я угрюмо.

– Конечно, вы не способны на это, но я имел в виду совсем другое. Вам удалось выяснить, как в действительности мисс Гибсон относится к Рубену Хорнби?

– Нет, – помотал я головой.

– И зря, – огорчился Торндайк и замолчал.

Глава 6

Линия обвинения

Намек Торндайка на потенциальную опасность, которую таила в себе моя крепнущая дружба с Джульет Гибсон, прозвучал для меня как гром среди ясного неба и поначалу привел меня в негодование. В первую минуту внутри у меня все клокотало от обиды на бесцеремонность друга. Однако затем я успокоился, стал размышлять и пришел к выводу, что бдительное око моего опытного коллеги заметило в том, как я держусь с мисс Гибсон, нечто необычное, вероятно, наводящее на мысль о моем равнодушии к этой девушке, в чем, по правде говоря, я не решался признаться себе самому.

Мне казалось абсурдным, что столь короткое знакомство может породить настоящее чувство. Я видел Джульет всего три раза, да и то по делу, ведь я не назначал ей свиданий? Таким образом, если не принимать в расчет наши деловые отношения, я вряд ли имел право на что-то большее, чем поклон при встрече. Я умерил свой пыл, еще раз проанализировал ситуацию и собственные впечатления и вынужден был признать, что девушка вызвала у меня живой интерес безотносительно к той роли, которую она играла в неспешно развивавшейся драме. Мисс Гибсон обладала красотой того типа, который особенно привлекал меня, – исполненной достоинства и обещавшей роскошную зрелость. Мне понравились прямота и открытость Джульет, ее веселость, незаурядный ум и чувство юмора, и, хотя девушка держалась уверенно и строго, она никогда не утрачивала той женской мягкости, от которой мужчины, если они хоть что-то понимают в женщинах, теряют голову.

В общем, я обнаружил, что, если бы не Рубен Хорнби, я смотрел бы на мисс Гибсон с симпатией куда большей, чем обычная. К несчастью, Рубена Хорнби как главного героя драмы я не мог игнорировать; более того, трагичность его положения как человека, попавшего в беду, давала ему право на особую благосклонность мисс Гибсон. Неважно, что между ними, по словам Джульет, не существовало ничего, кроме старой дружбы; молодые леди редко способны беспристрастно оценивать свои чувства. Кажется, я начал понимать, от чего меня предостерегал Торндайк. Я вел себя эгоистично, находясь в плену своих чувств и эмоций, которые застилали мне глаза и мешали деловому общению с мисс Гибсон. Против своей воли я сделался соперником Рубена Хорнби и позабыл о том, что я –

его доверенное лицо и, следовательно, обязан ставить его интересы выше всех соблазнов.

– Надеюсь, – сухо произнес Торндайк во время завтрака, заметив, что я веду себя как-то странно, – ваша немая сосредоточенность обусловлена делом Хорнби. Вы считаете, что тайна уже раскрыта, и готовы поделиться со мной результатами?

– Почему вы так думаете? – встрепнулся я, и мне показалось, что в глазах Торндайка вспыхнул недобрый огонек, а губы исказила насмешка.

Мне стало некомфортно от того, что мой ученый друг все это время наблюдал за мной, и я почти впал в отчаяние, как блоха, очутившаяся на освещенной подставке биноккулярного микроскопа.

– Дорогой Джервис, – улыбнулся Торндайк, – за пятнадцать минут вы не вымолвили ни слова, вы поглощали пищу, как автомат, не разбирая ни вкуса, ни запаха, и периодически строили такие гримасы кофейнику, что я забеспокоился, хотя, держу пари, кофейник был на вашей стороне, насколько я сужу по сделанному им официальному заявлению.

Я стряхнул задумчивость, взглянул на отражение в полированном серебре и, увидев свое искаженное то ли кофейником, то ли мрачными мыслями лицо, расхохотался.

– Черт знает, что на меня напало, – признался я, – извините ради бога.

– Ничего страшного, – усмехнулся Торндайк, – хотя я всячески пытался вернуть вас к действительности и заговорил лишь тогда, когда вы исчерпали возможности актера немого кино.

– Вас забавляет меня подкалывать, – слабо упрекнул я коллегу. – А в чем смысл?

– Смысла, конечно, немного. Я, скажем так, поглощал побочный продукт вашей умственной деятельности. О, к нам пожаловал Энсти!

Я услышал стук трости во внутреннюю дверь, а когда Торндайк вскочил и распахнул ее, раздался музыкальный голос, размеренные модуляции которого выдавали в его обладателе опытного оратора.

– Приветствую, дорогой друг! – воскликнул гость. – Не помешал вашим занятиям? – Джентльмен ступил в приемную и осмотрелся: – Вот оно что! Физиологическая химия и ее практическое применение. Исследуете свойства полосатого бекона и жареных яиц в компании еще одного ученого собрата? – И он поглядел на меня через пенсне так критически, что я растерялся.

– Это господин Джервис, о котором я вам рассказывал, – пояснил Торндайк. – Он – наш партнер в деле Хорнби.

– Эхо вашей славы достигло моих ушей, – протянул мне руку Энсти, –

я слышал о вас много лестного и рад познакомиться. Как я вас сразу не узнал? Вы похожи на своего дядюшку, чей портрет висит в Гринвичской больнице.

– Энсти, вы – заправский шутник, – улыбнулся Торндайк, – но, по счастью, у вас случаются периоды просветления, и мы терпеливо ждем, когда наступит очередной из них.

– Терпеливо! – фыркнул эксцентричный барристер. – Это я должен набраться терпения, пока меня таскают по магистратам, полицейским судам и всяким клоакам беззакония, чтобы защищать грабителей, словно я – адвокат с Кеннингтон-лейн.

– Вы беседовали с Лоули, как я вижу.

– Да, и, по его мнению, нам не на что опереться.

– Нет, позвольте: мы обопремся на свои головы, как обычно и поступают мужи интеллекта. Мистер Лоули плохо осведомлен о деле.

– А он думает, что знает все, – возразил Энсти.

– Что ж тут странного? Большинство дураков считают себя умными, – парировал Торндайк. – Они получают свои жиденькие знания чисто интуитивно – путь незамысловатый и не слишком затратный. Нам нужно повременить с защитой, вы согласны?

– Магистрат признает Рубена Хорнби виновным, если только у вас нет несокрушимого алиби.

– Алиби мы поищем, но особенно рассчитывать на него не будем.

– Тогда вы правы, защиту лучше отложить, – сказал Энсти и посмотрел на часы: – Нам пора, магистрат назначил на половину десятого, а надо еще зайти к Лоули. Доктор Джервис, вы с нами?

– Да, пойдете, – пригласил меня Торндайк. – Не волнуйтесь, ничего страшного; это касается слушания дела Рубена Хорнби. Мы сегодня не планируем выступать, но постараемся понять намерения стороны обвинения.

– Я готов, – обрадовался я, хватая шляпу, и мы направились в Линкольнс-Инн, где располагалась контора мистера Лоули.

– Доброе утро, господа, – сказал солиситор, когда мы вошли. – Рад вас видеть, заждались. Вы, кажется, незнакомы с мистером Уолтером Хорнби? Исправляю положение. – И он представил нас с Торндайком кузену нашего клиента, мы обменялись рукопожатиями и посмотрели друг на друга с нескрываемым интересом.

– Я слышал о вас от тети, – обратился ко мне Уолтер. – Миссис Хорнби относится к вам как к Маскелайну и Куку от юриспруденции и безоговорочно верит, что ради ее племянника и моего кузена вы сотворите

чудеса, никак не меньше. Рубен, бедняга, выглядит плоховато. Вы согласны, доктор Джервис?

Рубен в тот момент беседовал с Торндайком, но, заметив меня, сразу приблизился и протянул мне руку с теплотой, которая показалась мне очень трогательной. Он словно постарел с тех пор, как я видел его в последний раз, похудел и побледнел, однако держался невозмутимо и переносил свою беду с присущим ему достоинством, видимо, врожденным.

– Кэб ожидает у входа, сэ, – доложил клерк.

– Кэб? – с сомнением повторил мистер Лоули, бросая на меня косой взгляд. – Боюсь, нам требуется омнибус.

– Доктор Джервис и я можем пройти пешком, – предложил Уолтер Хорнби. – Не удивлюсь, если мы окажемся на месте еще раньше вас, ну а чуть опоздаем – вы нас подождете.

– Ладно, – кивнул солиситор, – так и поступим.

Мы вышли на улицу, где вблизи тротуара стояла извозчичья карета. Когда все уселись, Торндайк на миг задержался, шепнул мне:

– Не позволяйте ему ничего из вас вытянуть, – и, даже не взглянув на меня, сел в кэб и захлопнул дверцу.

Две-три минуты мы с Уолтером Хорнби шли рядом, но словно незнакомые люди, потом он нарушил затянувшееся молчание:

– Какое необычное дело! Я, признаться, не могу нащупать в нем ни головы, ни хвоста.

– Вы о чем? – удивленно покосился я на него.

– О том, что, как ни пытайся логически выстроить картину происшедшего, неизбежно запутываешься в противоречиях. Посудите сами: Рубен, по-моему, честнейший человек, якобы совершил крупную, подлую и ничем не обоснованную кражу. Он не богат, но и не беден, материально не стеснен и ни в коей мере не алчен. В то же время обнаружен отпечаток большого пальца, который, по мнению экспертов, подтверждает, что Рубен – вор. Лично меня это сбивает с толку, обескураживает. А вас?

– Согласен с вами, – кивнул я, – случай загадочный.

– Но у вас есть какие-то объяснения? – нетерпеливо спросил мой собеседник, даже не пытаясь скрыть любопытство.

– Нет, мы в тупике, – развел я руками. – Рубен, как вы правильно говорите, не похож на грабителя, мотивов для воровства у него нет, следовательно, это дело непостижимо.

– Ну да, – вздохнул мистер Уолтер, разочарованный моим вялым ответом, и, немного помолчав, тревожно добавил: – Но как выпутаться из

создавшегося положения? У нас вся семья страдает. Нам не наплевать на судьбу Рубена – он наш родной человек.

– Понимаю и сочувствую, – заверил я, – однако разбираюсь в этом вопросе не лучше вас, а что касается доктора Торндайка, который пытается выстроить линию защиты вашего кузена, то мой коллега вряд ли посвятит вас в свои замыслы – такой у него принцип, к тому же любые выводы пока преждевременны.

– Я это уже понял со слов Джульет, – проворчал он, – но полагал, что у вас имеется хотя бы общая стратегия, вы ведь трудились в лаборатории, проводили фотосъемки, исследовали отпечатки через микроскоп...

– В лаборатории я до вчерашнего вечера, когда доктор пригласил меня туда вместе с вашей тетей и мисс Гибсон, ни разу не был. Все работы там выполняет ассистент, в чьи обязанности входит не размышлять и анализировать, а проводить технические опыты; его знания о делах клиентов доктора Торндайка так же «обширны», как у типографа о книгах, которые он штампует на печатном станке. Нет, мистер Уолтер, вы напрасно стараетесь: Торндайк – человек, привыкший играть в одиночку, без команды, и никто не поможет вам узнать его карты, пока он сам не выложит их на стол.

Мой спутник замолчал, обдумывая мои слова, а я поздравил себя с тем, что так искусно отразил довольно неприятную психологическую атаку. Я и не подозревал, что совсем скоро мне придется горько пожалеть о том, что я держался с такой прямоотой и выражался столь недвусмысленно.

– Состояние моего дяди, – промолвил Уолтер после долгой паузы, – в настоящий момент и так не ахти, а теперь к прочим неприятностям добавился и этот злосчастный инцидент.

– Неужели ваш дядя испытывает трудности? – изобразил я изумление на лице.

– А разве вы не слышали? Это ни для кого не секрет, потому что касается общественной собственности. Его финансовые дела несколько запутались; во всяком случае, они идут не так, как раньше. Но мой дядя – замечательный предприниматель, я верю, что он прорвется и выйдет победителем. Видите ли, нелегко управлять инвестициями, или вам больше нравится слово «спекуляции»? Дядя потерял на рудниках немалую часть капитала; это ведь только со стороны кажется, что все просто, что мистер Хорнби держит руку на пульсе и никакие кризисы ему не страшны. В действительности бизнес дяди подвержен типичным рискам, и сейчас он не может удержать капиталовложения на прежнем уровне, а если не вкладывать деньги, то быстро разоришься. Вы меня понимаете? А тут еще

эти чертовы бриллианты! Дядя добровольно хранил их у себя и формально не несет ответственности, но драгоценности украдены из его сейфа, значит, он все-таки виноват перед законом? Сейчас юристы пытаются разобраться в этих хитросплетениях, а завтра состоится собрание кредиторов.

– Ваши прогнозы?

– Надеюсь, дядю пока оставят в покое; если же его обяжут возместить стоимость алмазов, ему придется, как он выражается, по удару бича прыгать через горящий обруч, словно льву в цирке.

– А какова стоимость бриллиантов, похищенных из сейфа?

– От двадцати пяти до тридцати тысяч фунтов.

– Ого! – присвистнул я и едва успел подумать: «Интересно, Торндайку известен масштаб кражи? Дело-то, оказывается, куда крупнее, чем мы себе представляли», – как попутчик прервал мои размышления, указал на здание магистрата и произнес:

– Мы добрались, а юристы, наверное, уже внутри.

Констебль у ворот подтвердил, что господа адвокаты приехали, и объяснил, как попасть в зал. Мы двинулись по коридору, прокладывая себе дорогу через толпу зевак, и, едва успели занять места перед скамьей солиситоров, как началось слушание. Обстановка, царившая на заседании, подействовала на меня самым угнетающим образом. Мне пришло в голову, что если против какого-либо человека, кем бы он ни был, уже пущена в ход неумолимая судебная машина, ему несдобровать, даже если он чист и невинен, как младенец, и ни разу в жизни не обидел даже муху.

Судья магистрата, бесстрастный и черствый, как сухарь, обмакнул перо в чернильницу и сделал в пухлой книге пометку о том, что в освобождении под залог Рубену Хорнби отказано, после чего молодого человека препроводили на скамью подсудимых и зачитали ему обвинение. Юрисконсульт со стороны обвинения держался, словно судебный пристав, явившийся описывать собственность должника; резюмируя дело, он всем своим видом показывал, что факты, свидетельствующие против Рубена Хорнби, настолько очевидны и неоспоримы, что даже нелепо поднимать вопрос: виновен или невинен?

Едва прозвучало определение «виновен», вызвали двоих свидетелей. Когда назвали имя первого – Джон Хорнби, – я вздрогнул и с любопытством уставился на скамью свидетелей, потому что прежде ни разу не встречал этого господина. За конторку прошел пожилой человек, высокий, румяный, не по возрасту бодрый, но на лице его читалась тревога, а по резким поворотам головы и нервным движениям рук легко было догадаться, что мистер Хорнби, в отличие от своего племянника,

невозмутимо сидевшего на позорной скамье, находится в полном смятении. Тем не менее он дал связные показания, перечислив цепочку событий, относящихся к исчезновению алмазов, причем он употреблял почти те же выражения, что и мистер Лоули, от которого мы с Торндайком впервые услышали об этой краже. Племянника мистер Хорнби охарактеризовал самым положительным образом и заявил, что не верит в его причастность к преступлению.

После этого пригласили мистера Синглтона, нашего знакомого из Скотланд-Ярда, руководителя отдела дактилоскопической экспертизы. Я с огромным вниманием выслушал его показания. Он продемонстрировал две бумаги: на одной из них, найденной в сейфе мистера Хорнби, мы увидели кровавый отпечаток большого пальца неизвестного человека, а другая содержала отпечаток большого пальца обвиняемого, снятый полицейскими экспертами.

– Эти два оттиска, – провозгласил мистер Синглтон, – абсолютно тождественны во всех отношениях.

– Вы утверждаете, что отпечаток на листе бумаги, обнаруженном в сейфе мистера Джона Хорнби, оставлен левым большим пальцем Рубена Хорнби? – уточнил судья магистрата.

– Да, я уверен в этом. Ошибка исключена, ваша честь. Результат несомненен.

Судья вопросительно посмотрел на мистера Энсти. Барристер встал и с места заявил:

– Мы откладываем защиту, ваша честь.

Не шевельнув бровью, «сухарь» хладнокровно передал заключенного в руки центрального уголовного суда, и, когда Рубена вывели из зала, началось рассмотрение следующего дела.

По особому ходатайству, удовлетворенному властями, Рубену разрешили отправиться в Холлоуэйскую тюрьму в экипаже, чтобы избежать отвратительного, кишящего насекомыми тюремного фургона, и, пока молодой человек ждал кэб, его родственникам и друзьям позволили попрощаться с ним.

– На вас обрушилось тяжкое испытание, мистер Хорнби, крепитесь, – сказал Торндайк Рубену, когда мы втроем на несколько мгновений остались одни. – Не падайте духом; я убежден в вашей невиновности, и у меня есть серьезная надежда убедить в этом весь мир, но пока эта информация только для ваших ушей, никому ни слова, потерпите немного, – добавил мой коллега с сердечным участием, которого обычно избегал, общаясь с клиентами.

Рубен так расчувствовался, что чуть не заплакал и не смог произнести ничего членораздельного, – видимо, он слишком долго сдерживался, и его самообладание истощилось. Справившись с нервами, Торндайк крепко пожал юноше руку и увлек меня прочь.

– Как бы мне хотелось избавить беднягу от этой волокиты, а особенно от унижения быть заключенным в тюрьму! – с горечью воскликнул Торндайк, когда мы шли по улице.

– Нет никакого унижения, – ответил я, правда, без особой убежденности. – Его виновность не доказана, то есть в глазах закона он не преступник. Оклеветать ведь можно кого угодно, даже самых достойных людей.

– Дорогой Джервис, вы, как и я, знаете, что это только казуистика, – возразил мой ученый друг. – Закон декларирует, что неосужденный человек невиновен, но как с ним обращаются? Судья магистрата ни разу не назвал его *мистером Хорнби*, вы заметили? А что его ждет в тюрьме? Им будут командовать тупые надзиратели, на его одежду прикрепят ярлык с номером, его запрут в камере, где в дверь вставлен глазок, через который любой проходящий мимо тип, если захочет, может понаблюдать за арестантом; еду заключенному подадут в грязной жестянке с погнутой ложкой, периодически его будут выгонять из камеры, выводить во двор и заставлять ходить по кругу в толпе, в основном состоящей из отбросов лондонских трущоб и клоак. Даже если его оправдают, он выйдет на свободу без малейшей компенсации за моральный ущерб и даже без извинений за те неудобства, оскорбления и убытки, которые ему придется вынести в результате ареста.

– Да, вы правы, зло неизбежно.

– Я убежден в том, что презумпция невиновности – чистая фикция; с момента ареста с обвиняемым обращаются, как с преступником. Ладно, – махнул рукой Торндайк, подзывая проезжавший мимо кэб, – дискуссию придется прервать, иначе я опоздаю в больницу. Чем вы собираетесь заняться?

– После ланча хочу поговорить с мисс Гибсон, чтобы посвятить ее в нынешнюю ситуацию.

– Не переусердствуйте, Джервис, бедная девушка и так расстроится от столь неутешительных новостей. Мне предлагали рассматривать дело Хорнби в полицейском суде, но Рубена это не спасло бы. Его все равно взяли бы под стражу, но тогда нам пришлось бы сразу выложить перед стороной обвинения все свои карты. Между тем, отсрочка нам не повредит...

Он вскочил в кэб и велел кучеру трогаться, а я вернулся в магистрат узнать, можно ли навестить заключенного в Холлоуэйской тюрьме и что для этого необходимо. В дверях я столкнулся с инспектором из Скотланд-Ярда, который вежливо ответил на все мои вопросы, после чего я отправился в Сохо посидеть в уютном французском ресторанчике.

Глава 7

Подводные камни и зыбучие пески

Когда я приехал в дом Хорнби на Эндсли-Гарденс, мисс Гибсон находилась у себя, а ее тетя, к моей невыразимой радости, отсутствовала. Я внушал себе, что пожилая леди добра, заботлива и, во всяком случае, безвредна, но выдержать более получаса в ее обществе не мог: ее болтовня доводила меня до такого исступления, что мне хотелось отвесить ей оплеуху, хотя, как человек миролюбивый и воспитанный, я стыдился подобных мыслей.

– Рада вас видеть, я чувствовала, что вы придете, – порывисто произнесла мисс Гибсон, когда мы пожимали друг другу руки. – Вы с доктором очень сострадательны, любите людей и, самое главное, лишены профессиональной чопорности. Тетя поспешила с визитом к мистеру Лоули, как только мы получили телеграмму Уолтера.

– Сочувствую и ей, и вам... – Я едва не добавил «и Уолтеру», но проблеск здравого смысла удержал меня. – Мистер Лоули, солиситор, держался на процессе довольно сдержанно, в основном помалкивал.

– Мне он не нравится. Он посоветовал Рубену признать себя виновным. Вам не кажется это дерзостью?

– Разделяю ваше мнение, и не я один: Лоули получил заслуженный нагоняй от Торндайка.

– Так ему и надо! – разгорячилась мисс Гибсон. – Расскажите подробнее, что стряслось. Уолтер пишет, дело передано в суд высшей инстанции. Что это означает? Состоится новое заседание? Почему? Защита потерпела неудачу? И где сейчас Рубен?

– Защита отложена. Доктор Торндайк заранее предвидел, что суд первой инстанции признает Рубена виновным, поэтому решил держать сторону обвинения в неведении относительно линии защиты. Если бы полиция пронюхала, что собираются предпринять адвокаты, то быстро изменила бы свою тактику.

– Понятно, – вздохнула девушка, – и весьма печально. Я надеялась, доктору Торндайку удастся выиграть дело. Что произошло с Рубеном?

Я заранее боялся этого вопроса и, чтобы ответить на него, откашлялся и уперся взглядом в пол:

– Магистрат отказал выпустить обвиняемого под залог, и Рубена взяли под стражу.

– Что?! – воскликнула она, бледнея как полотно. – Его посадили в тюрьму?

– Не как осужденного. Он арестован до суда. Временно задержан.

– Но он в камере?

– Да, в Холлоуэйском каземате.

Несколько секунд она смотрела на меня безмолвно, с каменным выражением лица и расширенными зрачками, затем у нее перехватило дыхание, она отвернулась и, вцепившись в край каминной полки, опустила голову на руку и разразилась рыданиями.

Я не считаю себя сентиментальным и импульсивным, но при виде бескорыстного горя этой сильной и смелой девушки, очевидно, глубоко преданной Рубену Хорнби, растрогался бы, наверное, и камень, и деревянный истукан. Я сел с ней рядом, мягко взял ее за руку и бессвязно пробормотал хриплым голосом слова утешения. Через несколько минут она пришла в себя и высвободила руку.

– Простите, что причинила вам неудобство, – прошептала она. – Мне жаль, что я утратила самоконтроль и впала в уныние. Просто я вбила себе в голову, что вы – самый лучший друг, мой... и Рубена.

– Так и есть, дорогая мисс Гибсон, – промолвил я. – И мистер Торндайк, мой коллега, тоже друг – ваш и Рубена.

– Конечно, – сквозь слезы закивала она, – но я не готовилась к такому повороту событий, я искренне верила в доктора Торндайка, а теперь сложилась ужасная ситуация, и меня мучают дикие мысли о том, что будет дальше. До сих пор происходящее казалось мне кошмаром, но ненастоящим, а словно в страшном сне. Я думала, что проснусь – и все пройдет, рассеется. Однако Рубен в тюрьме, и это не сон, а явь, вот почему страх парализовал мои мысли и чувства. Бедный мальчик! Что с ним станет? Ради бога, доктор Джервис, скажите прямо: он погибнет? Почему? Ведь он ни в чем не виноват!

Что мне было ответить? Я слышал, как Торндайк ободрял Рубена, и знал своего друга настолько хорошо, что ни разу не усомнился в его словах. Если он обещал спасти юношу, значит, спасет. Но мисс Гибсон я не мог сообщить об этом и сначала ограничился тем, что попытался ее успокоить, однако в итоге сдался.

– Вам нельзя так тревожиться, – погладил я ее по руке. – Доктор Торндайк уверен в невиновности Рубена и надеется доказать ее всему свету. Но это строжайший секрет, я и так слишком разоткровенничался с вами, – договорил я, ощущая укор совести.

– Боже мой, – всхлипнула она, – не беспокойтесь, все останется между

нами. Благодарю от всего сердца.

– Что до нынешней неудачи, – продолжал я, – не позволяйте ей вырвать почву у вас из-под ног. Попробуйте думать о ней как о хирургической операции, которая сама по себе неприятна, но проводится ради спасения жизни больного. Ее нужно вытерпеть, чтобы не лечь в могилу.

– Вы правы, мне нужно совладать с нервами. Я изо всех сил стараюсь следовать вашим советам, но едва подумаю, как Рубен, утонченный юноша, любитель искусства, шагает в одной толпе с мерзкими ворами и злодеями-убийцами, как он мечется по зловонной камере, словно дикий зверь в клетке, я теряю рассудок. Господи, какое оскорбление! Рубен унижен и растоптан. За что ему такой позор?

– Нет никакого позора для человека, невольно ставшего жертвой судебной ошибки, – сказал я, правда, не слишком убедительно, ибо вспомнил слова Торндайка насчет того, что презумпция невиновности – фикция; тем не менее я добавил: – Рубена оправдают, и он вернет себе прежнее положение и незапятнанную репутацию, а все, что ему придется пережить, будет вспоминаться как временное неудобство. Досадный курьез, только и всего.

Джульет вытерла слезы и решительно убрала носовой платок в ящик стола:

– Спасибо, что вернули мне мужество и прогнали страх. Я не в состоянии выразить, как ценю вашу доброту. Отныне обещаю быть храброй и терпеливой и полностью доверять вам.

Она произнесла эти слова так мягко и женственно, с такой трогательной улыбкой, что меня охватило непреодолимое желание взять ее за руку, однако я приказал себе держаться скромнее:

– Я рад, что хотя бы чуть-чуть ободрил вас, но не я играю в нашем деле первую скрипку. Окончательное спасение зависит от доктора Торндайка.

– Не спорю, но ценю вас не меньше, чем его, хотя бы за то, что вы пришли поддержать меня в столь нелегкий час, а мы, женщины, существа слабые, инстинктивно тянемся к тем, кто всегда рядом и на чье плечо можно опереться. Вы и сами знаете это из опыта. Ой, кажется, я слышу голос тети; думаю, вам лучше ускользнуть, пока путь к отступлению еще не отрезан. Но прежде чем вы уйдете, ответьте, как и когда я могу увидеть Рубена? Мне надо навестить его. Бедный юноша! Нельзя, чтоб он хоть на секунду почувствовал, будто друзья отвернулись от него в беде.

– Отправляйтесь к нему хоть завтра, – ответил я и, презрев всякую

осторожность, опрометчиво выпалил: – Я и сам не прочь проведать его, и доктор Торндайк тоже.

– Вы позволите мне заехать за вами в Темпл? Я вам не помешаю? Как-то неловко идти в тюрьму одной.

– Не переживайте. Если вы позвоните мне, мы посетим Холлоуэй вместе. Вы твердо решили? Путешествие не из приятных...

– Еще бы! Никаких колебаний. Когда я должна прибыть в Темпл?

– Желательно около двух часов.

– Ладно, постараюсь не опоздать, но вам пора, иначе вас заметит тетя и заарканит своим длинным языком. – Джульет мягко подтолкнула меня к порогу и, отнимая руку, сказала: – Я вам безмерно благодарна. До свидания.

Дверь захлопнулась, и я остался один на улице, над которой кружились желтоватые завитки тумана. Когда я вошел в дом Хорнби, было еще светло и ясно, а теперь небо потонуло в бледной серости, свет быстро угасал, здания в тусклых, призрачных сумерках казались вдвое ниже, чем наяву. Я энергично зашагал по тротуару, пытаясь на ходу обдумывать создавшееся положение. Мой взбудораженный мозг плохо подчинялся мне, и я с трудом заставлял себя сосредоточиться на тех вопросах, которые касались меня лично, а также перспектив расследования дела об ограблении.

Прежде всего, я спросил себя: какие отношения сложились между мной и Джульет Гибсон? Каково мое положение? Что до девушки, с ней все понятно: она влюблена в Рубена Хорнби. А в чем заключается моя роль? Кто я такой? Джульет считает меня хорошим другом, потому что я – его друг. Но ценен ли я для нее сам по себе? От меня не укрылось, что я начал вызывать у нее интерес, не суливший для моего душевного равновесия ничего хорошего. Но разве я мог сопротивляться? Я еще никогда не встречал леди, которая так всеобъемлюще воплощала бы мой идеал женщины. К чему кривить душой? Мисс Гибсон очаровала, обворожила меня. Ее внутренняя сила, чувство собственного достоинства, женственная мягкость в сочетании с твердостью характера, не говоря уже о красоте и уме, снабдили ее всем необходимым, чтобы покорить, всецело подчинить меня. Я попал в сети ее обаяния, однако прекрасно понимал: придет время, и мисс Гибсон перестанет нуждаться во мне, и тогда мне придется вырвать ее из своего сердца, что наверняка причинит сильную боль.

Поступал ли я как человек чести? Сам себе я ответил «да», ибо добросовестно выполнял свой долг и едва ли мог действовать лучше. Вдобавок я не рисковал ничьим счастьем, кроме своего собственного, а

человек вправе поступать с ним так, как хочет. Нет, даже доктор Торндайк с его проницательностью не упрекнул бы меня в каких-либо корыстных намерениях.

Если относительно мисс Гибсон все более-менее вставало на свои места, то с Рубеном Хорнби я совсем запутался. Торндайк надеялся спасти его и вызволить из тюрьмы, но как? В чем заключалась тайная теория моего ученого друга? Всю дорогу, продираясь сквозь сгущавшийся туман, я мучительно размышлял об этом, пропуская свои мысли сквозь фильтр вновь открывшихся обстоятельств, но в голове у меня царил полнейший сумбур. В сейфе нашли красный отпечаток большого пальца, – рассуждал я, стараясь пока отвлечься от всего прочего. – Что это означает? Только одно: неопровержимую улику, свидетельство того, что кражу совершил Рубен Хорнби, потому что отпечаток принадлежит ему. Для меня это было так же очевидно, как и для судьи магистрата, и для специалистов Скотланд-Ярда – в общем, для всех, кроме Торндайка. Я заставил себя вновь просеять все вероятные версии преступления, и внезапно меня осенила мысль, которая еще совсем недавно показалась бы мне неприемлемой.

Что, если алмазы украл сам Джон Хорнби? Уолтер сказал, что дела его дядюшки в последнее время шли плоховато, его предприятию грозит крах, и тучи сгущались с каждым днем. Отпечаток пальца найден на листке, который Джон Хорнби якобы вырвал из своей записной книжки. Но кто видел, как он вырывал его? Кто подтвердит этот факт? Он базируется только на словах владельца сейфа. Вдруг отпечаток оставлен Рубеном еще давно, случайно и совсем при иных обстоятельствах, но юноша об этом забыл, не заметил, не придал значения? Мистер Хорнби ведь наверняка видел пальцеграф с отпечатками Рубена и других знакомых своей жены и сообразил, насколько эти оттиски важны для установления личности. Он мог на всякий случай припрятать лист бумаги с отпечатком Рубена, а когда решился на кражу – поставить на листе дату и положить его в сейф, чтобы отвести от себя подозрения. Все эти манипуляции я считал отвратительными и несовместимыми с кодексом чести, а Джон Хорнби, по крайней мере внешне, внушал мне доверие и казался порядочным. И все-таки полностью отвергать свою версию я не стал, учитывая, что порой безвыходное положение толкает людей на мерзкие поступки.

Я был так возбужден и воодушевлен своей прозорливостью, что чуть не уверовал, будто раскрыл преступление, и мечтал поскорее добраться до дома, чтобы поделиться с Торндайком своими догадками и увидеть, какое впечатление они на него произведут. Но когда я достиг центра города, туман стал таким плотным, что мне пришлось переключить все свое

внимание на дорогу, чтобы не попасть под лошадь; странный, обманчивый вид, который туман придавал знакомым объектам, и исчезновение ориентиров сделали мое продвижение столь медленным, что лишь после шести часов я наконец спустился по Миддл-Темпл-лейн и через Краун-Оффис-роу добрался до квартиры своего коллеги. У парадной двери я заметил Полтона, который тревожно вглядывался в толщу желтоватых испарений.

– Доктор задерживается, сэр, – обронил он. – Все из-за тумана. Он, наверное, слишком густой.

Замечу попутно, что Полтон называл своего хозяина доктором, причисляя его, таким образом, к высшему рангу разумных созданий. Для обозначения прочих, невысоко оцениваемых им существ он употреблял их фамилии, порой даже не прибегая к слову «мистер» и ограничиваясь суховатым «сэр».

– Да, вы правы, – кивнул я. – На Стрэнде туман ужасный.

Я мечтал поскорее зайти в квартиру в предвкушении отдыха и наслаждения домашним уютом после скитаний по мрачным лондонским улицам. Бросив еще один напряженный взгляд в темноту, Полтон последовал за мной.

– Подать чаю, сэр? – спросил он, отпирая внутреннюю дверь, хотя теперь у меня был свой ключ. Я кивнул, и он с рассеянным видом принялся хлопотать на кухне. – Доктор обещал быть в пять, – сказал он, ставя на стол поднос с чайником и чашкой.

– Увы, – ответил я, – мне жаль, что придется пить чай без него.

– Доктор – замечательно пунктуальный человек, сэр, – заявил Полтон. – Как правило, он действует с точностью до минуты.

– Но лондонский туман – объективная причина для опоздания, – возразил я, потому что хотел остаться один и спокойно обдумать дела, а суетливость Полтона, особенно когда он выполнял обязанности горничной, раздражала меня.

Очевидно, он прочел мои мысли и уловил мое душевное состояние, ибо моментально покинул дом и выскочил на порог высматривать доктора. Минут через пять он вернулся забрать чайный прибор, а чуть позже, задремав в кресле, я услышал, как он снует туда-сюда, то поднимаясь, то спускаясь по лестнице, и мне, глядя на него, тоже стало тревожно.

Глава 8

Несчастный случай

Часы на башне Темпла пробили четверть седьмого, «коллега» с каминной полки в квартире моего друга негромко поддержал своего большого собрата, а доктора Торндайка все не было. Я задумался, впервые заподозрив неладное, ведь доктор и впрямь воплощал собой пунктуальность, более того, в его профессии неаккуратность обходилась слишком дорого. Где же он? Я сгорал от нетерпения выложить ему все свои новости и догадки, но вместо этого видел лишь Полтона, который метался по дому, с каждой минутой усиливая общую нервозность. Мне уже было не до отдыха, я поднялся из кресла и взглянул в окно на фонарь внизу, мерцавший сквозь туман красноватым светом, потом, распахнув дверь, вышел на лестничную площадку и прислушался.

Полтон, кажется, скрылся в лаборатории, но вскоре опять появился на лестнице, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. Я решил затвориться у себя в комнате, как вдруг до моего слуха долетел звонок хэнсомского кэба, приближавшегося со стороны Пэйпер-Билдингс. Кэб остановился напротив дома. Полтон с быстротой арлекина скатился вниз по ступенькам, и через несколько секунд из холла донесся его голос:

– Доктор, вам не очень больно?

Я сбежал по лестнице и увидел Торндайка, который медленно входил в дом, правой рукой опираясь о плечо Полтона. Одежда моего друга была в грязи, левая рука – на перевязи, а черная косынка под шляпой, очевидно, скрывала бинт.

– Мне совсем не больно, – весело отозвался мой коллега, – но стыдно предстать перед вами в таком неопрятном виде. Упал в грязь, понимаете, вот досада! – добавил он, заметив мое испуганное лицо. – Вода, платяная щетка и сытный обед – вот от чего я сейчас не отказался бы.

Я с беспокойством уставился на него: выглядел он бледным и измученным, словно пережил какое-то потрясение, в кресло опустился с трудом, будто вконец ослабел и не чувствовал под собой ног от усталости.

– Что стряслось? – спросил я, когда Полтон удалился, чтобы принести воду, щетку и приготовить еду.

Торндайк огляделся по сторонам, точно остерегался посторонних свидетелей, и сказал:

– Весьма необычное приключение, Джервис. Я пробирался очень

осторожно, буквально ощупью прокладывая себе путь и стараясь уберечься от жирной, скользкой грязи. Едва я достиг подножия Лондонского моста, как услышал шум повозки с тяжелым грузом. Она спускалась под уклон, причем довольно быстро, если учесть, что висел сплошной туман и видимость не превышала дюжины ярдов. Я, разумеется, остановился на краю тротуара, чтобы пропустить повозку. Но едва лошади выступили из пелены тумана, сзади замаячил силуэт человека, который – вот что странно! – внезапно всем телом подался в мою сторону. Секунда – и я запнулся о его ногу, растянувшись на мостовой прямо перед повозкой. Лошади надвигались на меня, и, прежде чем я успел отползти в сторону, копыто одной из них наступило на мою шляпу, раздавило ее – это новая шляпа, я ее недавно купил – и наполовину оглушило меня. Вслед за тем переднее колесо повозки ударило меня по голове, поранив мне лицо и прищемив рукав, отчего я не сумел вовремя выпростать руку, с которой, как потом обнаружилось, содрана кожа. Повозка прогрохотала в опасной близости, Джервис: еще дюйм-два, и меня расплющило бы, как морскую звезду, понимаете?

– Чего тут непонятного? – воскликнул я. – Но что это за тип? Вы запомнили его лицо или хоть что-нибудь?

– Будете смеяться, но ровным счетом ничего. Субъект мгновенно дал стрекача и растворился в тумане.

– Как же вы поднялись с земли?

– Какая-то женщина, с виду подвыпившая, потянула меня за рукав и помогла встать; я, опираясь на свою спасительницу в лохмотьях, побрел назад в больницу. По-моему, выглядело это не так трогательно, как комично, – усмехнулся он.

– Вас некоторое время продержали в больнице, чтобы оказать помощь?

– Да, я немного посидел в приемной, затем старый Лэнгдейл настоял, чтобы я на часок прилег: вдруг выявятся симптомы сотрясения мозга? Но ничего такого, к счастью, не оказалось: я был лишь напуган и смущен, да и то самую малость. В общем, я жив и здоров, но происшествие не выходит у меня из головы.

– Меня больше всего настораживает мерзавец, который вас толкнул.

– Да, ума не приложу, как я запнулся за его ногу?

– Вы полагаете, он действовал непреднамеренно? Что с его стороны не было никакого злого умысла?

– Нет, я ни в чем не уверен, – уклончиво ответил Торндайк, но я не успел добиться от него объяснения, поскольку в этот момент вошел Полтон, и мой друг сменил тему.

После обеда я подробно изложил свой разговор с Уолтером Хорнби, с любопытством наблюдая за лицом Торндайка, чтобы определить, как он отреагирует на новую информацию. Результат меня удовлетворил: мой коллега весьма заинтересовался нашим с Уолтером диалогом и задал мне много вопросов, но не выказал ни возбуждения, ни тревоги.

– Итак, Джон Хорнби занялся рудниками, – задумчиво произнес Торндайк, дослушав меня. – Рискованное предприятие, особенно в его возрасте. С его солидным опытом надо быть осторожнее. Вы не узнали, как давно начались его трудности?

– Нет, но непредвиденными их не назовешь.

– Согласен, – кивнул мой коллега. – Внезапный кризис часто настигает того, кто регулярно играет на фондовой бирже и покрывает разницу за большое количество неоплаченных фондов. Но здесь ситуация выглядит так, будто Хорнби покупал эти рудники и рассчитывался за них, относясь к ним скорее как к вложениям, а не как к спекуляциям; в противном случае обесценивание рудников не затронуло бы его бизнес. Таковы мои догадки, но надо бы получить точные сведения.

– Они действительно важны для раскрытия дела об ограблении сейфа?

– Еще бы! – воодушевился Торндайк. – Это привнесет множество нюансов в наше расследование. У вас, мой ученый собрат, появились какие-то определенные идеи?

– Я рассуждаю так: если трудности возрастали постепенно в течение некоторого времени, то рано или поздно, скажем, к моменту кражи, они приняли острую форму.

– Мне нравится ваше суждение, оно взвешенно и разумно, – похвалил меня коллега. – Но каково, по-вашему, значение этих осложнений?

– Допустим, – оживился я, чувствуя себя увереннее, – что незадолго до ограбления дела мистера Хорнби пошли из рук вон плохо, и тогда, на мой взгляд, вырисовывается гипотеза о личности вора.

– Вот как? – привстал Торндайк, устремив на меня пронизывающий взгляд. – В чем же она заключается?

– Она, то есть моя версия, довольно невероятна, – застенчиво начал я, сильно волнуясь, потому что излагал свои, как мне казалось, ученические соображения признанному мэтру дедуктивного метода. – В общем, она почти фантастична.

– Никогда не обращайтесь на это внимания, – махнул он рукой. – Настоящий мыслитель дает равные шансы вероятному и невероятному.

Ободренный, я слегка сумбурно поведал Торндайку свою теорию преступления в том виде, как она родилась у меня в голове, пока я брел по

туманным лондонским улицам. Торндайк слушал внимательно, изредка кивая, словно одобряя каждый из моих пунктов. Когда я закончил, он некоторое время молчал, задумчиво глядя на огонь в камине и, очевидно, размышляя о том, насколько моя гипотеза и вновь открывшиеся факты соответствуют прежним данным. Не отрывая взора от красных угольков, он наконец произнес:

– Ваша версия, Джервис, делает честь вашей изобретательности. Мы смело пренебрежем ее невероятностью, учитывая, что альтернативные теории почти столь же неправдоподобны. Что меня по-настоящему радует, так это ваша одаренность научным воображением, позволяющим реконструировать ход событий. Невероятность теории в сочетании с ее возможностью – большое достижение, поскольку даже заурядный ум способен понять очевидное, например, важность отпечатка пальца. Вы провели серьезную мыслительную работу, и я поздравляю вас, потому что вы до некоторой степени освободились от гипноза отпечатка пальца, который подчинил себе коллективное юридическое сознание, с тех пор как Гальтон опубликовал свою эпохальную монографию. В той работе, насколько я помню, он пишет, что отпечаток пальца есть свидетельство, не нуждающееся в доказательствах. Я уважаю Гальтона как специалиста, но, к сожалению, за его постулат, кстати, опасный и небесспорный, а порой и вовсе вводящий в заблуждение, горячо ухватилась полиция. Она, естественно, обрадовалась, заполучив что-то вроде палочки-выручалочки, облегчающей процесс расследования. Однако ни единый отдельно взятый факт нельзя считать истиной, пока он не подтвержден практикой. Это все равно, как строить силлогизм на основе одной посылки.

– Ну, не знаю, – пожал я плечами. – Вряд ли мистеры Хорнби вообще думали о силлогизмах.

– А по-моему, силлогизм, который они выстроили, таков: в преступлении виновен имярек, оставивший отпечаток пальца. Допустим, Джон Смит – человек, которому принадлежит отпечаток пальца на листе бумаги, найденном в сейфе. Вывод: грабитель – Джон Смит.

– Непротиворечиво, и что дальше?

– Как что? – удивился Торндайк. – Этот силлогизм побуждает нас задаться вопросом: совершил ли кражу субъект, то есть Джон Смит, оставивший данный отпечаток? Требуется доказательство.

– Это заставляет расследовать дело без опоры на отпечаток пальца, который в результате теряет всякую важность.

– Во все нет, – возразил Торндайк, – отпечаток пальца – ценнейшая улика, если не преувеличивать ее значение как свидетельства. Возьмем наш

случай. Без отпечатка большого пальца украсть алмазы из сейфа мог кто угодно, другой улики нет. Но наличие оттиска сразу сужает круг подозреваемых до Рубена Хорнби и некоего лица, имевшего доступ к отпечаткам пальцев нашего клиента.

– Теперь понимаю. Так вы рассматриваете мою версию о злоумышленнике Джоне Хорнби как достаточно здравую?

– Она, безусловно, имеет право на жизнь, – заверил Торндайк. – Прежде всего, она оригинальна; во-вторых, новые факты, которые вы собрали, повышают степень ее правдоподобности. Помните, я выдвинул четыре гипотезы? Кража совершена либо Рубеном, либо Уолтером, либо Джоном Хорнби, либо каким-то другим человеком. Но *какого-то другого человека* лучше приберечь на случай, если три первые кандидатуры не подойдут, а пока мы остаемся с Рубеном, Уолтером и Джоном. И если хоть на миг усомниться в отпечатке пальца, то наиболее вероятным подозреваемым сразу становится кто? Правильно, Джон Хорнби, поскольку он, по общему признанию, имел доступ к бриллиантам, а был ли таковой у кого-либо еще – история умалчивает. Конечно, отпечаток пальца направляет подозрения на Рубена, но это, как показывает ваша теория, вовсе не обеляет Джона Хорнби. Напротив, в настоящий момент мне видится баланс вероятностей: Джон Хорнби владел ключами от сейфа с алмазами, значит, мог украсть их. Но предположим, что некое другое лицо, тоже обладавшее ключами, открыло сейф уже после того, как Джон Хорнби ушел, подсунуло туда лист с отпечатком пальца Рубена, заперло тайник и удалилось восвояси. Тогда это неизвестное нам лицо и есть вор.

Резюмирую: отпечаток пальца принадлежит Рубену Хорнби, и данный факт с высокой убедительностью указывает на нашего клиента как на похитителя бриллиантов. Однако нет свидетельств, что Рубен имел доступ к камням; выходит, он не мог оставить свой отпечаток тем образом и в то время, как ему приписывает сторона обвинения. Зато дядя Джон вполне мог заполучить отпечаток пальца своего племянника еще до кражи и намеренно подбросить лист бумаги с кровавым оттиском в сейф. Какой тогда напрашивается вывод? Мистер Хорнби сам украл алмазы.

– А Уолтер Хорнби? – спохватился я. – Что вы думаете о нем?

– Он тоже при желании раздобыл бы отпечаток пальца Рубена, но мы не знаем, имел ли Уолтер доступ к сейфу с драгоценностями или к блокноту своего дяди. В общем, подозревать этого молодого человека у нас пока нет оснований.

– Понятно, – кивнул я. – Значит, теперь главное – выяснить, была ли возможность: а) у Рубена отпереть сейф; б) у его дяди, мистера Хорнби,

заранее заполучить в свою записную книжку кровавый отпечаток пальца племянника.

– Да, – подтвердил Торндайк, – эти вопросы основополагающие, хотя есть и другие, которые пока остаются без ответа. Комнату Рубена обыскала полиция и не обнаружила ни отмычки, ни дубликатов ключей. Любопытно, хотя это ничего не доказывает: парень успел бы избавиться от улики, едва услышав, что его подозревают в краже. Между прочим, Рубен не помнит, чтобы где-то оставлял кровавый отпечаток своего пальца, – я уже давно у него поинтересовался. Момент неясный.

– Принимаете ли вы в расчет ответственность Джона Хорнби за бриллианты?

– Я бы пренебрег этим обстоятельством, – ответил мой друг. – Хорнби не брал на себя никаких официальных обязательств и не допустил очевидной небрежности. По закону он невиновен.

Торндайк рано ушел спать, а я долго сидел перед камином, размышляя над запутанным делом, и чем больше думал о нем, тем неувереннее себя чувствовал. Если Торндайк не в силах предложить ни одного удовлетворительного объяснения, значит, защита обречена на провал, ведь суд вряд ли согласится с мнением адвокатов по поводу недостаточной доказательной ценности отпечатков пальцев. Зачем же Торндайк уверял Рубена, что защитит его? С какой целью выразил свою убежденность в невиновности обвиняемого? Тут что-то не состыковывалось: Торндайк никогда не бросал слов на ветер и не был настолько сентиментален, чтобы обнадеживать клиента пустыми обещаниями только из жалости. Нет, – рассудил я, – у моего коллеги что-то припрятано в рукаве, какие-то факты, ускользнувшие от моего наблюдения. Едва я добрался до этого пункта, как глаза мои стали слипаться, я вытряхнул пепел из трубки в камин и тоже отправился в постель.

Глава 9

Заклученный

На следующее утро, выйдя из своей комнаты, я увидел Полтона с подносом: наши спальни находились по соседству в мансарде над лабораторией и мастерской, – и последовал за ним к Торндайку.

– Я плоховато себя чувствую, – сказал мой друг, не вставая с постели. – Спустишь в приемную попозже, примерно к ланчу, а пока немного полежу. Удар по голове – не шутка, знаете ли. Нет-нет, со мной все в порядке, но необходимы меры предосторожности – покой и диета, – пока я не удостоверюсь, что перенес вчерашний инцидент без опасных последствий. Дорогой Джервис, вы можете мне сменить повязку на голове и отослать кое-какие письма?

Я выразил готовность сделать все, что требуется, и похвалил своего друга за здравомыслие, хотя с трудом представлял, как Торндайк, человек кипучей энергии, не привыкший терять ни одной драгоценной минуты, перенесет вынужденное бездействие. Короче говоря, я завтракал в одиночестве, а потом все утро писал и отправлял письма разным корреспондентам своего коллеги, в первую очередь тем, кто ожидал его визита. Вскоре после ланча, весьма умеренного, ибо Полтон включил меня заодно с доктором в список лиц, которым не повредит диетическое питание, мы услышали звонок хэнсомского кэба, спускавшегося со стороны Краун-Оффис-роу.

– А вот и ваша прекрасная компаньонка, – улыбнулся Торндайк, которого я уже посвятил в свой план посещения Холлоуэйской тюрьмы. – Передайте Хорнби, чтобы он ничего не боялся, а сами помните, о чем я вас предупредил. Надеюсь, вам не придется жалеть, что вы оказываете мне услуги, за которые я у вас в долгу. До свидания, не заставляйте леди ждать.

Я сбежал по лестнице и вышел на улицу в тот самый момент, когда кэбмен остановился и распахнул дверцу.

– Холлоуэй, к главному входу в тюрьму, – тотчас распорядился я, вскочив на подножку.

– Там черного входа нет, сэр, – издевательски ослабил кэбмен, но, к моей радости, говорил он негромко, и Джульет ничего не услышала.

– Вы весьма пунктуальны, мисс Гибсон, – похвалил я ее, – еще нет и половины второго.

– Да, я хочу провести с Рубеном больше времени – столько, сколько

позволительно, но при этом не мешать вашему с ним общению.

Я придирчиво оглядел свою собеседницу и тотчас заметил, что она разоделась с особой тщательностью и выглядела чересчур утонченно. Меня это не удивило, и ее наряд мне понравился, но я расстроился, потому что, во-первых, все это предназначалось не для меня, а во-вторых, я понимал, что в обстановке захудалой тюрьмы, о которой я знал не понаслышке, ибо временно состоял там сотрудником медицинской службы, такой лоск неуместен.

– Мисс Гибсон, – деликатно начал я, – считаю своей обязанностью снова спросить: вы уверены, что ваш визит в тюрьму целесообразен?

– Да, и не отговаривайте меня, это абсолютно бесполезно, – твердо заявила она, – хотя я понимаю мотив, побуждающий вас поступать именно так.

– Ладно, – кивнул я, – если вы столь непоколебимы, считаю долгом подготовить вас к суровому испытанию. Боюсь, оно вас шокирует.

– Не пугайте меня, – нахмурилась она. – Неужели все так плохо? Спокойно расскажите мне, чего опасаться и на что обратить внимание.

– В первую очередь, – сурово промолвил я, – помните, что мы едем в тюрьму, а не на бал в высший свет Лондона. Рубен Хорнби, невиновный юноша, благородный и уважаемый джентльмен, здесь редчайшее исключение. Обычные обитатели Холлоуэя – арестанты, которые несут заслуженное наказание: мужчины – профессиональные бандиты, в том числе убийцы, женщины – либо воровки, либо пособницы разбойников, либо утратившие человеческий облик алкоголички. Большинство из них сидят здесь подолгу, многие – всю жизнь; для них оказаться в тюрьме, как для путешественника – в отеле: так они странствуют по житейскому морю. При этом у каждого из них свой характер, как правило, отвратительный; все они чего-то требуют от начальства: например, снотворного, дабы успокоить расшатанные нервы, или круглосуточного электрического освещения в камере, чтобы не пугаться ночных кошмаров, которым они подвержены. Близкие и друзья, которые их навещают, – люди преимущественно того же сорта, то есть отбросы трущоб; неудивительно, что порядки в тюрьме заведены в расчете на этот контингент. Невиновный Рубен Хорнби в таком окружении – величина незначительная, и правила тюрьмы не рассчитаны ни на него, ни на его посетителей, даже на очаровательных леди.

– Нас не поведут в камеру к Рубену? – с опаской спросила мисс Гибсон и поежилась, как от холода.

– Бог с вами! Нет! – честно признался я, но решил во что бы то ни

стало убедить девушку отказаться от поездки. – Я опишу вам одну сцену, какую видел своими глазами. На меня она произвела удручающее впечатление, но судить вам. Я тогда служил тюремным врачом в центральных графствах. Однажды, совершая утренний обход, я двигался по коридору, как вдруг услышал приглушенный гул с другой стороны стены. «Что за шум?» – спросил я сопровождавшего меня тюремщика. «Арестанты свиделись со своими родными, сэр, – объяснил он. – Хотите взглянуть?» Он отпер дверь, и отдаленный звук превратился в рокочущий рев. Я оказался зажат в узком проходе, на другом конце находился тюремщик, а по бокам – многочисленные клетки с крепкими решетками. Первый ряд – для заключенных, другой – для посетителей; в каждой клетке я различил лица и руки, все в беспрестанном мелькании: лица что-то выкрикивали и гримасничали, руки жестикулировали и хватались за прутья. Шум стоял такой оглушающий, что невозможно было услышать ни одного голоса, хотя каждый арестант орал и визжал из последних сил, пытаюсь перекрыть всеобщий грохот. Кошмарные звуки слились в одну жуткую фантасмагорию, и мне стало казаться, будто дикие вопли исходят не от людей, а откуда-то сверху или снаружи. Каждое из лиц – в основном безобразных, с клеймом порока – гримасничало, кривило рот, щелкало челюстями и метало глазами искры в сторону тех, кто стоял в клетке напротив. Я, человек не робкого десятка, впал в панику, ощутив себя в самом натуральном обезьяннике, какие устраивают в зоосадах. Я боялся, что меня заставят идти по проходу и раздавать этим зверям в человеческом обличье орехи или кусочки хлеба, и тогда неистовая толпа вырвет решетки, хлынет на меня и растерзает в клочья.

– Гадкая картина, – поморщилась мисс Гибсон. – Нас тоже засунут в одну из клеток вместе с другими посетителями?

– Нет, каждая клетка поделена на ряд небольших пронумерованных боксов. Заключенного запирают в одном из них, а посетителя размещают напротив. Таким образом, они видят друг друга и разговаривают, но передачи запрещены: это необходимая мера предосторожности, о чем едва ли нужно упоминать.

– Вы меня огорчили, – вздохнула мисс Гибсон. – Для порядочных людей, случайно или по недоразумению оказавшихся в тюрьме, такие порядки неприемлемы. Тюремные власти обязаны проводить различия между заключенными.

– Мисс Гибсон, – предпринял я последнюю попытку, – почему бы вам не вернуться домой, поручив мне передать послание для Рубена? Он все поймет и даже поблагодарит меня за то, что я вас отговорил.

– Нет, – покачала она головой. – Хоть тюрьма и омерзительна, сворачивать с выбранного пути я не стану. Нельзя, чтобы Рубен подумал, будто друзья отвернулись от него из-за какого-то пустячного беспокойства. Что там за здание впереди?

Мы как раз сворачивали с Каледониэн-роуд на пригородную улицу, в конце которой возвышалось нечто вроде замка.

– Это и есть тюрьма, – пояснил я. – Сейчас мы видим ее с самого выгодного ракурса, но если посмотреть на нее сзади или изнутри, она покажется очень мрачной.

Больше мы не обменялись ни словом, пока кэбмен не высадил нас перед огромными металлическими воротами. Велев ему подождать, я нажал кнопку звонка. Тюремщик выглянул в зарешеченное окошко, быстро захлопнул его, лязгнув засовом и впустил нас на крытый двор, в противоположном конце которого высились вторые ворота; оттуда сквозь прутья виднелись внутренний двор и вход в тюрьму. Пока совершались необходимые формальности, стало понятно, что мы здесь далеко не одни, – на свидание с арестантами явилась пестрая толпа родственников и знакомых. Мисс Гибсон наблюдала за ними с любопытством и испугом, который из всех сил пыталась скрыть. Многие посетители производили неприятное впечатление: угрюмо молчали, отворачиваясь; женщины плакали; иные жаловались на несправедливость, махали руками и, брызгая слюной, что-то доказывали своим собеседникам; лишь некоторые сдерживали эмоции, скромно улыбались и даже пытались шутить.

Наконец массивные железные ворота распахнулись, и в сопровождении тюремщиков вся наша группа проследовала в так называемое крыло. Пока мы шли, я не отрывал глаз от Джульет, которая вздрагивала всем телом каждый раз, когда очередная дверь отворялась, пропускала нас вперед и, едва мы проходили, с грохотом захлопывалась.

– Мисс Гибсон, – шепнул я девушке, когда мы приблизились к цели, – можно я повидаяюсь с Рубеном первым? Мне нужно сказать ему кое-что важное, я не заставлю вас долго ждать.

– Почему вы за меня так переживаете? – спросила она с тенью подозрительности.

– Ну, – пробормотал я, – вас может немного расстроить беседа с Рубеном, я посоветовал бы вам не слишком затягивать ее, а быстрее вернуться в кэб для вашего же спокойствия, понимаете?

– Да, – опустила она глаза, – наверное, вы правы; спасибо за заботу, это так трогательно с вашей стороны.

Через минуту меня втиснули в узкий бокс вроде тех, в которых

ростовщики когда-то держали своих должников. Деревянные части бокса были захватаны бесчисленным множеством немытых пальцев, испачканы грязной провонявшей одеждой, и в клетке висел такой смрад, что я зажал нос, сунул руки в карманы и мысленно приказал себе не прикасаться ни к решетке, ни к чему-либо еще за исключением пола, на котором стоял. Со стороны входа во всю высоту была натянута плотная мелкаячеистая сетка, и лишь три фута внизу ограждались деревянной решеткой. Через нее я заметил за противоположной решеткой Рубена Хорнби, который, согнувшись в три погибели, старался меня увидеть. Я тоже, сгорбившись, присел, чтобы оказаться с ним на одном уровне. На молодом человеке был обычный повседневный костюм, пока еще довольно аккуратный, но давно не бритое лицо выглядело неопрятно, на груди висела круглая бирка с отметкой «В.31». Жалкий облик прежде достойного, а ныне униженного юноши подействовал на меня удручающе, и я горько пожалел, что уступил требованиям мисс Гибсон и привез ее в этот ад.

– Здравствуйте, доктор Джервис, спасибо, что приехали повидать меня, – произнес Рубен сердечно и, вроде бы, негромко, но я услышал его голос так отчетливо, словно до меня не доносился гам из соседних клеток. – Признаюсь, не ожидал вас. Меня уведомили, что мне разрешат свидание со своими юрисконсультами в боксе для солиситоров.

– Верно, – кивнул я, – но я тут не один, а с мисс Гибсон.

– Совсем не радостная новость, – с неодобрением покачал он головой. – Зачем Джульет явилась в сонмище подонков?

– Я всячески пытался воспрепятствовать и говорил ей, что вам это не понравится, но она настояла на своем.

– Понятно, – потупился Рубен. – Вот что самое плохое в женщинах: они готовы устроить жуткую неразбериху и принести себя в жертву там, где не нужно или никто их об этом не просит. Но я не хочу показаться неблагодарным; Джульет поступила так от души, она вообще невероятно славная девушка.

– Мало того, – подчеркнул я, слегка раздраженный его холодным, отстраненным голосом, – у мисс Гибсон благородное сердце, а ее преданность вам, мистер Хорнби, поистине героическая.

Легкая тень усмешки скользнула по его лицу, и я так рассердился, что с удовольствием схватил бы молодого зазнайку за нос, более того – проделал бы это с помощью длинных щипцов специальной конструкции, поскольку в данный момент меня и моего «обидчика» разделяла тюремная решетка.

– Да-да, – невозмутимо продолжал он, – мы с Джульет всегда были

хорошими друзьями.

Я чуть не обругал избалованного женским вниманием повесу последними словами. Неблагодарный! Что за надменный тон, когда речь идет о самой красивой и нежной женщине в мире? Но я взял себя в руки, вспомнив, что бедняга по ложному обвинению сидит в смрадной тюрьме, то есть и так жестоко наказан, а я, наслаждаясь свободой, еще позволяю себе огрызаться на него, хотя наши позиции изначально не равны. Я мысленно пристыдил себя, сделал глубокий вдох и сочувственно спросил:

– Здешние условия невыносимы для вас?

– Нет, терпимо, – глядя куда-то вбок, бросил он. – Ничего хорошего, но бывает и гораздо хуже. Я ободряю себя тем, что задержусь тут лишь на неделю или две; меня поддерживает заверение доктора Торндайка, что справедливость непременно восторжествует. Он ведь не просто так утешал меня?

– Разумеется. Он никогда не дает клиентам пустых обещаний. Как вы знаете, – деликатно кашлянул я, – у доктора нет доверенного лица, я его временный партнер по вашему делу, поэтому возьму на себя смелость сообщить, что мистер Торндайк удовлетворен тем способом защиты, который выбрал в отношении вас.

– Отлично, – оживился Рубен. – Значит, мои надежды не напрасны. В любом случае я в долгу перед ним за то, что он поддержал меня в тяжелую минуту и уверовал в мою невиновность, в то время как весь мир, за исключением тетушки и Джульет, меня осудил.

Рубен изложил мне кое-какие унылые подробности своего тюремного быта, и через четверть часа я удалился, уступив место мисс Гибсон. Она говорила с молодым человеком не так долго, как я ожидал, и по лицу девушки я понял, что она недовольна свиданием. Она пожаловалась мне на шум из соседних боксов, при котором немислима доверительная беседа, на плохую слышимость. Кроме того, ее раздражало присутствие тюремщика, который расхаживал туда-сюда по клетке и не оставлял арестанта наедине с посетителями ни на одну секунду. Мисс Гибсон вернулась из бокса крайне подавленной и какой-то рассеянной, что было ей несвойственно, и, пока мы в гнетущем молчании возвращались на тюремный двор, я думал: «Как с ней держался Рубен? Так же сухо и отчужденно, как со мной? В чем причина такого поведения? Может, он просто обижен на весь мир и никого не желает видеть? Другой вариант – он намеренно загнал свои эмоции глубоко внутрь, чтобы не утратить самообладания, тем более что девушка любила его и не скрывала своих чувств, и ее взвинченность повредила бы его душевному здоровью. Но напрашивалось и третье объяснение: глубокое

чувство существовало только со стороны Джульет, а Рубен лишь снисходительно принимал его. Что же получается? Свой бесценный дар любви она, словно бисер, метала перед... свиньей?» Подобная мысль показалась мне невыносимой, но в то же время передо мной забрезжила надежда, ибо если мужчина по-настоящему влюблен, – а я уже не мог скрывать свое состояние от себя самого, – он всегда примет сокровище, отвергнутое соперником.

Скрежещущий металлический звук вернул меня к действительности. Мы с Джульет ступили на мрачный двор и через несколько минут были выпущены через массивные ворота с зарешеченным окошком. Запор позади нас в последний раз гроыхнул, и мы одновременно испустили вздох облегчения, оказавшись за пределами тюрьмы – земного ада с засовами и решетками.

Я усадил мисс Гибсон в кэб и продиктовал кучеру ее адрес, попутно заметив, что она смотрит на меня жалобно и с затаенной тоской.

– Не оставляйте меня, – попросила она. – Вы можете поехать с нами?

– Хорошо, – охотно согласился я. – Высадите меня на Кингс-Кросс, если вас не затруднит, – проинструктировал я кэбмена, сел рядом с девушкой, и в тот момент, когда кэб тронулся с места, в тюремный двор вкатил черный мрачный фургон с новой партией несчастных.

– Рубен не слишком обрадовался мне, – тихо произнесла мисс Гибсон после долгого молчания, – но все-таки я приеду снова. Это мой долг перед ним и собой.

Я не стал ее отговаривать; мысль о том, что сама судьба дает мне шанс вновь сопровождать Джульет, ослабила мою волю. Сомнений не было: с каждым днем я терял почву под ногами и мог сорваться в пропасть страстной влюбленности.

– Благодарю вас, – продолжала она, – что вы подготовили меня. Бедные люди, запертые, как дикие звери, в клетки, страшные бирки с номерами – от этого жуткого зрелища я сошла бы с ума, если бы заранее не знала, чего ожидать.

Пока мы беседовали, мисс Гибсон немного успокоилась и воспрянула духом – она любезно приписала эти улучшения влиянию моего общества. Убаюканный похвалой, я разоткровенничался о несчастном случае с доктором Торндайком.

– Какой ужас! – вскрикнула она. – Ему повезло, что он не погиб прямо на мостовой. Он сильно пострадал? Как вы думаете, он не сочтет бестактным, если я заеду осведомиться о его здоровье?

Хотя меня не особенно волновало, как Торндайк отнесется к визиту

мисс Гибсон, я заверил ее, что ему будет приятно, поскольку сам пришел в восторг, предвкушая новое свидание. Окрыленный любовью и томимый горько-сладкими предчувствиями, я выпорхнул из кэба на Кингс-Кросс и заторопился домой.

Глава 10

Неразрешимая задача

Через несколько дней состояние Торндайка улучшилось, ушибы не болели, раны постепенно заживали, и он вернулся к обычным занятиям. Визит Джульет (более не хочу именовать ее формальным «мисс Гибсон», ибо читатели уже поняли, что эта девушка давно являлась для меня не просто мисс Гибсон, а самым дорогим человеком на свете) прошел в теплой обстановке. Моему коллеге и вправду было лестно внимание столь милой особы, и он принял ее так сердечно, что привел в восторг. Они долго беседовали о Рубене, и мне показалось, что Торндайк пытается осторожно выведать нюансы ее отношений с его клиентом. Я не сомневался: это важно для дела, – но к каким выводам пришел мой друг, не мог понять, поскольку после ухода Джульет он замкнулся в себе и мы почти не разговаривали. Больше девушка, к моему огромному огорчению, нас не навещала, а Торндайк, как я уже упоминал, стремительно шел на поправку.

Однажды, возвратясь домой за час до полудня, я увидел, что Полтон уныло слоняется по гостиной, занимаясь чем-то вроде весенней уборки, если такое определение вообще применимо к холостяцкому быту.

– Здравствуйте, Полтон, – приветствовал я его. – Вы решили на часок-другой расстаться с лабораторией?

– Вовсе нет, сэр, – мрачно отозвался он, – по своей воле я не ушел бы: меня оттуда выгнали.

– Кто?

– Доктор заперся изнутри на замок и велел не мешать ему. Ланч сегодня подам холодным.

– Что мистер Торндайк делает в лаборатории?

– Мне самому интересно, – заявил Полтон. – Он иногда уединяется там и проводит кое-какие опыты, связанные со своими исследованиями, и, если уж доктор закрылся на ключ, значит, за этим последует что-то из ряда вон выходящее. Я с нетерпением жду, что произойдет на этот раз.

– В двери есть замочная скважина? – спросил я, дабы подзадорить Полтона, и наживка вполне сработала.

– Что вы себе позволяете, сэр?! – моментально вспыхнул он, но, поняв по моему лицу, что я пошутил, примирительно улыбнулся и добавил: – Если желаете шпионить, имейте в виду: доктор заметит вас еще до того, как вы что-то успеете разглядеть.

– Ореол таинственности, каким вы с доктором окружаете свои эксперименты, просто вынуждает хитрить.

– Это верно, – кивнул он. – Ремесло у доктора такое, что без секретов не обойтись. Вот, к примеру, поглядите.

Он достал из кармана кожаное портмоне, а оттуда – листок бумаги и протянул мне. Я увидел четкий рисунок: вроде бы, комплект шахматных фигур с размерами, обозначенными на полях.

– Похоже на пешки, – сказал я, – стонтоновского образца.

– Я тоже так считал, но это не пешки. Мне велено изготовить двадцать четыре такие штуkenции, и я не возьму в толк, что доктор собирается с ними делать.

– Придумал новую игру? – предположил я в шутку.

– Ага, – лукаво усмехнулся мой собеседник. – Доктор всегда изобретает новые игры и играет в них в судах, а прочие игроки – его соперники, – как правило, терпят поражение. Но на сей раз задачу он мне поставил трудную: двадцать четыре фигурки надо сделать из самшита, высушенного самым тщательным образом. Представляете? Спрашивается: зачем они ему? Наверняка это связано с теми опытами, которые он сейчас проводит наверху. – Полтон покачал головой и, аккуратно положив рисунок назад в портмоне, торжественно произнес: – Да, порой доктор заставляет меня по целым дням мучиться от любопытства. Вот сейчас как раз такое время.

Хоть я и не считал себя любопытным, но тоже невольно задумался об экспериментах своего коллеги и о назначении тех предметов, которые он велел смастерить. Однако я был мало осведомлен о расследованиях Торндайка за исключением дела Рубена Хорнби, а увязать с ним набор из двадцати четырех самшитовых шахматных фигурок оказалось выше моих мыслительных способностей и воображения. К тому же в тот день после полудня я планировал сопровождать Джульет, которая собиралась вторично навестить Рубена в тюрьме, поэтому меня больше беспокоило то, как пройдет наше с ней свидание, чем то, над чем колдует в своей лаборатории мой ученый друг.

За ланчем он вел себя оживленно, много разговаривал, но не сообщил ничего нового. Я осторожно намекнул ему на тайные занятия, и он уклончиво ответил: да, у него есть кое-какая работа, которую он должен выполнить сам, без помощников. Едва мы покончили с едой, как Торндайк вернулся к своим трудам, оставив меня бродить вверх-вниз по лестнице в ожидании звонка хэнсомского кэба, который должен был отвезти нас с Джульет в Холлоуэйскую тюрьму – отныне благодатный для меня край, как

ни дико это звучит.

Вернувшись в Темпл, я никого не застал в гостиной, и меня поразило, какой уютной и опрятной она стала, после того как Полтон провел уборку. Мой ученый друг, похоже, все еще упражнялся в лаборатории, Полтона тоже нигде не было, и, увидев на столе заранее приготовленный чайный прибор, а на газовой горелке у камина – наполненный водой чайник, я догадался: Полтон занят делами и дает мне понять, что его не нужно беспокоить. Я зажег газ и приготовил себе чаю, попытавшись скрасить одиночество сладостными воспоминаниями.

Моя очаровательная возлюбленная весь вечер держалась со мной дружелюбно и ласково, от всей души радуясь моему обществу. Я, очевидно, нравился ей, и она не считала нужным прятать свои симпатии под маской чопорной светской благопристойности, чем окончательно завоевала мое сердце. Мне показалось также, что девушка стала вести себя со мной более свободно, чем раньше, проявлять почти родственную нежность, словно я был ее любимым братом. Меня это, конечно, не совсем устраивало, но я принимал любые знаки ее внимания с нескрываемым восхищением. Мои чувства к Джульет дышали неподдельной искренностью, моя совесть была спокойна, ибо я действительно обожал это невинное, словно дитя, создание. Я любил ее и за безграничную доброту, и отчасти за наивность: Джульет была так чиста, что даже не понимала, что такое зло, и не замечала злых намерений в других людях. Что касается меня, то я приготовился заплатить за свою любовь ту цену, которую назначит судьба. «Может, – думал я, – впереди меня ждут трудности и череда одиноких дней, которые потянутся в своем тусклом однообразии один за другим, когда мне придется распрощаться с Торндайком и с Темплом и вернуться к прежней кочевой жизни. Но я ни о чем не жалею; горько-сладкие воспоминания о моей возлюбленной останутся со мной и скрасят мое дальнейшее унылое существование».

Во время нашей второй поездки мы с Джульет говорили на разные темы, а не только на сентиментальные, которые я, одурманенный своими чувствами, предпочитал всем другим. В частности, мы побеседовали о делах мистера Хорнби, и я выяснил кое-какие немаловажные для нашего расследования факты.

– Беда, по пословице, не приходит одна, – сказала Джульет, когда речь зашла об ее приемном дяде. – У мистера Джона и так куча неприятностей из-за кражи алмазов, а тут еще проблемы в Сити. Вы слышали?

– Уолтер вскользь упоминал о них, когда мы вместе шли в магистрат.

– Надо же! – издевательски воскликнула Джульет. – Он всюду сует

свой нос! Кстати, как выяснилось, он тоже вложил в рудники немалые средства, однако сумел вовремя выйти из игры. Как ему удалось так ловко выпутаться да еще покрыть такую большую разницу, не обременив себя долгами, никто понятия не имеет. Похоже, наш делец ухитрился занять денег.

– Вы знаете, когда рудники начали снижаться в цене?

– Внезапно и, кажется, за несколько дней до кражи. Резкий спад, как говорит Уолтер. Вчера мистер Хорнби вспоминал в этой связи один неприятный случай.

– Какой?

– Я сильно повредила палец, было много крови, – застенчиво улыбнулась Джульет, – но в первый момент я ничего не почувствовала, хотя, как потом выяснилось, порез очень глубокий. Внезапно увидев свою окровавленную руку, я вскрикнула от испуга, и у меня немножко помутилось сознание – нет, ничего страшного, просто я на несколько секунд упала в обморок на коврик перед камином в кабинете мистера Хорнби, где до этого наводила порядок. Рубен, услышав крик, прибежал, разорвал свой носовой платок и наспех обмотал мне рану. Кровь текла прямо на коврик – в общем, неприятно. У меня мелькнула мысль, что юноша рискует: вдруг его застанут в таком положении и решат, будто это он меня поранил? Он кое-как перевязал мне палец платком – вы, как врач, раскритиковали бы такую повязку в пух и прах – и закрепил сверху красной лентой, которую взял с письменного стола дяди. Конечно, он искал бинт, но откуда ему взяться среди бумаг мистера Хорнби?

Когда Рубен ушел, я стала поспешно прибираться, чтобы никто не подумал, будто в кабинете произошло что-то страшное, и только тогда обнаружила, что многие конверты, документы и письма на столе замараны кровью и усеяны красными следами. Я вспомнила об этом позже, когда идентифицировали оттиск большого пальца Рубена; меня осенило, что одна из виденных мною бумаг случайно попала в сейф. Я сказала об этом дяде, но он заверил меня, что такое невозможно: он якобы вырвал лист из своей записной книжки, когда запер пакет с алмазами.

Я внимательно слушал Джульет, пока кэб грохотал по улицам, направляясь к тюрьме. Рассказ девушки отвлек меня от приятных мыслей, и я упрекнул себя, что в последнее время мало занимаюсь работой, хотя дал Торндайку слово помогать ему в расследовании и взял на себя определенные обязательства. Устыдившись своей бездеятельности, я приказал себе тщательно зафиксировать новые факты в соответствующем блокноте и, возвратившись в квартиру своего коллеги, как раз занимался

этим, когда в комнату вошел хозяин.

– Вы заняты, Джервис? – спросил он. – Не буду мешать, только приготовлю себе чашку чая. Когда допишете, продемонстрируйте мне, пожалуйста, свой дневной улов и можете развешивать сети на просушку.

Я поспешил закончить заметки, ибо с лихорадочным нетерпением жаждал услышать комментарии своего ученого друга. Чайник закипел, и я, сильно волнуясь, рассказал Торндайку все, что недавно узнал от Джульет. Он слушал, как обычно, не проронив ни слова.

– Все это интересно и важно, – вздохнул он, когда я договорил, – вы, Джервис, весьма толковый помощник. Видите, как удачно все складывается? Вы отыскали то, что не удалось мне, опытному сыщику. Так, по-вашему, гипотеза о виновности мистера Хорнби получила подтверждение?

– Полагаю, да.

– Значит, вы были правы, выстроив эту версию преступления, несмотря на ее невероятность? В свете новых фактов ваша теория привела бы к раскрытию дела, если б удалось доказать, что записная книжка мистера Хорнби лежала среди тех злосчастных окровавленных бумаг на его столе. Отсюда вывод: никогда не пренебрегайте тем, что с виду кажется невероятным. Кстати, Рубен почему-то умолчал о данном происшествии, когда мы с ним беседовали. Сам он, может, и не видел кровавые пятна – мисс Гибсон обнаружила их, когда он уже ушел. Но ведь она сообщила ему о них, не так ли? Отчего же он в критический момент не вспомнил столь важное обстоятельство? Я ведь совершенно конкретно спросил его, не оставлял ли он кровавых отпечатков на каких-нибудь документах фирмы.

– Так вы поручаете мне выяснить, находилась ли записная книжка Джона Хорнби на столе среди испачканных бумаг?

– Да, было бы неплохо, – ответил Торндайк, – но эту информацию трудно раздобыть.

Слова моего коллеги сильно разочаровали меня. Он отнесся к новым и, как я полагал, важнейшим фактам с интересом скорее академическим, чем практическим. Конечно, я понимал, что его невозмутимость и бесстрастность напускные, но все-таки ожидал от него более бурной реакции, ведь Джон Торндайк если и обладал актерскими качествами, то лицедействовал преимущественно в своей профессии, а в частной жизни, да еще с доверенными людьми, был человеком уравновешенным, искренним и открытым. «Почему мои потрясающие новости оставили его равнодушным? – размышлял я. – Вероятно, по одной из двух причин: либо он уже знал все, что от меня услышал, либо у него есть своя убедительная

версия преступления».

Я обдумывал оба варианта, когда на пороге появился Полтон. На чертежной доске, которую он держал перед собой наподобие подноса, стояли двадцать четыре искусно выточенные самшитовые фигурки; при этом лицо преданного «оруженосца» выражало гордость. Торндайк, улыбнувшись, сказал мне:

– Полтон полагает, будто я изобрел новую салонную игру, и пытается разработать правила. Как успехи, дружище?

– Пока похвастаться нечем, но, по-моему, один из игроков будет в парике и мантии, – усмехнулся Полтон.

– Это ваши фантазии, давайте лучше послушаем доктора Джервиса.

– У меня нет ни малейших соображений, – честно признался я, не скрывая досады. – Полтон утром показал мне эскиз фигурок, и я до сих пор тщетно пытаюсь угадать, для чего они предназначены.

– Хм, – пробормотал Торндайк, прогуливаясь взад-вперед по комнате с чашкой в руке, – *угадать*? Мне не нравится это слово в устах ученого. Что вы подразумеваете?

Мой коллега, конечно, шутил, но я притворился, будто принял его вопрос всерьез, и ответил:

– Угадать – значит прийти к заключению без опоры на факты.

– Что?! – сурово сдвинул брови Торндайк. – Никто, кроме дураков, не делает выводов без учета фактов.

– Извините, – поправился я. – Догадка – это заключение, сделанное на основе неполной информации.

– Уже лучше, – смягчился мой друг, – а если быть еще точнее, то догадка – это частное и определенное заключение, выведенное на основе данных, допускающих только общее и неопределенное заключение. Возьмем пример. Я выглядываю в окно и вижу вон того высокого человека, шагающего вдоль Пэйпер-Билдингс. Посмотрите сами, – указал он на улицу. – Я не знаком с этим джентльменом, но заявляю в манере вдохновенного сыщика из детективного романа: «Это начальник станции или инспектор». Что я сделал? Выстроил догадку. Наблюдаемый мною факт не допускает однозначного утверждения, но служит основанием для менее определенного и более обобщенного суждения.

– Какая же это догадка, доктор? – воскликнул Полтон, подбежав к окну и уставившись на ничего не подозревавшего субъекта нашего исследования. – Вы полностью правы! Этот господин – начальник станции в Кемберуэлле, я хорошо помню его в лицо, правда, фамилию забыл.

– Ну, в данном случае моя правота чисто случайна, – смутился

Торндайк, – я легко мог ошибиться.

– Нет, доктор, вы не могли ошибиться, – упорствовал Полтон. – Вы с первого взгляда определили в том человеке начальника станции. Ваша проницательность безгранична. Я в восторге!

– Согласен, опыт у меня обширный. Но давайте вернемся к теме догадок и разберемся: как я узнал, что тот прохожий – начальник станции? – спросил Торндайк, пропуская комплименты Полтона мимо ушей.

– Вы рассмотрели его ноги, – ответил я. – Все начальники станций имеют своеобразную дергающуюся походку. Господин в окне – не исключение.

– Вот именно! – многозначительно поднял палец Торндайк. – Характерный свод стопы: связки напряжены, икроножные мышцы ослаблены. Изгиб свода при движении доставляет неудобства, и, чтобы минимизировать его, человек слегка выворачивает ноги наружу. Если одна из стоп подвержена плоскостопию, она выворачивается сильнее, чем другая, – визуально это очень заметно. Искривление носка ведет к тому, что ноги выворачиваются от коленей и ниже, – существенное отклонение от нормы, особенно у людей высокого роста, таких как наш джентльмен. Кстати, левая нога у него побаливает, поскольку выворачивается больше, чем правая.

– А почему у начальников станций такие проблемы с ногами? – поинтересовался Полтон.

– Регулярное давление на живую структуру ослабляет ее, а перемежающееся – усиливает. Начальники станций много времени проводят на ногах, отсюда плоскостопие и слабость икроножных мышц. Профессиональные танцоры или бегуны, наоборот, вечно в движении, поэтому у них высокие стопы и сильные икры. Существует немало профессий, вынуждающих подолгу стоять: официанты, привратники, полицейские, дежурные администраторы, продавцы за прилавком, коммивояжеры, станционные смотрители – все они в той или иной степени страдают плоскостопием.

– Отчего ж вы не предположили, что тот человек на улице, к примеру, официант или коммивояжер? – спросил я Торндайка.

– Э, нет, мой ученый собрат: для официантов характерен быстрый, шаркающий шаг, который позволяет нести напитки, не расплескивая их. А наш господин идет длинными шагами враскачку – он явно не официант. Его одежда и внешность исключают идею о разъездной торговле, и он очевидно не полицейский, поскольку физически слаб. Администраторы и

продавцы передвигаются в относительно замкнутом пространстве, поэтому их шаг короткий и отрывистый, вдобавок их одежде присущ излишний дендизм. Станционный смотритель патрулирует длинные платформы, нередко с большой скоростью – таким образом, у него длинные шаги, а одежда его не столько вычурная, сколько придающая достоинство и весомость.

– Потрясающие наблюдения! – воскликнул я, едва не захлопав в ладоши.

– И тем не менее мое предположение о том, что некий субъект является начальником станции, чревато заблуждением, и такие ошибки преследуют даже блестящих аналитиков, в том числе и сыщиков, если, конечно, те живут в реальном мире, а не в романе, где всегда все гладко. Единственный подлинный факт, который мы установили, – что этот человек ведет образ жизни, обязывающий много стоять, а все остальное лишь догадки.

– Удивительно, – покачал головой Полтон, следя в окно за удалявшейся фигурой. – Я сроду не догадался бы, что он – начальник станции. – Ассистент одарил своего нанимателя восхищенным взглядом и удалился в лабораторию.

– Заметьте, – улыбнулся Торндайк, – внезапная догадка вызывает у окружающих куда больше доверия, чем умозаключение, родившееся в результате длительных и упорных занятий.

– В глазах Полтона вы – волшебник, мне никогда не добиться таких успехов; хоть убейте, я не способен понять, зачем вам самшитовые фигурки. Неразрешимая задача, не от чего оттолкнуться. В голове у меня пусто – ни единой догадки. Может, хоть намекнете, в чем тут соль? Дадите отправную точку?

Торндайк осторожно приподнял одну из фигурок и придирчиво осмотрел ее плоское основание.

– Неразрешимая задача? – устало вздохнул он. – Странно, все лежит на поверхности, если знаешь факты. Вы, дорогой Джервис, располагаете множеством сведений, на основе которых обычно строятся гипотезы. Будь вы внимательнее, то убедились бы, что вам вполне по силам такая задача. От вас требуются лишь творческое воображение и точность мышления. Вы, на мой взгляд, хороший мыслитель и недавно продемонстрировали мне богатую фантазию. Вам недостает только опыта в использовании своих способностей. Когда вы узнаете, зачем мне фигурки, – а ждать осталось недолго, – то удивитесь, как вам это не пришло на ум. Ладно, хватит лекций, надо освежиться. Приглашаю вас прогуляться – я сегодня целый

день работал.

Глава 11

На волосок от смерти

– Джервис, у меня к вам просьба, – сказал Торндайк дня через два. – Нет, не по делу Рубена Хорнби. Некий субъект найден мертвым; вроде бы, самоубийство, и солиситоры из «Грифона» попросили меня приехать на место происшествия. Это недалеко от Барнета. Будет осмотрено и сфотографировано тело, а вслед за тем проведено дознание. Много времени процедура не отнимет. Окажите мне услугу в качестве ассистента.

– Новое преступление? – пробормотал я в легком замешательстве.

– Не думаю, – махнул рукой Торндайк. – Выглядит как обычный суицид, но никогда нельзя знать заранее. Официальное заключение о самоубийстве даст возможность «Грифону» заработать десять тысяч фунтов; если же возникнут сомнения и начнется следствие, солиситоры лишатся этих денег. Вот почему директор конторы, не теряя времени, развил по горячим следам активную деятельность, чтобы скорее все документально оформить и получить гонорар.

– Когда надо ехать?

– Завтра. Это мешает каким-то вашим договоренностям?

– Нет, ничего такого, – слегка смутился я, что не ускользнуло от внимания моего друга.

– Говорите прямо, – потребовал он, – вы с кем-то условились встретиться?

– Пустяки, доктор. Наши с вами дела для меня всегда приоритетны. Я скорректирую свои планы и выполню ваше поручение.

– *Cherchez la femme?* Ищите женщину? – шутливо осведомился Торндайк.

– Да, – покраснел я, как вареный рак, – от вас ведь ничего не утаишь. Мисс Гибсон по просьбе миссис Хорнби прислала мне письмо: леди приглашают меня отобедать у них дома завтра вечером, и час назад я ответил согласием.

– И вы называете это пустяками?! – воскликнул Торндайк. – Нет-нет, хоть век рыцарей и прошел, но отказывать дамам неучтиво. Отправляйтесь на свидание, а я как-нибудь справлюсь в одиночку.

– Обед, наверное, закончится слишком поздно, чтобы я успел в Кенсингтон?

– Об этом и речи нет, к тому же расписание поездов неудобное: мы

доберемся до Кингс-Кросс не раньше часа ночи.

– Тогда я напишу мисс Гибсон и попрошу меня извинить.

– Не нужно, – остановил меня Торндайк, – это разочарует благовоспитанных леди, а нам сейчас нельзя утрачивать их симпатий.

– Не отговаривайте меня, – заупрямился я, – мне и так стыдно при мысли, что я, живя у вас такое длительное время, только тем и занимаюсь, что сибаритствую и развлекаюсь. Пора и мне проявить себя и сделать что-нибудь стоящее, чтоб оправдать свое жалованье. Не хочу упускать ни единой возможности – у меня их и так мало.

– Поступайте, как вам угодно, мой ученый собрат, – тихо рассмеялся Торндайк, – но выбросите из головы мысль о том, что вы едите хлеб в праздности. Когда вы рассмотрите дело Хорнби во всех деталях, то обнаружите, что тот клубок, в распутывании которого вы принимали самое непосредственное участие, довольно крупный. Ваш вклад намного превышает ваше небогатое жалованье, поверьте мне.

– Спасибо вам от всего сердца, – просиял я, поскольку мне было невыразимо приятно узнать, что от меня действительно есть какой-то толк и что я не состою в доме Торндайка приживалом, в отличие от Полтона, который ежеминутно приносит доктору столько пользы.

– Я не мастер льстивых речей, – сказал мой коллега, – и собираюсь поставить перед вами важную задачу. На первый взгляд, она несложная, но не торопитесь с выводами. Вот вам письмо от солиситоров, излагающее факты в той последовательности и полноте, как они известны на сегодняшний день. В моей домашней библиотеке вы найдете сочинения Каспера, Тэйлора, Гая, Ферье и других классиков судебной медицины; чуть позже я порекомендую вам еще пару весьма полезных книг. Попрошу вас сделать выписки и систематизированные заметки обо всем, что может иметь отношение к суициду. Быть готовым к любой случайности – это мое неизменное правило. Даже если дело окажется простым, работа не пропадет зря, потому что вы приобретете полезный опыт.

– Каспер и Тэйлор – седая древность, старо, как мир, – возразил я с апломбом.

– И как самоубийство, – сухо добавил он. – Пренебрегать старыми авторитетами – серьезная ошибка. «До Агамемнона немало храбрых было», – писал Гораций. Я уточню: и некоторые из них необыкновенно храбры, нам надо у них учиться. Уделите максимум внимания почтенным Касперу и Тэйлору, и вы не останетесь без награды.

В итоге весь день я провел за учеными фолиантами, постигая десятки разных способов, посредством которых человек, уставший от жизни,

добровольно покидает сцену и уходит в лучший мир, где нет ни бедствий, ни страданий, – если, конечно, таковой существует. Я попытался вникнуть в суть проблемы, которая ожидала завтра моего решения, и постепенно этот процесс так увлек меня, что я с трудом выкроил пару минут, чтобы написать мисс Гибсон подробное письмо, содержащее кучу извинений и необходимых объяснений. Я сообщил, что вернусь со службы так поздно, что не смогу выполнить свое обещание и присутствовать на обеде. Я ничуть не опасался обидеть Джульет, ибо знал, что она уважает меня и мои занятия и поймет, насколько важное поручение мне дал Торндайк. Я не утаил от нее, что мой ученый друг хвалит меня и доверяет мне серьезные дела; я вовсе не хвастался – просто мне было приятно посвящать Джульет в подробности своей повседневной жизни, это делало нас ближе друг к другу.

В назначенный час мы с Торндайком приехали на место: инцидент оказался самым что ни на есть банальным самоубийством, чем мы были разочарованы: Торндайк – потому что, как он выражался, не заслужил за пустячную работу столь солидное вознаграждение, а я – потому что не имел возможности применить на практике свои недавно приобретенные знания.

– Да, – сказал мой коллега, когда мы, завернувшись в пледы, уселись в вагон, – с таким делом справился бы и местный солиситор, но я считаю, мы съездили не зря. Я веду немало расследований, за которые не получаю ни признания, ни фартинга денег, так что если вдруг выпадает случай заработать немножко больше, нежели полагается за мои труды, я воспринимаю это как утешительный приз. Что касается вас, вы посвятили много времени своему образованию, а знания, как утверждал покойный лорд Бэкон, – это сила. Не слишком оригинально, по-вашему? Зато справедливо.

Я ничего не ответил, зажег трубку и закурил, чувствуя себя непривычно вялым. Мой компаньон последовал моему примеру, и мы молчаливо дымили, постепенно погружаясь в дремоту, пока поезд, шипя и свистя, не прибыл на конечную станцию и мы, позевывая и дрожа от холода, не оказались на платформе.

– Как поздно! – проворчал Торндайк, плотнее закутываясь в плед. – Темнотица, четверть второго. Все пассажиры озябли и нахохлились, как жалкие мокрые курицы. Возьмем кэб или пешком?

– Прогулка на свежем воздухе ускорит циркуляцию крови, – с ученым видом произнес я. – Мы и так долго сидели съезжившись.

– Разделяю вашу страсть к ночным моционам, – кивнул Торндайк, –

пойдемте. Посмотрите-ка, владелец вон той машины, – мой друг указал на велосипед с огромными колесами, стоявший у обочины недалеко от нас, – как и мы, предпочитает активный образ жизни.

– Лихач, гонщик-любитель, – прокомментировал я. – Носится по пустынным улицам, пока город спит. А что, весьма неплохо и, главное, просторно. Интересно, где он сейчас? – Я огляделся, нет ли поблизости велосипедиста, но вокруг было пусто.

– Жители Кингс-Кросс не торопятся ложиться спать, – сказал Торндайк, – даже во втором часу ночи здесь полно неугомонных субъектов. В основном это, как вы понимаете, ночные грабители, которые высматривают вожделенную добычу и бесшумно подкрадываются к ней, словно кошки. Обернитесь вон туда: видите мелькание двух сероватых силуэтов в свете фонаря? Не иначе, это «благородные» джентльмены своего ремесла вышли на охоту.

Не имея никакого желания быть обворованными или попасть в переделку, мы стремительно зашагали от станции по Грейс-Инн, держась западной стороны улицы. Описав дугу, мы пересекали Манчестер-стрит, когда пронзительный вопль впереди сообщил нам о присутствии неподалеку разудалой компании, которую мы разглядели не сразу, потому что ночь выдалась на редкость темной. Крики и смех усилились, и, свернув на Сидмут-стрит, мы заметили с полудюжину бродяг в изрядном подпитии, которые вели себя крайне агрессивно: проходя мимо одной из городских больниц, они остановились и начали бешено колотить в ворота. Выпустив пар и почесав кулаки, буяны перешли на нашу улицу, после чего Торндайк взял меня под руку и замедлил шаг.

– Пусть обгонят нас, – прошептал он. – Уступить хулиганам в это время суток – не трусость, а мудрая предосторожность. Давайте спустимся на Хиткоут-стрит и пересечем Мекленбург-сквер.

– Неужели хулиганы так опасны? – спросил я своего коллегу.

– Очень, – ответил он, когда мы оказались на тихой площади. – Из этой среды происходит масса преступников: от грабителей на большой дороге до наемных убийц. При этом доказать их вину подчас непросто, и какой-нибудь гуманный судья магистрата, который полагает, что ради сохранения разнообразия человеческой популяции следует оберегать даже самых вредных особей, нет-нет да и вынесет оправдательный приговор этим отбросам общества. Впрочем, черт с ними. Вон по Гилфорд-стрит едет велосипедист. Может, это наш энергичный друг со станции? Если так, значит, он удачно проскользнул мимо хулиганов. Молодец!

Едва мы ступили на Даути-стрит, вдали на перекрестке замаячил

силуэт велосипедиста, но когда мы достигли Гилфорд-стрит и посмотрели вниз на длинную, освещенную фонарями улицу, он исчез, словно растворился в воздухе.

– Странно, – пожал плечами Торндайк, – куда он делся? Давайте пойдём по Теобальдс-роуд. – И мы двинулись вдоль старинных домов, где наши шаги эхом отдавались от стен, так что мне чудилось, будто нас сопровождает целая толпа. – В этих старых улицах Блумсбери с их увядшим великолепием и благородной обветшалостью заключается нечто патетическое, – добавил Торндайк. – Они напоминают мне немолодую даму высокого происхождения, которая ныне материально стеснена, но пытается держать марку. Ой, что это?

Внезапно сзади раздался шорох, а за ним – звон стекла: кажется, разбилось окно в одном из ближайших домов. Мы замерли, как вкопанные, и несколько секунд стояли, уставившись во тьму; затем Торндайк бросился наискосок через улицу, я – за ним. Когда все это случилось, мы успели пройти ярдов сорок вверх по Джон-стрит и теперь мчались к дальнему углу Генри-стрит. Маленькая улица была пуста, мы опять остановились и прислушались: мертвая тишина.

– Звук донесся отсюда, я уверен, – сказал Торндайк и снова припустил вперед, зазывая меня рукой.

Через несколько ярдов с левой стороны показался переулок, мы нырнули туда и в несколько прыжков достигли конца улицы. Слева, параллельно переулку, тянулся узкий проезд с дощатым тротуаром; добежав до угла и заглянув в проезд, я увидел велосипедиста, бесшумно катившего по направлению к Литтл-Джеймс-стрит.

С громким криком «Держите вора!» я устремился в погоню, но велосипедист рванул вперед, и я понял, что не догоню его. «Странно, – подумал я, – почему он едет так быстро, хотя педали крутит медленно?» В этот миг лучик фонаря выхватил из тьмы огромные колеса, и я узнал велосипед, который мы видели на станции. Беглец свернул на Литтл-Джеймс-стрит и исчез.

Скорость, с которой он передвигался, делала дальнейшее преследование бессмысленным, и я поплелся обратно, едва переводя дыхание и на ходу вытирая пот, – я был весь мокрый от этой беготни. Едва я возвратился на Генри-стрит, из соседнего переулочка выскочил Торндайк и коротко спросил:

– Велосипедист?

– Ага, – ответил я, запыхавшись, – удрал. На таких колесах в пору умчаться на край света.

– Похоже, он выслеживал нас от станции. Вы не заметили, Джервис, при нем был саквояж или что-нибудь еще?

– Сбоку висела трость, а больше я ничего не разглядел.

– Что за трость?

– Толстая такая, вроде малаккской, кажется, с рукояткой. Я увидел ее в момент вспышки фонаря.

– Велосипед оснащен фонарем? И каким же?

– Как я мог разобрать в кромешной тьме? Фонарь зажегся, когда этот тип поворачивал за угол, но светил очень тускло.

– Небольшое количество масла, накапанного на поверхность стекла, снижает яркость света, – авторитетно произнес мой коллега, – особенно если на дороге пыльно. Кстати, на Джон-стрит вышел какой-то мужчина – наверное, хозяин квартиры, где разбили окно. Давайте подойдем к нему.

Мы приблизились к дому, возле которого, тревожно озираясь по сторонам, в растерянности топтался незнакомый человек.

– Вы никого тут не видали? – спросил он, огорченно указывая на осколки.

– Мы как раз проходили мимо, – пояснил Торндайк. – Сожалею о вашей потере, но и вы нам посочувствуйте: предмет, разбивший окно, швыряли в нас с целью убить или ранить.

– Как?! – опешил мужчина. – Кто это сделал?

– Неизвестно, – развел руками Торндайк. – Мы не смогли догнать злодея, он ускользнул на велосипеде.

– На велосипеде? – переспросил человек, подозрительно уставившись на нас. – Может, еще на воздушном шаре? Складно у вас получается. А какого дьявола, спрашивается, ему вас убивать?

– Это я и пытаюсь выяснить, – спокойно парировал Торндайк. – Кажется, дом пустой?

– Вам-то что за дело? Ну да, он временно не заселен. Я тут служу сторожем. Но какое отношение все это имеет к происшествию?

– Прямое. Мы с коллегой прогуливались перед сном по городу, – сказал Торндайк. – Некий предмет: камень, пуля или черт знает что – был брошен или выпущен в нас либо в меня лично, и я хочу установить его природу. Не откажите в любезности и позвольте на него взглянуть.

Сторож покосился сначала на Торндайка, потом на меня, повернулся к парадному входу и неприветливо махнул рукой вперед, пробормотав что-то вроде приглашения. Пропустив нас, он запер подъезд на ключ. Мы очутились в просторном холле. В углу прямо на полу стояла керосиновая лампа, которую сторож моментально подхватил, освещая нам путь.

– Идите сюда, – указал он пальцем на дверь в начале коридора, повернул ключ в замке и отпер комнату. – Это, вроде как, гостиная. – Он вошел первым, держа лампу над головой. – Вон видите, центральное окно вдребезги. Попадись мне этот мерзавец, я бы ему руки оторвал!

– С удовольствием помог бы вам, – усмехнулся Торндайк и кивнул на стену напротив: – Наверное, там отметина.

– Что такое? Неужели выстрел? – всполошился я, но, осмотрев стену, счел благоразумным промолчать.

Сторож не спеша приблизился и, подсвечивая себе лампой, стал внимательно разглядывать поверхность, Торндайк же тем временем быстро нагнулся, поднял что-то с полу и осторожно положил в карман жилета.

– Я не нахожу тут никаких отметин, – нахмурился сторож.

– Похоже, пуля угодила вот сюда, в боковую стену, – предположил Торндайк. – Да-да, конечно, ведь стреляли со стороны Генри-стрит.

Сторож пересек комнату и направил луч света в нужное место.

– А, черт! – злорадно крикнул он. – Вон там маленькая выбоинка, сорван кусочек обоев, и обнажилась штукатурка. Выглядит как след от пули, но вы говорите, что не слышали выстрела.

– Его и не было, – сказал Торндайк, – видно, палили из рогатки.

Сторож водрузил лампу на пол и принялся шарить вокруг, мы оба ему помогали, причем я едва сдерживал смех, видя, с какой серьезностью Торндайк вглядывается в пол в поисках предмета, который уже давно лежит у него в кармане. Мы так увлеклись, что вздрогнули, когда послышался удар в парадную дверь, затем второй, еще сильнее, после чего раздалось настойчивое дребезжание колокольчика у цокольного этажа.

– Полиция нагрянула. Сейчас устроят переполох из-за ерунды, черт возьми, – выругался сторож, схватил светильник и выбежал.

– Я ее поднял, – признался Торндайк, когда мы остались одни.

– Видел.

– Спасибо, что держали язык за зубами.

Дверь распахнулась, и вошел сторож в сопровождении дородного констебля, который окинул комнату беглым взглядом и одарил нас дружелюбной улыбкой.

– Бродяг развелась тьма-тьмущая, – посетовал страж порядка, осматривая разбитое стекло, – редкая ночь обходится без сюрпризов. Постоянно что-то ломают, бьют, дерутся. Я слышал, господа, вы проходили мимо, когда это случилось?

– Да, – ответил Торндайк и кратко рассказал об инциденте.

Констебль тщательно занес полученные сведения в блокнот и с

усмешкой сказал:

– Все понятно. Стало быть, в ход пошли рогатки? Если дойдет до пращей, местным жителям не придется скучать.

– Вот как?! – рассердился сторож. – А разве вы не обязаны выследить и арестовать этих хулиганов? Они что, так и будут портить частное имущество?

– Арестовать? – издевательски переспросил констебль. – Мы-то их арестуем, а что дальше? Джентльмены из магистрата укоризненно погрозят им пальчиком: «Ай-ай, плохие мальчики, шалунишки!» – и выпустят за ворота, да в придачу выдадут по пять шиллингов на брата из фонда для бедных, чтоб они купили себе Библию с картинками. – Он сунул блокнот в карман и зашагал к выходу. – Вы сами будете искать пулю, или камень, или что там еще? – спросил он нас с Торндайком. – Тогда подметайте комнату. Но лучше бы вы предоставили разбираться полиции, – бросил он напоследок и, пожелав нам доброй ночи, отправился патрулировать улицы, а мы с доктором продолжили путь на юг, причем я не замедлил поинтересоваться:

– К чему такая секретность относительно пули?

– Во-первых, чтоб сторож ничего не пронюхал: к чему посвящать его в наши дела? А во-вторых, я знал, что констебль, проходя по улице и заметив свет в нежилом доме, зайдет проведать обстановку.

– И затем что?

– Затем я должен передать этот предмет ему.

– Он интересный? Я имею в виду, предмет?

– Еще бы! – посмеиваясь, ответил Торндайк. – Правда, я пока досконально не изучил его, но у меня имеется теория относительно его происхождения. Сначала я проверю ее, а потом доверюсь полиции.

– А мне вы доверитесь?

– Как только вернемся домой, если вы, конечно, сразу не уйдете спать. Я не удивился бы, учитывая, как мы устали.

Едва мы перешагнули порог, Торндайк велел мне зажечь свет и освободить край стола, пока он сходит в мастерскую кое за каким инвентарем. Я отогнул скатерть и, отрегулировав газовую лампу так, чтобы добиться оптимального освещения, с нетерпением стал ждать своего коллегу. Через несколько минут он вошел с инструментами: щипцами, тисками, пилой по металлу и бутылью с широким горлышком.

– Что там? – спросил я, заметив в бутылки металлический предмет.

– Я нашел эту «игрушку» в пустой комнате с разбитым окном, а придя домой, погрузил в дистиллированную воду; зачем – объясню позже.

С минуту-две он осторожно встряхивал бутылку, потом извлек оттуда щипцами какую-то небольшую штучку и подержал, пока с нее не стекла вода, после чего аккуратно положил на листок промокательной бумаги. Я нагнулся, вглядываясь, а Торндайк, стоя рядом, с любопытством следил за моей реакцией.

– Ну? – спросил он после недолгого молчания. – Что вы видите?

– Латунный цилиндр, – ответил я, – примерно двух дюймов в длину, тоньше стандартного карандаша с графитовым стержнем. С одной стороны цилиндр имеет заостренную форму в виде конуса, на его кончике – маленькое отверстие, в нем – стальная точка. Другой конец плоский, а в центре, вот тут, – указал я пальцем, – небольшой квадратный выступ, по размеру подходящий для ключа, каким заводят часы. На боку цилиндра вблизи плоского конца также заметно отверстие. Предмет, таким образом, напоминает миниатюрную гильзу, полую внутри.

– А вы обратили внимание, что, когда я держал цилиндр щипцами, чтобы с него стекла вода, она выливалась через отверстие на заостренном конце?

– Да, я заметил.

– Теперь поднимите его и встряхните.

Я выполнил приказ и, ощутив, как внутри цилиндра побрякивает что-то тяжелое, резюмировал:

– Там некое незакрепленное тело, которое занимает всю полость, ибо перемещается только вдоль.

– Отлично, – похвалил меня коллега, – описание почти научное. Так что это за объект?

– Миниатюрная гильза или разрывная пуля.

– Нет, – нахмурился Торндайк. – Мне понятен ход ваших рассуждений, но вывод неверный. Посмотрите внимательнее: перед вами – нечто куда изощреннее, чем разрывная пуля. Это тщательно продуманное и искусно выполненное изобретение по силам лишь очень талантливому, более того – одаренному человеку.

– Вы восторгаетесь потенциальным убийцей, который чуть не отправил вас на тот свет? – улыбнулся я. – Что ж, оригинально. Ваше чувство юмора, мой ученый собрат, столь же необыкновенно, как и ваш дар сыщика.

– Бросьте, какой восторг? Я выражаю лишь профессиональное признание. Именно такого преступника я считаю достойным себя. Он, можно сказать, обеспечивает мне средства на жизнь. С обычным воришкой или жуликом справится любой полицейский, а мой контингент – люди

способные, с недюжинным умом и смекалкой. Однако эти замечательные качества, которыми их наделила природа, они используют не для блага общества и своих близких, а чтобы нарушать законы и ловко уходить от ответственности. Или еще хуже – бросать тень подозрения на тех, кто невиновен.

Торндайк поместил цилиндр между двумя блоками папиросной бумаги, туго зажал в тисках и начал резать пилой на две неравные части. Операция затянулась, потому что доктор старался не повредить находившийся внутри предмет. Когда все закончилось, мой коллега достал его и продемонстрировал мне с видом триумфатора:

– Ваше мнение?

Я взглянул и обомлел: незакрепленное тело оказалось свинцовым, с полдюйма длиной цилиндриком, заполнявшим внутренность внешнего цилиндра, но сохранявшим способность свободно скользить взад-вперед. Стальная точка, которую я заметил в отверстии на вершине конуса, являлась острием тонкого стального стержня, на целый дюйм вдававшегося в полость цилиндра; конический кончик был цельным и тоже свинцовым.

– Итак? – требовательно спросил Торндайк, потому что я продолжал молчать.

– Это и вправду не разрывная пуля, – ответил я. – Насколько я понимаю, свинцовый поршень содержит капсуль, который толкает конец стального стержня, и пуля...

– Вот-вот, – перебил меня Торндайк, – теперь уже «теплее», вы заметили механизм ударного патрона. Посмотрите-ка сюда. Видите, стерженек сдвинулся внутри пули, когда она ударила в стену? Давайте вернем его в первоначальное положение.

Он поместил стержень так, чтобы он выходил через отверстие, надавил на него, пока тот не высунулся почти на дюйм из конусовидного кончика патрона. Затем передал устройство мне. Я взглянул на кончик стального стержня и присвистнул, ибо «стержень» оказался трубкой с остро заточенным концом.

– Подкожная игла! – закричал я. – Боже, какой ужас! Может, автор данного изобретения и одарен от природы, только это не человек, а изверг!

– Да. Ветеринарная подкожная игла увеличенного диаметра. Теперь вы понимаете, насколько хитер и коварен преступник. Ему просто не повезло – мы спаслись чудом; при других обстоятельствах он не упустил бы шанса.

– Вы говорите так, будто сожалеете, что этому дьяволу не удалось расправиться с нами.

– Ошибаетесь, – запротестовал Торндайк, – хотя я упрекаю себя, что

подвергал вас опасности. Это ведь я попросил вас ассистировать мне при осмотре тела самоубийцы, из-за меня вы поздно возвращались по ночным улицам, где нас подстерегал злодей. Если бы вы оставались в городе и обедали у миссис Хорнби...

– Нет-нет, – перебил я его, – я рад, что вместе с вами пережил это приключение. Трудности делают нас и сильнее, и мудрее.

– Но какая замечательная модель! – восклицал Торндайк, поворачивая цилиндр туда-сюда и любуясь им. – Это ж надо додуматься! Снаряд выпущен из мощного – в виде трости, которую вы разглядели при свете фонаря, – духового ружья с нагнетательным насосом и нарезным дулом.

– Откуда вы знаете?

– Нет смысла вставлять в снаряд иглу, если при полете спереди не будет выступать кончик, – вот главное свидетельство того, что дуло нарезное. Маленький квадратный выступ на задней поверхности цилиндра, очевидно, сделан для того, чтобы вставить пыж – тонкую пластинку из мягкого металла, которая под давлением сзади сдвигается в нарезные бороздки и придает пуле вращательное движение. В решающий момент пыж выпадает, позволяя пуле вылететь.

– Интересная конструкция, но при одной мысли, что ее собирались опробовать на нас, мне становится не по себе.

– Мне тоже, – кивнул Торндайк, – и скажу откровенно: тем, что я сейчас сижу здесь, живой и невредимый, я обязан не просто счастливой случайности, а вам, Джервис, тому, что вы были рядом со мной.

– Вы преувеличиваете...

– Ничуть. Ваше присутствие усложнило ситуацию и спутало преступнику карты. Если б я шел по улицам один, он подобрался бы ко мне гораздо ближе, и тогда уж точно не промахнулся бы. Вы представляете себе его план?

– В общих чертах, – ответил я, – но мне хотелось бы услышать вашу версию.

– Извольте. Сначала злодей узнал, что я возвращаюсь в Лондон поздним поездом, и караулил меня на вокзале. Преступник готовился к операции заранее: в частности, наполнил цилиндр раствором сильного алкалоидного яда, что нетрудно, если окунуть иглу в состав и втянуть жидкость с помощью поршня через маленькое отверстие у заднего конца снаряда. Вот, посмотрите: внешняя сторона поршня покрыта введенным через отверстие вазелином, который не дает яду просочиться. Дождавшись моего приезда, убийца последовал бы за мной на велосипеде, пока я не очутился бы в достаточно уединенном месте. Он приблизился бы ко мне,

или прошел рядом, или затаился на углу, а затем выстрелил бы с близкого расстояния. Неважно, куда бы он угодил: все органы нашего тела в равной мере важны и уязвимы. Он мог бы, например, стрелять мне в середину спины. Пуля, вращаясь, попала бы в цель, игла проколола бы одежду и вонзилась в живую плоть. Когда пуля внезапно остановилась бы, тяжелый поршень под воздействием собственного импульса впрыснул бы в ткани тела ядовитую струю, после чего пуля, высвободившись, упала бы на землю.

– Я лишь сейчас вполне осознал, что вы, мой бесценный друг, находились на волосок от смерти.

– Так вот, – продолжал Торндайк, – выстрелив в меня, злодей сел бы на велосипед и исчез, а я, почувствовав укол, повернулся бы и, не задерживаясь, чтобы осмотреть пулю, немедленно пустился бы в погоню. Настичь человека, который мчится на гоночном велосипеде, я, конечно, не способен, но все-таки потратил бы на это пустое занятие несколько минут. Тем временем яд начал бы действовать, причем быстрее обычного – по причине затраченных мною физических усилий, – и я рухнул бы в изнеможении. Утром мое тело нашли бы, и что? Признаков насилия нет, след от укола почти не виден – я даже не уверен, что его заметили бы при осмотре трупа. Какой же вердикт? Смерть от сердечного приступа. Просто и обыденно. Кстати, если бы присутствие яда и выявили, это не улика. Пуля валялась бы на улице или ее подобрал бы какой-нибудь мальчишка. Но и взрослый прохожий, попадись ему эта пуля, не догадался бы о ее предназначении и не связал бы ее с человеком, которого обнаружили мертвым. Согласитесь, план разработан с поразительной предусмотрительностью. О технической стороне я уже упоминал – она выше всяких похвал. Вывод: действовал виртуоз.

– Мерзавцу не откажешь в сметливости, – покачал я головой. – А кто он? Вы кого-нибудь подозреваете?

– Учитывая, что умные люди, по недоброму замечанию Карлейля, не составляют подавляющего большинства населения и что из тех умных, с кем я общаюсь, лишь единицы заинтересованы в моей преждевременной кончине, возьму на себя смелость выдвинуть довольно правдоподобную гипотезу.

– И что вы собираетесь предпринять?

– В ближайшее время? Избегать ночных прогулок и всяческих волнений. Это вредно для здоровья.

– Погодите, вы что, не попытаетесь защитить себя? Где гарантия, что преступник не нападет на вас снова? Вы думаете, он остановится? Черта с

два! Вас хотят убить, причем во второй раз! Вы ведь не станете отрицать, что инцидент в тумане, когда вам едва не размозжили голову, – вовсе не несчастный случай?

– Я сразу понял, что это покушение, но зачем вас расстраивать? Улик против злодея у меня мало, следовательно, привлечь его к ответственности я пока не могу. Вдобавок это означало бы выказать свои подозрения, что совсем уж глупо и повредит делу, которым мы занимаемся. Если же я буду сидеть тихо, негодяй рано или поздно совершит оплошность и даст мне в руки важную улику. Затем мы отыщем пневматическую трость, велосипед, запасы яда и кое-какие другие мелочи, которые я держу в уме как потенциальные доказательства, хотя и недостаточные сами по себе. А теперь предлагаю лечь спать, иначе завтра мы будем ни на что не годны.

Глава 12

Обратный путь

До начала суда оставалась неделя, и чем ближе, тем сильнее я волновался, понимая: если Торндайк не разгадает эту адскую загадку и не выстроит крепкую линию обороны, процесс долго не затянется. Обвинение в краже уже предъявлено и пока не только не опровергнуто, но даже не поставлено под сомнение, а значит, Рубена Хорнби осудят, он долгие годы проведет в тюрьме, получит несмываемое клеймо «вор» и навсегда покроет позором себя и своих родных. Но все может сложиться иначе: с Рубена Хорнби снимут обвинение и оправдают, он вернет себе честное имя и уважение окружающих и выйдет из зала суда свободным и счастливым человеком.

В последние дни мой коллега почти не покидал лаборатории, при этом его кабинет, где он обычно работал с микроскопом и занимался бактериологией, постоянно бывал заперт. Что творилось наверху, никто не знал. Полтона туда не пускали, и это приводило его в состояние крайнего раздражения, которое еще усилилось, когда однажды он заметил, как из лаборатории – святая святых в доме, куда прежде не ступала нога постороннего, – ухмыляясь и потирая руки от удовольствия, выходит мистер Энсти. Я неоднократно встречал барристера в квартире, подолгу беседовал с ним, и постепенно он нравился мне все больше; его напускная веселость и безобидная шутливость, как часто случается, скрывали натуру серьезную и глубокую: Энсти был человеком обширных познаний и высоких нравственных принципов. Торндайка он глубоко уважал, а мой коллега отвечал ему искренней симпатией – в общем, союз этих двух людей, мыслителей и практиков одновременно, обещал достойные плоды.

В то утро, о котором я собираюсь рассказать, я заметил Энсти из окон гостиной: он шел со стороны Краун-Оффис-роу прямо к дому Торндайка, и, несмотря на дружеские чувства, которые я питал к барристеру, на этот раз я не обрадовался его визиту. Дело в том, что Торндайк рано уехал по делам, и в его отсутствие на меня ложилась обязанность принять и развлечь гостя, а я ждал Джульет и хотел провести с ней несколько минут наедине. Правда, моя прекрасная возлюбленная должна была прийти через полчаса, но кто мог знать, как долго Энсти задержится у нас и удастся ли мне от него отделаться? В общем, я нервничал и ерзал на диване, на ходу соображая, что предпринять.

Громкий стук дверного молоточка возвестил о прибытии нарушителя моего спокойствия, я открыл дверь, и Энсти ступил в прихожую с видом человека, у которого куча свободного времени, а значит, почему бы не потратить часок-другой на неторопливую беседу о погоде и житейских удовольствиях. Он с напускной важностью пожал мне руку, уселся в гостиную и принялся неспешно сворачивать сигарету.

– Мистер Торндайк не сможет к нам присоединиться, – сообщил я, втайне надеясь, что это сподвигнет гостя быстрее откланяться.

– Вот как? – слегка приподнял он брови. – Позвольте, угадаю: наш ученый собрат экспериментирует в своем заповедном царстве наверху? Или отправился в путешествие?

– Нет, он не в лаборатории. Сегодня у него консультация; странно, что он вас не предупредил.

– Забыл, наверное; я, собственно, заглянул, чтоб задать ему пару вопросов о деле Рубена Хорнби. Вам известно, что на следующей неделе состоится суд?

– Да, Торндайк сказал мне. Что вы думаете о перспективах подсудимого? У него есть надежда добиться справедливости? Или все пропало и обвинительный приговор неизбежен?

– Добиваться подсудимому ничего не придется, ему отводится роль пассивного свидетеля битвы, а вот *мы*, – тут Энсти выразительно похлопал себя по груди, – собираемся сражаться до полной победы. Приходите послушать – вы проведете время с пользой и удовольствием, а враг, к его невыразимому удивлению, будет повержен, – рассмеялся Энсти, вертя в руках сигарету.

– Вы уверены в благополучном исходе?

– Да, – ответил он, – хотя мистер Торндайк не так оптимистичен, как я, и допускает неудачу. Но она грозит нам лишь в том случае, если в присяжные пригласят микроцефалов, а судья, как круглый дурак, не поймет простейших показаний технического характера. Мы надеемся, что такого не случится, а раз так, то в целом чувствуем себя в безопасности. Надеюсь, я не разглашаю секреты вашего патрона, он ведь не любит несвоевременных деклараций.

– Это верно, – улыбнулся я, – меня он не балует никакими подробностями, поэтому я рад пооткровенничать с вами.

– Вот как? – забеспокоился Энсти. – Тогда попрошу вас поклясться в соблюдении тайны. Да, расследуя преступления, Торндайк всегда до поры до времени замкнут, застегнут на все пуговицы, и он прав. Я не перестаю восхищаться тактикой, вынуждающей его противников укреплять и

баррикадировать вход, который Торндайк, вроде бы, и не собирается атаковать. Впрочем, по-моему, вы мечтаете, чтобы я скорее убрался к черту. Дайте мне сигару, и я уйду – хотя и не в том направлении.

– Возьмите из тех, которые так любит Торндайк, – предложил я, не отказав себе в удовольствии поиздеваться над докучливым гостем.

– Что? Эти дурацкие трихинопольские? Увольте, лучше я буду курить бумагу, купленную у книготорговцев, или на худой конец – собственный парик.

Я раскрыл перед ним свою коробку с сигарами; он с озабоченным видом выбрал одну, понюхал и положил в карман, после чего церемонно попрощался и, весело насвистывая мотивчик из новой комической оперы, удалился вниз по лестнице. Моему ликованию не было предела, тем более что минут через пять раздался легкий, аккуратный стук медного молоточка, и мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Я бросился к порогу и, распахнув дверь, увидел Джульет.

– Можно войти? – сухо спросила она. – Мне нужно сказать вам что-то важное, перед тем как мы отправимся.

– Что стряслось? – встревожился я, потому что девушка выглядела сильно расстроенной, а ее пальцы, прикоснувшись к моей руке, заметно дрожали.

– Беда, доктор Джервис, – со слезами в голосе промолвила она и сделала отрицательный жест, когда я предложил ей сесть в кресло. – Мистер Лоули изложил свои прогнозы относительно дела бедного Рубена, и такая позиция доводит меня до отчаяния.

– Повесить мало этого остолопа, – пробормотал я, но поспешно извинился. – Зачем вы пошли к нему, мисс Гибсон?

– Я к нему не ходила, это он обедал у нас вчера и держался мрачно и хмуро, как туча. Видя мои переживания, Уолтер отвел нас с Лоули в сторонку и попросил его объективно оценить сложившуюся ситуацию. Его ответ поразил меня пессимизмом и безволием. «Дорогой сэра, – сказал он Уолтеру, – единственный совет, который я отважусь вам дать: перенесите несчастье с философским стоицизмом. Я почти убежден, что ваш кузен будет признан виновным и осужден». – «Но позвольте, – перебил его Уолтер, – как обстоит с линией защиты? Мы ведь имели все основания надеяться». Мистер Лоули пожал плечами и неприязненно произнес: «У вашего кузена слабое, жиденькое алиби, оно ни на что не годится; к тому же у нас нет ни показаний, ни фактов, которые хоть чуть-чуть пошатнули бы доводы обвинения. Выражаясь откровенно, я вообще не верю, что такие факты существуют». – «Вероятно, доктор Торндайк обнаружил что-то

новое», – возразил Уолтер. И тут Лоули заявил вызывающим тоном, чеканя слова и хлеща нас ими, словно плетью: «Я не слышал от мистера Торндайка ничего такого, что заставило бы предположить, будто он действительно добился успехов в том деле, за которое столь опрометчиво взялся». Это правда, доктор Джервис? Я измучена, напугана, не нахожу себе места и не сплю ночами. Я же до последнего верила в Торндайка и в вас. Неужели Рубена посадят в тюрьму? Он не похищал эти злосчастные алмазы!

Ища поддержки, она сжала мою руку и устремила на меня умоляющий взгляд; ее прелестные серые глаза вмиг наполнились слезами. Я был так пленен ее красотой, доверчивостью и беззащитностью, что моя осторожность растаяла, как снег под июльским солнцем, и я забыл про клятву, которую совсем недавно дал мистеру Энсти.

– Неправда, – ответил я, беря Джульет за руку и с трудом сдерживаясь, чтобы не прижать девушку к груди. – Я бы никогда не позволил себе преднамеренно ввести вас в заблуждение, ибо это означало бы, что я предал нашу дружбу, а она для меня – все, я не мыслю себе счастья без вас и испытываю к вам такие сокровенные чувства, о которых никто, кроме меня самого, никогда не узнает.

Она вздрогнула и улыбнулась сквозь слезы, точно раскаиваясь, что так напугала меня и вынудила признаться в любви:

– Простите, ради бога, и не обижайтесь. Вы не сердитесь? С моей стороны и вправду глупо переживать из-за слов мистера Лоули, особенно после того, что вы мне говорили. Это выглядит как недоверие к вам. Но вам, сильному, мудрому мужчине, пристало быть снисходительным к слабой женщине. Боже, что я натворила! Я потеряла выдержку, взвинтила себе нервы и понапрасну взбудоражила вас. Поклянитесь, дорогой доктор Джервис, что вы меня прощаете, иначе моему бедному сердцу станет еще больнее.

О Далила! Этот взмах ножниц отрезал последнюю прядь волос и оставил меня – в нравственном отношении – голым, как бильярдный шар. Отныне я был весь в ее власти и без колебаний разгласил бы любые тайны своего патрона – хорошо, что этот предусмотрительный джентльмен взял за правило держать меня вне досягаемости своих профессиональных успехов.

– Разве я могу сердиться на вас? – воскликнул я. – Наоборот, я злюсь на самого себя. Вы страдаете, а я, эгоистичное животное, не в состоянии вам помочь. Позвольте хоть ненадолго прогнать ваши страхи и вернуть вам душевное равновесие.

– Вы так добры ко мне!

– Я уже сообщал вам: Торндайк в моем присутствии заверил Рубена, что сделает его невиновность очевидной для каждого, что имеет все основания надеяться на это. Почему же вы сомневаетесь? Одного этого обещания, по-моему, достаточно.

– Да-да, – закивала она, вытирая слезы: – Пожалуйста, забудьте про мои стенания, мне и вправду неловко...

– Чтобы вы, Джульет, окончательно успокоились, – продолжал я, – сошлюсь на мнение авторитетного специалиста, мистера Энсти, барристера, чьи деловые качества заслуживают уважения. Мистер Энсти был здесь с полчаса назад...

– Это адвокат Рубена? И что он сказал? Да не молчите, пожалуйста, я как на иголках!

– Коротко резюмируя, он почти уверен в оправдательном приговоре и в том, что сторону обвинения ожидает большой конфуз. Он, похоже, весьма доволен той речью, с которой ему предстоит выступить на процессе, и с искренним восхищением отзывается о работе Торндайка.

– Он действительно убежден, что Рубена оправдают? – Голос Джульет задрожал, она побледнела и, утратив над собой контроль, бессвязно забормотала: – Ой, какой неожиданный поворот; у меня нет слов, чтобы вас отблагодарить... Право, это так мило с вашей стороны! – Она осушила глаза платком, выдавила из себя улыбку и внезапно разразилась рыданиями.

Я почти инстинктивно привлек девушку к груди, положил ее голову себе на плечо и начал нашептывать ей слова утешения – не помню, какие именно; кажется, я называл ее своей любимой и нес другую сентиментальную чушь, совершенно неуместную в той ситуации. Через несколько минут она успокоилась, вытерла слезы, посмотрела на меня немного застенчиво, щеки ее порозовели, и она сказала:

– Мне очень стыдно за свое поведение. Пришла в чужой дом и расплакалась у вас на груди, как взрослое дитя. Наверняка никто из ваших клиентов не позволяет себе такой бесцеремонности. – Мы весело засмеялись, вновь радуясь жизни, после чего Джульет, спохватившись, посмотрела на часы: – Мы потеряли впустую много времени и теперь опоздаем к Рубену.

– Нет, успеем, – ответил я, схватил шляпу, и через пару минут мы уже ехали по Кингс-Бенч-уок.

Время от времени я поглядывал на свою спутницу: ее лицо по-прежнему светилось от счастья, глаза блестели и излучали такую нежность, что я дрожал от страсти и с трудом сдерживал волнение сердца. Мне

хотелось сказать Джульет все и покончить с этим раз и навсегда: признаться, что я ее покорный раб, а она – моя богиня и королева, что никто не будет любить ее так, как я, значит, никакой другой мужчина не вправе претендовать на нее. В моей душе еще звучал голос, называвший меня клятвопреступником и предателем интересов человека, который поверил в меня, дал мне работу и приютил в своем доме, но все тише и невнятнее.

На Флит-стрит я окликнул кэб и, сев рядом с Джульет, вдруг ощутил, что голос совести стал громче и требовательнее. «Что ты вытворяешь, Кристофер Джервис? – сурово спросил он. – Ты порядочный человек или прохвост? Ты, доверенное лицо Рубена Хорнби – джентльмена, которого оклеветали и бросили в тюрьму, – строишь в своем черном сердце план, как украсть у него то, что для него, если он настоящий мужчина, дороже свободы и чести? Как тебе не стыдно! Покончи с низкими страстями, усьмири свою чувственность и выполняй то, что тебе поручено».

В этот момент Джульет повернулась ко мне с вкрадчивой улыбкой:

– Что с вами, мой дорогой юрисконсульт? Вы размышляете на какую-то важную тему?

Я собрал волю в кулак, посмотрел на девушку, такую обаятельную, красивую и милую: в ее сверкающие глаза, на ее нежные щечки с ямочками, – и подумал: «Если я сейчас же не положу этому конец, я пропал». Но какая это была мука! Надеюсь, мои коллеги и наставники посочувствуют мне, прежде чем порицать.

– Ваш юрисконсульт, мисс Гибсон, – при этих словах она вздрогнула и посмотрела на меня почти с испугом, – размышлял о том, что вышел далеко за пределы своих полномочий.

– Вы о чем? – напряглась она.

– О том, что я совершил дурной поступок, разгласив вам сведения, которые мне доверили на условиях строгой конфиденциальности.

– Но вы не сообщили мне ничего особенного. Что тут секретного?

– И все-таки эта информация не для всех. Доктор Торндайк считает стратегически важным не дать стороне обвинения заподозрить, будто у него что-то припрятано в «рукаве», понимаете? Он держит в неведении даже мистера Лоули и ни разу не посвятил меня в детали расследования, и лишь мистер Энсти сегодня утром...

– Так вы раскаиваетесь, что озвучили мне точку зрения адвоката? Вы считаете, что я вынудила вас обмануть его доверие? – произнесла она без тени раздражения, но с таким достоинством, что я ощутил себя полным ничтожеством.

– Мисс Гибсон, вы совершенно меня не поняли. Я ни в коей мере не жалею, что открылся вам. Как я мог поступить иначе в сложившихся обстоятельствах? Но и вы войдите в мое положение: я взял на себя ответственность, поделившись с вами профессиональной тайной.

– Не беспокойтесь, – ответила Джульет, – я не передам ни единого слова кому бы то ни было.

Я рассыпался в благодарностях и тут же детально рассказал ей о визите мистера Энсти, не упустив даже курьеза с сигарой.

– Разве сигары доктора Торндайка так плохи? – удивилась она.

– Нет, но они своеобразны: трихинопольские, с обрезанными кончиками. Вообще-то мой друг воздержан в удовольствиях и позволяет себе сигары лишь изредка. Обычно он предпочитает трубку, но после тяжелой работы, в праздники или по случаю торжеств балует себя трихинопольскими и курит самые лучшие, какие только удастся достать.

– Даже великие люди имели свои слабости, – мудро изрекла Джульет, – но мне жаль, что я лишь сейчас узнала об увлечении доктора Торндайка. В свое время мистеру Хорнби доставили большой ящик трихинопольских сигар с обрезанными кончиками, и дядя говорил, что они очень качественные. Однако он не любитель этого сорта: попробовал одну сигару, и она ему не понравилась. В итоге ящик перекочевал в комнату Уолтера: ему все равно, что курить.

Так мы коротали путь, перескакивая с одной банальной темы на другую, и каждая последующая была еще менее значимой, чем предыдущая. Я нервничал и никак не мог выбрать правильную манеру поведения: то ради поддержания беседы болтал всякую ерунду, пускаясь в ненужные подробности, то впадал в противоположную крайность и надолго умолкал, становясь почти замкнутым. Мало кто позавидовал бы мне: я разрывался между любовью и долгом и загонял свои чувства вглубь.

Моя спутница тоже вела себя не так, как раньше. Плакать она давно перестала и сначала выглядела слегка смущенной, затем ее сдержанность сменилась холодной вежливостью, и, наконец, Джульет ушла в себя и почти замолчала, лишь изредка подавая реплики. Я не знал, чему это приписать: тому ли, что она решила, будто ей, как девушке, следует держаться скромнее, или же она ощутила укол совести, ведь Рубен Хорнби вряд ли одобрил бы ее непринужденность в общении со мной. Как бы то ни было, мы быстро отдалялись друг от друга и за полчаса проделали обратный путь нашей дружбы. Из кэба у ворот тюрьмы мы вышли более чужими, чем в день своего знакомства. Я понимал, что наши отношения потерпели фиаско, но какого другого конца можно ожидать в этом мире

разнонаправленных стремлений и нереализованных амбиций? Убитый горем, я чуть не расплакался на груди впустившего нас в ворота дородного тюремщика, как еще недавно Джульет разрыдалась на моей. Я испытал облегчение, когда по окончании свидания с Рубеном она сказала, что сегодня мы не будем возвращаться вместе на Кингс-Кросс, как обычно: ей нужно отправиться на омнибусе на Оксфорд-стрит за покупками, а я пусть еду домой один.

Я долго стоял на тротуаре, провожая взглядом омнибус, увозивший мою любовь, пока он не скрылся за поворотом. Со вздохом отчаяния я, словно во сне, побрел обратно по дороге, по которой мы с Джульет столько раз путешествовали вместе и, как тогда казалось, были счастливы.

Глава 13

Убийство по почте

Следующие несколько дней я провел в мрачном настроении. Вообще-то, с тех пор как я оставил службу в больнице, меня подстерегало много лишений и разочарований. Я терпеть не мог ежедневную рутинную работу, считая, что достоин чего-то большего, но мне приходилось смирять свою гордыню и тяжелым трудом добывать свой скудный хлеб. Я считал себя очень способным, но жил в бедности, иногда впроголодь, и хуже всего то, что постепенно я начал утрачивать веру в себя и будущее, которое не обещало мне ничего хорошего. Однако никакие неприятности и обиды, перенесенные мною раньше, не шли в сравнение с теми страданиями, что я испытывал сейчас, когда лишился любви всей своей жизни. Положение усугублялось тем, что я – человек по своей природе необщительный, у меня мало друзей, и мне непросто сходитьсь с людьми. Зато, если это случается, я глубоко привязываюсь к тем, с кем сближаюсь, и любой разрыв ранит меня. Дворец своей любви я воздвигал, не щадя себя, ибо любил впервые в жизни и имел нерастраченный запас чувств, и вот теперь это величественное здание лежало в руинах. Тоскуя по Джульет и вконец измучившись, я написал ей письмо и, к своему удивлению, получил довольно теплый, почти дружеский ответ: моя возлюбленная ни о чем не жалела и не упрекала меня, как это свойственно некоторым женщинам, в том, что вспышка наших чувств оказалась столь короткой. Тем не менее от меня не ускользнула почти неуловимая разница между последним письмом и теми, которые я получал от Джульет раньше: каждым своим словом она как будто возводила между нами невидимую стену, и я понял, что наше расставание неизбежно.

Я изо всех сил старался выглядеть веселым, бодрым и активным, но Торндайк, думаю, заметил мою удрученность и понимал, чем она вызвана, ибо стал проявлять ко мне больше теплоты и участия. Однако он избегал затрагивать болезненную для меня тему, за что я был ему несказанно благодарен.

Через два дня после моего драматического свидания с Джульет произошло событие, которое отвлекло меня от переживаний и грустных мыслей, правда, не самым приятным образом. После обеда мы с Торндайком, удобно устроившись в соседних креслах и закурив трубки, обсуждали кое-какие дела и просматривали недавно доставленную почту.

Торндайк получил грудку писем, но не спешил читать их, а брал в руки каждый конверт и тщательно, со всех сторон, исследовал, прежде чем вскрыть.

– Я заметил, доктор, – нарушил я тишину, – что вы всегда долго рассматриваете письмо снаружи и не торопитесь заглянуть внутрь. Вы стараетесь запомнить фамилии адресантов или причина в чем-то другом? Что толку вертеть в руках нераспечатанное письмо? Достаточно бегло пробежать текст, и все понятно.

– Я изучаю конверт не только с целью узнать, кто отправитель, – спокойно пояснил Торндайк. – Это моя многолетняя привычка в отношении и писем, и рекламных проспектов, и бандеролей, и всего, что попадает мне под руку. Я приучил себя уделять должное внимание внешнему виду любого предмета или объекта. Практика показывает, что я прав; я не единожды находил снаружи писем или посылок такие приметы и сведения, которые впоследствии представляли огромную важность, в том числе для раскрытия преступлений. В частности, вот это послание, – он показал мне серый конверт, – сначала было запечатано, а затем вскрыто с помощью пара. Конверт грязный, потертый и пахнет выдохшимся табаком. Очевидно, письмо носили в кармане вместе со старой трубкой. Читая его, я понял, что оно должно было дойти до меня два дня назад, но дату старательно изменили с четырнадцатого числа на пятнадцатое. Вывод: у моего корреспондента очень ненадежный клерк.

– Может, ваш корреспондент сам носил письмо в кармане?

– Вряд ли. Во-первых, зачем ему беспокоиться, вскрывать собственное письмо над паром и снова запечатывать? Он разорвал бы испорченный конверт и взял новый. Клерк же не мог так поступить: его начальник написал адрес на конверте собственной рукой, поскольку письмо конфиденциальное. Во-вторых, случись такая замена, мой корреспондент почти наверняка добавил бы постскрипtum с объяснением, а в-третьих, он не носит с собой трубку, потому что не курит. Впрочем, все это для меня несложно, однако я обнаружил кое-что гораздо более важное. Посмотрите сами.

Он протянул мне маленький перетянутый шнурком сверток с ярлычком, на котором значилось: «Джеймс Бартлетт и сыновья, производители сигар, Лондон и Гавана».

– Боюсь, что эту загадку мне не разгадать, – сказал я, поворачивая сверток туда-сюда и рассматривая ярлык. – Единственное, что бросается в глаза: строчки напечатаны неумело. В остальном пакетик самый обыкновенный.

– Что ж, один интересный факт вы заметили. – Торндайк забрал у меня сверток. – Но давайте изучим его подробнее и запишем свои наблюдения. Перед нами типичный багажный ярлык, который можно купить у любого торговца писчебумажной продукцией вместе со шнурком. Правда, поставщики из солидных компаний обычно используют фирменные пакеты со шнурками, к которым прикреплены ярлыки, но это мелочь. Что поразительно, так это надпись на ярлыке. Она напечатана не просто неумело, как вы выразились, а отвратительно. Вы разбираетесь в пишущих машинках?

– Увы, почти нет.

– Вы не узнаете эту модель? Ярлык выполнен на «бликенсдерфере» – неплохой машинке, но не той разновидности, которую используют коммерсанты, впрочем, от этого пока отвлечемся. Компания «Бликенсдерфер» выпускает несколько моделей машинок, самая компактная и легкая из которых – «литературная» – спроектирована специально для писателей и журналистов. Этот ярлычок напечатан именно на ней.

– Как вы определили?

– По звездочке: неопытный пользователь нажал клавишу со значком, а не с буквой. Только «литературная» модель имеет звездочку – я обратил на это внимание, когда выбирал машинку для себя. Таким образом, производитель сигар почему-то печатает этикетки своей продукции на «бликенсдерфере», предназначенном для творческих работ, а не для коммерческих предприятий. Вас это не настораживает?

– Да, – согласился я, – это необычно.

– Теперь, – продолжал Торндайк, – рассмотрим текст этикетки. Его печатал абсолютный новичок: в двух местах ему не удалось сделать пробелы между словами, в двух случаях он напечатал значки вместо букв, ну а количество опечаток – пять – превышает все допустимые нормы.

– Вы правы, этикетка неаккуратная. Интересно, почему этот неумеха не оторвал ее и не перепечатал? Неужели его начальник удовлетворен такой работой?

– Я задался тем же вопросом, – кивнул Торндайк. – Чтобы на него ответить, взглянем на обратную сторону ярлыка. Обратите внимание: название фирмы напечатано не на самом ярлыке, как это обычно бывает, а на отдельной полоске бумаги, приклеенной к ярлыку, – прием грубый и сопряженный с потерей времени. Если мы еще тщательнее рассмотрим полоску с текстом, то заметим: она отрезана так, чтобы по размеру соответствовать ярлыку. Действовали с помощью ножниц: углы не вполне

прямые, и в одном месте видна нахлестка, что часто случается при работе с ножницами. – Торндайк передал мне сверток и лупу, через которую я отчетливо разглядел все, о чем он говорил. – Надеюсь, не требуется объяснять, что стандартные фабричные этикетки имеют заданный размер и правильные уголки, чего в нашем случае не наблюдается. Нет также нужды доказывать, что ни один уважающий себя производитель не станет наклеивать такие этикетки. Полоску отрезали вручную, ножницами, с целью подогнать ее под размер ярлыка, после чего приклеили на поверхность. Работа грубая и топорная. Кроме того, для чего такие хлопоты? Ведь затраченное время стоит денег! Производитель взял бы готовый ярлык и напечатал на нем название – вот и все.

– Да, вы правы, – ответил я. – Но если ярлык нечаянно испортили, почему служащий не оторвал его и не выбросил? Что ему стоило быстро напечатать и приклеить новый?

– То-то и оно. Посмотрите на полоску еще раз. Она сильно обесцвечена, словно ее вымачивали в воде. Остановимся на этой версии. Выходит, полоску отделили от другой упаковки, то есть отправитель имел одну полоску, которую, размочив клей, снял с оригинальной упаковки, высушил, обрезал края и наклеил на этот ярлык. Если он произвел эти манипуляции до того, как печатать текст, – а скорее всего так оно и было, – он не стал бы отклеивать полоску во второй раз, чтобы не повредить напечатанные буквы.

– Вы ведете к тому, что упаковка не фабричная, а подделка?

– Не торопитесь с выводами, – покачал головой Торндайк. – Я демонстрирую пример того, что тщательное исследование запечатанной посылки или запечатанного конверта побуждает получателя уделить особое внимание их содержимому. Давайте вскроем сверток и посмотрим, что внутри.

Он ловко разрезал обертку острым ножом, и мы увидели плотную картонную коробку, обернутую в несколько рекламных листов. Торндайк раскрыл ее – внутри лежала большая, с обрезанными кончиками сигара, обернутая в вату.

– Клянусь Юпитером, трихинопольская! – воскликнул я. – Ваша любимая марка, доктор.

– Да, вот еще одна аномалия, которую мы упустили бы, не найдись мы в состоянии боевой готовности.

– Какая аномалия? – опешил я. – Считайте меня болваном, но я не вижу ничего необычного, что производитель сигар посылает одну из них в качестве рекламного образца, а если клерк плохо владеет машинописью и

испортил этикетку, то это не ухудшает качество сигары.

– Вы помните надпись на ярлыке? – нахмурился Торндайк. – Прочтите ее снова и взгляните на рекламные листки. Что там написано? «Господа Бартлетт и сыновья производят сигары только из отборных листьев, выращенных на собственных плантациях на острове Куба».

– Ну и что?

– А то, что они не изготовили бы трихинопольскую сигару с обрезанным кончиком из листьев, произрастающих в Вест-Индии. Перед вами, мой друг, странная аномалия: ост-индская сигара, посланная вест-индскими плантаторами.

– Что же из этого следует?

– То, что эта сигара – кстати, славного сорта – заслуживает пристального исследования. – Он достал из кармана мощную лупу с двумя линзами и осмотрел поверхность сигары и оба кончика. – Взгляните сюда, на маленький кончик, – попросил он, передавая мне сигару и лупу. – Ваше мнение на сей счет?

Я направил лупу на срез туго скрученного листа:

– По-моему, лист слегка развернут в центре, как если бы его приподняли тонкой проволокой.

– Замечательно! – обрадовался Торндайк. – Я полностью разделяю ваше мнение. Давайте продолжим изучение сигары. – Он положил ее на стол и с помощью острого перочинного ножа с тонким лезвием разделил вдоль на две половинки. – *Esse signum!*² – произнес он, когда обе части сигары разошлись в стороны.

Несколько секунд мы молчали, уставившись на разрезанную сигару. Примерно в полудюйме от ее кончика виднелась дорожка какого-то вещества белого цвета наподобие мела, нанесенного прямо на лист.

– Что это такое? – нарушил я тишину.

– Подарок от нашего изобретателя, я полагаю, – промолвил Торндайк, взял половинку сигары и стал разглядывать белую дорожку через лупу. – Глубокий ум, Джервис, к тому же оригинальный. Вот бы приложить такие таланты к чему-нибудь другому! По-моему, от этого выиграло бы все человечество. Но, увы, пока внимание нашего гения зациклено на мне одном, что меня крайне не устраивает, и я собираюсь выразить решительный протест.

– Ваш долг, – заявил я, – немедленно арестовать этого хладнокровного мерзавца. Он представляет собой угрозу для общества. Вы ведь знаете, кто послал отравленную сигару?

– У меня есть близкая к истине догадка, но это еще не знание. Хотя в

этот раз нашему субъекту изменило чувство опасности либо он торопился – в общем, он оставил пару следов, по которым можно установить его личность.

– Неужели? И каких же?

– Тут требуются разъяснения, – интригуяюще произнес мой коллега, удобнее уселся в кресле и начал набивать трубку с видом человека, который намерен детально разобрать предмет. – Давайте проанализируем, какую информацию этот изобретатель предоставил нам о себе. Во-первых, что не подлежит сомнению, он сильно заинтересован в моей кончине, причем немедленной. Почему же он так настойчиво желает мне смерти? Вряд ли из-за собственности: я далеко не богат, и условия моего завещания известны лишь мне одному. Личная вражда? Мечь? По моему глубокому убеждению, у меня нет личных врагов. Остается моя профессиональная деятельность как следователя-криминалиста. С ней-то и связано стремление данного субъекта уничтожить меня. В настоящий момент я провожу эксгумацию, которая может закончиться обвинением в убийстве. Но если бы я и умер сегодня, расследование продолжил бы, и весьма эффективно, профессор Спайсер или какой-либо другой токсиколог. Моя смерть не повлияла бы на участь обвиняемого. Так же обстоит еще с двумя делами, которыми занимаюсь я, но их способны довести до конца мои коллеги-сыщики. Вывод: наш виртуоз не имеет отношения ни к одному из упомянутых мною дел; он полагает, что я обладаю эксклюзивной информацией, которая касается его самого, и что я – единственный в мире, кто подозревает его в преступлении и способен разоблачить. Допустим, существует некий субъект, виновность которого мог бы засвидетельствовать только я один. Теперь этот тип, не зная, что я передал нужные сведения третьей стороне, рассудил, будто, устраняя меня, обеспечивает себе полную безопасность.

Таков исходный посыл, поехали дальше. Отправитель сигары, некто мистер Х., – человек, о котором я собрал эксклюзивные сведения. Но ведь я не обнародовал их, иначе другие лица также заподозрили бы Х. в преступлении. Почему же он решил, что я планирую его уличить, если я нигде ни единым словом не обмолвился о своих изысканиях? Выходит, и он обладает той же самой эксклюзивной информацией, что и я, то есть моя версия верна, ибо, если бы я ошибался, мистер Х. не знал бы о ней.

– Что вы думаете по поводу сорта сигары?

– Примечательный факт. Почему он послал трихинопольскую вместо гаванской, которую Бартлетты действительно выпускают? Выглядит так, словно он осведомлен о моем пристрастии и, учитывая мои личные вкусы,

позаботился о том, чтобы я не выбросил сигару и не передал ее кому-то другому. Значит, мой дорогой Джервис, наш с вами лучший друг имеет понятие о моих привычках.

– Так кто он, этот таинственный мистер Х.?

– Вы имеете в виду его социальное положение? Бартлетты посылают рекламные проспекты и образцы своей продукции не кому угодно, а главным образом богословам, юристам, врачам и прочим категориям образованных людей со средствами и статусом в обществе. Конечно, клерк, мальчишка-рассыльный или слуга могли по неаккуратности испортить оригинальную этикетку, но вероятнее всего Х. наклеивал ее сам; это подтверждается тем, что данный господин имеет доступ к сильному алкалоидному яду, каким, несомненно, является вещество белого цвета.

– Следовательно, он медик или химик?

– Не обязательно, – покачал головой Торндайк. – Законы относительно хранения и продажи ядов так расплывчаты, что практически не действуют: каждый обеспеченный человек, обладающий необходимыми знаниями, раздобудет почти любой яд, какой пожелает. Социальное положение – важный фактор, из которого вытекает, что мистер Х. принадлежит по меньшей мере к среднему классу.

– И он, разумеется, умен и находчив?

– Выше всяких похвал. Он изобретателен и широко эрудирован. Идея с сигарой не только оригинальна, но и приспособлена к обстоятельствам. Сигара с обрезанными кончиками выбрана неслучайно. Во-первых, это сорт, который я люблю, то есть велика вероятность того, что я выкурил бы сигару сам, а не отдал коллеге или приятелю. Во-вторых, ей не нужно обрезать кончик, что тотчас привело бы к обнаружению яда. План также демонстрирует знание химии: яд не предназначался только для того, чтобы раствориться в слюне. Суть в том, что пар, вызванный горением листа на отдаленном от центра кончике, сконденсируется в более холодной части сигары и растворит яд, который попадет в рот.

– Вы полагаете, что отравитель сигары и велосипедист – одно и то же лицо?

– Я уверен в этом. Здесь одинаковый почерк знатока яда и сам яд – некристаллическое вещество белого цвета, которое, как покажет анализ, принадлежит к разновидности сильных алкалоидов. Снаряд был оснащен подкожной иглой, яд в виде спиртового или эфирного раствора введен в сигару тоже посредством шприца. В общем, я считаю доказанной версию о том, что пуля и сигара исходят от одного человека. Мистер Х. к тому же владеет механикой, иначе он не изобрел бы такой снаряд. Что касается

пишущей машинки, то коммерческой разновидности, которую используют Бартлетты для ярлыков своей продукции, у нашего приятеля, разумеется, не было, и он воспользовался подержанным «бликенсдерфером» модификации «литературная», с соответствующим типом начертаний. Не удивлюсь, если машинка взята на прокат.

– Насчет последнего я бы усомнился, – произнес я с некоторым удивлением.

– А мне эта гипотеза кажется правдоподобной. Во-первых, этот механик и знаток ядов, очевидно, не привык печатать, на что указывают многочисленные опечатки и отсутствующие пробелы между словами. Заметьте, это свидетельствует не о его безграмотности, а о том, что он не владеет машинописью и проскальзывает пальцами мимо клавиш. В частности, он промахнулся и вместо буквы напечатал звездочку.

– Почему вы решили, что машинка подержанная?

– О степени ее изношенности я сужу по буквам: некоторые из них потеряли четкость, прежде всего те, которые используются особенно часто, например «а», «е», «н». Машинка неновая; если она не взята на прокат, значит, куплена из вторых рук.

– А если допустить, что на ней печатал не мистер Х.?

– Маловероятно, – ответил Торндайк. – Зачем ему обращаться к кому-то? Он действовал в обстановке секретности, без свидетелей. Но, так или иначе, мы с вами получили возможность идентифицировать машинку, если когда-нибудь найдем ее. – Он взял ярлычок и передал его мне вместе с карманной лупой. – Взгляните на букву «н»: она встречается много раз. В каждом случае замечен маленький разрыв в перекладине на середине буквы. Он соответствует крошечной вмятине, появившейся на литере, очевидно, в результате удара каким-то твердым предметом.

– Да, разрыв просматривается четко, это веское основание для идентификации машинки.

– Почти определяющее, – уточнил Торндайк, – особенно если соединить его с другими данными, которые выявятся в результате поиска мистера Х., удовлетворяющего ранее упомянутым мной характеристикам. Перечислим еще раз факты, что он нам предоставил: а) это лицо, относительно которого я располагаю эксклюзивной информацией; б) он имеет понятие о моих наклонностях и привычках; в) он – человек со средствами и положением в обществе; г) он образован, в том числе в области химии и механики, изобретателен и умен; е) он относительно недавно приобрел подержанный «бликенсдерфер» разновидности «литературная»; ф) пишущая машинка, его собственная или взятая

напрокат, может быть идентифицирована по характерной отметине на букве «н». К этим шести пунктам, – продолжал Торндайк, – надо добавить то, что Х. – опытный велосипедист и хороший стрелок из винтовки. Остается вычислить, чему – точнее, кому – равен «Х».

– У меня нет ни одной гипотезы, – развел я руками, – зато вы, по моему, давно решили это уравнение, и я не понимаю, почему вы медлите и не арестуете этого талантливый изверга, учитывая, что он способен навредить не только вам, но и вашим клиентам, чьи интересы пострадают в случае вашей гибели. Он общественно опасен и должен сидеть в тюрьме.

– Да, мне придется вмешаться, если он вконец обнаглел и начнет войну, но пока лучше оставить его в покое.

– Так вы действительно знаете, кто он?

– Я, пожалуй, способен решить уравнение, которое задал вам. Дело в том, что я располагаю кое-какими фактами, которыми вы не владеете. Существует некий изобретательный джентльмен, относительно которого я обладаю эксклюзивной информацией, и мои знания о нем позволяют думать, что именно он – автор всех этих «шалостей».

– Почтительно снимаю шляпу. – Я отложил блокнот, куда записывал пункты, которые Торндайк посоветовал мне подробно рассмотреть, и поклонился. – Я никогда не сомневался в вашей наблюдательности и способности делать выводы, основываясь, на непросвещенный взгляд, на сущих мелочах, и все-таки я не возьму в толк, почему вы сразу стали рассматривать эту сигару со столь явным подозрением. Ничто не указывало на наличие в ней опасных веществ, и, однако, вы мгновенно почуяли неладное и обследовали ее так, будто ожидали найти там яд.

– Да, – кивнул Торндайк, – до некоторой степени вы правы. Идея отравленной сигары не новость для меня, и в этом вся суть. – Он посмотрел на огонь в камине и тихо рассмеялся, словно предаваясь развлечению. – Я говорил вам, – продолжил он после короткой паузы, – что, когда снял эту квартиру и устроился в ней, у меня появилось много свободного времени. Я открыл новую разновидность медико-юридической практики и постепенно воплощал свои идеи в жизнь, однако длительный период они не приносили мне ничего, кроме неограниченного досуга. Он ни в коей мере не пропал даром, ибо я использовал его, чтобы всесторонне исследовать ряд преступлений, которые могли бы совершиться, и подвести под свои наблюдения теоретическую базу. Видите ли, злодеяния против личности всегда представляют сильный медицинский интерес, и я очень увлекся данной темой. Например, я сочинил и разыграл в своей голове серию убийств особ королевской крови и министров и для каждого

инцидента привлек все свои знания, навыки, опыт и фантазию. Я тщательно изучил привычки потенциальных жертв, их режим питания, место проживания, манеру одеваться, способ передвижения; установил, кем были их союзники, друзья, враги и слуги; выявил еще массу подробностей, которые способствовали тому, что несчастные погибали, а их убийца всякий раз выходил сухим из воды и ускользал от наказания.

– Как были бы польщены эти великие люди, – улыбнулся я, – узнай они, сколько внимания вы им уделили.

– Это точно, премьер-министр наверняка удивился бы, что его жизнь исследовал внимательный сыщик, который выдумал убийство и разработал его сценарий вплоть до мельчайших деталей. Приложение моего метода к конкретным случаям принесло огромную пользу, потому что в поле моего зрения оказались все осложнения, которых так много в по-настоящему захватывающих преступлениях. С помощью собственной стенографической системы я фиксировал все подробности и перипетии в дневнике, который терпеливо вел с первого дня и хранил в запертом сейфе. По завершении очередного расследования я менял точку зрения и разыгрывал партию с противоположной стороны доски, то есть добавлял к каждому делу в качестве приложения его анализ со схемой разоблачения убийцы. В настоящий момент у меня в сейфе шесть томов таких дел с подробным указателем, и уверяю вас, что это не только в высшей степени поучительное чтение, но и ценный справочник по криминалистике.

– Охотно верю, – ответил я, восхищенный умом и изобретательностью своего друга. – А вы не боитесь, что эти истории, если их прочтет кто-нибудь посторонний, послужат материалом для вашего обвинения? – пошутил я, посмеиваясь.

– Их никто не сумеет прочитать, – возразил Торндайк. – Моя стенография с трудом поддается расшифровке, я сделал ее такой именно в интересах секретности.

– Хоть одно из ваших придуманных убийств воплощалось в реальности?

– Несколько, но они, как правило, бывали неграмотно спланированы и небрежно осуществлены. Отравленная сигара – один из таких инцидентов, но на месте убийцы я не прибег бы к столь примитивному воплощению своего замысла. Я усложнил бы его в худшую сторону и добился того, чтобы жертва ни о чем не догадалась. Преступления, которые я сочинял и вел в качестве следователя, параллельно записывая свои наблюдения в дневнике, отличались запутанностью и, не постесняюсь этого слова, артистизмом.

Некоторое время я молчал, думая о странностях своего одаренного друга и его исключительном соответствии той роли, которую он выбрал в драме общественной жизни, после чего мои мысли вновь обратились к нависшей над ним опасности, и я спросил:

– Теперь, когда вы знаете мотивы злодея и маску, под которой он прячется, что вы намерены предпринять? Должны ли за ним как можно быстрее захлопнуться двери тюремной камеры или пусть идет разрабатывать другой и, возможно, более успешный план вашего устранения?

– В ближайшее время, – спокойно ответил Торндайк, – нужно собрать все изобретения мистера Х. в надежном месте. Завтра мы с вами отправимся в больницу, и я при вас отдам сигару доктору Чендлеру, который проведет анализ и сообщит о природе яда. После этого будем действовать тем способом, который сочтем наилучшим.

Неудовлетворенный таким выводом, я тем не менее не стал возражать, и, когда сигара с сопроводительными бумагами и рекламными листками была убрана в комод, мы отвлеклись от нее и сменили тему беседы.

Глава 14

Поразительное открытие

День суда, всеми с нетерпением ожидаемый, наконец-то настал, и история, о которой я повествую, устремилась к финалу. Для меня она во многих отношениях стала серьезнейшим рубежом в жизни. Она вырвала меня из монотонной больничной рутины и перенесла в стихию, полную драматических событий; она продемонстрировала, с какой ошеломляющей скоростью развивается современная наука. Она возродила мою дружбу с доктором Торндайком, к которому я испытывал привязанность еще со студенческой скамьи. Но самое главное: она подарила мне ощущение – правда, слишком мимолетное – несказанного любовного блаженства, в котором радость и горечь попеременно сменяют друг друга, и ты то чувствуешь себя на седьмом небе от счастья, то проваливаешься в мрачную бездну отчаяния и тревог.

В то утро я проснулся в пасмурном настроении, с тяжестью на душе. Очередная глава моей жизни подходила к концу, и в преддверии завершения дела Рубена Хорнби и расставания с Торндайком я уже мысленно видел себя странником на чужбине. Полтон, не в пример мне, похоже, испытывал воодушевление, предвкушая, что загадки, которые так долго и безжалостно терзали его любопытство, вот-вот разрешатся. Торндайк, вопреки своему обычному спокойствию, тоже проявлял признаки нетерпения: видимо, и ему хотелось, чтобы поскорее наступила развязка этого запутанного расследования.

– Я взял на себя некоторые небольшие приготовления, в связи с чем у меня к вам поручение, – сказал он мне, когда мы сели завтракать. – Надеюсь, вы не станете возражать. Я написал миссис Хорнби, которая вызвана в качестве свидетельницы, что вы встретите ее в конторе мистера Лоули и проводите в суд вместе с мисс Гибсон. Если появится Уолтер Хорнби, постарайтесь добиться, чтобы он отправился в суд с мистером Лоули.

– Вы сами не придете в контору?

– Нет. Я прибуду прямо в суд, Энсти – со мной. Кроме того, я жду суперинтенданта Миллера из Скотланд-Ярда, который, вероятно, окажет нам немалую услугу.

– Рад слышать, – улыбнулся я, – а то я волновался, что вы смешаетесь с толпой, не имея никакой защиты.

– Что ж, как видите, я принимаю меры предосторожности против слишком изобретательного мистера Х. и, говоря по правде, никогда не простил бы себе, если бы позволил ему убить меня до того, как я завершу защиту Рубена Хорнби. А вот и Полтон. Что-то вы, дружище, сегодня с утра как на иголках; с тех пор как проснулись, бродите по комнатам взад-вперед, словно кот в новом доме.

– Что верно, то верно, сэр, – ничуть не смутившись, ответил Полтон. – Нет нужды отрицать. У меня вопрос: что мы возьмем с собой в суд?

– Коробка и портфель лежат на столе в моем кабинете, – коротко пояснил Торндайк. – Хорошо бы прихватить еще микроскоп и микрометр, хотя вряд ли они нам понадобятся. Это все, я полагаю.

– Коробка и портфель, – недоуменно повторил Полтон. – Да, сэр, я доставлю их. – Он открыл дверь, чтобы выйти, но, увидев посетителя, поднимавшегося по лестнице, вернулся: – Мистер Миллер из Скотланд-Ярда, сэр; проводить его сюда?

– Да, конечно. – Торндайк поднялся из кресла навстречу высокому, военной выправки человеку, который, войдя, поздоровался, одновременно бросив на меня вопросительно-изучающий взгляд.

– Доброе утро, господа. Я получил ваше письмо, доктор, и привел с собой двоих сотрудников в штатском и одного в форме, как вы просили. Насколько я понимаю, вы хотите установить наблюдение за...

– Да-да, – прервал его Торндайк. – Но детали я сообщу вам через некоторое время, если вы согласитесь с моими условиями.

– Полностью довериться вам и никого не ставить в известность? Ну ладно; вообще-то лучше бы вам проинструктировать меня заранее и позволить нам действовать обычным порядком, но если вы выдвигаете такие условия, у меня нет выбора, кроме как принять их, учитывая, что все козыри у вас на руках.

Видя, что разговор приобретает конфиденциальный характер, я счел нужным удалиться. Оставалось всего полчаса до того момента, когда миссис Хорнби и Джульет должны будут прийти в контору мистера Лоули, и я побежал одеваться, чтобы не опоздать.

Мистер Лоули принял меня с холодной церемонностью, граничившей с враждебностью. Он, очевидно, был глубоко уязвлен своим подчиненным положением, ему претило играть в деле Хорнби второстепенную роль, и он не пытался скрыть своего раздражения по этому поводу.

– Меня уведомили, – процедил он сквозь зубы ледяным тоном, когда я объяснил ему цель своего визита, – что миссис Хорнби и мисс Гибсон встретятся с вами здесь. Предупреждаю: я не имею к данной

договоренности никакого отношения. Вообще, на протяжении всего расследования со мной обращались поистине бесцеремонно, словно я дилетант или шарлатан и не заслуживаю ни малейшего доверия. Я считаю это оскорбительным, даже позорным. Подумать только! В день суда я – представитель обвиняемого – пребываю в полном неведении относительно того, какой планируется линия защиты; впрочем, я догадываюсь, что окажусь вовлеченным в какую-нибудь каверзу и потерплю фиаско. Но впредь увольте! Урок я получил и надолго его запомню. Больше я ни разу в жизни не позволю себе связаться с кем-нибудь из так называемых гибридных специалистов. *Ne sutor ultra crepidam*, сэр, – превосходная поговорка; пусть медицинский сапожник натягивает сапог на медицинскую колодку.

– Скоро мы увидим, какой сапог он натянет на юридическую, – парировал я с усмешкой.

– Оставьте, – презрительно отмахнулся он, – я слышу в приемной голос миссис Хорнби и, поскольку ни вы, ни я не располагаем временем, чтобы тратить его на праздные беседы и препирательства, рекомендую вам безотлагательно отправиться в суд. Вот там и выясним про сапоги. Желаю приятного утра!

Я понял, что Лоули старается поскорее отделаться от меня, и, уловив намек, отступил в приемную, где в окружении клерков застал миссис Хорнби и Джульет: первую – горько плачущую и изрядно напуганную, вторую – спокойную, но бледную и взволнованную.

– Нам лучше тут не задерживаться, – сказал я, когда мы поздоровались. – Возьмем кэб или пойдем пешком?

– Давайте пешком, если нет возражений, – ответила Джульет. – Миссис Хорнби хочет кое-что обсудить с вами по дороге, точнее, посоветоваться. Ее вызвали как свидетельницу, и тетя ужасно боится по неосторожности или невзначай произнести что-нибудь такое, что повредит Рубену.

– Кто прислал вам повестку?

– Мистер Лоули, – затараторила миссис Хорнби, – и я на следующий же день поехала к нему в контору, чтобы проконсультироваться. Однако он не оказал мне никакой помощи и изобразил, будто он в полном недоумении, зачем я понадобилась на суде. Словом, он держался со мной так сухо и нелюбезно!

– Я думаю, ваши показания будут связаны с пальцеграфом, – предположил я, – поскольку никакой другой важной информацией по данному делу вы не располагаете.

– Уолтер тоже так считает! – воскликнула миссис Хорнби. – Вернувшись от Лоули, я пошла к племяннику, чтобы обсудить с ним сложившееся положение. Он выглядел сильно расстроенным; боюсь, перспективы бедного Рубена не внушают ему оптимизма. Остается надеяться лишь на чудо. Боже, Джульет, дорогая! Что теперь будет? Это ужас, вне всякого сомнения...

Тут бедная леди запнулась на полуслове, голос ее задрожал, и она разрыдалась, утирая слезы, к удивлению проходившего мимо клерка, смерившего даму высокомерным взглядом.

– Все это тяжелое для нас время он, словно сын, заботился обо мне и проявлял искреннее сочувствие – я имею в виду Уолтера, – всхлипывая, продолжала миссис Хорнби. – Он подробно расспросил меня о той злосчастной книжечке с отпечатками и записал мои ответы. Потом он составил список вопросов, которые мне, вероятно, зададут на суде, и приготовил ответы, чтобы я заранее прочла и заучила их. Разве это не великодушно с его стороны? Еще я попросила Уолтера напечатать ответы на машинке, чтобы мне удобно было читать их без очков, и он прекрасно справился. Сейчас эта бумага у меня с собой. Огромное подспорье для меня! А то, не дай бог, что-нибудь перепутаю.

– Я не знал, что мистер Уолтер умеет печатать, – вскользь заметил я. – У него есть машинка?

– Ой, подержанная, ничего особенного, – махнула рукой миссис Хорнби, – маленькая такая, и на ней полно круглых кнопок, на которые надо нажимать. Название вылетело у меня из головы, хотя нет, кажется, «диккенсблерфер» или подобное – в общем, смешное. Уолтер купил ее у одного из своих друзей-литераторов с неделю назад, но уже неплохо ею пользуется, хотя все-таки делает опечатки и забывает ставить пробелы. Сейчас я вам покажу, – пообещала она и принялась искать в карманах листок с отпечатанными ответами.

Судите сами, какое воздействие произвели на меня ее слова. Мне сразу вспомнился один из пунктов, которые Торндайк перечислил для идентификации загадочного мистера Х.: «Он относительно недавно приобрел подержанный “бликенсдерфер” разновидности “литературная”». Совпадение оказалось изумительно точным, но, поразмыслив, я убедил себя, что не стоит придавать этой детали такое значение. Во-первых, в городе продавались сотни подержанных «бликенсдерферов», во-вторых, Уолтер Хорнби определенно не покушался на Торндайка, а скорее был заинтересован в том, чтобы жизни доктора ничто не угрожало и он смог выручить Рубена из беды. Эти мысли вихрем

пронеслись в моем сознании, и к моменту, когда миссис Хорнби нашла листок, я почти оправился от шока.

– Вот он! – торжественно воскликнула она, извлекая из внутреннего кармана туго набитый сафьяновый кошелек. – Я специально положила листок сюда; это для сохранности, ведь в Лондоне полно воров – в любую минуту вырвут сумочку, и поминай, как звали. – Она быстро щелкнула замочком, и моим глазам предстали многочисленные отделения, набитые клочками бумаги, кусочками шелка для вышивания, мотками лент, образцами материи от портных, пуговицами, бусами и прочим хламом вперемешку с золотыми, серебряными и медными монетами. – Взгляните-ка, доктор Джервис, – передала она мне сероватую, вчетверо сложенную бумажку. – Если я дам на суде такие показания, это нормально?

Я развернул лист и прочел:

– «Комитет общества покровительства умалишенным выносит на рассмотрение...» Что это такое?

– Ох, простите, доктор Джервис! Я перепутала и дала вам другую бумагу. Какая я рассеянная, право! Это петиция... Ты помнишь, Джульет, того докучливого господина, который не давал мне покоя, требуя денег на благотворительность? Мне пришлось выставить его за дверь и в резких выражениях объяснить, что милосердие прививается в семье, а не навязывается какими-то сомнительными обществами. Хвала Богу, никто из наших родственников не тронулся умом, но прежде всего мы должны заботиться о близких людях, не правда ли? А затем...

– Тетя, – прервала ее Джульет, на бледных щеках которой заиграл слабый румянец, – вы случайно не потеряли ту бумагу? Давайте я помогу вам поискать в кошельке. Вот это не она? Выглядит не такой потертой, как другие. – Джульет аккуратно извлекла листок из-под кучи ниток и лоскутков, развернула, пробежала глазами и протянула мне: – Да, это те самые показания.

Я взял документ и взглянул на него с жадным любопытством. Голова у меня тотчас же закружилась, а сердце неистово забилося. В глаза мне бросился заголовок «Показания относительно пальцеграфа», и в перекладинах каждой из трех буковок «н» я совершенно отчетливо различил маленький интервал наподобие разрыва. Я был так ошеломлен, что застыл на месте. Одно совпадение – еще куда ни шло, но два одновременно, причем второе, с литерой «н», столь уникальное, выходило за пределы вероятного. Казалось, идентификация не допускала сомнений, и все же...

– Что с вами, наш дорогой юрисконсульт? – пробудила меня от

оцепенения Джульет в своей прежней непринужденно-веселой манере.

Я не сразу нашелся, что сказать, а продолжал стоять, держа бумагу в руке; мой рассеянный взгляд бессмысленно скользил по фонарному столбу напротив. Наконец я велел себе собраться с мыслями и стал внимательно читать текст, обнаружив, что первый же параграф требует обсуждения.

– Миссис Хорнби, – обратился я к леди, – на вопрос: «Откуда у вас пальцеграф?», вы отвечаете: «Точно не помню, наверное, купила его в книжном киоске на вокзале». Но ведь пальцеграф принес в дом и дал вам Уолтер?

– Я думала так же, – кивнула дама, – но племянник уверяет, будто я все перепутала, а ведь память у него куда лучше, чем у меня.

– Но, тетя, я прекрасно помню: пальцеграф у вас от Уолтера, – вмешалась Джульет. – Это случилось в тот вечер, когда у нас обедали Колли, и мы не знали, как их развлечь. Вскоре к нам присоединился Уолтер, показал пальцеграф, и все его разглядывали.

– А-а, точно, ты права, дорогая, – спохватилась миссис Хорнби. – Как хорошо, что вы меня поправили! Надо изменить этот ответ.

– По-моему, миссис Хорнби, вам не следует обращать на эту бумагу никакого внимания, – посоветовал я. – Она лишь запутает вас и создаст трудности. Отвечайте на вопросы, которые вам зададут, так, как сможете, а если чего-то не помните, честно признайтесь.

– Мудрый план, – поддержала меня Джульет. – Тетя, отдайте доктору Джервису этот листочек и положитесь на собственную память.

– Ох, милая, я так волнуюсь, – пробормотала миссис Хорнби. – Как же я без подсказок? Мне страшно. Впрочем, ладно, забирайте бумагу, доктор Джервис, или выбросите ее.

Я без лишних слов сложил лист, сунул его в карман, и мы отправились в суд: миссис Хорнби – периодически выплескивая свои эмоции в потоках бессвязной болтовни, а Джульет – молча и рассеянно. Я пытался слушать старшую леди и из вежливости поддерживать светскую беседу, но мои мысли зациклились на лежавшей у меня в кармане бумаге, а в голове крутилось поразительное открытие, которое, вроде бы, объясняло тайну отравленной сигары.

Возможно ли, что Уолтер Хорнби – и есть господин Х.? Это казалось невероятным, поскольку до сих пор на Уолтера не падала ни тень подозрения. И, однако, его описание весьма примечательным образом соответствовало характеристикам гипотетического мистера Х. Он – человек с некоторыми средствами и положением в обществе, он образован, обладает познаниями в химии и навыками в механике. Изобретателен ли

он? Об этом я не мог судить, зато убедился в том, что недавно Уолтер купил подержанный «бликенсдерфер» скорее всего той разновидности, на которую указал Торндайк, так как машинка была приобретена у друга-литератора, и плюс ко всему – буква «н» на этой машинке имела характерную отметину.

Пункт о наличии у Торндайка эксклюзивной информации об Уолтере оставался для меня туманным – я ничего не знал об этом. Я мысленно упрекнул своего коллегу в том, что он не посвятил меня в столь важный вопрос, как вдруг меня словно озарило, и я вздрогнул, испытав самый настоящий приступ угрызений совести. Во время наших свиданий я сообщал Джульет немало подробностей, которые она по своей наивной доверчивости могла передавать Уолтеру. Например, я зачем-то рассказал ей, что Торндайк любит трихинопольские сигары с обрезанными кончиками. Что, если она поделилась этими сведениями с Уолтером, у которого как раз хранился запас таких сигар? Я лихорадочно принялся вспоминать дальше. О времени нашего прибытия ночным поездом на Кингс-Кросс я уведомил Джульет в письме, которое не являлось конфиденциальным, и ничего удивительного, что во время семейного обеда, когда все Хорнби собрались за столом, эту новость узнал и Уолтер. Последний довод показался мне настолько убедительным, что меня бросило сначала в жар, а затем в холодный пот. Единственная соломинка, за которую я цеплялся, – что кузен Рубена не мог быть таким отъявленным злодеем и не имел мотивов совершать столь ужасные преступления.

Я решительно взял себя в руки и стал рассуждать. Миссис Хорнби получила от Уолтера пальцеграф, но ведь и ее муж, Джон Хорнби, имел доступ к этой игрушке. Почему бы ему не раздобыть отпечатки пальцев Рубена и впоследствии не использовать их в своих подлых целях? Характеристики мистера Х. подходили к старшему Хорнби точно так же, как и к младшему. Правда, я не представлял, обладает ли Джон Хорнби особыми навыками в механике, но мои подозрения уже направились в его сторону, и я вспомнил, что Торндайк никоим образом не отвергал моей версии, связывавшей Джона Хорнби с кражей алмазов.

На этом пункте мои раздумья прервала миссис Хорнби, которая сжала мне руку и испустила глубокий вздох. Мы достигли угла Олд-Бейли, и перед нами выросли хмурые стены Ньюгетской тюрьмы, за которыми сидел Рубен Хорнби и другие узники, ожидавшие суда. Я бросил тяжелый взгляд на массивную каменную кладку с вьезшейся городской грязью, поежился, как от озноба, прекратил свои умозрения и весь отдался во власть драмы, близившейся к кульминации.

Мы спустились по старой улице, отравленной горечью человеческих трагедий, страхов, потерь и несбывшихся надежд, в направлении угрюмой тюрьмы и, проследовав мимо кованых металлических ворот, ведущих в мрачные казематы и через тюремный двор прямо на эшафот, подошли к главному входу в здание суда. Я испытал немалое облегчение, увидев, что Торндайк уже на месте и ждет нас, ибо миссис Хорнби находилась в одном шаге от истерики, хоть и прикладывала героические усилия, чтобы сдерживать свои чувства. Щеки Джульет, всю дорогу казавшейся спокойной и невозмутимой, внезапно сделались восковыми, в глазах девушки застыл страх. Я попросил Торндайка поскорее провести нас внутрь, чтобы леди были избавлены от контактов с полицейскими, охранявшими все подъезды и двери.

– Мы обязаны держаться храбро, – увещевал Торндайк миссис Хорнби, взяв ее за руку, – и не расстраивать своими скорбными лицами Рубена, на долю которого и без того выпало много страданий и который мужественно переносит суровые испытания. Еще несколько часов – и, я надеюсь, мы станем свидетелями того, что его честь будет восстановлена. А вот и мистер Энсти, который, мы уверены, сможет доказать невинность вашего племянника.

Энсти, в отличие от Торндайка, уже надевший парик и облачившийся в мантию, важно кивнул, и мы ступили в темный холл. Полицейские в форме и сыщики в штатском заперли входы; оборванные, грязные, со злобными лицами арестанты небольшими группами жались по углам либо сидели на скамейках, распространяя в затхлом спертом воздухе зловоние тюремных фургонов и камер. Мы поспешно протиснулись сквозь толпу и поднялись на площадку, от которой расходилось несколько коридоров. По одному из них через дверь с металлическими прутьями мы добрались до другой двери с надписью «Олд-Корт⁸. Вход для адвокатов и клерков». Энсти распахнул ее, и мы очутились в зале суда.

Я испытал полнейшее разочарование. Зал оказался гораздо меньше, чем я воображал, – я бы назвал его тесным, грязным и убогим. Примитивные панели, имитированные под дерево, были захватаны липкими пальцами и буквально лоснились от солевых отпечатков; стены покрашены в ядовитый серо-зеленый цвет; скамьи, покрытые жирными пятнами, выглядели так отвратительно, что нам стало противно на них садиться; щелястый дощатый пол, кажется, не мыли уже с полвека. Лишь обитый красной байкой и увенчанный королевским гербом балдахин над креслом судьи, алые подушки да большие круглые часы с позолоченным профилем, тикавшие с тяжеловесной важностью, придавали этому месту

некоторое достоинство.

Следуя за Энсти и Торндайком, мы с дамами расположились в третьем ряду на скамье, предназначенной для адвокатов, и принялись озираться по сторонам. Два наших ученых друга уселись в первом ряду напротив центрального стола, за которым справа восседал юрист – видимо, представитель обвинения, – погруженный в лежавшие перед ним бумаги, содержавшие материалы по делу. Прямо перед нами возвышались одно над другим места для присяжных. В той же части зала находились скамьи для свидетелей, правее над нами – кресло судьи, а под ним – сооружение, напоминавшее церковную кафедру или конторку с металлическим ограждением: там стоял судебный клерк в сером парике и очинял перо. Слева я увидел зарешеченную скамью подсудимых, очень длинную и широкую, над ней, почти под потолком, – галерею для зрителей.

– Какое ужасное место! – воскликнула Джульет, сидевшая между мной и миссис Хорнби. – Грязь, мерзость – хуже, чем в могиле. Это выгребная яма – другого названия не подберешь.

– Да, – ответил я, – преступники, увы, нечисты не только морально: куда бы они ни пошли, везде оставляют за собой самую настоящую, физически осязаемую грязь. Я слышал, на скамьях скапливается столько заразы, что время от времени их устилают лекарственными травами; этим же, по-моему, объясняется обычай украшать стол судьи букетиком цветов в качестве средства, якобы предохраняющего от тифа.

– Господи, и наш Рубен будет сидеть в этой клоаке наряду с теми потерявшими человеческий облик типами, каких мы видели внизу в холле, – с горечью вздохнула она и посмотрела в сторону скамьи, где громко галдели репортеры, возбужденные перспективой сенсационного дела.

Вверху на галерее раздался топот, и над деревянным парапетом стали появляться головы зрителей. Несколько младших адвокатов гуськом проследовали на свои места неподалеку от нас. Мистер Лоули и его клерк уселись на скамье для поверенного со стороны защиты, приставы устроились под скамьей для присяжных, старший офицер полиции – за столом возле скамьи подсудимых, а инспекторы, сыщики и простые полицейские столпились в дверях.

Глава 15

Свидетельские показания

В зале внезапно зашушукались, дверь позади помоста распахнулась, барристеры, солиситоры и зрители встали. Первым вошел судья, за ним лорд-мэр, шериф и другие чиновники – все в мантиях, полагавшихся им по должности и придававших фигурам весьма живописный вид. Помощник секретаря уселся за столом перед помостом, адвокаты прекратили разговоры и уткнулись в бумаги. Судья величественно опустил в кресло, со зрительской галереи донеслись перешептывания – наконец зал затих, все взоры устремились на скамью подсудимых.

Через несколько мгновений за ограждением показался Рубен Хорнби в сопровождении надзирателя – оба выросли, как из-под земли. Шагнув к решетке, Рубен остановился и спокойно, с полным самообладанием и некоторым любопытством оглядел зал. На секунду взгляд его задержался на друзьях и доброжелателях, сидевших на нашей скамье; легчайшая улыбка промелькнула на его устах, после чего он отвернулся и больше ни разу за весь процесс не посмотрел в нашу сторону.

Помощник секретаря поднялся с места и, глядя в обвинительный акт, лежавший перед ним на столе, произнес, обращаясь к заключенному:

– Рубен Хорнби, вы обвиняетесь в том, что девятого или десятого марта похитили драгоценные камни, а именно алмазы, принадлежащие мистеру Джону Хорнби. Вы признаете свою вину?

– Нет, я невиновен, – твердо заявил Рубен.

Клерк, записав ответ, продолжил:

– Джентльмены, чьи имена сейчас прозвучат, образуют жюри присяжных для рассмотрения дела Рубена Хорнби. Если, господа, вы желаете заявить отвод кому-либо из них, сделайте это до того, как кандидат принесет присягу.

Началась утомительная процедура приведения жюри к присяге; представители обвинения и защиты, разложив документы, готовились к выступлению, а судья оживленно беседовал с чиновником в мантии, отороченной мехом.

Церемония показалась мне странной: то ли торжественной, то ли, наоборот, гротескной – чем-то средним между церковной службой и комической оперой. Зрители откровенно скучали, и в зале возобновился гомон, заглушаемый клерком, изо всех сил выкрикивавшим имена

присяжных. Как только очередной из них вставал, похожий на жреца судебный пристав в черной мантии выходил вперед и протягивал ему Библию. Присяжный брал ее в руки, а пристав, как священник в храме, басил на весь зал:

– Сэмюэл Сеппингс!

– Я самый! – поднялся какой-то субъект в одежде чернорабочего и вытянулся перед приставом по струнке, прижимая к груди Библию.

– Клянись честно и беспристрастно, принимая во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешить дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, – так, как подобает свободному гражданину и здравомыслящему человеку, – и вынести справедливый вердикт. Да поможет вам Бог!

– Клянусь!

– Джеймс Пайпер!

Встал другой субъект, по виду мелкий торговец, взял Библию, и монотонное «церковное» гундошенье возобновилось.

– Если эти гнусавые причитания сейчас же не прекратятся, я закричу, – прошептала Джульет. – Почему присяжные не могут все разом дать клятву и покончить с этим?

– Таковы правила, – объяснил я. – Потерпите немного, остались двое.

– Я ужасно боюсь. Все это так торжественно и страшно, что давит на психику.

– Наберитесь мужества до выступления доктора Торндайка, – попросил я. – Помните: пока ему не дадут слово, все будут свидетельствовать против Рубена – так задумано.

– Постараюсь, – кротко ответила она.

Наконец все кандидаты присягнули, клерк снова одно за другим огласил их имена, пристав провел перекличку и, повернувшись к залу, торжественно объявил:

– Если кто-то из присутствующих до начала дознания может сообщить милордам судьям, королевскому атторнею или генеральному судебному приставу о тяжком уголовном преступлении или ином наказуемом законом проступке, совершенном обвиняемым, пусть выйдет и даст показания. Суд учтет их при вынесении приговора.

Воцарилось гробовое молчание, нарушенное помощником секретаря:

– Господа присяжные, подсудимый по имени Рубен Хорнби обвиняется в том, что девятого или десятого марта похитил из сейфа партию бриллиантов, принадлежащих мистеру Джону Хорнби.

Подсудимый свою вину отрицает, и ваша миссия, выслушав показания свидетелей, сторон обвинения и защиты, установить, виновен он или нет.

Закончив обращение, клерк сел, устремив вопросительный взгляд на судью, и тот, пожилой человек с глубоко посаженными глазами, густыми седыми бровями и мясистым носом, некоторое время внимательно рассматривал Рубена поверх пенсне в золотой оправе, после чего едва заметно кивнул какому-то джентльмену в первом ряду. Тот моментально поднялся, и я впервые в жизни так близко увидел сэра Гектора Трамплера, королевского прокурора, представителя обвинения. Это был крупный человек с красным лицом и довольно неказистой внешностью, к тому же неопрятный: мантия свалилась у него с плеча, парик съехал набок, а пенсне ежесекундно грозило соскользнуть с носа, упасть и разбиться.

– Дело, которое я представляю вам, милорд и господа присяжные, – начал он громким немелодичным голосом, – отнюдь не уникальное. Подобные инциденты часто приходится разбирать в суде. Ибо такова порочная человеческая натура. На безграничное доверие она отвечает вероломным обманом, за многочисленные благодеяния платит черной неблагодарностью. Перед вами, господа, юноша, который, презрев свои обязанности и не пожелав честно трудиться, предпочел скользкую, извилистую преступную стезю. Кратко изложу факты: истец – подчеркну, вынужденный быть таковым, – мистер Джон Хорнби, владелец предприятия по обработке металлов и торговец алмазами. У него два племянника – осиротевшие сыновья его старших братьев, и уверяю вас: он заменил обоим юношам родных отцов со времени их кончины. Один из племянников – мистер Уолтер Хорнби, другой – Рубен Хорнби, обвиняемый. Обоих мистер Хорнби принял на свое предприятие, чтобы со временем, когда он отойдет от дел, они стали его достойными преемниками, и оба, разумеется, занимали должности, требующие ответственности и полной самоотдачи.

Вечером девятого марта по просьбе одного из партнеров мистеру Хорнби доставили партию необработанных алмазов на временное хранение, пока их не отправят посредникам. Нет нужды отягощать публику подробностями, касающимися этой коммерческой сделки. Достаточно сообщить, что алмазы общей стоимостью тридцать тысяч фунтов стерлингов, запечатанные в пакет, прибыли точно в условленный срок, и мистер Хорнби собственноручно положил их в свой сейф вместе с листком бумаги, на котором сделал соответствующую отметку. Заперев сейф и взяв с собой ключи, мистер Хорнби отправился домой.

На следующее утро, открыв сейф, он с удивлением и смятением

обнаружил, что пакет с алмазами исчез. Листок бумаги, однако, лежал на дне, и, подняв его, мистер Хорнби увидел кровавые пятна и отчетливый отпечаток большого пальца. Он моментально запер сейф и послал в полицейский участок записку, после чего на место происшествия прибыл инспектор Сандерсон и провел предварительное расследование. Не стану вдаваться в детали, которые вы узнаете из показаний свидетелей, добавлю только, что отпечаток пальца на листке принадлежит обвиняемому Рубену Хорнби, и это, господа, сомнению не подлежит.

Трамплер сделал паузу, чтобы удержать пенсне, которое в этот момент чуть не свалилось у него с носа, и поправить мантию; совершая эти движения, он не спускал глаз с присяжных, словно оценивая, какую реакцию вызвала у них его речь. Я случайно посмотрел в сторону и заметил, что в зал вошел Уолтер Хорнби и уселся на дальнем конце нашей скамьи, расположенном близко к двери; вскоре после этого показался суперинтендант Миллер и сел на одну из скамей по другую сторону прохода.

– В качестве свидетеля вызывается Джон Хорнби, – громогласно объявил Гектор Трамплер.

Мистер Хорнби торопливо поднялся на свидетельское место, пристав протянул ему Библию и произнес:

– Свидетельствуя перед судом и присяжными, клянитесь говорить всю правду и ничего кроме правды.

Мистер Хорнби поцеловал Библию и, с невыразимой скорбью взглянув на племянника, повернулся к прокурору.

– Ваше имя? – спросил сэра Гектор.

– Джон Хорнби.

– Род занятий?

– Владелец собственного предприятия, которое занимается оценкой образцов руды, кварца, серебра и золота. Кроме того, я оказываю посреднические услуги по части сбыта драгоценных металлов и камней.

– Что случилось девятого марта?

– Мой племянник Рубен передал мне пакет с алмазами, полученный им от казначея, прибывшего на судне «Замок “Элмина”»; именно я командировал Рубена на пристань в качестве своего доверенного лица. Я намеревался незамедлительно передать ценный груз на хранение своему банкиру, но, когда Рубен вернулся в контору, все банки уже закрылись, поэтому я был вынужден положить драгоценности в свой сейф. На одну только ночь! Поверьте: Рубен не виноват в том, что задержался на пристани и возвратился поздно. Таково стечение обстоятельств...

– От вас не требуется защищать обвиняемого, – сухо обронил сэр Гектор. – Будьте любезны, отвечайте на мои вопросы без посторонних замечаний. Итак, вы поместили алмазы в сейф. Кто-нибудь присутствовал при этом?

– Я был совершенно один.

– Я вас не спрашиваю, с кем вы были, – одернул свидетеля сэр Гектор, но тут в зале захихикали, а судья снисходительно улыбнулся. Поняв свою оплошность, обвинитель нахмурился и, ничуть не смутившись, продолжал: – Что вы еще делали? Подробнее, пожалуйста.

– Раскрыл свою записную книжку, написал чернилами: «Передано Рубеном в 7.30 пополудни, 09.03.01» и поставил свои инициалы: «Дж. Х.». Затем вырвал листок, положил его на пакет с алмазами и запер сейф.

– Как скоро после этого вы покинули контору?

– Почти немедленно. Рубен ждал меня в приемной...

– Не отвлекайтесь на то, где находился обвиняемый; отвечайте только по существу. Вы взяли ключи с собой?

– Именно так.

– Когда вы в следующий раз открыли сейф?

– На другое утро, десятого марта, в десять часов.

– Сейф был заперт, когда вы пришли?

– Конечно. Я отпер его своими ключами.

– Вы заметили что-нибудь необычное, связанное с ним?

– Абсолютно ничего.

– Все это время ключи оставались в вашем распоряжении?

– Да; они прикреплены к цепочке от часов, которую я всегда ношу при себе.

– Существуют ли дубликаты ключей от вашего сейфа?

– Нет, только оригиналы.

– Вы когда-нибудь расставались с ключами?

– Если я надолго отлучался из конторы, то передавал их тому из своих племянников, кто в тот момент оказывался рядом.

– И никогда – другому лицу?

– Ни единого раза.

– Что вы увидели, открыв сейф?

– Отсутствие пакета с алмазами и лист из своей записной книжки. Я взял его, перевернул и заметил на нем капли крови и что-то вроде отпечатка пальца, тоже в крови. Листок лежал на дне сейфа, и след большого пальца находился снизу.

– Ваши дальнейшие действия?

– Я запер сейф и послал в полицию записку, что на моем предприятии совершена кража.

– Как давно вы знаете Рубена Хорнби?

– Всю его жизнь. Он сын моего старшего брата.

– Обвиняемый левша или правша?

– Он одинаково владеет обеими руками, но предпочитает больше пользоваться левой.

– Очень уместное уточнение, мистер Хорнби, благодарю вас. Вы с точностью установили, что драгоценности пропали?

– Разумеется. Я тщательно обследовал сейф – сначала сам, потом с помощью полиции. Алмазов не было.

– Прибывший к вам сержант Бейтс попытался взять отпечатки пальцев ваших племянников, это так?

– Да, но я отказал ему, потому что не желал подвергать юношей унижению. Кроме того, я не имел права заставить их подчиниться этой процедуре.

– Вы заподозрили кого-нибудь из них?

– Ни того, ни другого.

– Внимательно посмотрите сюда, мистер Хорнби, – попросил сэр Гектор, передавая свидетелю небольшую продолговатую полоску, – и ответьте суду: что это такое?

Мистер Хорнби быстро взглянул и сказал:

– Это листок из моей книжки, который я обнаружил на дне сейфа.

– Почему вы полагаете, будто это он? Как вы его опознали?

– Здесь строчка «Передано Рубеном в 7.30 пополудни, 09.03.01, Дж. Х.», выведенная моей рукой и помеченная моими инициалами. Листок я поместил на пакет с алмазами.

– Когда вы клали листок, на нем имелись капли крови или отпечатки пальцев?

– Нет, он был совершенно чистый. Я вырвал его из блокнота лишь после того, как сделал запись.

Гектор Трамплер кивнул судье в знак того, что у него пока все, и к перекрестному допросу подключился мистер Энсти.

– Вы сообщили суду, мистер Хорнби, – произнес он, – что знаете Рубена Хорнби всю его жизнь. Каково ваше мнение о его характере?

– Я высоко ценю этого молодого человека: он благороден, выдержан, трудолюбив и надежен. За все время нашего общения он ни разу не солгал, не покривил душой и ни на волос не отклонился от кодекса чести джентльмена.

– Ваша точка зрения не изменилась и сейчас? После всего случившегося?

– Нисколько. Я настаиваю на своих показаниях.

– У вашего племянника имеются экстравагантные привычки, которые повлекли бы за собой существенные материальные траты?

– Нет. Он человек скромный и бережливый.

– Вам известно, чтобы он держал пари, играл в карты, делал ставки на скачках или на бирже?

– Я не знаю ни одного подобного случая.

– Рубен Хорнби испытывал острую нужду в деньгах?

– Не думаю: он располагает собственным небольшим доходом помимо жалованья, которое получает на моем предприятии. Рубен экономит деньги, у него есть сбережения, которые я однажды предложил ему выгодно вложить в какое-нибудь дело.

– Какие факты или обстоятельства, кроме найденного в сейфе отпечатка пальца, заставляют вас подозревать, что именно Рубен Хорнби похитил алмазы?

– Никакие.

Мистер Энсти удовлетворенно кивнул; Джон Хорнби, вытирая пот со лба, вернулся на скамью, после чего пригласили инспектора Сандерсона. Бравый офицер быстро принял присягу и повернулся к сэру Гектору с видом человека, готового к любым испытаниям.

– Что произошло утром десятого марта? – начал допрос прокурор.

– В тот день в десять часов двадцать три минуты мне передали записку от мистера Джона Хорнби с сообщением о том, что в его конторе на Сент-Мэри-Экс совершена кража. Я отправился по указанному адресу и прибыл на место в десять часов тридцать одну минуту. Мистер Джон Хорнби уведомил меня, что из его сейфа похищен пакет с алмазами. Я незамедлительно осмотрел сейф и не обнаружил ни следов взлома, ни повреждения замков. На дне сейфа я заметил две крупные капли крови и листок бумаги с записью, сделанной чернилами. На листке присутствовали два кровавых пятна и оттиск большого пальца.

– Вот этот листок вы увидели? – спросил сэр Гектор, демонстрируя свидетелю страничку из записной книжки.

– Так точно, – отчеканил инспектор, бросив быстрый взгляд на документ.

– Что вы предприняли?

– Срочно связался со Скотланд-Ярдом, доложил о ситуации руководителю бюро уголовных расследований и вернулся в участок. В

дальнейшем отношения к этому делу я не имел.

Прокурор сел, и судья выразительно посмотрел на Энсти.

– Вы заявили, – сказал барристер, поднимаясь со скамьи, – что заметили на дне сейфа две крупные капли крови. Они были влажные или засохшие?

– Кровь выглядела свежей, но я не прикасался к ней. Я оставил капли такими, как есть, чтобы их исследовали детективы.

Следующим вызвали сержанта Бейтса из бюро уголовных расследований. Он деловито поднялся на свидетельское место и, присягнув, стал давать показания с поразительной беглостью, словно заучил их заранее: открытый блокнот он держал перед собой, но ни разу не заглянул в него.

– Десятого марта в двенадцать часов восемь минут шеф поручил мне выехать на Сент-Мэри-Экс, где произошла кража. Копию рапорта инспектора Сандерсона я прочел в кэбе по дороге. Прибыв на место в двенадцать тридцать, я первым делом изучил сейф: ни повреждений, ни следов взлома не было. Я несколько раз проверил замки: они находились в отличном состоянии, без царапин – следовательно, отмычка не применялась. На дне сейфа я увидел две довольно большие капли темной жидкости и перенес ее на бумагу – это оказалась кровь. Там же, на дне, валялась обгоревшая головка серной спички. Осмотрев пол в конторе, я обнаружил под сейфом использованную спичку с отпавшей головкой.

– Вы видели листок бумаги с чернильной записью?

– Да; кажется, его вырвали из перфорированного блокнота. Я прочел следующее: «Передано Рубеном в 7.30 пополудни, 09.03.01, Дж. Х.». На страничке были два красных пятна и отпечаток большого пальца, испачканного в крови. Я забрал листок на экспертизу и осмотрел двери в контору: признаки насильственного вторжения отсутствовали. От мистера Джона Хорнби, которого я допросил, не удалось получить никакой новой информации. Я возвратился в управление, составил рапорт, а листок с отпечатками передал суперинтенданту.

– Эта бумага лежала в сейфе? – уточнил сэр Гектор, в очередной раз показывая листок.

– Именно, сэр.

– Продолжайте.

– Во второй половине дня меня вызвали к руководителю отдела дактилоскопической экспертизы мистеру Синглтону. Он просмотрел картотеку, но не нашел отпечатка, соответствующего тому, что я принес, и дал указание собрать отпечатки больших пальцев всех лиц, которые могут

быть причастны к краже. На случай необходимости он вручил мне увеличенную фотографию исходного оттиска. Я вернулся на Сент-Мэри-Экс и долго беседовал с мистером Хорнби, убеждая разрешить мне снять отпечатки пальцев всех, кто проживает в его доме, включая его племянников. Он категорически отказался, заявив, что отпечатки пальцев – это не улика, и все его родственники вне подозрений. «Не согласитесь ли вы на то, чтобы ваши племянники предоставили нам свои отпечатки в частном порядке?» – спросил я его. Ответ был следующий: «Определенно нет».

– Вы сами, сержант, подозреваете кого-либо из племянников мистера Хорнби?

– Ни один из них, сэр, не имеет алиби. Сейф, вероятно, отперли дубликатами. Каждый из племянников истца неоднократно держал в руках настоящие ключи. Что помешало бы молодым людям снять восковые слепки и заказать другой комплект?

– Вам так и не удалось получить разрешение мистера Хорнби на снятие отпечатков?

– Нет, хотя я действовал упорно и доказывал, что это необходимо для сохранения репутации его родственников. Он оставался непоколебим, несмотря на то что оба юноши согласились пройти процедуру. Тогда мне пришлось в голову обратиться за помощью к миссис Хорнби, и пятнадцатого марта я приехал в дом истца повидаться с его супругой. Я объяснил ей, как важно очистить ее племянников от неприятных подозрений в краже, которые на них пали, и она ответила, что эту задачу нетрудно решить, ибо отпечатки пальцев всех членов семьи есть у нее в пальцеграфе.

– Что такое пальцеграф? – привстал судья, поправляя пенсне.

Поднялся мистер Энсти, держа в руке миниатюрный предмет в красной тканевой обложке:

– Пальцеграф, милорд, представляет собой книжечку наподобие этой; в ней обычные люди ради забавы собирают отпечатки пальцев своих родственников, друзей и знакомых.

Он передал пальцеграф судье, который с любопытством полистал странички и кивнул свидетелю:

– Продолжайте, мистер Бейтс. Итак, миссис Хорнби сообщила, что отпечатки имеются у нее в пальцеграфе.

– Да, и вынула из комода книжечку в красной обложке. Я увидел там отпечатки пальцев всей семьи Хорнби и некоторых их друзей.

– Это та самая книжечка? – спросил судья, передавая свидетелю пальцеграф.

Сержант полистал страницы, пока не нашел ту, которую, по-видимому, сразу узнал:

– Да, милорд, это она. Миссис Хорнби показала мне все отпечатки пальцев, в том числе двоих своих племянников. Я сличил их с фотографией, которую дал мне мистер Синглтон, и установил, что отпечаток левого большого пальца Рубена Хорнби во всех отношениях идентичен оттиску того же пальца на снимке. Я попросил миссис Хорнби одолжить мне пальцеграф, чтобы отнести его руководителю отдела дактилоскопической экспертизы, и леди согласилась. О своем открытии я ей поначалу не сказал, но вернулся мистер Хорнби, поинтересовался, зачем мне пальцеграф, и я признался ему. Он был изумлен, даже шокирован, потребовал, чтобы я немедленно вернул книжечку, и предложил мне закрыть дело, пообещав полностью возместить пропажу алмазов. Однако я возразил ему, что сокрытие преступления карается по закону. Миссис Хорнби, узнав правду, расплакалась: «Что я наделала! Теперь дурацкая безделушка будет использована против Рубена», – и я пообещал леди вернуть пальцеграф, если у меня появится возможность добыть отпечатки другим способом.

Я отнес пальцеграф в Скотланд-Ярд и показал мистеру Синглтону, который согласился, что оттиск левого большого пальца Рубена Хорнби полностью совпадает с отпечатком на листе из сейфа. После этого я запросил и наутро получил ордер на арест подозреваемого. Я уведомил его о данном миссис Хорнби слове, и он сам предложил мне снять у него отпечаток пальца, чтобы книжечка его тети не фигурировала в показаниях.

– Почему же тогда она в них фигурирует? – подал голос судья.

– По желанию адвоката Рубена Хорнби, милорд, – сухо ответил Гектор Трамплер.

– Понимаю, – добавил судья. – Волос собаки, которая укусила. Пальцеграф выполняет функцию лекарства по принципу «*Similia similibus curantur*»⁹. Что дальше, мистер Бейтс?

– Я арестовал Рубена Хорнби, предупредив, как положено, об ответственности за показания, а он заявил, что невиновен и ничего не знает о краже.

Прокурор сел, и Энсти приступил к перекрестному допросу.

– Вы сообщили, сержант, – начал он чистым музыкальным голосом, – что заметили на дне сейфа две довольно большие капли темной жидкости, и это якобы оказалась кровь. На основании чего вы пришли к такому выводу?

– Я перенес на чистую белую страницу маленькую капельку, и она

внешне походила на кровь.

– Вы провели исследование под микроскопом?

– Нет, визуально.

– Как выглядела капля на бумаге?

– Красноватого, как у крови, цвета, жидковатой консистенции, немного липкая.

Энсти махнул рукой, и огласили имя очередного свидетеля, Фрэнсиса Симмонса.

– Вы служите сторожем в принадлежащем мистеру Хорнби офисном здании на Сент-Мэри-Экс, не так ли? – спросил Гектор Трамплер и, когда мужчина кивнул, продолжил: – Вы заметили что-то необычное в ночь с девятого на десятое марта?

– Ничего особенного, сэр.

– Вы совершали в ту ночь обход конторы?

– Несколько раз, сэр, а остальное время я провел в служебном помещении над личным кабинетом мистера Хорнби.

– Кого первым вы увидели утром десятого числа?

– Мистера Рубена. Он явился минут на двадцать раньше остальных.

– Куда он отправился?

– В свой кабинет, который я отпер по его просьбе. Он находился там с четверть часа, потом поднялся в лабораторию.

– Кто пришел следующим?

– Сам хозяин, мистер Хорнби, а вскоре – мистер Уолтер.

Прокурор сделал знак, что допрос окончен, и Энсти, которому дали слово, поинтересовался у сторожа:

– Кто последним оставался в здании вечером девятого марта?

– Точно не знаю.

– Почему?

– Мне поручили отвезти письмо и пакет в фирму в Шордиче. Уезжая, я видел, что в приемной сидит Томас Холкер, а мистер Уолтер работал в своем кабинете. Когда я вернулся, то не застал никого из них; главный вход был заперт.

– У Томаса Холкера есть от него ключ?

– Нет. Ключи имелись лишь у хозяина, его племянников и у меня. Больше ни у кого.

– Как долго вы отсутствовали?

– Три четверти часа.

– Кто дал вам письмо и пакет?

– Мистер Уолтер Хорнби.

– Когда это произошло?

– Непосредственно перед тем, как я ушел. Я торопился; мистер Уолтер велел отправляться немедленно. Он сказал, что рабочий день заканчивается, и если я не поспешу, то офис в Шордиче закроется, прежде чем я доберусь.

– Вы все-таки не успели?

– Нет, я опоздал, у них все было заперто, служащие уже разошлись по домам.

Энсти поблагодарил сторожа, и тот с явным облегчением покинул свидетельское место, а пристав выкрикнул:

– Генри Джеймс Синглтон!

Полицейский чиновник поднялся из-за стола, где сидел рядом с другими представителями обвинения, и прошел для дачи показаний. Сэр Гектор поправил пенсне, перевернул страницу и сурово взглянул на присяжных, словно давая им понять, что этот свидетель – важная персона.

– Где вы служите, мистер Синглтон? – последовал первый вопрос, когда были соблюдены все формальности.

– В Скотланд-Ярде. Я – руководитель отдела дактилоскопической экспертизы.

– В чем заключаются ваши официальные обязанности?

– В исследовании и сравнении отпечатков пальцев преступников и подозреваемых. Я идентифицирую и классифицирую отпечатки в соответствии с их характеристиками, веду картотеку и отвечаю за базу данных.

– То есть через вас проходит огромное количество отпечатков?

– Десятки тысяч.

– Посмотрите на эту бумагу, мистер Синглтон. – Сэр Гектор протянул эксперту роковой листок. – Вы видели ее раньше?

– Да, десятого марта ее привезли мне в кабинет для изучения.

– На ней отчетливый след. Что он собой представляет?

– Оттиск левого большого пальца Рубена Хорнби.

– Вы убеждены в том, что отпечаток на бумаге оставлен большим пальцем подсудимого?

– Готов присягнуть.

– Это не отпечаток большого пальца другого человека?

– Нет, данный отпечаток принадлежит Рубену Хорнби.

Я вдруг почувствовал, как дрожащие пальчики Джульет легли на мою руку. Взглянув на девушку, я заметил, что она смертельно бледна, сжал ее руку и прошептал:

– Потерпите, дорогая; в том, что происходит, для нас нет ничего неожиданного.

– Спасибо, – еле слышно пролепетала она со слабой улыбкой. – Я пытаюсь, но у меня плохо получается.

– Вы считаете, – продолжал сэр Гектор, – что идентификация этого оттиска не вызывает сомнений?

– Ни малейших, – ответил Синглтон.

– Объясните, пожалуйста, суду, не прибегая к техническим подробностям, доходчиво и поэтапно, как вы достигли такой абсолютной уверенности?

– Прежде всего, я собственноручно снял у подозреваемого отпечаток большого пальца, предварительно заручившись согласием самого Рубена Хорнби и предупредив его, что результат экспертизы будет оглашен публично и может быть использован против него. Заметьте, я не поручил эту работу кому-то постороннему, поскольку изначально держал весь процесс под строгим контролем. Далее я сопоставил полученный оттиск со следом на бумаге из сейфа. Сравнение производилось с величайшей скрупулезностью, наиболее испытанным и проверенным методом, пункт за пунктом, деталь за деталью. В итоге два отпечатка были найдены тождественными во всех отношениях.

Путем вычислений, которые я опять-таки проверял лично, нам удалось установить, что точность совпадения отпечатка пальца Рубена Хорнби с отпечатком того же пальца второго лица (назовем его мистер Z.) соотносится как один факт к шести миллиардам другим. Количество же людей на нашей планете всего около полутора миллиардов. В итоге мы имеем более чем полное соответствие двух отпечатков, следовательно, люди, у которых они взяты, а именно Рубен Хорнби и мистер Z., являются одним и тем же лицом, и нет на земле другого представителя человеческой расы с таким же оттиском пальца. Согласно законам юриспруденции, которых я неукоснительно придерживаюсь, полная тождественность двух отпечатков одного и того же пальца есть свидетельство, не нуждающееся в доказательствах. Постулат Гальтона.

Эти доводы применимы даже к отпечаткам пальцев, не обладающих характерными особенностями или патологиями. Но наш случай еще показательнее. Большой палец, с которого снят отпечаток, не вполне обычен: на нем заметен четко выраженный, глубокий, узкий и длинный шрам от старого пореза, который проходит поперек рисунка бороздок, пересекая их в одних местах и нарушая их непрерывность в других. Этот специфический шрам – дополнительная особенность, имеющая

собственный набор вероятностей. Таким образом, мы обязаны принимать во внимание не только тождественность отпечатка левого большого пальца подсудимого и того же пальца мистера Z., которая соотносится как один к шести миллиардам, но и другую вероятность, связанную со следом шрама. Подчеркиваю: оба отпечатка имеют шрам, идентичный по размеру и виду, который пересекает бороздки на одних и тех же участках и нарушает их непрерывность абсолютно одинаковым образом. Эти две помноженные одна на другую вероятности дают только один шанс против сотен миллиардов, что левый большой палец подсудимого вполне тождествен левому большому пальцу мистера Z. в отношении как рисунка, так и шрама. Другими словами, перед нами такое совпадение, точнее которого не бывает, – это уже за пределами возможного и за гранью разумного.

Сэр Гектор снял пенсне и устремил на присяжных долгий спокойный взгляд, как бы говоря: «Ну, какие у вас еще сомнения?» Затем он внезапно сел и повернулся к Энсти и Торндайку с торжествующим видом.

– Вы намерены допросить свидетеля? – поинтересовался судья, видя, что барристер не встает.

– Нет, милорд, – ответил тот.

Гектор Трамплер с нескрываемым изумлением снова обернулся к адвокатам, и его широкое красное лицо озарилось улыбкой триумфатора. Та же улыбка отразилась и на лице мистера Синглтона, возвращавшегося на свое место за столом, и, когда я взглянул на Торндайка, мне на мгновение показалось, что на его непроницаемом лице промелькнула тень усмешки.

– Герберт Джон Нэш! – объявил пристав.

Поднялся полноватый, средних лет господин, производивший впечатление человека рассудительного, степенного и одновременно порывистого. Сэр Гектор встал и спросил его:

– Вы, мистер Нэш, служите в отделе дактилоскопической экспертизы Скотланд-Ярда, верно?

– Да, я один из ведущих сотрудников.

– Вы слышали показания мистера Синглтона?

– Конечно.

– Вы согласны с утверждениями свидетеля?

– Полностью. Я также готов присягнуть, что след на бумаге, найденной в сейфе, – это отпечаток левого большого пальца подсудимого Рубена Хорнби.

– Вы полагаете, что ошибка исключена?

– Она немыслима, сэр.

Прокурор многозначительно посмотрел на присяжных и уселся в кресло, а Энсти опять промолчал, лишь сделал какую-то пометку в своих бумагах.

– Мистер Трамплер, вы собираетесь приглашать других свидетелей? – осведомился судья, погружая перо в чернильницу.

– Нет, милорд, – вальяжно промолвил сэр Гектор. – В этом нет необходимости. Ситуация очевидна. Дело выигрывает сторона обвинения.

Энсти быстро вскочил, словно спохватившись, и, апеллируя к судье, произнес:

– Я вызываю свидетеля, милорд.

Судья кивнул и что-то черкнул на листе, а Энсти обратился к публике с краткой преамбулой:

– Милорд и господа присяжные, на этой стадии разбирательства я не стану утомлять вас длинным выступлением, а сразу перейду к показаниям первого свидетеля защиты.

Джульет сжала мою руку и пролепетала угасающим шепотом:

– Это ужасно. Доводы Синглтона поистине сокрушительные. Что можно им противопоставить? Я в отчаянии. Бедный Рубен! Он пропал, доктор Джервис! Пропал безоговорочно. Теперь у него нет ни единого шанса выкарабкаться.

– Мисс Гибсон, вы лично сомневаетесь в его невиновности? – спросил я, поглаживая ее по руке.

– Да что вы! – возмутилась она, высвобождая руку. – Я как никогда уверена в ней.

– В таком случае, – резонно заметил я, – у стороны защиты наверняка найдутся какие-либо способы доказать данный факт.

– Господи, поскорее бы, – грустно пробормотала она. – Неизвестность терзает больше всего.

В этот момент пристав огласил имя свидетеля:

– Эдмунд Хорфорд Роуи.

На свидетельское место поднялся пронизательного вида седой мужчина с бритым лицом и коротко подстриженными бакенбардами.

– Ваш род занятий, мистер Роуи? – спросил Энсти.

– Доктор медицины, читаю курс судебной медицины в колледже при Южной лондонской больнице.

– Вам случалось в профессиональных целях изучать свойства крови?

– Конечно. Они имеют огромную важность с судебно-медицинской точки зрения.

– Что происходит, когда капля крови – допустим, из порезанного

пальца – падает на дно металлического сейфа?

– Капля крови из живого тела, упавшая на не впитывающую влагу поверхность, в течение короткого времени превращается в студневидную массу, сначала сохраняющую некоторый объем и цвет жидкой крови.

– Далее она претерпевает изменения?

– Да, через несколько минут студневидная масса начинает высыхать и приобретать твердость, так что кровь разделяется на две составляющие: твердую и влажную. Первая представляет собой крепкий, жесткий студень темно-красного цвета, вторая – бледно-желтую жидкость.

– Каково состояние крови через два часа?

– Получится капля почти бесцветной жидкости с маленьким красным комочком в центре.

– Если такую каплю перенести на белый лист бумаги, как она будет выглядеть?

– Бумага смочится бесцветной жидкостью, а комочек, с высокой долей вероятности, прилипнет к листу.

– Приобретет ли кровь на бумаге вид однородной жидкости?

– Определенно нет. Жидкая субстанция будет выглядеть как вода, а комочек – как твердая масса, приклеившаяся к бумаге.

– Кровь всегда принимает подобный облик?

– Всегда, если не использованы какие-либо искусственные средства, препятствующие свертыванию.

– Каким образом кровь предохраняют от свертывания и высыхания?

– Существуют два распространенных метода. Один – быстро помешивать или взбивать свежую кровь. Так удается освободиться от фибрина, вызывающего застывание крови, и она какое-то время не меняется внешне, оставаясь жидкой. Другой способ заключается в том, чтобы растворить в свежей крови некоторую долю щелочной соли, и тогда кровь не загустеет.

– Согласно свидетельству инспектора Сандерсона, он исследовал сейф в десять часов тридцать одну минуту и заметил на дне две крупные капли крови. Сержант Бейтс дал суду показания, что осмотрел сейф в двенадцать тридцать, то есть еще двумя часами позже, и перенес одну из капель на бумагу. Капля к тому времени не загустела и не засохла, а выглядела на листе как однородная красноватая жидкость цвета крови. Каковы, на ваш взгляд, ее природа и состояние?

– Если это действительно была кровь, то либо дефибринированная, то есть с извлеченным посредством взбивания фибрином, либо смешанная со щелочной солью.

– По-вашему, капли, найденные на дне сейфа, не являлись обычной кровью, вытекшей из пореза или другой раны?

– Я уверен, что такое невозможно.

– Доктор Роуи, вам приходилось работать с отпечатками окровавленных пальцев?

– Да, совсем недавно я провел ряд экспериментов на этот предмет.

– Резюмируйте, пожалуйста, свои выводы.

– Я поставил своей задачей определить, оставляют ли пальцы, выпачканные кровью, особые и характерные следы. Проведя множество опытов, я удостоверился, что крайне сложно получить отчетливый отпечаток пальца, смоченного свежей кровью. Типичный результат – лишь красное пятно, не показывающее рисунка бороздок по причине того, что кровь заливает желобки между линиями отпечатков. Но если кровь на пальце подсушить, отпечатки выходят куда более качественными.

– Можно ли выявить среди других отпечатков, оставленный почти сухим пальцем?

– Да, это несложно. Когда кровь почти сухая, она твердая и пристает к бумаге иначе, чем жидкая. Это позволяет изучить мелкие детали поверхности пальца, такие как устья потовых желез, которые отсутствуют, если палец влажный.

– Посмотрите на бумагу, обнаруженную в сейфе, – попросил Энсти, протягивая доктору Роуи злополучный листок, – и скажите, что вы видите?

Свидетель взял лист и стал разглядывать его сначала сквозь пенсне, а потом в лупу.

– Здесь два кровавых следа и один отпечаток, видимо, большого пальца. Из двух следов один – пятно, слегка размазанное пальцем, другое – обычное. Оба они оставлены довольно жидкой кровью. То же самое относится к отпечатку большого пальца.

– Вы убеждены, что он сделан жидкой кровью?

– У меня нет ни малейших сомнений.

– Вы заметили в нем что-нибудь необычное?

– Он неправдоподобно отчетлив. Я поставил немало экспериментов, чтобы добиться яркости отпечатков пальцев, смоченных свежей кровью. Вот посудите сами. – Тут доктор Роуи показал стопку листов, каждый из которых был испещрен отпечатками окровавленных пальцев, и, поочередно приложив их к тому оттиску, что нашли в сейфе, подвел итог: – Ни один из моих результатов даже близко не равен этому.

Бумаги немедленно передали судье, Энсти сел, а Гектор Трамплер с несколько озадаченным видом поднялся для перекрестного допроса.

– Вы утверждаете, что кровь на дне сейфа дефибринирована, то есть искусственно обработана. Что же это означает?

– То, что она не сочилась из кровоточащей раны.

– Как же, по-вашему, такая кровь попала в сейф?

– Не знаю.

– Вы говорите, что отпечаток пальца, найденный в сейфе, неправдоподобно отчетлив. В чем заключается неправдоподобие? Разве не бывает ярких отпечатков?

– Я представил суду результаты своих экспериментов, то есть совокупность фактов, а вывод сделают милорд и присяжные, – сухо парировал доктор Роуи, и ему разрешили вернуться на место; сэр Гектор проводил его недоуменным взглядом, а я вновь уловил на лице Торндайка что-то вроде усмешки.

– Вызывается Арабелла Хорнби.

Слева от меня раздались приглушенные всхлипывания и бурный шелест шелка. Я с тревогой наблюдал за миссис Хорнби: трясаясь, как желе, она встала со скамьи, вытерла глаза платком, скомкала его, сунула в свой сафьяновый кошелек и громко щелкнула замочком. Затем нетвердой походкой поднялась за конторку, обвела публику затравленным взглядом, для чего-то раскрыла кошелек и принялась рыться внутри, в многочисленных отделениях.

– Миссис Хорнби, – обратился пристав, когда пожилая леди наконец-то прервала свои поиски и с опаской уставилась на него, – клянитесь говорить суду только правду и ничего, кроме правды. Да поможет вам Бог!

Он вложил Библию в дрожащие руки дамы, которая не сумела удержать тяжелый фолиант, и он глухо стукнулся о пол. Миссис Хорнби охнула и нырнула за книгой с такой поспешностью, что широкие поля ее шляпки застряли между перилами свидетельского места. Женщина на несколько секунд исчезла из виду, а когда показалась вновь, лицо ее побагровело, шляпка, сплюсшившись, стала почти плоской и торчала над одним ухом, как пилотка артиллериста.

– Соблаговолите поцеловать Священное Писание, – сказал пристав, героическим усилием подавляя смешок, когда миссис Хорнби, стискивая в одной руке кошелек и носовой платок, а другой прижимая к груди Библию, пыталась в то же время развязать или ослабить ленты шляпки, которые, по-видимому, сдавливали ей шею. Дама из последних сил совладала с ними; скомкав носовой платок, поцеловала Библию и положила ее на перила, откуда та немедленно грохнулась во второй раз.

– Ох, простите ради бога! – воскликнула миссис Хорнби, склоняясь

над перилами и обращаясь к приставу, который нехотя нагнулся, чтобы поднять книгу, и в тот же миг ему на спину обрушился поток монет, пуговиц, мотков и клочков из раскрывшегося кошелька. – Извините, сэр, я очень неуклюжая, но в мои годы трудно сохранять ловкость и подвижность.

Она отерла пот с лица и попыталась поправить шляпку. Энсти поднялся и передал ей маленькую красную книжечку:

– Будьте столь любезны посмотреть на эту вещицу, миссис Хорнби.

– Глаза б мои на нее не глядели! – поморщилась дама, делая отталкивающий жест. – Эта безделушка принесла нам столько неприятностей!

Зрители вверху засмеялись, но Энсти, не реагируя на посторонние звуки, продолжал допрос:

– Вы узнаете эту вещь?

– Господи! Узнаю ли я ее?! Как можно задавать мне такой вопрос, ведь вы прекрасно осведомлены...

– Отвечайте по сути дела, – громко попросил судья, сдвинув брови. – Вы узнаете предмет, который держите в руке?

– Конечно, как же иначе? Я ведь сразу сказала, – покраснела миссис Хорнби.

– Как называется эта вещица? – упорно вел свою линию Энсти.

– Ой, по-моему, просто маленькая книжечка, но вот тут на обложке вытиснено слово «пальцеграф». Наверное, это и есть название?

– Миссис Хорнби, как пальцеграф попал к вам?

Пожилая леди вперила в адвоката дикий взгляд, начала озиаться по сторонам, потом вытащила из кошелька какую-то бумажку, поспешно развернула, принялась разглаживать пальцами, после чего опять скомкала.

– Вам задали вопрос, – нарушил тишину судья.

– Ой, да, – словно очнулась миссис Хорнби. – «Комитет общества покровительства...» Нет, это не то – я имею в виду, Уолтер, знаете ли, по крайней мере...

– Прошу прощения? – с вежливой серьезностью прервал ее Энсти.

– Вы назвали комитет какого-то общества, или я ослышался? – вмешался судья и с беспокойством уточнил: – Про какое общество вы говорили?

Миссис Хорнби снова разгладила бумажку и тупо уставилась в нее.

– Про общество покровительства умалишенным, ваша честь.

По зрительской галерее прокатился хохот. Даже секретарь суда и пристав не могли больше сдерживаться и, отвернувшись, потихоньку смеялись.

– Как это общество связано с пальцеграфом? – сурово спросил судья, водворив в зале тишину.

– Никак, ваша честь. Совсем никак.

– Тогда зачем вы упомянули о нем?

– Я уверена, то есть я понятия не имею... – забормотала миссис Хорнби, вытирая глаза бумажкой вместо платка.

Судья снял пенсне, с недоумением и растерянностью воззрился на пожилую даму, затем повернулся к адвокату и обреченно добавил:

– Что ж, постарайтесь возобновить допрос, мистер Энсти.

– Миссис Хорнби, не волнуйтесь, пожалуйста, – с мягкой убедительностью попросил барристер. – Как у вас очутился пальцеграф?

– Я думала, его принес Уолтер, и так же считает Джульет, но Уолтер говорит, что я все перепутала, а ему лучше знать, ведь он молодой, у него превосходная память, и у меня в его возрасте была такая же. Короче, я растерялась. Может, не настолько важно, откуда у меня эта вещь?

– Наоборот, чрезвычайно важно, – возразил Энсти. – Мы должны докопаться до правды.

– Если вы хотите себе такой же, то...

– Нет, – запротестовал Энсти. – Наша цель выяснить, как вот этот конкретный пальцеграф появился у вас, понимаете? Например, вы купили его сами. Тогда где именно? Либо вам его кто-то дал. Кто же в таком случае?

– Уолтер полагает, будто я приобрела эту безделушку сама, мне же кажется, что он подарил ее мне, а он отрицает – в общем, в голове у меня все перемешалось.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, об Уолтере. Каково ваше собственное мнение?

– Ох, я все-таки склоняюсь к тому, что пальцеграф мне дал Уолтер, хотя память у меня в последнее время, увы...

– Значит, пальцеграф у вас от Уолтера?

– Да, будто бы так; кроме того, Джульет уверена в этом.

– Кто такой Уолтер?

– Боже, как кто? Уолтер Хорнби, мой племянник. Я думала, вы в курсе.

– Вы помните, когда впервые увидели пальцеграф? В какой ситуации?

– О, весьма отчетливо. Мы ждали к обеду гостей из семейства Колли – нет, не дорсетширских Колли, хотя они тоже исключительно милые люди, как и другие Колли, с которыми мы, правда, не дружим, то есть вообще незнакомы. Так вот, отобедав, мы слегка заскучали, поскольку Джульет, моя племянница, в тот день порезала палец и не могла играть на рояле, как

обычно, разве что левой рукой. Моя дорогая девочка, конечно, отказалась, сославшись на уважительную причину, а из Колли никто не увлекается музыкой. Нет, забыла: Адольф Колли немного трубит на тромбоне, но он не взял его с собой. Мы разговаривали, не зная, чем еще заняться, когда пришел Уолтер. Он был в отличном настроении, принес пальцеграф и снял у всех, в том числе у себя, отпечатки пальцев. Гости оживились, правда, Матильда, старшая дочь Колли, слегка обиделась, что узор ее пальца вышел каким-то смазанным. Она сказала, что Рубен толкнул ее под локоть, но, по-моему, это просто кокетство...

– Отлично, миссис Хорнби, – похвалил Энсти. – Вы ясно помните, что ваш племянник Уолтер именно в тот раз, при гостях, дал вам пальцеграф?

– Да-да, это случилось при Колли, только я забыла уточнить, что Уолтер вообще-то племянник моего мужа...

– Мы поняли. Вы уверены, что Уолтер, а не кто-то другой, снимал отпечатки пальцев?

– Господи, конечно! Я пока еще не выжила из ума.

– И вы подтверждаете, что до того самого случая ни разу в жизни не видели пальцеграф?

– Естественно. Откуда бы он взялся? Раньше его никто не приносил.

– Вы одалживали его кому-нибудь? Или он все время находился у вас?

– Ой, я однажды заметила кое-что подозрительное, но упаси меня Бог кого-то обвинять: никаких доказательств у меня нет, просто это несколько странно. Видите ли, красная книжечка постоянно лежала в ящике моего комода рядом с мешочком, где я хранила носовые платки, то есть они и до сих пор там. Один раз я впопыхах забыла взять их в дорогу и вспомнила лишь в кэбе, пришлось задержаться...

– Вы держали пальцеграф в ящике вместе с носовыми платками?

– Ну да, а что тут такого? Мистер Хорнби был в Брайтоне и написал мне, чтобы я на недельку приехала навестить его вместе с Джульет, то есть с мисс Гибсон. Мы уложили вещи и только приготовились отправиться в путь, как я спохватилась: «А где же платки?» Джульет вызвалась помочь мне и сходить за мешочком. Я крикнула ей: «Принеси заодно и книжечку с отпечатками, пригодится для развлечения в дождливый день». Джульет вскоре возвратилась с платками и сообщила, что пальцеграфа в ящике нет. Куда бы ему подеваться? Кому нужно обшаривать мой комод? Я так удивилась, что не поленилась пойти в комнату, и, представьте себе, ящик оказался пустым. Тогда, в суете, пальцеграф быстро вылетел у меня из головы. Когда мы вернулись из Брайтона, так вышло, что я опять попросила Джульет убрать мешочек с платочками в комод. Моя

племянница прибежала взволнованная и сказала: «Тетя, пальцеграф по-прежнему в ящике. Получается, кто-то посторонний в наше отсутствие бывает в доме и копается в вещах?» Я очень расстроилась, пошла к себе, выдвинула ящик комода и обомлела: красная книжечка лежала ровно там, где и раньше. Кто-то, видимо, тайком пробравшись в помещение, сначала выкрал пальцеграф, а пока нас не было, подсунул его обратно.

– Кто имеет доступ к вашему комоду?

– Все живущие в доме: ящики не запираются. Мы с Джульет решили, что безобразничает кто-то из слуг.

– Кто оставался в доме, когда вы уехали в Брайтон?

– Двое наших с мужем племянников, но никто из них даже не входил в мою комнату, мы спрашивали. Да и зачем им мой комод? Что там особенного?

– Благодарю вас, – завершил допрос Энсти, и миссис Хорнби, изменив угол наклона своей шляпки, уже собралась сойти со свидетельского места, когда поднялся сэр Гектор и устремил на даму устрашающий взор.

– Вы произнесли некую фразу, – заговорил он, – насчет общества покровительства умалишенным. С какой целью, позвольте осведомиться?

– Ни с какой, по ошибке, я думала о другом.

– Вот именно, о другом. Вы сверялись с бумагой, которую держали в руках.

– Я не сверялась с ней, а лишь смотрела на нее. Да, у меня случайно оказалась петиция общества покровительства умалишенным. Но ко мне она не имеет отношения: я не принадлежу ни к этому, ни к какому-либо иному обществу и пока не тронулась умом.

– Этот документ вы ошибочно приняли за другой, заранее заготовленный, верно?

– Э... да, я приняла его за памятку с кое-какими заметками, которые предварительно набросала, чтоб не растеряться в ответственный момент.

– О каких заметках идет речь?

– О вопросах, которые мне могли задать.

– Ответы на данные вопросы тоже были загодя написаны?

– Конечно, какая же польза от вопросов без ответов?

– Вам задали вопросы, еще до начала процесса зафиксированные на бумаге, оказавшейся у вас?

– По крайней мере, некоторые из них.

– Вы ответили так, как было написано?

– Нет, я не думала, то есть я уверена, что нет, ибо...

– Вот как? Вы даже не думали? В самом деле, зачем думать, если кто-

то другой уже постарался за вас. – Сэр Гектор Трамплер обвел присяжных суровым взглядом и грозно добавил: – Признавайтесь суду, кто заблаговременно составил вопросы и ваши ответы на них?

– Мой племянник Уолтер Хорнби. Он просто хотел помочь мне, чтобы...

– Нас сейчас не интересуют его цели. Ответьте, кто конкретно проинструктировал его написать вопросы и ответы?

– Никто. Это полностью инициатива Уолтера; видя, как я переживаю, мой племянник позаботился обо мне, но доктор Джервис забрал у меня ту бумагу и посоветовал полагаться только на свою память.

Столь неожиданный ответ застиг сэра Гектора врасплох, и он с раздраженным видом уселся на место.

– А где та бумага, на которой записаны вопросы и ответы? – спросил судья.

Предвосхищая этот момент, я заранее отдал ее Торндайку и по выразительному взгляду, который он адресовал мне, понял, что от моего коллеги не укрылось ничто, в том числе своеобразие почерка Уолтера Хорнби. Похоже, в деле намечался кардинальный перелом, поскольку Торндайк передал мне записку, развернув которую, я прочел: «X = У. X.»

Энсти протянул судье листок с вопросами и ответами, а я посмотрел на Уолтера и заметил, что он густо покраснел, хотя изо всех сил старался казаться спокойным и беспечным. Взгляд, который он метнул на свою тетюшку, наверное, убил бы ее, будь такое возможно.

– Это та самая бумага? – уточнил судья, передавая свидетельнице помятый листок.

– Да, ваша честь, – дрожащим голосом пролепетала миссис Хорнби, после чего лист возвратили судье, и тот стал читать его, попутно что-то выискивая в своих заметках.

– Данный документ будет приобщен к делу, – строго объявил судья, приподнимаясь с места. – Перед нами явная попытка составителя повлиять на свидетельницу в своих интересах. Продолжайте, мистер Энсти.

Миссис Хорнби наконец отпустили; еле передвигая ноги от усталости и дрожа от перенесенных испытаний, она пересекла зал и с тяжелыми вздохами уселась на скамью, в то время как пристав провозгласил:

– Джон Ивлин Торндайк!

– Господи! – воскликнула Джульет, театрально стискивая руки. – Спасет ли он Рубена? Как вы думаете? – спросила она меня.

– Вот господин Полтон в этом не сомневается, – ответил я, взглянув на верного помощника Торндайка, который, держа в руках какую-то коробку и

ящик с микроскопом, смотрел на своего хозяина с неподдельным восхищением. – У Полтона больше веры, чем у вас, мисс Гибсон.

– Ну, простите меня за мое неверие, – сухо ответила Джульет. – Я так понимаю, скоро мы узнаем самое худшее.

– Худшее или лучшее – не суть важно. Мы пойдем, в чем состоит настоящая защита.

– Господи, сделай так, чтобы это была лучшая защита! – вполголоса произнесла она, и я, человек нерелигиозный, пробормотал: «Аминь!»

Глава 16

Торндайк разыгрывает карту

Торндайк спокойно поднялся на свидетельское место, и я посмотрел на него с невыразимым удивлением, вдруг осознав, что никогда раньше не придавал особого значения тому, какое впечатление способен произвести на публику внешний облик моего друга. Я, безусловно, отмечал его обаяние, силу духа, глубокий и в то же время гибкий ум, привлекательность и шарм, но ни разу не задумывался над тем, что теперь, на суде, поразило меня более всего: Торндайк был очень красивым мужчиной – пожалуй, самым импозантным из всех, с кем мне доводилось общаться. Его приятное свежее лицо и элегантный наряд: ниспадающая мантия, скромный аккуратный парик – тотчас же заворожили зал. Судья в своем ярко-алом одеянии, с золотой цепью на шее выглядел по сравнению с Торндайком каким-то разряженным шутком, а присяжные в своей серой массе вообще не шли с моим другом ни в какое сравнение и казались существами, стоявшими на низшей ступени эволюции. В чем заключался магнетизм Торндайка, я тогда не смог бы объяснить: вероятно, в том, что он был высок, статен, держался прямо и с достоинством, либо в его внутренней силе и выдержанности, либо в чертах его лица, напоминавших своим благородством античную маску из мрамора цвета слоновой кости. Да, пожалуй, именно его лицо, разительно отличавшееся от банальных лукавых физиономий, мелькавших в хороводе житейской суеты, так выделяло его среди всех.

- Где вы служите, доктор Торндайк? – спросил Энсти.
- Преподаю в колледже при больнице Святой Маргариты судебную медицину и токсикологию.
- Имеете опыт в медико-юридических исследованиях?
- Да, я занимаюсь исключительно такого рода работой.
- Вы слышали показания свидетелей относительно двух капель крови, обнаруженных в сейфе?
- Разумеется.
- Каково ваше мнение о состоянии крови?
- Нет сомнений в том, что ее искусственно обработали, – вероятно, посредством дефибрикации.
- Вы делаете такой вывод, исходя из особенностей отпечатка большого пальца, найденного на листе в сейфе?

– Верно.

– Вы раньше исследовали отпечатки пальцев?

– У меня немалая практика по этой части.

– Будьте добры взглянуть сюда. – Энсти взял у пристава листок из записной книжки и протянул его Торндайку: – Вы видели эту бумагу раньше?

– Да, в Скотланд-Ярде. Полицейские чиновники предоставили мне все возможности для тщательного изучения этого листа, и с их разрешения я сделал несколько фотоснимков.

– Согласны ли вы с предыдущими свидетелями – экспертами Скотланд-Ярда, – присягнувшими в том, что этот след – отпечаток левого большого пальца подсудимого Рубена Хорнби?

– Не согласен. Это *не* отпечаток большого пальца Рубена Хорнби.

– Значит, это оттиск пальца другого неизвестного нам субъекта?

– Нет. Данный отпечаток сделан не пальцем человека.

В зале повисла тишина. Судья сначала застыл, как соляной столб, не донеся перо до чернильницы, а потом уставился на Торндайка, слегка приоткрыв рот. Синглтон и Нэш, приподняв брови, переглянулись, сэр Гектор пожал плечами и скривил рот.

– Каким же образом, по-вашему, оставлен след? – продолжал Энсти.

– Посредством штемпеля: из каучука или, что более вероятно, из хромированного желатина.

Полтон, который и так долго сдерживал свои эмоции, привстал над скамьей, звонко хлопнул себя по лбу и рассмеялся. Взгляды всех присутствующих, включая судью, мгновенно обратились на него.

– Прекратить шум! – потребовал судья, стукнув молотком и метнув в сторону испуганного нарушителя тишины испепеляющий взгляд. – Еще раз такое повторится, я буду удалять из зала всех, кто мешает работе суда.

– Итак, доктор Торндайк, – возобновил допрос Энсти, – вы полагаете, что отпечаток пальца, принадлежность которого подсудимому Рубену Хорнби подтверждена свидетелями-экспертами под присягой, – подделка?

– Да, это так.

– Но разве можно сфальсифицировать отпечаток пальца?

– Я бы сказал, довольно несложно.

– Так же, как подделать подпись?

– Легче и безопаснее. Подпись пером вынуждает к тому, чтобы и подделку выполняли пером, а такой процесс требует специфических навыков, но даже и при их наличии не позволяет создать абсолютное факсимиле. Отпечаток же пальца – это штампованный оттиск, коснуться

чего-либо пальцем – значит поставить штамп, и необходимо лишь добиться отпечатка, идентичного по характеру с касанием пальца, чтобы произвести оттиск, который будет точным факсимиле, во всех отношениях тождественным оригиналу.

– Имеется ли способ выявить разницу между фальшивым отпечатком и настоящим?

– В том-то и дело, что ее не существует.

– Вы только что вполне определенно заявили: оттиск большого пальца на этом листе – подделка. Если фальшивый отпечаток не отличим от оригинала, на чем зиждется ваша уверенность, что этот конкретный оттиск – имитация?

– Не исключено, что имитатор (назовем его так) по небрежности или другим причинам иногда терпит неудачу в производстве абсолютного факсимиле, и тогда установление разницы между оригиналом и подделкой становится возможным. Мы столкнулись именно с таким случаем. Подделанный отпечаток не является абсолютным факсимиле подлинника – различие есть. Вдобавок сама бумага свидетельствует о том, что оттиск пальца ненастоящий.

– Доктор Торндайк, объясните, пожалуйста, суду, не вдаваясь в сложные технические детали, как на практике можно изготовить упомянутый вами штемпель.

– Есть два основных метода, которые приходят мне на ум. Первый, довольно грубый, но простой, состоит в отливке кончика пальца. Палец вдавливают в какой-нибудь пластичный материал, такой как ваяльная глина или горячий сургуч, и полученный образец заполняют теплым раствором желатина, который впоследствии остывает и затвердевает, – такая отливка дает качественные, четкие отпечатки. Но данный метод далеко не всегда удовлетворяет фальсификаторов, поскольку такие манипуляции с пальцем вряд ли возможны без согласия жертвы. Он применим, как правило, лишь к трупам, пациентам под анестезией и людям в бессознательном состоянии. Вот в таких случаях он эффективен, ибо имеет то преимущество, что не требует особых навыков и сложных приспособлений.

Второй метод, которому нам предстоит уделить серьезное внимание, гораздо более изощрен и без специальных знаний не осуществим. Как в этом случае действуют фальсификаторы? Прежде всего, добывают подлинный отпечаток пальца и фотографируют его. Перевернутый негатив помещают в специальную печатную раму с пластинкой желатина, обработанной бихроматом калия, а раму выставляют на свет, чтобы хромированный желатин приобрел своеобразное свойство. Простой

желатин легко растворим в горячей воде, хромированный, если он не подвержен свету, – тоже, но под воздействием света он теряет растворимость. Пластика хромированного желатина защищена от света непрозрачными частями негатива, а через остальные – свет проходит свободно. В обычном случае просвечивающие части соответствуют черным следам на отпечатке пальца, а в нашем примере – бороздкам. Желатиновую пластинку подвергают воздействию света только на участках, совпадающих с бороздками; именно в этих местах желатин утрачивает растворимость, а на других – сохраняет. Далее желатиновую пластинку, прикрепленную к тонкой металлической, осторожно промывают горячей водой. Она уничтожает растворимую часть желатина, оставляя только нерастворимую, соответствующую бороздкам, которые будут выделяться, как бы выступать над поверхностью. Именно так воссоздается рельефное факсимиле отпечатка пальца, имеющее бороздки и линии, идентичные аналогам на кончике оригинала. Если по этому факсимиле провести валиком, покрытым чернилами, или приложить его к раскатной плите, а потом прижать к листу бумаги, получится оттиск пальца, абсолютно тождественный исходному, вплоть до маленьких белых пятнышек, обозначающих отверстия потовых желез. Невозможно будет выявить даже малейшее различие между подлинным отпечатком пальца и подделкой.

– Процесс, который вы описали, слишком мудрен, – устало вздохнул судья. – Вряд ли обычному человеку под силу такие операции.

– Процесс этот не сложнее, чем углеродная печать, успешно практикуемая многими любителями, – возразил Торндайк. – Более того, факсимиле, о котором я рассказал, есть не что иное, как обычный фототипический шаблон, изготавливаемый любым фотогравером. К такой же технологии прибегают при воспроизведении рисунков, и всякий из рабочих, занятых в этой отрасли, способен сделать рельефную заготовку и идеально воспроизвести изображение на бумаге.

– Вы утверждаете, что фальсифицированный отпечаток пальца практически невозможно отличить от оригинала. Вы готовы доказать это? – спросил Энсти.

– Я могу подделать отпечаток большого пальца Рубена Хорнби прямо сейчас в присутствии суда.

– И эту фальшивку не отличат от подлинника даже эксперты? – удивился барристер.

– Не отличат.

Энсти повернулся к судье:

– Разрешите, ваша честь, продемонстрировать то, о чем говорит

свидетель.

– Разрешаю, – махнул рукой судья. – Показания свидетеля в высшей степени существенны. Как вы, доктор, намерены проводить сравнительный анализ? – обратился он к Торндайку.

– С этой целью, милорд, – невозмутимо произнес мой коллега, – я принес с собой несколько листов бумаги, каждый из которых разделен на двадцать пронумерованных квадратов. Предлагаю оставить в десяти из них фальшивые отпечатки большого пальца подсудимого, а в десяти – оригинальные. Далее с позволения вашей чести эксперты Скотланд-Ярда исследуют полученные данные и сообщат суду, какие из оттисков настоящие, а какие – подложные.

– Что ж, по-моему, вполне приемлемый способ, к тому же удобный и не отнимающий много времени, – сказал судья. – Вы не возражаете, сэр Гектор?

Гектор Трамплер повернулся к Синглтону и Нэшу, которые сидели неподалеку, о чем-то быстро пошептался с ними и ответил без особого энтузиазма:

– Мы не против, милорд.

– Тогда прошу свидетелей-экспертов временно удалиться из зала, пока не будут сделаны отпечатки.

Подчиняясь приказу, мистер Синглтон и его сотрудник поднялись и с очевидной неохотой покинули собрание, а Торндайк извлек из портфеля три листа бумаги, передал их судье и сказал:

– Если вы, ваша честь, оставите отпечатки в десяти квадратах на двух листах, то один можно будет отдать присяжным, а другой – вам, чтобы вы имели возможность проверить оттиски на третьем листе, когда их подготовят.

– Хороший план, – похвалил судья, – и, поскольку информация предназначена в первую очередь для меня и присяжных, будет лучше, если вы, доктор, подниметесь сюда и сделаете отпечатки за моим столом в присутствии старшины присяжных и двоих представителей сторон – по одному от обвинения и защиты.

Торндайк стал подниматься на возвышение, а Энсти, идя за ним, изловчился наклониться ко мне и шепнуть:

– Вам с Полтоном нужно последовать за нами. Доктору понадобится помощь, а вас это не затруднит, наоборот, развлечет. Я сейчас договорюсь с судьей.

Он живо подскочил к милорду, что-то сказал ему, и тот, бросив взгляд в нашу сторону, кивнул, после чего мы оба поспешили за барристером, и

Полтон, который нес коробку, сиял от удовольствия.

Стол судьи имел неглубокое выдвижное отделение, которое позволило нам удобно расположить тару, не загромождая основную поверхность. Внутри коробки мы увидели раскатную плиту, небольшой печатный валик и двадцать четыре фигурки, которые так озадачивали Полтона и на которые он теперь взирал со смесью изумления и восторга.

– Это штемпели? – указал судья, с любопытством разглядывая набор.

– Да, милорд, – ответил Торндайк, – и каждый снят с отдельного отпечатка большого пальца подсудимого.

– Но зачем так много?

– Я специально размножил их, – пояснил мой коллега, выдавливая на плиту каплю чернил для снятия отпечатков и раскатывая ее до тонкой пленки, – чтобы избежать предательского однообразия единственного штемпеля. Очень важно, – понизил он голос, – чтобы эксперты не знали об использовании нескольких штемпелей.

– Да, я вас понимаю, – сказал судья, – а вы, сэр Гектор? – обратился он к прокурору, который сухо кивнул, не скрывая своей неприязни и скептического отношения к предстоящей процедуре.

Торндайк окунул в чернила один из штемпелей и передал его судье. Тот с любопытством осмотрел его и прижал к листку чистой бумаги, на котором немедленно отобразился четкий отпечаток большого пальца человека.

– В высшей степени изобретательно, – слегка улыбнулся судья и добавил, передавая штемпель и бумагу старшине присяжных: – Хорошо, доктор Торндайк, что вы защищаете закон и порядок; будь вы на другой стороне, с вами одним не справилась бы вся наша полиция. Если все готовы, приступим. Не могли бы вы, доктор, сделать оттиск вот тут, в квадрате номер три?

Торндайк вынул штемпель, пропитал его чернилами и аккуратно прижал к указанному квадрату, оставив там отчетливый и яркий отпечаток большого пальца.

Процедуру повторили на девяти других квадратах, причем для каждого отпечатка использовали новый штемпель. Затем судья поставил оттиски в десяти соответствующих квадратах на двух других листах и, проверив их, попросил старшину показать лист с фальшивыми отпечатками присяжным вместе с тем листом, который они должны будут оставить себе, чтобы проконтролировать ответы свидетелей-экспертов. Когда с этим было покончено, Рубена Хорнби в сопровождении надзирателя вывели с позорной скамьи и поставили перед судьей. Тот с любопытством,

интересом и сочувствием взглянул на красивого, мужественного юношу, обвиненного в подлом, не сообразном с его благородным обликом преступлении. Случайно перехватив этот взгляд, я понял, что, пусть о победе говорить еще рано, ясно одно: дело Рубена Хорнби будет разбираться без всякого предубеждения и даже с некоторым предрасположением к подсудимому.

Торндайк проводил эксперимент старательно и аккуратно. Чернила на плите для каждого отпечатка раскатывались заново, после очередной процедуры большой палец очищали бензином и тщательно высушивали, а когда процесс завершился и подсудимый вернулся на скамью, двадцать квадратов на бумаге содержали ровно двадцать отпечатков большого пальца, которые, на мой взгляд, были абсолютно идентичны.

Несколько минут судья сосредоточенно изучал этот уникальный в своем роде документ и, видимо, не знал, хмуриться ему или улыбаться. Когда мы возвратились на свои места, он приказал приставу пригласить свидетелей.

Меня поразили изменения, происшедшие с экспертами за столь короткий промежуток времени. Улыбки победителей стерлись с их лиц; перед нами больше не было торжествующих игроков – в зал вошли неуверенные в себе люди, в облике которых читались тревога и мрачные предчувствия. Когда мистер Синглтон нерешительно приблизился к судейскому столу, я вспомнил слова, произнесенные им в своем кабинете в Скотланд-Ярде: «Мы скоро поставим вам мат» – и подумал, что его шахматная партия, которую он намеревался быстро завершить, не предусматривала только что сделанный Торндайком ход.

– Мистер Синглтон, – сказал судья, – вот листок с двадцатью оттисками большого пальца. Десять из них – подлинные отпечатки левого большого пальца подсудимого, а другие десять – подделки. Пожалуйста, исследуйте их и отметьте, какие являются оригинальными, а какие – нет. Когда закончите, мы передадим бумагу мистеру Нэшу.

– Милорд, вы разрешите мне использовать для сравнения фотографию, которой я располагаю? – спросил Синглтон.

– Ваше мнение, мистер Энсти?

– Никаких возражений, ваша честь, – ответил барристер.

Синглтон достал из кармана увеличенный снимок отпечатка и лупу и принялся скрупулезно изучать лист с оттисками. Я неотрывно следил за выражением его лица и с удовлетворением отметил, что оно становилось все более растерянным и обеспокоенным. Время от времени он поглядывал в лежавшие перед ним записи, и, чем чаще он это делал, тем мрачнее,

озадаченнее и угрюмее казался. Наконец он выпрямился и, взяв листок, обратился к судье:

– Я закончил, милорд.

– Хорошо. Мистер Нэш, ваша очередь. Исследуйте отпечатки и запишите результаты своей экспертизы.

– Как все это утомительно! – прошептала Джульет. – Что они так долго возятся? Как вы думаете, доктор Джервис, они сумеют отличить настоящие отпечатки от фальшивок?

– Затрудняюсь ответить, мисс Гибсон, но скоро мы это узнаем. Я видел оттиски. По-моему, между ними нет никакой разницы.

Словно испытывая терпение бедной девушки, мистер Нэш корпел над листком с невыносимой тщательностью, сохраняя при этом бесстрастный и сосредоточенный вид; в итоге он сделал отметки и передал документ приставу.

– Что ж, мистер Синглтон, – произнес судья, – мы готовы выслушать ваши заключения.

– Да, ваша честь, – покорно поднялся Синглтон на свидетельское место.

– Итак, вы изучили лист бумаги, содержащий отпечатки пальцев. Каковы ваши выводы? – сурово спросил сэр Гектор Трамплер.

– Имеются двадцать отпечатков большого пальца; некоторые из них – явная подделка, другие – подлинные, третьи оставляют двойственное впечатление.

– Конкретнее, пожалуйста. Охарактеризуйте каждый квадрат по номерам.

Мистер Синглтон, глядя в свои записи, стал зачитывать:

– Отпечаток в квадрате номер один – подделка, так же как и номер два, хотя имитация умелая. Номера три и четыре – подлинные, пятый – нет. Шестой – оригинальный, седьмой – фальшивый, но качественно выполненный. Восьмой – тоже оригинальный, девятый – по-моему, искусная подделка. Десятый и одиннадцатый – настоящие, двенадцатый и тринадцатый – подделки. Относительно четырнадцатого я сомневаюсь, но склонен считать его фальсифицированным. Пятнадцатый – подлинный, шестнадцатый – тоже, но в этом я не готов присягнуть. Семнадцатый – определенно настоящий. По поводу восемнадцатого и девятнадцатого я затрудняюсь дать ответ, но предполагаю, что подделка. Двадцатый – однозначно оригинальный.

Едва мистер Синглтон начал перечисление, на губах судьи заиграла лукавая улыбка, а присяжные с нескрываемым изумлением смотрели то на

свидетеля, то на лежащие перед ними листы, то друг на друга. Мистера Трамплера, светило британской юриспруденции, словно заволокло тучами, ибо, по мере того как одно утверждение Синглтона сменялось другим, сэр Гектор то поджимал губы, то щурил глаза, и всякий раз его широкое красное лицо искажалось выражением крайнего замешательства. Несколько секунд он беспомощно и подслеповато таращился на своего свидетеля, после чего чуть ли не со стоном, разнесшимся по всему залу, рухнул на скамью.

– Вы уверены в правильности своих выводов? – спросил Энсти. – Например, вы подтверждаете, что под номерами один и два – фальшивые отпечатки?

– Несомненно.

– Вы присягаете в том, что эти два оттиска не принадлежат подсудимому?

Мистер Синглтон на миг стушевался и оторопело взглянул на судью и присяжных, но, заметив их удивленные лица и сочтя, что такая реакция – восхищение его проникательностью, приободрился и ответил:

– Да, я под присягой клянусь, что это подделки.

Энсти спокойно сел, мистер Синглтон, передав свои заметки судье, с достоинством покинул свидетельское место, куда незамедлительно пригласили его подчиненного.

Мистер Нэш, выслушав показания своего шефа с явным удовлетворением, почти вернул себе первоначальную уверенность. Его идентификация отпечатков полностью совпала с экспертизой мистера Синглтона, а поскольку Нэш выступал вторым и не сомневался в правоте начальника, то излагал результаты с видом авторитетным и безапелляционным.

– Я убежден в своих выводах, – заявил он в ответ на вопрос Энсти, – и присягаю, что те отпечатки, которые я назвал фальшивыми, действительно таковы; их экспертиза не представляет сложности для специалистов такого уровня, как мистер Синглтон и я, всю жизнь посвятивших дактилоскопии.

– Мистер Торндайк, – произнес судья, когда Нэша отпустили, – вернитесь, пожалуйста, на свидетельское место и давайте продолжим. Мы только что услышали заключения свидетелей-экспертов Скотланд-Ярда, сделанные индивидуально, без сговора, подсказок или предубеждения, и результаты полностью согласуются друг с другом. Но странная вещь: они ложны в каждом случае.

В зале охнули и зашумели, а я чуть не рассмеялся, заметив, как самодовольные лица экспертов молниеносно исказились судорогой ужаса и

негодования.

«Вот вам и мат!» – с ликованием подумал я в ту минуту.

– Подчеркиваю, – продолжал судья, – результаты не носят характера догадок, которые могут то совпадать с истиной, то отклоняться от нее, – нет, они ложны всякий раз. В том, в чем эксперты уверены, они полностью ошибаются, если они в чем-либо сомневаются, то непременно тяготеют к неверному выводу. Это весьма странный феномен, доктор Торндайк. Как вы его объясните?

Лицо Торндайка, до сих пор бесстрастное, как у деревянного идола, осветилось тусклой улыбкой:

– Я попробую ответить, милорд. Имитатор изначально ставил перед собой цель изготовить такую фальшивку, которая обманула бы тех, кто будет ее исследовать.

– Вот как? – приподнял пенсне судья, и на его лице тоже появилась легкая улыбка, а присяжные загудели, словно улей, так что приставу пришлось угомонить их.

– Я предвидел, – грустно заметил Торндайк, – что эксперты не отличат настоящие отпечатки пальцев от поддельных. Здесь требуются кое-какие разъяснения, и я взял бы на себя смелость их предложить. Если с одного и того же пальца без специальных предосторожностей снять десять отпечатков, среди них не окажется и двух похожих, ибо палец, будучи закругленным, касается бумаги лишь одной частью. Полученные оттиски, так или иначе, будут немного варьироваться в зависимости от того, с какой стороны пальца их снимали. Но используемый мною штемпель имеет плоскую поверхность наподобие шрифтового печатающего устройства и, подобно ему, всегда оставляет одинаковый след. Штемпель воспроизводит не кончик пальца, а дает конкретный готовый отпечаток, и, если десять оттисков сделаны одним штемпелем, они сразу бросаются в глаза, потому что все они механически повторяют друг друга. Подлинные же отпечатки отличаются от тиражированных тем, что имеют мелкие различия в положении пальца.

Размышляя над этим, я позаботился о том, чтобы каждый отпечаток воспроизводился отдельным штемпелем, и все штемпели были сделаны с разных отпечатков. Изготавливая штемпели, я отбирал подлинные оттиски, которые различались между собой так сильно, как только возможно. А снимая настоящие отпечатки, я всякий раз прижимал палец к бумаге в одном и том же положении, насколько это было в моих силах. Вот и вышло, что на листе, представленном на экспертизу, оригинальные отпечатки пальцев были почти идентичными, а подделки содержали различия.

Случаи, в которых специалисты Скотланд-Ярда были вполне уверены, – это те, где я добился, чтобы подлинные отпечатки повторяли друг друга, а сомнительные – те, в которых я частично потерпел неудачу.

– Благодарю вас, все понятно, – промолвил судья с таким глубоким удовлетворением, какое только может позволить себе человек, в силу своих служебных полномочий не имеющий права на выражение любых эмоций. – Продолжайте допрос свидетеля, мистер Энсти.

– Вы представили доказательства того, что можно подделать отпечаток пальца так, что установить это практически нереально. Вы также утверждали, что отпечаток на бумаге, найденной в сейфе мистера Хорнби, – фальсификация. Вы настаиваете на этих показаниях?

– Я убежден в том, что обнаруженный отпечаток – подделка.

– Когда вы впервые пришли к такому выводу и почему?

– Вывод я сделал, когда проводил исследование в Скотланд-Ярде, по трем основным причинам. Во-первых, отпечаток, оставленный жидкой кровью, почему-то сохранял превосходную отчетливость, что, как уже объяснил суду доктор Роуи, противоречит научным и экспериментальным данным. Такой оттиск, даже если очень постараться, нельзя воспроизвести без раскатной плиты и валика. О том, что он случаен, и речи нет.

Во-вторых, измеряя оттиск микрометром, я обнаружил, что по размерам он не совпадает с подлинным отпечатком пальца Рубена Хорнби, – он больше. Я сфотографировал его рядом с микрометром и сравнил с настоящим отпечатком, тоже заснятым рядом с тем же прибором. Вы удивитесь, но подозрительный отпечаток оказался на сороковую долю дюйма больше, если считать от одной данной точки на бороздке до другой. Вот, пожалуйста, у меня при себе две увеличенные фотографии, на которых расхождение размеров показано с помощью линий микрометра. Микрометр и портативный микроскоп тоже здесь на случай, если суд пожелает удостоверить мои данные.

– Спасибо, – кивнул судья, – ваше свидетельство будет принято, если ученый представитель обвинения не потребует перепроверки.

Он взял фотографии Торндайка, внимательно рассмотрел их, после чего передал присяжным.

– Третий довод, – продолжал мой коллега, – важнее всех, ибо не только доказывает, что этот отпечаток – подделка, но и предоставляет ключ к ее происхождению, а следовательно, к личности фальсификатора.

В зале повисла такая гробовая тишина, что стало слышно тиканье часов. Я взглянул на Уолтера, который сидел, неподвижный и прямой, на краешке скамьи; ужасная бледность разлилась по его лицу, лоб покрылся

испаринной.

– Рассмотрев отпечаток вблизи, я различил в одном месте маленькую белую отметину, или промежуток. Он был в форме прописной буквы «S» и, очевидно, появился вследствие дефекта на бумаге – свободного волокна, которое приклеилось к пальцу и отделилось от поверхности, оставив там пустое пространство. Однако, исследуя бумагу под микроскопом, я установил, что поверхность цела и невредима. От нее не было отделено ни одно волокно; случись такое, оборванный кончик волокна или, по крайней мере, желобок, в котором оно находилось, были бы заметны. Напрашивался вывод, что свободное волокно существовало, но не на бумаге, найденной в сейфе, а на той, где был сделан изначальный отпечаток пальца. Я знал, где именно находился отпечаток большого пальца, без всяких сомнений принадлежащий Рубену Хорнби, – в пальцеграфе. По моей просьбе миссис Хорнби принесла книжечку ко мне на квартиру. Изучая оригинальный оттиск пальца Рубена Хорнби, я обнаружил на нем мельчайший S-образный промежуток, занимающий то же положение, что и на красном отпечатке. Я навел на него мощную линзу и отчетливо увидел малюсенький желобок в бумаге, где лежало волокно, поднятое пальцем, испачканным чернилами. Затем я сравнил два отпечатка и выявил следующее: длина оттиска из пальцеграфа – двадцать шесть тысячных дюйма, ширина – четырнадцать с половиной тысячных дюйма. Красный отпечаток оказался на одну сороковую дюйма больше подлинника: длина составляла 26,4 тысячных дюйма, ширина – 14,9. Форма оттисков была идентичной: я определил это путем наложения друг на друга сильно увеличенных фотографий обоих отпечатков; след шрама пересекал бороздки одинаковым образом и в одних и тех же местах.

– Принимая во внимание изложенные факты, вы утверждаете, что красный отпечаток пальца – подделка?

– Да, и выполнена она с помощью пальцеграфа.

– Сходство не может быть простым совпадением?

– Нет. По закону вероятностей, который столь доходчиво изложил мистер Синглтон в своих показаниях, шанс на это – один против сотен миллиардов. У нас есть два отпечатка, сделанные в разных местах и разными способами с интервалом во много недель. Оба они содержат случайную отметину, связанную с особенностями бумаги, а не пальца. По теории вероятностей следует предположить, что каждый листок бумаги имел свободное волокно идентичной формы и размера, и оно *совершенно случайно* пришло в соприкосновение с большим пальцем в одном и том же месте. Такая гипотеза еще больше выходит за грань разума, чем то, что два

абсолютно одинаковых отпечатка пальца оставлены разными людьми. И, наконец, бумага, найденная в сейфе, не имеет свободного волокна, которое объясняло бы эту отметину.

– Откуда в сейфе взялась дефибрированная кровь?

– Ее использовал фальсификатор для изготовления отпечатка, ибо свежая кровь для этой цели не подходит по причине быстрой свертываемости. Он принес небольшое количество крови, вероятно, в склянке, а также раскатную плиту и валик – изобретение мистера Гальтона. Поддельватель капнул кровь на плиту, раскатал до тонкой пленки и с помощью штемпеля воспроизвел четкий отпечаток. Все эти предосторожности были крайне необходимы, поскольку мошеннику требовалось сделать узнаваемый оттиск с первого раза. Неудача и вторая попытка разрушили бы впечатление спонтанности и возбудили подозрения.

– Можете ли вы предъявить суду увеличенные снимки отпечатков большого пальца?

– Да, пожалуйста. У меня при себе две фотографии: одна – отпечатка из пальцеграфа, другая – красного оттиска из сейфа. На обоих хорошо виден белый след, а в реальном масштабе он просматривается только через лупу.

Торндайк отдал обе фотографии, пальцеграф, листок с красным отпечатком и сильную двойную лупу судье, чтобы тот мог проверить данные и убедиться в правильности выводов. Судья долго сличал отпечатки, разглядывая их в лупу и то и дело одобрительно кивая. Затем он велел отнести материалы присяжным и что-то пометил на листе бумаги.

Пока длилась эта вынужденная пауза, я не сводил глаз с Уолтера Хорнби. Выражение ужаса и отчаяния застыло на его лице. Он с дикой злобой глядел на Торндайка, и, когда я заметил эту убийственную ненависть в его глазах, то вспомнил, как он стрелял в нас на ночной улице и как пытался отравить моего коллегу трихинопольской сигарой, присланной по почте. Вдруг Уолтер встал, вытер пот со лба, на секунду оперся о спинку скамьи дрожащей рукой, после чего прошмыгнул к двери и скрылся. Но, похоже, не я один интересовался его действиями, потому что, едва дверь за ним закрылась, как суперинтендант Миллер вскочил с места и выскользнул наперерез беглецу через другую дверь.

– Сэр Гектор, желаете ли вы провести перекрестный допрос свидетеля? – поинтересовался судья, взглянув на прокурора.

– Нет, милорд, – последовал ответ.

– У вас есть еще свидетели, мистер Энсти?

– Только один – Рубен Хорнби.

Надзиратель препроводил подсудимого на свидетельское место, и Рубен, принеся присягу, торжественно поклялся в своей невинности. Последовал краткий перекрестный допрос, из которого явствовало, что девятого марта Рубен весь вечер провел в клубе, вернулся домой около половины одиннадцатого и отпер дверь своим ключом. Сэр Гектор сделал знак, что больше вопросов не имеет, Рубена увели на скамью подсудимых, и Энсти произнес заключительную речь.

– Милорд и господа присяжные, – сказал он, – я не стремлюсь поразить вас своим красноречием, ибо свидетельства, представленные вам, столь ясны, четки и убедительны, что вы, несомненно, вынесете справедливый вердикт на их основе, а не под впечатлением чьих-либо ораторских способностей: ни моих, ни представителей обвинения. И все-таки позволю себе акцентировать ваше внимание на ряде ключевых фактов.

Линия обвинения базируется на полицейской теории о неопровержимости отпечатков пальцев. Помимо красного отпечатка большого пальца ничто не бросает на Рубена Хорнби даже легчайшей тени подозрения. Вам известно, что это человек с незапятнанной репутацией, безупречно честный, которому безраздельно доверяли все, кто имел с ним дело. Это мнение разделяет и Джон Хорнби, который знает своего племянника с младенчества. Рубен Хорнби, благородный джентльмен, попал в беду, в паутину страшных обстоятельств, и по роковой случайности его обвиняют в воровстве. Разве мог человек с таким чистым сердцем обокрасть – и кого? – своего родного дядю, который стал ему вторым отцом, своего наперсника и благодетеля, радевшего о его будущем, человека, видевшего в Рубене своего преемника, гостеприимно распахнувшего перед племянником двери своего дома, во всем помогавшего ему и наставлявшего на путь истинный? Подумайте, господа, неужели такое мыслимо? Подобное трудно вообразить – напротив, Рубен Хорнби был искренне благодарен своему дяде и, не покладая сил, старался добросовестным трудом оправдать его доверие, встать на ноги и занять в обществе достойное положение. На каком же основании этого уважаемого джентльмена обвиняют в низком, подлом, отвратительном преступлении? Лишь на том, что мистер Гальтон, чьих заслуг перед криминалистикой мы ничуть не умаляем, пришел к выводу, который полиция сделала своим знаменем: «Отпечаток пальца есть свидетельство, не нуждающееся в доказательствах». Нет, уважаемый суд, данный постулат небесспорен, а полиция ухватилась за него лишь потому, что для нее это – волшебная палочка, облегчающая процесс расследования. В действительности такое утверждение, джентльмены, часто вводит в заблуждение, а на практике оно

настолько далеко от истины, что порой прямо противоречит фактам. Отпечаток пальца без других улик не имеет ни малейшей цены. Из всех видов фальсификаций подделка пальцевого оттиска – самая простая и хитрая уловка, как вы сегодня убедились прямо здесь, в этом зале. Неужели вы признаете виновным Рубена Хорнби, чей отпечаток сфальсифицировал изобретательный мошенник? Нам всем продемонстрировали, господа, что оттиски пальцев Рубена Хорнби ненастоящие. Даже эксперты Скотланд-Ярда согласились с этим. Вспомните, как орудуют аферисты-фальшивомонетчики, изготавливая банкноты, на которых не только рисунок, но и бумага с водяными знаками подделывается с таким совершенством, что ее с трудом отличишь от настоящей. Вспомните о фальшивых чеках, в которых даже перфорация имитируется так, что фальсификат незаметен. Перед нами аналогичный пример, джентльмены. Рубен Хорнби – несчастный юноша, жертва умного злодея, аса своего низкого ремесла, но мы с вами обязаны отличить подлинник от фальшивки. Я веду к тому, что современные достижения науки нередко используются подлыми людьми в их преступных целях. Наш случай убедительно это иллюстрирует. Имитировать отпечаток пальца, как выяснилось, способен любой фотограф, да так искусно, что крупные специалисты не могут отличить фальшивку от оригинала. Но при чем тут Рубен Хорнби? Разве он виноват в том, что его отпечаток подделали? никоим образом. Повторяю: он – человек чести и джентльмен, и мы не должны допустить, чтобы достойного представителя общества обвинили в преступлении самого низкого и отвратительного сорта.

Вкратце напомню особо важные факты, которые вскрылись на этом процессе. Сторона обвинения основывает свою доказательную базу на том, что отпечаток пальца, найденный в сейфе, оставлен Рубеном Хорнби. Если же это не так, против молодого человека нет не только улик, но и подозрений. Но был ли данный отпечаток сделан подсудимым? У вас есть убедительные свидетельства того, что это противоречит истине. Отпечаток из сейфа отличается по размеру от подлинного оттиска пальца Рубена Хорнби. Пусть разница невелика, но и она подмывает полицейскую теорию идентичности. В том-то и дело, господа, что два отпечатка не тождественны друг другу.

Но если это не отпечаток подсудимого, то чей? Сходство с подлинником слишком значительное, чтобы это был отпечаток другого человека, потому что на оттиске воспроизведен не только рисунок бороздок большого пальца Рубена Хорнби, но и шрам от старой раны. Ответ на данный вопрос очевиден: злоумышленник намеренно имитировал

отпечаток пальца обвиняемого с целью бросить на невинного юношу подозрения и таким путем обеспечить себе полную безнаказанность. Существуют ли факты, подтверждающие эту теорию? О да, сразу несколько разумных доводов говорят в ее пользу.

Во-первых, красный отпечаток большого пальца не совпадает с подлинником по размерам. На листе из записной книжки присутствует не оттиск подсудимого, а подделка. Во-вторых, отпечаток выполнен с помощью определенных приспособлений и веществ, и одно из них, а именно дефибрированную кровь, обнаружили в сейфе. В-третьих, отпечаток именно такой, какой требовался фальсификатору. У обвиняемого десять пальцев, но сняли у него тот отпечаток, который затем и подделали. Обратите внимание, что прочие отпечатки в разбирательстве не фигурируют, поскольку их нельзя было подделать, – у преступника не имелось соответствующего материала; зато красный оттиск совпадает с тем, сфальсифицировать который злодей сумел с помощью пальцеграфа. В-четвертых, красный отпечаток воспроизводит случайную особенность оттиска из пальцеграфа. Именно этой книжечкой воспользовался мошенник, имитируя отпечаток Рубена Хорнби, ибо другого оригинала не существует. Отсюда следует, что красный отпечаток пальца создан на основе оттиска из пальцеграфа. Пятно в форме буквы «S» в пальцеграфе – результат состояния бумаги, и его появление в красном отпечатке доказывает, что это – копия другого, *исходного*, пятна, а значит, наш вывод верен. Таким образом, красный отпечаток пальца, найденный в сейфе, есть фотомеханическое воспроизведение оттиска из пальцеграфа.

Но имеется еще один важный пункт, господа. Если красный отпечаток пальца – фальшивка, сыгравшая драматическую роль в судьбе Рубена Хорнби, – стал возможен благодаря пальцеграфу, значит, к нему имел доступ настоящий преступник. Вы слышали показания миссис Хорнби о загадочном исчезновении красной книжечки из комода и еще более странном ее возвращении. Этот инцидент не оставляет сомнений в том, что некий субъект, входящий в дом Хорнби, украл пальцеграф и через какое-то время тайком вернул его на место.

Теория подделки, джентльмены, получает подтверждение по всем пунктам и согласуется со всеми известными фактами, в то время как версия о том, что красный отпечаток пальца – подлинный, не основана ни на чем конкретном и не имеет ни единого доказательства. Я со всей ответственностью заявляю, что невинность подсудимого очевидна и прошу суд вынести оправдательный приговор. Рубен Хорнби – не преступник, а честный человек. Его место – не в тюрьме, а среди нас.

Благодарю за внимание.

Когда Энсти сел, на галерее захлопали, но судья сделал неодобрительный жест: шум мгновенно прекратился, зал погрузился в молчание, и лишь часы с циничным безразличием продолжали монотонно отстукивать уходящие мгновения.

– Он спасен, доктор Джервис! Боже! Он спасен! – воскликнула Джульет, стискивая руки. – Он невиновен. Теперь это все знают. Судья и присяжные должны это учесть, не правда ли? Как же иначе?

– Потерпите немного, – мягко ответил я. – Скоро все неприятности останутся позади.

Сэр Гектор Трамплер уже встал и, устремив на присяжных суровый гипнотизирующий взгляд, начал речь с поистине восхитительной самоуверенностью:

– Милорд, господа присяжные! Как я уже говорил, дело, которое сейчас разбирается в суде, таково, что человеческая натура предстает в нем в самом неблагоприятном виде. Мне нет нужды развивать эту мысль, ибо проступок подсудимого, я надеюсь, произвел на вас достаточно сильное впечатление. Моя задача в том, чтобы выпутать подлинные факты из паутины казуистики, которую сплели вокруг них представители защиты.

Факты эти просты и очевидны. Вскрыт сейф, откуда похищена собственность огромной ценности. Вор воспользовался дубликатами ключей. Но лишь двое, а именно племянники мистера Хорнби, время от времени имели доступ к ключам и могли снять с них копии. Открыв сейф на другое утро, владелец заметил исчезновение алмазов и отпечаток большого пальца, которого не было, когда сейф запирали. Человек, чей отпечаток нашли, левша; след оставлен большим пальцем левой руки. В чем же вопрос, джентльмены? Ситуация столь очевидна, что не нуждается в объяснении. Единственно возможный вывод напрашивается сам собой: тот, чей отпечаток обнаружен в сейфе, и украл драгоценности. Оттиск пальца, по всеобщему признанию и согласно авторитетной экспертизе Скотланд-Ярда, принадлежит подсудимому Рубену Хорнби, и именно он, господа, совершил это преступление.

Да, мы увидели здесь фантастические попытки доказать, что черное – это белое, прозвучали псевдонаучные теории, нам продемонстрировали фокусы, более уместные, правда, не в зале суда, а в заведениях, где отдыхает и развлекается почтенная публика. Ну что ж, эти трюки, без сомнения, на какое-то время отвлекли зрителей от мрачной действительности и позволили немного расслабиться. Однако суд, господа, – это не цирк, а орган, призванный добиваться и стоять на страже

высшей справедливости. Так давайте не позволим фокусам, даже если они мастерски разыграны, извратить ясные факты. Вскрыт сейф и украдены бриллианты – странно было бы трактовать это как розыгрыш, устроенный каким-то веселым воришкой, который взял да и подделал отпечатки пальцев. Подумайте, джентльмены, прежде чем объявить вердикт: вы – защитники благосостояния и безопасности ваших сограждан, а не зрители, пришедшие поглазеть на иллюзионистов. Если мы все поддадимся на такие трюки, завтра совершатся новые кражи, ибо преступники будут уповать на ловких адвокатов, которые с помощью штемпелей и всяких новомодных штук оправдают их. Воры почувствуют себя в полной безопасности, а им только того и надо. Прислушайтесь к голосу своей совести и вынесите приговор в соответствии со здравым смыслом. Подсудимый Рубен Хорнби виновен в похищении алмазов и заслуживает самого сурового наказания.

Сэр Гектор сделал знак, что закончил речь, и присяжные, слушавшие его с огромным вниманием, растерянно посмотрели на судью, словно спрашивая его: «Кому же из двоих верить?»

Судья с полным самообладанием перелистал свои бумаги, как будто сравнивал показания, и вставил кое-какие заметки. Затем он обратился к присяжным в манере одновременно убедительной и доверительной:

– Нет необходимости, джентльмены, надолго занимать ваше время. Вы слышали все показания, прозвучавшие по большей части с замечательной ясностью. И со стороны обвинения, и со стороны защиты выступили ученые эксперты, и мне нет нужды повторять те выводы, к которым они пришли, как нет и оснований сомневаться в их компетентности. Ограничусь несколькими комментариями, которые, надеюсь, помогут вам в вынесении вердикта.

Такие определения, как «псевдонаучные теории», «фокусы», «трюки», прозвучавшие со стороны обвинения, не должны смущать вас и вводить в заблуждение. Эксперты по дактилоскопии из Скотланд-Ярда опираются на классическую теоретическую базу, но и показания доктора Роуи и доктора Торндайка отнюдь не беспочвенны. Выводы, сделанные стороной защиты, взвешены, аргументированы и опираются на факты.

Как справедливо заметили представители защиты, все дело сводится к одному главному вопросу: оставлен ли отпечаток большого пальца, найденный в сейфе мистера Хорнби, подсудимым или нет? Если да, значит, Рубен Хорнби по меньшей мере присутствовал при незаконном вскрытии сейфа; если нет – мы не можем считать этого человека причастным к преступлению. Это вопрос факта, относительно которого вы обязаны принять решение. Напоминаю вам, господа присяжные, что вы – главные

судьи и должны рассматривать любые мои замечания только как рекомендации, которые вы вправе отвергнуть, если сочтете нужным.

Давайте еще раз вникнем в суть дела. Итак, отпечаток пальца оставлен Рубеном Хорнби или нет? Что свидетельствует в пользу того и другого? Что служит опровержением? вспомните про рисунок бороздок. Он идентичен с узором большого пальца обвиняемого и даже сохраняет след шрама, специфическим образом пересекающего линии. Если красный отпечаток пальца, найденный в сейфе, подлинный, то он оставлен Рубеном Хорнби, – по-другому и быть не может. Но существует иная точка зрения, аргументированная стороной защиты: отпечаток пальца – поддельный, это механическое воспроизведение оригинального отпечатка из пальцеграфа. Так настоящий это отпечаток или сфальсифицированный мошенником? От того, как вы ответите на данный вопрос, будет зависеть судьба подсудимого. У вас нет права на ошибку.

Воскресите в памяти основные показания. Какие из них подтверждают подлинность отпечатка? Вдумайтесь: идентичность рисунка не свидетельствует об этом, ибо фальшивка также демонстрирует тождественность бороздок. Подлинность отпечатка – это главный постулат стороны обвинения, но достаточно ли он доказан? Проанализируйте ситуацию и сделайте вывод.

Какие показания свидетельствуют о том, что красный отпечаток – подделка? Вы слышали данные о несовпадении размера, об использовании специальных приспособлений и веществ и прочее. Учтите, что взломщики сейфов обычно не обеспечивают себя раскатными плитами и валиками, чтобы с их помощью оставить отчетливые следы собственных пальцев. вспомните и про случайный след в виде буквы «S», который существует лишь на единственном оригинале, но почему-то оказался на красном отпечатке. Не забудьте про странное исчезновение и не менее удивительное возвращение пальцеграфа. К этим показаниям нужно добавить результаты экспериментов, представленные доктором Торндайком, показавшим нам прямо здесь, в зале, как ловко и искусно можно подделать отпечаток пальца.

Если после вдумчивого взвешивания всех фактов вы решите, что красный отпечаток большого пальца оставлен обвиняемым, ваш долг – признать Рубена Хорнби виновным, а если вы придете к выводу, что отпечаток – подделка, значит, подсудимый невиновен. Даю вам время на обсуждение, а пока объявляю перерыв.

На полминуты воцарилась тишина, после чего встал старшина присяжных.

– Мы вынесли вердикт, милорд, – произнес он.

Рубену Хорнби велели подняться и подойти к барьеру, отделявшему скамью подсудимых от остальной части зала. Клерк в сером парике обратился к присяжным.

– Вы все единокорны в вашем заключении, джентльмены? – спросил он.

– Да, – кивнул старшина.

– Огласите вердикт. Виновен обвиняемый или невиновен?

– Невиновен, – заявил старшина, возвышая голос и бросая взгляд на Рубена.

Буря аплодисментов грянула на галерее, и в этот раз судья не остановил ее. Миссис Хорнби вдруг засмеялась визгливым, неестественным смехом, после чего, словно спохватившись, зажала себе рот платком и сидела так, глядя на Рубена; по ее щекам катились крупные слезы. Джульет уронила голову на руки и беззвучно зарыдала.

Судья поднял руку и, когда возбуждение улеглось, обратился к обвиняемому, который все еще стоял перед барьером; вид у юноши был спокойный, только щеки порозовели.

– Рубен Хорнби, должным образом взвесив все факты, присяжные сочли вас невиновным в преступлении. Я всем сердцем согласен с этим вердиктом. От всей души поздравляю вас. Вы полностью оправданы и покидаете этот зал с чистой душой и незапятнанной репутацией. Симпатии суда изначально были на вашей стороне, ибо ваше мужество и выдержка заслуживают уважения. Я, в свою очередь, искренне радуюсь вашей удаче, поскольку, не будь у вас таких талантливых защитников, результат мог быть совсем другим. Думаю, что выражу всеобщее мнение: своей свободой вы обязаны доктору Торндайку, выстроившему блистательную линию защиты. Благодаря его знаниям, опыту, проницательности и изобретательности была предотвращена серьезная ошибка правосудия. Все свободны, господа, до свидания.

Судья поднялся с места, за ним – все присутствующие. На лестнице со зрительской галереи раздался громкий топот ног; лягнув замок – дверь на скамью подсудимых отпер приветливо улыбающийся полицейский. Рубен Хорнби вышел и спустился в зал суда.

Глава 17

Печали и радости

– Лучше бы подождать, пока разойдется публика, – сказал Торндайк, когда поздравления закончились и мы остались с Рубеном в опустевшем зале. – А то, как только мы выйдем, нас может ожидать бурная демонстрация чувств.

– Что угодно, только не это, во всяком случае, не теперь, – устало произнес Рубен, пожимая руки миссис Хорнби, по-прежнему плакавшей, и своему дяде, который тоже время от времени вытирал слезы, хотя его лицо светилось от гордости и удовольствия.

– Приглашаю всех к себе домой на ланч, – улыбнулся Торндайк.

– Очень рад, – ответил Рубен. – Хорошо, если в программу войдут и водные процедуры.

– Вы придете, Энсти?

– А какие подадут блюда? – лукаво подмигнул барристер, уже снявший парик и мантию и из серьезного адвоката превратившийся в обычного забавного весельчака.

– Ах, чревоугодник! – засмеялся Торндайк. – Приходите и увидите.

– Увидите? Вот те раз! Приходите и съешьте – так гораздо лучше, – отшутился Энсти. – Но сейчас мне надо бежать, чтобы успеть заскочить к себе на квартиру и завершить кое-какие дела.

– Как отправимся? – спросил Торндайк, когда барристер исчез в дверях. – Полтон приехал в кэбе, но мы все там не поместимся.

– Мы вчетвером сядем в кэб, а доктор Джервис проводит Джульет, – предложил Рубен. – Вы не возражаете, мистер Джервис?

Я вздрогнул от неожиданности, вяло пробормотав:

– Если мисс Гибсон позволит мне сопровождать ее, я буду счастлив.

Джульет, видимо, не разделяя моей радости, залилась краской смущения, но не возразила, хотя отреагировала довольно холодно:

– Что ж, конечно, давайте пройдемся пешком. Не сидеть же на крыше кэба?

Толпа к тому времени почти разошлась, и мы спокойно спустились по лестнице. Кэб ждал у тротуара, окруженный кучкой зрителей, которые восторженно приветствовали Рубена, едва он появился в дверях. Мы с Джульет проводили своих друзей, помахали им рукой и быстро зашагали вниз по Олд-Бейли в сторону Ладгейт-хилла.

– Возьмем хэнсомский кэб, мисс Гибсон?

– Нет, лучше прогуляемся. Немного свежего воздуха пойдет нам на пользу после затхлого, душного зала. Все это напоминает мне сон, но какое облегчение! Господи, неужели кошмар закончился?

– Воспринимайте это, как страшный сон. Вы пробудились и поняли, что на самом деле ярко светит солнце.

– Вы правы, – согласилась она, – но я пока не могу совладать с волнением, да что там скрывать – я потрясена.

Мы повернули вниз по Нью-Бридж-стрит в сторону набережной и шли рядом, но совершенно как чужие люди: ничто не напоминало о наших прежних отношениях, так сильно изменившихся после размолвки.

– Доктор Джервис, – критически оглядела меня она, – я думала, вы будете радоваться, гордиться, даже ликовать, а на вас лица нет. В чем причина? Вас что-то смущает? Ведь благодаря доктору Торндайку, мистеру Энсти и вам мы одержали убедительную победу!

– Я и вправду доволен, мисс Гибсон. Но чем мне гордиться? Мой старший коллега поручал мне кое-какую вспомогательную работу, да и ту я выполнял нерадиво.

– Вы умаляете свои достижения. Вы старались, даже я могу это подтвердить, – возразила Джульет, озадаченно посмотрев на меня. – У вас нынче плохое настроение, так?

– Да, и мне стыдно за свой эгоизм. У нас сегодня действительно праздник, нужно веселиться, а я зациклен на своих мелких неприятностях, – угрюмо произнес я. – Буду с вами откровенен. Дело Рубена завершено, а значит, мои обязательства перед доктором Торндайком исчерпаны. Мне придется возвратиться к прежней жизни, где мало хорошего. Тоскливая, нудная практика в больнице – не очень вдохновляющая перспектива. С Торндайком я ожил, открыл для себя новые горизонты, но теперь все заканчивается. Это расследование стало оазисом в пустыне моей бесцветной, однообразной жизни. Я наслаждался общением с замечательным человеком, которого уважаю больше всех людей на свете, и участвовал вместе с ним в событиях ярких и интересных. Я также приобрел нового друга и не хочу, чтобы он исчез из моей жизни, как он, моему, собирается поступить.

– Это вы про меня? – усмехнулась Джульет. – Тогда заявляю прямо: если я исчезну из вашей жизни, то лишь по вашей вине. Я никогда не забуду все, что вы сделали для нас: вашу преданность Рубену, ваш энтузиазм в расследовании, не говоря уже о вашей безграничной доброте ко мне. Что касается вашей нерадивости, вы лукавите и возводите на себя

напраслину. Я внимательно слушала показания, благодаря которым Рубена оправдали, и отметила, как тщательно вы проработали детали, придавшие делу завершенность и убедительность. Примите от меня лично, от тети, дяди и, конечно, от Рубена глубочайшую благодарность. Кроме того, вам передает нижайший поклон одна симпатичная особа...

– Какая? – спросил я без всякого интереса.

– Теперь это уже не секрет, – улыбнулась Джульет. – Нареченная невеста Рубена. Да-да, он собирается жениться.

– А, я так и думал, – пролепетал я упавшим голосом.

– Что с вами, доктор Джервис?! – звонко воскликнула она. – Приободритесь! У Рубена есть невеста, что тут плохого?

Мы проходили через ворота, ведущие с набережной на Миддл-Темплен, и я замер под аркой, удерживая руку Джульет и воззрившись на нее с неммым удивлением.

– Невеста... Рубен собирается жениться... – тупо повторял я. – Он будет жениться... разве не на вас?

– Боже мой, вы переутомились, доктор Джервис, вам надо отдохнуть. Право, вы так устали, что не слышите меня: Рубен женится на своей невесте, – нетерпеливо произнесла она.

– Со мной все в порядке, я помню ваши слова, но мне что-то... Я чего-то не понимаю, – пробормотал я. – Я думал, что, поскольку между нами не все обстоит гладко, значит, вы с Рубеном...

– Ой, какая чушь! Вы решили, что я, любя мужчину, которого посадили в тюрьму, отеклась от наших с ним отношений и замаскировала их под дружбу? – слегка возмутилась она. – Ну, доктор Джервис, я полагала, что вы лучшего мнения обо мне!

– Нет, Джульет, – поспешил я оправдаться. – Совсем не это. Я был дураком и нафантазировал себе черт знает что. Простите меня. Клянусь Юпитером, как говорит Торндайк, я – полный идиот. Извините, пожалуйста, хотя бы ради моего друга.

– Да, это глупо с вашей стороны, – посетовала она, но с такой мягкостью, которая снимала всю горечь упрека. – Впрочем, мне понятна природа вашего заблуждения. Некоторые события я держала в секрете. Рубен обручился с невестой накануне своего ареста. Когда ему предъявили обвинение, он настоял, чтобы ни одна живая душа не знала о помолвке, пока он не добьется справедливости и его полностью не оправдают. Вы же понимаете, он ни в чем не виноват, и у него даже в мыслях не было, что его осудят. Я стала единственным другом, которому жених и невеста доверили свою тайну, и поклялась хранить ее. Но я не собиралась посвящать вас в

такие детали, я ведь не предполагала, что вас волнует эта тема.

– Да, она меня волновала, и я терзался. Я был сущим болваном. Что же поделывать? Этого уже не исправить.

– Хорошо, – кивнула она. – Допустим, я рассказала бы вам, что у Рубена есть любимая девушка. Что изменилось бы от этого в вашей жизни?

Этот вопрос она задала, не глядя на меня, но я заметил, что щеки ее побледнели.

– Прежде всего, то, – ответил я, – что я избавился бы от многих дней и ночей ненужных самообвинений и неоправданных переживаний.

– Боже! – изумилась она, по-прежнему отворачивая лицо. – Что заставляло вас так терзаться?

– Важная причина, поверьте и попробуйте войти в мое положение. Я – доверенное лицо незаслуженно оклеветанного человека – обязан проявлять великодушие, даже рыцарство по отношению к нему, защищать и утешать его девушку, то есть вас, Джульет, ибо я считал вас невестой Рубена Хорнби. Ничего, если я признаюсь, что, прежде чем истекли сутки с нашего знакомства, я уже полюбил вас? Как вам такая дилемма? Не правда ли, мне было в чем себя упрекать?

Она долго молчала в задумчивости.

– Конечно, – продолжал я, – это только моя забота, и я старался не выдавать своих чувств, чтобы никого не потревожить и не обидеть. Но в том-то и беда для мужчины, который думает о женщине утром, днем и ночью, чье сердце подпрыгивает от звука ее шагов, чье существование лишено смысла, когда ее нет рядом. Он пытается заполнить эту пустоту, снова и снова вспоминая любимую: ее слова, интонации, взгляды. И при этом он не должен, не имеет права позволить ей заметить, что обожает ее, поскольку, если он это сделает, то нарушит долг рыцаря и нормы обыкновенной порядочности.

– Я вас поняла, – мягко сказала Джульет и взбежала по ступенькам, ведущим к Фонтин-корт, а я с радостью последовал за ней.

Конечно, нам было вовсе не туда, но на площади царила манящая прохлада, а платаны отбрасывали на покрытый гравием двор приятную тень. Мы медленно двинулись к фонтану, и я, посмотрев на девушку, заметил, что щеки ее порозовели, а взор потупился, но, когда она на мгновение взглянула на меня, ее глаза сияли, хотя на них блестели слезы.

– Вы не догадывались? – спросил я ее.

– Догадывалась... – прошептала она. – Но потом подумала, что ошибаюсь.

Некоторое время мы шли в безмолвии, пока не достигли дальней

стороны фонтана, где остановились, слушая спокойный шум воды и любуясь воробьями, принимавшими ванну на краю резервуара. Невдалеке другая группа воробьев жадно суежилась вокруг кусочков хлеба, повсюду разбросанных жителями Темпла, а рядом собрались сентиментальные голуби, не обращающие внимания на крошки и своих прожорливых соседей, раздувавшие грудки, важно расхаживавшие и приседавшие перед своими спутницами, аккомпанируя себе любовным курлыканьем.

Джульет оперлась об один из столбиков, которые поддерживали цепь в ограждении фонтана, и я положил свою ладонь на ее руку. Так мы и стояли, когда пожилой джентльмен, по виду юрист, поднялся по ступенькам, посмотрел на голубей, потом на нас и пошел своей дорогой, улыбаясь и покачивая головой.

– Джульет...

– Да? – подняла она на меня сияющие глаза.

– Почему этот старый господин улыбнулся, увидев нас?

– Понятия не имею, – с лукавой сердитостью сдвинула она брови.

– По-моему, он одобрил наше поведение, – сказал я Джульет. – Наверняка он вспомнил свою молодость и мысленно благословил нас.

– Может, и так. Милый старичок, – ласково посмотрела она на удаляющуюся фигуру, вновь повернулась ко мне, и на щеках ее заиграли прелестные ямочки.

– Вы простили меня, дорогая, за мою глупость?

– Пожалуй, еще нет, – шутливо нахмурилась она. – Глупость была прямо-таки несусветной.

– Но вспомните, Джульет, что я любил вас всем сердцем, как люблю теперь и буду любить всегда.

– Я готова простить вам все за такие слова.

В отдалении раздался сдержанный бой часов Темпла. Мы нехотя отвернулись от фонтана, окропившего нас прощальным благословением, и направились обратно к Миддл-Темпл-лейн.

– А вы, Джульет, любите меня? – прошептал я, когда мы приблизились к аркаде. – Вы не сказали...

– Разве, дорогой? – удивилась она. – Но вы и так все знаете. Вы знаете, что да.

– Господи, какое счастье! – возликовал я. – Это все, чего желает мое сердце.

Она нежно пожала мою руку, затем отпустила ее, и мы ступили под аркаду.

notes

1

Источник и начало зла. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Бог из машины (*лат.*), то есть неожиданная развязка сложной ситуации с помощью внешнего фактора.

3

Badger означает барсук (*англ.*).

4

Афинский политик, законодатель и поэт, один из семи мудрецов Древней Греции наряду с Фалесом Милетским и другими.

Герой произведений Эрла Стэнли Гарднера, благородный авантюрист и профессиональный искатель удачи.

6

Ассирийский и вавилонский бог солнца, которому приносили в жертву быков.

7

Вот доказательство (*лат.*).

Старейший зал судебных заседаний в Олд-Бейли.

Подобное излечивается подобным (*лат.*).